

ISSN 0321-0391

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

3

« НАУКА »

2001

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ
ЦЕНТР СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

JOURNAL OF ANCIENT HISTORY

3 (238)

Июль – Август – Сентябрь

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ОСНОВАН в 1937 г.

Редакционный совет

академик РАН *М.Л. Гаспаров* (председатель),
д. филол. н. *В.И. Абаев*, член-корр. АН Азербайджана *И.Г. Алиев*,
д.и.н. *В.К. Афанасьева*, д. филол. н. *А.К. Гаврилов*,
акад. РАН *Т.В. Гамкрелидзе*, д.и.н. *А.А. Губаев*,
акад. АН Грузии *Г.Г. Гиоргадзе*, акад. РАН *В.В. Иванов*,
д.и.н. *Ю.К. Колосовская*, д.и.н. *В.И. Кузицин* (зам. председателя),
член-корр. АН Украины *С.Д. Крыжицкий*,
д. филол. н. *В.А. Лившиц*, акад. АН Таджикистана *Б.А. Литвинский*,
д.и.н. *И.Л. Маяк*, акад. АН Грузии *Г.А. Меликишвили*, д.и.н. *Н.Я. Мерперт*,
акад. РАН *В.И. Молодин*, член-корр. РАН *Р.М. Мунчаев*,
член-корр. РАН *М.Б. Пиотровский*,
акад. АН Узбекистана *Г.А. Пугаченкова*, д. филол. н. *А.А. Россиус*,
д.и.н. *И.С. Свенцицкая*, к.и.н. *В.М. Смирин*, д.и.н. *И.С. Чичуров*

Редакционная коллегия

Г.М. Бонгард-Левин (главный редактор)

Е.В. Антонова, *А.Н. Бадер*, *Л.С. Баюн*, *А.А. Вигасин*,
В.А. Головина (зам. главного редактора),
М.А. Дандамаев (зам. главного редактора), *М.М. Дандамаева*, *А.И. Иванчик*,
С.Г. Карпюк (зам. главного редактора), *И.С. Клочков*, *Г.А. Кошеленко*,
В.И. Кузицин, *Ю.Н. Литвиненко*, *Е.В. Ляпустина*, *Л.П. Маринович*, *А.Б. Никитин*,
А.И. Павловская, *А.В. Подосинов*, *Д.С. Раевский*,
С.Ю. Сапрыкин (ответственный секретарь), *А.В. Седов*, *А.Л. Смышляев*,
М.К. Трофимова, *В.И. Уколова*, *Э.Д. Фролов*, *С.В. Шкунаев*

Заведующая редакцией *И.К. Малькова*

Editorial Board

G. Bongard-Levin (Editor-in-Chief),

Ye. Antonova, *A. Bader*, *L. Bayun*, *M. Dandamayev*, *M. Dandamayeva*,
E. Frolov, *V. Golovina*, *A. Ivantchik*, *S. Karpyuk*, *I. Klochkov*, *G. Koshelenko*,
V. Kuzishchin, *Ye. Lyapustina*, *Yu. Litvinenko*, *L. Marinovich*, *A. Nikitin*, *A. Pavlovskaya*,
A. Podosinov, *D. Raevsky*, *S. Saprykin*, *A. Sedov*, *S. Shkunayev*, *A. Smyshlyayev*, *M. Trofimova*,
V. Ukolova, *A. Vigin*

Head, Editorial Office *I. Malkova*

А.А. Немировский

СОПРАВИТЕЛЬСТВО НАСЛЕДНИКОВ СУТТАРНЫ II В МИТАННИ

(К реинтерпретации некоторых писем Амарны)

Митаннийская история освещается достаточно подробными источниками лишь после установления дипломатических связей между Тушраттой Митаннийским (вторая четверть XIV в.), сыном Суттарны II¹, и Аменхотепом III (1405–1368), т.е. начиная с периода, отраженного Амарнским архивом. Ее предшествующие периоды остаются предметом более или менее обоснованных догадок. Целью настоящей работы является восстановление некоторых событий, имевших место накануне названного рубежа, т.е. в начале царствования Тушратты².

1. Сведения EA 17.

1.1. Первое письмо, отправленное Тушраттой в Египет (Аменхотепу III, EA 17³), среди прочего сообщает:

«(11–20) После того как (iṣ-tu) я взшел на престол своего отца и был (еще) юн (ṣe-eh-re-ku⁴), Утхе (UD-hi⁵) сотворил злое моей стране и убил своего господина⁶, и

¹ Хурритская фонетика достаточно специфична, чтобы условное ассириологическое чтение месопотамских написаний хурритских имен существенно искажало их облик. Хеттологи давно вышли из подобного затруднения, приблизив нормы написания анатолийских имен к их реальному звучанию, насколько оно поддается реконструкции. Аналогичным образом будем подходить к хурритским именам и мы (о хурритской фонологии см. *Хачикян Н.М.* Хурритский и урартский языки. Ереван, 1985. С. 23–45; соответствующую реконструкцию митаннийских царских имен см. в ст.: *Дьяконов И.М.* Арийцы на Ближнем Востоке: конец мифа // ВДИ. 1970. № 4. С. 48 сл.).

² Специально это время в науке не рассматривалось. Краткую характеристику периода см. *Gelb I.J.* Hurrians and Subarians. Chicago, 1944. P. 76–79; *O'Callaghan R.T.* Aram Naharaim. Roma, 1948. P. 85–86; *Mayrhofer M.* Die Indo-Arier im alten Vorderasien. Wiesbaden, 1966. S. 34–35; *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1962. S. 175–176; *Kuehne C.* Die Chronologie der internationalen Korrespondenz von El-Amarna. Neukirchen – Vluyn, 1973. S. 18–21; *Goetze A.* The Struggle for the Domination of Syria (1400–1300 B.C.) // САН³. 2/2. 1975. P. 3 ff.; *Вильгельм Г.* Древний народ хурриты. М., 1992. С. 60.

³ Ряд выражений и общий характер этого письма не оставляют сомнения в том, что оно вообще было первым письмом, отправленным Тушраттой в Египет и инициировавшим всю его дальнейшую переписку с фараонами.

⁴ Стативная форма от ṣeḥu с общим смыслом «малый», «младший», см. ниже.

⁵ Это написание может читаться по-разному: Тухи, как у Й. Кнудсона и С. Мерсера (*Knudtson J.A.* Die El-Amarna Tafeln. I–II. Lpz, 1915. S. 133; *Mercer S.A.* The Tell-El-Amarna Tablets. I. Toronto, 1939. P. 63), Пирхи, как у Г. Винклера, Пархи, как у Р.О. Каллахэна и Г.М. Аветисяна, Утхи, как у А. Гетце и Г. Вильгельма, в соответствии с обычным чтением первого знака (см. выше); как замечает В. Хельк (op. cit. S. 176), возможно еще и Лаххи. У. Моран вообще отказывается от какого бы то ни было определенного чтения, приводя стандартное условное написание через UD (*Les Lettres d'El Amarna*. P. 1987. P. 110). Сводку и разброс мнений см. *Kuehne*. Op. cit. S. 19. Anm. 84. В настоящей работе принято, вслед за Г. Вильгельмом (loc. cit.), чтение Uthi = хурр. Утхе («Принадлежащий к "уд-" состоянию/объекту»).

⁶ (11) iṣ-tu i-na^{is} kussi ša a-bi-ia ú-ši-bu (12) ù ṣe-eh-re-ku ù ^mUD-hi a-ma-ta (13) la pa-ni-ta a-na ma^{ti}-ia i-te-pu-uš-ma (14) ù be-el-šu id-du-uk. Прокомментируем детали, имеющие определенное значение при вос-

поэтому (u āš-šum)⁷ он не давал мне поддерживать дружбу с тем, кто любит меня. А (u, досл. «и») я, в особенности относительно (ar-ru-na-ma aš-šum) тех злых дел, которые делались в моей стране, не оказался небрежен (ul em-te-ki⁸), и убийц Ардассумары (Ar-ta-āš-šū-ma-ra), моего брата, вместе со всем их (людом)⁹ я убил».

Для понимания этого отрывка необходимо прежде всего пояснить точный смысл выражения še-eh-re-ku «юный» в стк. 12. Как показал К. Кюне, опиравшийся на обширную сводку материала по применению этого и сходных терминов на древнем Ближнем Востоке¹⁰, слово šeḫu может употребляться здесь в одном из двух основных значений.

становлении последовательности изложенных событий. Ištu имеет четкий аблативный смысл, так что общепринятый в литературе перевод начального ištu стк. 11 словом «когда» (als, quand, when в разноязычных зарубежных изданиях ЕА) хотя и получает в контексте всего предложения значение, адекватное оригиналу (поскольку индоевропейские союзы вида «когда» сами имеют консеквативный оттенок, связывая не только синхронные события, но и причину с ее ближайшим следствием), сам по себе не вполне точен. Далее, как показывают начальный предлог и субъюнктивная форма ú-ši-bu, первое предложение процитированного отрывка – придаточное. Третье предложение («Утхе злое творил... и убил...», с парой однородных сказуемых без субъюнктивных окончаний) – главное. Промежуточное «я был юн» грамматически можно трактовать и как однородное первому (придаточному), и как однородное третьему (главному), поскольку форма še-eh-re-ku не различает субъюнктива от индикатива (впрочем, на перевод это практически не влияет). При этом на стыке каждой пары предложений (как и между однородными сказуемыми третьего) стоит по соединительному союзу и «и». (В русском переводе тот из них, что приходится на стык главного предложения с придаточным, передать невозможно, поскольку русский союз «и» несовместим с подчинительной связью, в отличие от аккадского u, способного ее дополнять, прибавляя параллельный сочинительно-консеквативный оттенок). Этот непрерывный ряд u (продолжающийся и далее, за пределы рассматриваемого отрывка) задает строгую синтаксическую последовательность всех наших предложений, которую в данном контексте естественнее всего интерпретировать как выражение последовательности логически-временной.

Наконец, наличие союза и «и» между «сделал/творил злое дело, a-ma-ta la pa-ni-ta... i-te-ru-uš» и последующим «убил своего господина, be-el-šù id-du-uk» означает, что эти два словосочетания не эквивалентны по значению. Тогда второе из них может иметь только частное («и в том числе») или завершающее («и наконец») значение по отношению к первому. В обоих случаях пресловутое «злое дело» будет означать не какое-то определенное действие, а некую совокупность злодеяний, рассматриваемую как целое (ср. также ниже, прим. 7). Таким образом, Й. Кнудзон, переводящий a-ma-ta la pa-ni-ta как «злое, зло» вообще, передает подлинник точнее всего. Грамматическая форма управляющего этим «злом» глагола i-te-ru-uš (претерит I₂ или выписанный с обычной передачей одного -r- вместо двух презенс I₂, или выписанный аналогичным образом претерит I₃, или, наконец, полностью выписанный претерит I₂, употребленный в значении презенса: эти два «времени» от глагола eṣṣu в ЕА часто взаимозаменяются, см. Knudtson. Op. cit. II. S. 1402 f.) этому никак не противоречит: одним из значений производной породы 2 является идеально подходящее в данном случае «постоянно делать» (значение хабитативного типа, см. Языки Азии и Африки. IV/1. М., 1991. С. 92, ср. Von Soden W. Grundriss der akkadischen Grammatik. Roma, 1952. S. 121), для производной породы 3 итеративно-хабитативное значение вообще является основным, а презенс как таковой и сам может применяться для передачи дуративно-итеративного действия в прошлом. Таким образом, во всех мыслимых случаях мы сохраняем право переводить i-te-ru-uš как «сотворял».

⁷ Это слово не может относиться к убийству «господина», поскольку конструкция «он убил своего господина и поэтому не давал мне и т.д.» выглядит довольно нелепо. Остается считать, что «поэтому» относится к «злу / злomu (делу)», названному в стк. 13, причем объем этого понятия должен превышать убийство «господина» (последнее, как только что говорилось, мотивировать наше «поэтому» неспособно). Вновь получается, что Утхе творил какое-то «зло» вообще, сверх указанного убийства.

⁸ Досл. «не пренебрег». Глагол takû употребляется в ЕА как глагол косвенного подчинения с общим значением «забыть, упустить из внимания, пренебречь, не отнестись / поступить должным образом». Ср.: «Смотри, 10 женщин, (которых я) mikitu (упустил из виду), я (теперь) доставил», ЕА 64: 20–23; «Не imiki (не будь небрежен), царь, господин мой, относительно (ištu) твоей страны», ЕА 192: 15–17; «Воистину la temike kime (не пренебрегай тем, что) для подданных верность моему господину – воистину желание их», ЕА 51: Rev. 11.

⁹ qa-du mi-im-mu-šu-nu, досл. «со всем их», что, учитывая уничтожение, а не присвоение этого «всего», надо, разумеется, понимать как «люди» (сторонники, может быть, зависимые люди), а не как «имущество» (см. Les Lettres... P. 111. Not. 3). Ср.: в выражении mimma šum-šu слово mimma может получать как раз значение «все (люди)».

¹⁰ Kuehne. Op. cit. S. 18. Anm. 80. Ср. аналогично: Les Lettres ... P. 111. Not. 1.

В первом из них – «маленький, малолетний, несовершеннолетний» – оно подразумевает детский возраст и соответственно служит юридическим термином, обозначающим «несовершеннолетнее/недееспособное лицо», т.е. лицо, неспособное по малолетству лично вступать в права наследования и/или заключать брак¹¹. Во втором, более широком смысле – «молодой (и неопытный), юный» – слово *ṣeḥru*, как и аналогичные термины, может применяться даже к лицам, имеющим собственных детей. Именно в этом значении эпитеты "малый, маленький" часто применяются к царям и царевичам¹². С нашей точки зрения, особого удивления это не вызывает. Дело в том, что древний Ближний Восток не знает регентства как формально-правового установления. Иными словами, для вступления царя в право наследования престола, в отличие от наследования частных лиц, никаких возрастных ограничений не существовало. Применять термин «малолетний» к царевичам или царям в чисто юридическом смысле («неправомочный занимать пост») было тем самым невозможно в принципе, и в ребенке-царе на первый план выходила не формальная недееспособность, а фактическая неопытность. Но в этом отношении ребенок мало чем отличался от ненамного более зрелого царя-юноши или даже молодого человека, не накопившего достаточно опыта для своего исключительно ответственного поста. Термин, передающий подобное состояние, должен был бы одинаково употребляться по отношению к детям и людям более старшего возраста. Образ царя-ребенка в этом случае семантически растворяется в образе «слишком молодого» царя вообще и не получает необходимости в специальном терминологическом выделении. А поскольку в реальной истории с молодыми царями можно столкнуться куда чаще, чем с царями-детьми, то и в наших источниках термин с общим значением «малый», сам по себе применяющийся и к тем, и к другим, реально будет, как правило, обозначать именно первых. Так и есть во всех примерах, приведенных К. Кюне¹³.

Итак, по словоупотреблению ЕА 17 мы можем судить лишь о том, что Тушратта при воцарении мог считаться слишком молодым и неопытным для своей должности, но не о его действительном возрасте. Учитывая исключительные требования, которые царская власть предъявляла к своему носителю, слишком «молодым» для нее человека можно было бы, очевидно, считать и в 20 лет. А поскольку Тушратта был кровно заинтересован в упоминании и подчеркивании своей «юности» в ЕА 17 (см. ниже, п. 1.3), вероятность того, что под его *ṣeḥreku* скрывается вполне недееспособный возраст, резко увеличивается¹⁴.

Теперь мы можем перейти к статусу Ардассумары, брата Тушратты. Заметим, что рассмотренный отрывок из ЕА 17 является единственным (кроме одного документа из Телль-Брака, см. ниже) достоверным упоминанием о нем¹⁵. На основании этого

¹¹ Возрастной границей такого несовершеннолетия в Вавилонии было достижение полного 10-летия, у древних евреев – достижение полного 13-летия, а в хурритской Арпахе – появление бороды, т.е., очевидно, примерно 15-летний возраст.

¹² Причем во всех многочисленных примерах такого рода, приведенных К. Кюне, речь идет заведомо не о малолетках. Так, например, источникам несколько не мешает назвать Ашшурбанипала «малым» (*ṣeḥru*), а Соломона – «малышом» наличие у этих правителей на соответствующий момент собственных детей, не говоря уже, разумеется, о полной юридической и властной дееспособности (*Kuehne. Op. cit.*).

¹³ Разумеется, термин *ṣeḥru* мог и применительно к царям означать настоящее малолетие; так, в КВо I 10: 17, 34 тот же статив от *ṣeḥru* применяется для характеристики вавилонского царя Кадашманэллила II в первые годы его правления, когда тот именно был фактически недееспособен по малолетству (что, разумеется, не мешало ему занимать престол и формально быть полновластным царем; вместо регента при нем действовал обычный вельможа-временщик Иттимардукбалату).

¹⁴ Ср. *Kuehne. Op. cit. S. 18. Anm. 80.*

¹⁵ В литературе иногда поднимают вопрос о тождестве этого Ардассумары с одноименным «Ардас(с)умарой», упомянутым в алахаском документе АТ 108: 9. Этот документ, отправленный не известным по имени «царем» некоему Утти, предписывает тому «очистить» от пошлости слов Никмепы, когда появится Агашутага (судя по этой детали, посланный указанным «царем» – автором письма). Печать на письме – митаннийского стиля, близкого стилю печати Сауссадаттара; имя царя разрушено, и от него осталось только a[?... ...]-аг. Стиль печати, остаток имени, привилегии Никмепы и, наконец, тот факт, что автор послания

отрывка в Ардассумаре видят чаще всего царя – предшественника Тушратты или, иначе, высокопоставленное лицо (возможно, даже регента) при своем (сводном?) младшем брате. Большое внимание в литературе придавалось ранее тому обстоятельству, что в тексте ЕА 17 Ардассумара нигде не называется царем¹⁶. Контекст ЕА 17 действительно позволяет, хотя и без полной уверенности, предполагать в Ардассумаре именно старшего брата Тушратты и ключевую фигуру начала его правления, так как естественно порождает образ вельможи, уничтожившего взрослого брата молодого царя, чтобы занять освободившееся место временщика при «юном» правителе (именно таким всевластным временщиком и изображается Ухте в ЕА 17: 14–16). На наш взгляд, однако, рассматриваемый текст содержит достаточно данных для более точно определения статуса старшего брата Тушратты как его царя-соправителя.

располагается человеком с индоарийским именем, которое зарегистрировано ЕА 17 для митаннийского царского дома, – все это в совокупности заставляет исследователей считать, что речь идет о письме митаннийского царя Саусадаттара алалахскому царю Никмепе (который действительно известен как вассал Саусадаттара по другим источникам). См. в целом АТ. Р. 58. № 108. Отметим, однако, что подобное письмо мог, вообще говоря, написать и позднейший митаннийский царь, используя печать Саусадаттара как «династическую» (обычай, надежно зарегистрированный для Митанни; в частности, печать Саусадаттара в самом деле использовали при оформлении своих документов Тушратта и его брат Ардассумар. Соответствующие документы найдены в Телль-Браке, см. *Finkel I. Inscriptions from Tell Braq 1984 // Iraq. 1985. 47. P. 194; Oates D. Excavations at Tell-Braq 1985–6 // Iraq. 1987. 49. P. 188*).

Что же касается возможностей отождествления Ардас(с)умары АТ 108 с Ардассумарой ЕА 17, то следует иметь в виду, что Никмепе был контрагентом Саусадаттара, а отец Никмепе Идрими еще в начале своего долгого тридцатилетнего правления был контрагентом Парраттарны, более раннего царя Митанни. Никмепе, таким образом, не просто хронологически пересекался с Саусадаттаром, но и принадлежит приблизительно к его (или даже к несколько более раннему) поколению. В таких условиях Ардассумар в ЕА 17, приходящийся Саусадаттару правнуком, никак не мог бы действовать при Никмепе (на это хронологическое препятствие впервые указал Х. Кленгель, см. *Klengel H. Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.Z. I. B., 1965. S. 243. Anm. 33*). Ардассумар в АТ 108 явится, таким образом, иным, более ранним членом митаннийской династии. Поскольку он упоминается как третье лицо в письме митаннийского царя, т.е. сам не является царем, но при этом носит экстраординарное индоарийское имя, в нем можно было бы видеть митаннийского престолонаследника (см. ниже, прим. 21, о характере индоарийских имен у членов митаннийского царского рода в первой половине – середине XIV в.). Однако, во-первых, в эпоху Никмепе (ок. 1450 г.) индоарийский компонент в составе Митанни мог быть существенно сильнее, чем столетием спустя, и индоарийские имена еще могли служить обычными личными именами членов династии, не означавшими никаких экстраординарных полномочий у своих носителей. Во-вторых, «Ардассумар» АТ 108 мог и вовсе не принадлежать к царскому роду, а ведь в отдельных хурритских родах, в том числе вне Митанни (как хорошо известно по материалам Аррапхи и Сирии – Палестины) индоарийские имена сохранялись как личные еще много времени спустя после того, как в царской семье Митанни они оказались вытеснены в этом качестве хурритской ономастикой и существовали лишь как добавочные, экстраординарно-тронные имена. Итак, Ардассумар АТ 108 для нас остается просто хурритом неясного статуса. Впрочем, если видеть в авторе письма Саусадаттара (как это было бы естественнее всего), а в Ардассумаре – его сына-престолонаследника (см. выше), т.е. брата Ардадамы I, то это отлично согласовалось бы с открытой И. Гельбом склонностью митаннийской династии называть царевича по деду (т.е. представителей каждого третьего поколения по первому, см. *Gelb. Op. cit. P. 79. Not. 239*). Общеизвестное по ряду источников наличие Ардадамы (II) и Ардассумары среди сыновей Суттарны II позволило бы в свете сказанного ожидать появления их тезок в поколении их дедов. Соответствующий Ардадама в указанном поколении обнаруживается заведомо – это митаннийский царь Ардадама I, сын Саусадаттара, – а Ардассумар из АТ 108, доверенное лицо того же Саусадаттара, легко мог бы быть соответствующим Ардассумарой. В этом случае картина распределения имен детей Суттарны II окажется весьма стройной: братья Ардассумар (ЕА 17) и Ардадама II названы по их деду Ардадаме I и его предполагаемому брату Ардассумаре (АТ 108). Если так оно и было, то предполагаемый Ардассумар I – сын Саусадаттара либо вовсе не дожил до воцарения, либо правил недолго, ибо никакие источники такого царя в XV в. в Митанни не упоминают (впрочем, для этого времени они очень неполны).

¹⁶ *Gelb. Op. cit. P. 77; Аветисян Г.М. Государство Митанни. Ереван, 1984. С. 52. По-видимому, однако, попытки придавать этому обстоятельству специальное значение не имеют достаточных оснований, см. ниже, прим. 31.*

1.2. Покажем прежде всего, что Ардассумара действительно был царем¹⁷. Как представляется, это явствует уже из самого ЕА 17. Во-первых, обратим внимание на примененный к Ардассумаре в стк. 14 термин «господин» (по отношению к Ухте), притом, что здесь, конечно же, он никак не может подразумевать рабского статуса названного вельможи¹⁸. Было бы достаточно странно, если бы древнемесопотамский царь (каким был автор ЕА 17) именовал кого бы то ни было, кроме лица царского же статуса, «господином» по отношению к одному из своих собственных подданных, да еще и сановнику¹⁹. Это соображение как будто ведет нас к признанию Ардассумары царем. Далее, важнейшим аргументом, на наш взгляд, здесь является само индоарийское имя «Ардассумара» (*Rta-smara, «Помнящий правду»²⁰), определяющее человека экстраординарного властного статуса, вернее всего, царского²¹.

¹⁷ И. Гельб (Op. cit. P. 76–77) и Г.М. Аветисян (Ук. соч. С. 52. Прим. 6) считают его частным, хотя и очень высокопоставленным лицом, погибшим в малолетстве Тушратты после смерти Суттарны II. Близкую позицию занимает М. Майрхофер (Op. cit. S. 34–35. Anm. 4). Согласно его реконструкции, наиболее детализированной из всех предложенных, Ардассумара был убит сразу по смерти Суттарны II в ходе переворота, изгнавшего законного престолонаследника (Ардадаму II) и посадившего на престол марионеточного Тушратту.

¹⁸ Этому обстоятельству придает также особое значение Г. М. Аветисян (ук. соч.).

¹⁹ Слово «господин» с местоименным суффиксом «мой», «его (свой)» и т.д. без каких-либо дальнейших уточнений (как и есть в ЕА 17: 14) является в ЕА стандартным обозначением царя, будь то великого или местного (например, в ЕА 75: 34).

²⁰ Дьяконов. Арийцы... С. 48.

²¹ Как показал еще Г. Гютербок, Саттиваса, сын Тушратты, носил личное хурритское имя Кели-Тессоб (*Güterbock H.G. The Deeds of Suppiluliuma as Told by his Son, Mursili II // JCS. 1956. 10. P. 111*). Из этого закономерно выводят, что индоарийские имена в митаннийской царской семье, этнически уже давно хурритской и перешедшей на хурритские личные имена, носили дополнительный, сугубо тронный характер (аналогично тронным неситским именам у этнически хурритской новохеттской династии, см. *Kammenhuber A. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968. S. 62 ff.; Дьяконов. Арийцы... С. 47, 49–50; Дьяконов И.М., Янковская Н.Б. Северная периферия месопотамской цивилизации IV–II тысячелетий до н.э. // История древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 71. Более умеренные по отношению к ограничению арийского присутствия в Митании авторы приходят к тому же результату, ср. *Вильгельм. Ук. соч. С. 45*). Правда, согласно договору Саттивасы, сына Тушратты, с Суппилулиумасом (PDK 2), и сам Саттиваса, и его соперник Суттарна III носили приведенные индоарийские имена, не будучи царями. Однако оба они при этом имели статус престолонаследника-главнокомандующего – хурр. *sinahila*, т.е. «второй (после царя)», в аккадо-язычном хурритском словоупотреблении *tertenu*. (Об этой должности см. *Wilhelm G. Ta'erdennu, ta/urtannu, ta/urtanu // UF. 1970. 2. S. 277 ff.; Kuehne. Op. cit. S. 79. Anm. 401; Аветисян. Ук. соч. С. 85–87. Прим. 152*). Очевидно, этот статус в Митании носил экстраординарный характер и приближался к царскому (ср. описание всемогущества Суттарны III как фактического соправителя своего отца, царя Ардадамы II, в PDK 2). В таком случае применение к ее носителям экстраординарных («тронных») индоарийских имен удивления не вызывает. В то же время дальнейшего расширения сферы приложения индоарийских имен по этому образцу, именно в силу его уникального и экстраординарного характера, ожидать не приходится. Действительно, все прочие известные нам члены митаннийского царского дома (к сожалению, это только две царевны – Келухеба и Тадухеба) носят хурритские имена.*

Полную аналогию представляет собой должность новохеттского престолонаследника-tuhkanti, также обозначавшаяся хеттами по-аккадски как *tertenu* и подразумевавшая принятие соответствующим лицом «тронного» анатолийского имени. Учитывая общую для митаннийской и новохеттской династий хурритскую этническую принадлежность, это сходство едва ли может быть случайным.

Итак, «тронные» индоарийские имена в Митании могли иметь одновременно царь, его престолонаследник-sinahila, претенденты-мятежники, принявшие соответствующие имена в знак претензии на эти статусы, и, наконец, изгнанники-цари и бывшие синагилы (царь мог сменить престолонаследника, однако едва ли при этом тот утрачивал раз взятое индоарийское имя). Применительно к Ардассумаре большинство этих вариантов должно быть с большей или меньшей уверенностью отведено. ЕА 17, рисуящее Ардассумару одной из ключевых легитимных фигур митаннийского режима, по крайней мере с точки зрения Тушратты, не позволяет видеть в нем мятежного претендента на экстраординарную должность. Если бы Ардассумара получил индоарийское имя как престолонаследник Суттарны II, но впоследствии, тем не менее, оказался частным лицом при Тушратте (т.е., очевидно, был смещен с поста синагилы), то в ЕА 17 Тушратта, конечно, не стал бы употреблять его экстраординарное имя (ведь при предположенных условиях

Наконец, царский статус Ардассумары окончательно доказывается аккадоязычным контрактом на передачу имущества, найденным в 1984 г. в Телль-Браке²², гласящим: «(1–3) В присутствии²³ царя Ардассумары, сына царя Суттарны, Интарутти соглашение заключил». Контракт опечатан характерной митаннийской печатью с текстом: «[Ардассумар]а сын [Суттар]ны, царь Мэтта[ннэ]»²⁴.

1.3. Итак, Ардассумара – царь²⁵. Но царем-предшественником Тушратты²⁶ он быть также не мог по ряду причин²⁷:

это было равносильно подчеркиванию и прямому признанию прав Ардассумары на престол, занятый к тому времени самим Тушраттой!), а ограничился бы личным, хурритским. Интересно, что Мурсилис II в своих «Анналах», желая, видимо, подчеркнуть дистанцию между собой и братом, царем Каркемиша, называет его только личным хурритским именем «Сарри-Кушух», но не тронным анатолийским «Пияссилис»; Хаттусилис III также упоминает низвергнутого им племянника исключительно под его личным хурритским именем «Урхи-Тессоб», а не официальным тронным именем «Мурсилис». Предположение М. Майрхофера, согласно которому Ардассумара погиб как частное лицо, но в то же время еще до воцарения Тушратты (см. выше, прим. 17), устранило бы описанное затруднение и позволило бы, вообще говоря, считать Ардассумару престолонаследником Суттарны II. Однако ниже, в п. 1.3, будет показано, что это предположение неверно по существу. Наконец, стать престолонаследником при самом Тушратте, приходясь ему старшим братом, Ардассумара едва ли мог: наследование трона должно, вообще говоря, идти по направлению от старших к младшим членам династии. Таким образом, в качестве роли, способной обеспечить Ардассумаре его индоарийское имя, остается лишь роль царя (если не предполагать все же передачи ему поста престолонаследника младшим царствующим братом!).

²² Комментированное издание текста см. *Finkel I. Inscriptions from Tell Braaq 1984 // Iraq. 1985. 47. P. 191–194.*

²³ Это выражение может носить условно-юридический характер и не подразумевать действительного присутствия царя, см. *Ibid. P. 193.*

²⁴ *Ibid. P. 194.*

²⁵ По мнению К. Кюне, «несомненный» царский статус Ардассумары доказывается прежде всего употребленным в EA 17: 13, 17 выражением «злое дело / злые дела» (применительно к действиям Утхе). Поскольку в других ближневосточных контекстах это выражение означает «государственную измену», заговор против самого трона (Hochverrat), К. Кюне заключает отсюда, что жертва злодеяний Утхе – Ардассумара был именно царем (Op. cit. S. 19. Anm. 81). Нам это рассуждение кажется не имеющим никакой силы, даже если в EA 17 «злое дело» действительно подразумевает чрезвычайную «государственную измену», как в нескольких приведенных Кюне примерах. Во-первых, свое «зло» Утхе творил, судя по контексту, при Тушратте, так что царем по логике К. Кюне на этом основании надо было бы считать именно его, а не Ардассумару. Во-вторых, переворот, сопровождающийся убийством царевича (а не царя), тоже вполне мог, если не должен был считаться перворазрядной «государственной изменой» в том же смысле, который этому слову придает Кюне.

Более того, как было показано в прим. 6–7, «зло», сотворенное Утхи, согласно стк. 13, заведомо включало какие-то деяния и помимо убийства Ардассумары; то же самое явствует из множественного числа «злые дела» в стк. 17. Но поскольку Утхе, разумеется, не мог систематически заниматься перворазрядными государственными переворотами, становится ясно, что под «злыми делами» имеются в виду менее экстраординарные преступления (ближайшим аналогом здесь будет русский позднесредневековый термин «воровство»), в ряд которых вполне могло бы встать и убийство царевича.

²⁶ Как считают А. Гетце (Op. cit. P. 3), В. Хельк (Op. cit.), Р.О'Каллахэн (Op. cit. P. 85); Й. Фридрих (*Friedrich J. Artaššumara // RLA. 1928. 1. S. 158*), К. Кюне (Op. cit. S. 18 ff.); Г. Вильгельм (Древний народ хурриты... С. 60), М. Астур (*Astour M. Hittite History and Absolute Chronology of the Bronze Age. Parille, 1989. P. 70. Not. 490*).

²⁷ На первый взгляд, о такой невозможности прямо свидетельствует уже заявление Тушратты (EA 17: 10) о том, что он «взошел на трон своего отца», т.е. преемствовал как будто прямо Суттарне II; однако мы располагаем точными доказательствами того, что подобное выражение в хетто-хурритском ареале должно было передавать лишь самую общую мысль о династической преемственности сына по отношению к царствовавшему в свое время отцу, независимо от наличия между ними промежуточного правителя: Мурсилис II в своих «Анналах» также говорит, что «взошел на престол своего отца» (КВо III 4 i 3, *Goetze A. Die Annalen des Mursilis. Lpz., 1933. S. 14 f.*), хотя достоверно наследовал своему брату Арнувандасу II (в том числе согласно тем же «Анналам»); Саттиваса, согласно Суппилулиумасу, также был посажен «на престол своего отца» Тушратты (PDK 1: 55–58), хотя между ними правил Ардадама II (как известно, в частности, из того же PDK 1). Таким образом, формула «взошел на престол отца» в EA 17 не подразумевает прямого наследования Тушратты своему отцу, хотя и не исключает его.

1. Если предположить, что Тушратта воцарился по смерти Ардассумары, конструкция всего отрывка ЕА 17: 11–20 делается довольно нелепой. В самом деле, тогда получится, что Тушратта, без всяких оговорок, при перечислении событий подряд (сткк. 11–16) сначала говорит о позднем событии («я взошел на трон»), потом о более раннем (убийство Ардассумары), а потом опять о позднем (поведение Утхе в отношении самого Тушратты после воцарения последнего)! Ср. в следующем подпункте, как странно выглядел бы соответствующий перевод. Непрерывная синтаксическая связь всех предложений нашего отрывка посредством союза *u* (основное значение «и») дополнительно подтверждает логически-временную последовательность описанных в ней событий (прим. 6) и едва ли допускает обсуждаемую инверсию.

2. Более того, подобная инверсия несовместима с грамматикой глагольных форм отрывка. Отвечающий такой инверсии перевод выглядел бы следующим образом: *«Когда я вступил на престол своего отца, *u/a/to* (*u*) я был юн, *a/i/to* (*u*) (до того!) Утхе творил злое моей стране и (*u*) убил своего господина, *u/a/to* (*u*) (теперь) он из-за этого (*aššum annitim*) не давал мне» и т.д. Однако сказуемое *id-du-uk* «(он) убил» во фразе «убил своего господина» стоит не в субъюнктиве (обязательном для придаточных предложений в аккадском), а в индикативе. Следовательно, названная фраза не однородна придаточному времени, начинающемуся с *ištu*, и не входит в него, а принадлежит главному, управляющему им предложению (либо предложению, однородному с этим главным и подсоединенному к нему сочинительным *u*). Но если придаточное времени начинается с "когда", то сказуемое главного предложения (и соответственно однородных к нему) по определению не может передавать предшествующее по времени действие без специальных соотносительно-временных уточнений («а до того», «уже», «а к тому времени» и т.д.), в данном случае отсутствующих. Кстати, учитывая сугубо аблативную семантику *ištu* («от, после, с»), такое сказуемое не может передавать и одновременных придаточному действий и должно выражать лишь события, позднейшие по отношению к нему. Таким образом, Утхе заведомо «убил своего господина» (главное предложение) лишь после того, как Тушратта «вступил на престол» (придаточное предложение с союзом *ištu* «после/когда»).

3. Сообщение о «юности» Тушратты на момент воцарения в стк. 12 в контексте всего пассажа может преследовать только ту цель, чтобы снять с него косвенную ответственность за допущение упомянутого им сразу после этого убийства брата²⁸. Но такой способ оправдания возможен и нужен, только если убийство Ардассумары имело место в период, за который Тушратта несет ответственность и который следует за повествовательным рубежом, отмеченным его «юностью», т.е. в период его правления, после того, как он «взошел на престол».

1.3. Итак, Ардассумара – царь, но убит он был в царствование своего младшего брата. Иными словами, он – соправитель Тушратты в начальный период его царствования (до составления ЕА 17)²⁹.

Учитывая неизменное на протяжении всей известной нам истории Митанни единственное наследие, ситуация соправительства должна быть признана уникальной и требует специального объяснения. Единственный ключ к такому объяснению дает, по нашему мнению, тот же отрывок ЕА 17. В самом деле, если престолонаследником Суттарны II был Ардассумара, то чем можно тогда оправдать появление при нем в качестве соправителя «юного» брата? Если же считать, что престол должен был перейти как

²⁸ *Kuehne*. Op. cit. S. 18. Anm. 80.

²⁹ Единственная альтернатива – считать, что Ардассумара стал в свое время царем в Митанни, но потерял престол, в итоге перешедший к Тушратте, и был, наконец, убит уже при нем как частное лицо. Однако такая версия, искусственная и излишне сложная сама по себе, не согласуется вдобавок с тем достаточно очевидным фактом, что царский статус Ардассумары пользовался полным признанием со стороны Тушратты. Повторим, что в ЕА 17 тот упоминает Ардассумару под его экстраординарным, «тронным» именем и называет его «господином» Утхе; кроме того, он подчеркнуто хвалится мстью за брата, т.е. положительно относится к его памяти. Если бы Ардассумара утратил власть, уступив ее Тушратте, все это было бы невозможно.

раз к Тушратте, но, за его «юностью» (или под предлогом таковой?), ему был назначен соправителем старший брат, все встает на свои места³⁰. Династическая ситуация могла, конечно, складываться по-разному, но в любом случае на момент своего воцарения Тушратта, очевидно, был более «легитимен», чем его брат³¹.

2. Свидетельства EA 54, EA 56, EA 75 о соправительстве в Митанни в ранний период правления Тушратты.

Итак, после смерти Суттарны II в Митанни установилось соправительство. Неожиданные и бесспорные подтверждения этому обстоятельству мы обнаруживаем в материалах Амарнского корпуса (до сих пор в связи с этим вопросом в известной нам литературе не рассматривавшиеся).

2.1. Рассмотрим примечательный пассаж о митаннийских царях, повторяющийся в двух письмах Агиссэ (Akizzi), царька Катны, к египетскому царю в связи с рассуждением о необходимости борьбы с хеттами (EA 54, EA 56):

EA 54:38–43: «(38) [и] посол [моего господина (царя Египта)] вот [яви]лся ко мне (39) [и ска]зал так: (40) [“Я хо]дил в страну Митт[анни] (41) и три [и четыре] ц[аря] – враги (42) [царя] страны Х[атте, которые все] (43) [расположены ко мне]”³²». В полностью разрушенном контексте сткк. 44–45 упоминаются «его колесницы» и «его посол», далее текст не сохранился.

Ср. о том же и теми же словами в EA 56:36–45: “(36) и посол [моего г]осподина (37) пришел ко мне (38) и сказал так: (39) «Я [ход]ил в страну Миттанни (40) и три и четыре царя (ú šaḡanu 3 ú 4) – враги (41) царя страны Хатте, которые все [се] (42) расположены ко мне ([a-na] ra-ni-ia ša-ak-nu). (43) [И] мой [г]осподин говорил их [посл]ам (44) ...[страна] Хурри... (45) ...[дел]а... (далее разрушено. – А.Н.)”».

Комментария требует прежде всего сама формула «šaḡanu 3 ú 4». Возможные переводы – дословное «три и четыре царя» (не «семь царей»!), что не дает ясного смысла, и кажущееся более оправданным «три или четыре царя», «три-четыре царя», как и переводят все издатели EA. Однако что могло бы в последнем случае вызвать неуверенность информатора в числе царей (три и четыре не столь большие числа, а цари – слишком важные персоны, чтобы допустить подобную приблизительность)? С другой стороны, смысл нашей конструкции может быть легко объяснен обычной для семитских языков передачей значения «целых N объектов» выражением «N-1 и (даже) N объектов». Ср. выражения того же Тушратты в аккадоязычном EA 29,

³⁰ Как кажется, митаннийская структура власти действительно могла в аналогичных ситуациях подталкивать царскую семью к подобным экспериментам. В самом деле, власть в Митанни наследовал престолонаследник-главнокомандующий. Но «юный» царевич, даже назначенный уже «на перспективу» престолонаследником, реальным главнокомандующим быть, очевидно, не мог, и в таком случае эту роль исполнял, как и ранее, один из обойденных старших царевичей. Если в подобной ситуации царь-отец умирал прежде, чем младший сын успевал достичь возраста, позволяющего ему фактически вступить в командование, то статус митаннийского «престолонаследника» как бы раздваивался, и вполне естественно было бы установление соправительства обоих носителей отдельных компонентов этого статуса.

³¹ Описанной ситуацией можно было бы легко объяснить, почему в EA 17 Тушратта не титулет брата царем, хотя таковым он, как выясняется, все-таки был: будучи «легитимнее», Тушратта мог (и, по понятным причинам, вероятно, был склонен) относиться к старшему брату-соправителю с известной ревностью, не признавать его за равного и соответственно не именовать царем. Существует, однако, более простое объяснение. В аккадоязычном EA 29: 16–19 и в хурритоязычном EA 24: i 47, iii 52, Тушратта, вводя в текст письма своих отца и деда, не титулет их царями, а просто говорит: «Суттарна, мой отец» и «Ардадама, мой дед». Этот способ выражения представляет собой полную аналогию «Ардассумаре, моему брату» EA 17: 19. Между тем Тушратта, конечно, не собирался принижать своего отца и деда (тем более, что в EA 24 и EA 29 он ссылается на события их правления как на образцовые, а в EA 19: 44–58 и EA 29: 146, 163 выражает подчеркнутую заботу об их памяти). Очевидно, таков обычный способ его выражений, и из отсутствия титулования Ардассумаре в EA 17 никаких далеко идущих выводов извлекать нельзя. Более того, как упоминалось выше (прим. 19), «господин» является в EA обычным обозначением царя, а Ардассумара называется именно «господином» Утхе (EA 17:14).

³² Восстановления по EA 56: 42.

19–20: «Три и четыре раза (т.е. «целых четыре раза». – А.Н.) он посылал, но тот все не давал ее. И пять и шесть раз (т.е. «целых шесть раз» – А.Н.) он посылал, и тогда (...) он дал ее»; ср. также, аналогично, в Ветхом Завете (Притч. 30: 15, 18, 21, 29) и др. Подобное объяснение, как наилучшим образом подходящее к контексту, мы и принимаем.

В таком случае, что это за «целых четыре царя»? Поскольку речь идет о Митанни, иметься в виду могут либо цари самого Хурри-Митанни³³, либо сирийские владетели – вассалы Митанни³⁴, либо, наконец, те и другие вместе. Особняком стоит мнение Ж. Фрея, согласно которому речь идет о хорошо известной по другому письму того же Агиссэ группе *бывших* митаннийских вассалов, которые, перед лицом победоносного хеттского вторжения в Сирию и краха митаннийского владычества в этом регионе, решили перейти из-под митаннийского протектората под египетский и сделали соответствующие заявления в Египет – как непосредственно от себя (ЕА 51), так и через Агиссэ³⁵. В ЕА 53: 40–49 Агиссэ действительно сообщает фараону именно о четырех таких «царях» («царь Нухашше, царь Ния, царь Зинзара и царь Туна-наба»), заявляя, что «все эти цари – господину моему рабы»³⁶, т.е. дипломатически представляя их уже как готовых египетских вассалов. На деле, однако, фараон так и не принял их в подданство.

Рассмотрим перечисленные варианты:

1. Сам по себе контекст едва ли позволяет сомневаться, что речь идет о царях собственно Митанни. Оба раза упоминание «трех и четырех царей» непосредственно следует за фразой «я побывал в Митанни» и оказывается ее прямым логическим развитием, причем термин «Митанни» не получает никаких оговорок и уточнений (так что получается, что египетский посол побывал в «Митанни» вообще, а не только в каких-то его отдельных сирийских владениях). Иначе говоря, в контексте для наших «царей» определяющим оказывается просто «Митанни» как таковое, что, естественно, побуждает видеть в них собственно митаннийских правителей.

2. Если бы имелись в виду вассальные митаннийские владетели, Агиссэ, очевидно, уточнил бы, о ком идет речь, и определил бы их не с помощью единственно указанного им ориентира «Митанни», а по их собственным царствам (как, кстати, он и поступает с князьями, перечисленными в ЕА 53: 40–49). В противном случае получилось

³³ Таково в общем виде мнение Дж. Мернейна, см. ниже.

³⁴ Как полагает О. Вебер (*Knudtson. Op. cit. II. S. 1119*). По альтернативному толкованию того же О. Вебера, речь может идти о сирийских владетелях, сидящих не в самой митаннийской сфере влияния, а «на пути в нее» (*op. cit.*). Однако митаннийская и египетская сферы влияния в Сирии прямо соприкасались друг с другом, так что «на пути» в пределы Митаннийской державы могли сидеть только египетские вассалы. О них, конечно, приведенные отрывки не говорят: в ЕА 54, 56 антихеттская позиция четырех царей представлена как результат их самостоятельного выбора, благоприятного для Египта и заслуживающего специального сообщения фараону. О позиции египетских вассалов в таких выражениях ни Агиссэ (сам такой же вассал), ни цитируемый им египетский посол, конечно, говорить бы не стал. От вассалов требовалась только верность фараону (и, действительно, положительно характеризую соседних князей в других письмах, Агиссэ говорит только о ней), а на собственное мнение в международных делах они вообще не имели права. Кроме того, египетские вассалы в переписке с фараоном не осмеливаются титуловать «царями» ни себя, ни, тем более, других таких же вассалов. Кажущимся исключением из этого правила является титулование в ЕА 53 «царями» четырех сирийских князей, ищущих египетского протектората, см. ниже. Однако на момент составления этого письма указанные князья на деле еще не были приняты в египетское подданство; само письмо как раз и имеет целью сообщить фараону об их намерении и способствовать такому принятию. Очевидно, этих князей можно было именовать «царями» в предназначенном для фараона письме именно потому, что они еще не попали под египетскую власть (а чужих вассалов в принципе можно было именовать «царями», как это и делается в ЕА 31:1, ЕА 60:14). Между тем интересовавшие нас выше правители названы в ЕА 54, 56 именно «царями», и, следовательно, не могут быть владетелями, зависимыми от египтян.

³⁵ Freu J. Les guerres syriennes de Suppiluliuma et la fin de l'ère Amarnienne // *Hethitica*. XI. 1993. P. 66.

³⁶ an-nu-ut-ti qab-pa šarranu a-na ša be-lí-ia^{amcl} ardu-tu-m[а], ЕА 53:44.

бы, что в обоих своих письмах – ЕА 54 и ЕА 56 – он допустил двусмысленность, не позволяющую его адресату уяснить тот принципиальный факт, «расположены» ли к нему митаннийские сюзерены или только их сирийские вассалы. Двусмысленность такого рода, конечно, не могла бы быть допущена в дипломатической переписке, да еще два раза подряд.

3. «Цари» ЕА 54, 56 выступают как самостоятельные и полноправные субъекты международных отношений, в том числе по отношению к великим державам. Они заявляют о своей антихеттской и проегипетской ориентации, к ним обращено специальное египетское посольство и они сами, по-видимому, направляют посольство в Египет³⁷. Между тем для вассальных владетелей ведение самостоятельной внешней политики, во всяком случае по отношению к чужим великим державам, невозможно в принципе³⁸.

4. Как упоминалось, никакие князья Митаннийской державы не могли бы выступать на стороне фараона без санкции великого царя Митанни, так что последний непременно должен был бы учитываться при счете царей-союзников фараона. Однако совершенно невозможно представить себе, чтобы корреспондент фараона уравнил вассальных князей с великим царем, «сложив» их друг с другом и исчисляя вместе безо всяких оговорок, как четверку однородных объектов³⁹.

5. Что касается гипотезы Ж. Фрея, то она, как представляется, содержит внутреннее противоречие. Коль скоро какие-либо сирийские царьки отказались от митаннийской власти и, самостоятельно вступив в сношения с фараоном, добивались египетского протектората, они тем самым уже не могли больше восприниматься как «митаннийские». В самом деле, таких царьков из ЕА 53 Агиссэ в указанном письме именуется лишь «рабами» фараона, определяет их только по их собственным царствам и ни словом не упоминает их исходного митаннийского подданства (так что догадаться о нем можно только по историческому контексту и косвенным данным). Уже поэтому с подобными владетелями невозможно отождествлять «царей» ЕА 54, 56, которые характеризуются единственным оборотом «в Митанни», т.е. определяются именно как «митаннийские».

Итак, в рассмотренных пассажах ЕА 54, 56 речь идет именно об одновременно существующих и выступающих воедино на международной арене⁴⁰ царях собственно

³⁷ Обратим также внимание на стк. 43 ЕА 56: «их послы» – это, несомненно, послы «трех и четырех царей»; фараон что-то говорит им. Интересно, что при этом фараон, по-видимому, упоминает «страну Хурри» (ЕА 56:44), т.е. собственно Митанни.

³⁸ Ср., в частности: от хеттских и митаннийских вассалов в Сирии в Амарнском архиве, при всем его изобилии, писем фараону не зарегистрировано: как видно, вассалы одной великой державы были просто лишены права самостоятельно сообщаться с другими великими державами «через голову» собственных сюзеренов.

³⁹ Четкое противопоставление «великих царей» крупных держав (Египет, Хатти, Митанни, Кардуниас) всем прочим владетелям (в лучшем случае просто «царям», а чаще просто «градоначальникам» или «людям такой-то области») было, как известно, общим местом политического мышления и словоупотребления изучаемой эпохи. Это ясно выражает, например, ЕА 76:11–16: «(11)... Далее: кто он такой, (12) А[бди]-Аши[р]та, собака, что он ищет (13) взять все города, о царь, о солнце, (14) себе? Или он царь страны Митана (15) и[ли] царь страны Кашше (Касситская Вавилония. – А.Н.), что (16) он ищет забрать страну царя себе?» Из ЕА 75:36–38 видно, что вассальные «царства» воспринимались просто как «страны царя Митанни»: «(36) (...) Царь Хати захватил (37) все вассальные страны (38) царя страны Митта (= Митанни)», см. ниже. В двух упоминавшихся выше примерах, даже называя чужих вассалов «царями», корреспонденты тут же торопятся уточнить их вассальный статус по отношению к другому великому царю: «Царям страны Кинахи, рабам моего брата» (ЕА 30:1–2), «(зависимые) цари царя воинов хурри» (ЕА 60:14). В ЕА 53:40–49 Агиссэ, правда, именуется ряд сирийских владетелей «царями» без подобных оговорок, но, вернее всего, как раз потому, что на тот момент они ничьими вассалами и не были, а только искали египетского сюзеренитета, см. выше.

⁴⁰ Послы «царей» выступают, согласно ЕА 56:43, вместе как объект одного обращения фараона; очевидно, рассматриваемые «цари» действовали как политически ассоциированные друг с другом правители, по крайней мере в данном случае.

Хурри-Митанни, что может быть понято только как отражение соправительства, существовавшего в Митанни на тот момент. Станным образом эти данные не вызвали большого внимания у специалистов, большинство исследователей просто игнорирует их, С. Мерсер оценивает как заведомо непонятные⁴¹, а У. Мернейн вслед за С. Уотерхаусом считает, что «3–4 (!) царя» – это мелкие местные правители, разделившие Митанни в ходе смут, последовавших за смертью Тушратты⁴². Последняя гипотеза требует специального опровержения. Во-первых, сразу после смерти Тушратты Митанни целиком перешло под единую власть Ардаамы II (PDK 1–2), а вовсе не было разделено «местными правителями»⁴³; во-вторых, такие правители едва ли именовались бы в письмах ЕА «царями»⁴⁴; в-третьих, им было бы, конечно, не до активной борьбы с Хатти, полную готовность к которой им приписывают ЕА 54, 56 (и в равной степени соответственно У. Мернейн). Точки зрения О. Вебера и Ж. Фрея были рассмотрены и отклонены выше.

Как видим, данные ЕА 54, 56 требуют постулировать соправительство в Митанни и сами по себе; теперь же, когда у нас есть возможность сопоставить с ними реальную ситуацию соправительства, явствующую примерно для того же периода из независимого источника – ЕА 17 (см. выше, п. 1), мы теряем всякое основание не принимать указанного вывода.

2.2. Новое подтверждение сказанному мы находим в амарнском письме Рибадди, князя Гублу (Библа) к египетскому фараону (ЕА 75: 36–40): «(36) (...) Царь Хати захватил (37) все вассальные страны (38) царя страны Митта, то есть (досл. *šum-ma*, «или») (39) царя страны Нахма – (40) странъ великих царей⁴⁵».

По единодушному мнению всех издателей и комментаторов текста (опиравшихся, помимо системного созвучия, на тот факт, что в сфере внимания Рибадди хеттский царь мог покорять только митаннийских и египетских вассалов) Митта – это Митанни⁴⁶, Нахма = Нахрима = Нахрайна, т.е. опять-таки Митанни, как ее вслед за

⁴¹ Mercer. Op. cit. P. 233. Not. to I.54.

⁴² Waterhouse S.D. Syria in the Amarna Age. A Borderland between conflicting Empires. Ann Arbor, 1965. P. 62–63; Murnane W.J. The Road to Kadesh. Chicago, 1990. P. 11, 118.

⁴³ Вообще, история Митанни в Амарнский период в целом известна достаточно хорошо, и ни для одного ее отрезка предполагать разделения этой страны на отдельные «царства» в свете имеющихся данных невозможно. Именно поэтому «четыре царей» Митанни и приходится признавать совместно правящими царями.

⁴⁴ Ср. выше, прим. 39; характерно, что даже сам У. Мернейн вынужден именовать своих гипотетических правителей «kings» только в кавычках (Op. cit. P. 11).

⁴⁵ Конец этого пассажа требует комментария. Текст выглядит следующим образом: (38) *šar mat Mi-it-ta šum-ma* (39) *šar mat Na-ah-ma* (40) *mat šarāni ga-bu-[ti]*. Мн.ч. «царей» (стк. 40) удостоверено, во-первых, удвоенным написанием идеограммы «царь», во-вторых, формой *ga-bu-[ti?]* (в ед.ч. стояло бы *ga-bi*). С. Мерсер и Ж. Фрей переводят так же, как мы (Mercer. Op. cit. P. 279; Freu. Op. cit. P. 57); Й. Кнудзон считает, что «страна великих царей» относится уже к началу следующего (полуразрушенного) предложения, описывающего антиегипетские козни Абди-Аширты, и играет там роль прямого дополнения – объекта захватов Абди-Аширты (Knudtzon. Op. cit. I. S. 381). Однако ясно, что Абди-Аширта, вассальный по отношению к Египту царек Амурру, не мог посягать ни на какую великую державу. У. Моран переводит со значительными дополнениями, которые кажутся ему необходимыми по смыслу: «...царя страны Митта(ни). (Смотри, он –) царь страны Нах(ри)ма (и) страны великих царей» (Les Lettres... P. 254). С нашей точки зрения, этот перевод сам по себе не дает ясного смысла; кроме того, он игнорирует форму *šum-ma*, прямо связывающую сочинительной связью «царя страны Митта» и «царя страны Нахма» (другие значения *šum-ma*, кроме сочинительного «или», здесь заведомо не подходят по контексту). Наконец, «страна великих царей» не может быть однородным членом к «стране Нахма» (как получается у Морана), поскольку тогда оказалось бы, что «царь страны Нахма», помимо Нахмы, владеет еще какой-то «страной великих царей». Но царь «Нахмы» – Нахрайны/Митанни – не располагал никаким «великим царством», кроме самого Митанни. Вообще, в период, отраженный амарнской перепиской, ни одно из «великих царств» Передней Азии ни разу и ни в какой степени не подчиняло себе другое. Итак, «страна великих царей» может быть только приложением, эпитетом к «стране Нахма» (а та в свою очередь – к «стране Митта», тождественной ей по существу, см. ниже).

⁴⁶ Ср. особенно Les Lettres... P. 254. Not. 7–8.

сеμίтами называли египтяне. Очевидно, Рибадди, в первый раз упоминая Митанни в переписке с фараоном, считал нужным уточнить ее название еще и по-египетски, и речь идет об одной и той же стране, так что «или» (*šumma*) здесь, конечно, имеет уточняющее значение «или = иначе говоря»: «царь Митты, то есть царь Нахмы»⁴⁷. Действительно, всему пассажи соответствует как приложение слово «страна» (стк. 40) в единственном числе. Все это нам ничего нового не дает. Обратим, однако, внимание на то, что «Митта-Нахма» названа «страной великих царей (мн.ч. – *A.H.*)». Заведомо исключено, чтобы такое выражение относилось к вассально-союзным князьям (см. выше, прим. 39); значит, это «великие цари» Митанни. Таким образом, в момент, отраженный EA 75, в Митанни правило сразу несколько царей⁴⁸.

⁴⁷ В противном случае, кстати, стояло бы и, и *lu* или *lu-lu*, обычные разделительно-противительные «или». Кроме того, выражающее вариативность разделительно-противительное «или» в рассматриваемом случае невозможно и само по себе: Рибадди, конечно, без всяких колебаний и вариантов знал, чьи именно страны захватил царь Хатти.

⁴⁸ Теоретически можно было бы еще предположить, что приведенное выражение относится к ряду последовательно правящих царей, носит ретроспективно-исторический характер и использовано в качестве усиленного способа выражения наследственного статуса митаннийского царя как «великого». Тогда выражение «страна великих царей» означает просто страну, в которой из поколения в поколение правят «великие» цари. Однако на древнем Востоке никогда не возникало типичных, например, для феодальной Европы споров о наследственном обосновании титула или статуса, единственно могущих дать почву для подобного словоупотребления; «великим царем» был всякий, кто сам был действительно «велик» (т.е. не состоял ни у кого младшим союзником и сам имел таковых) или обоснованно претендовал на такое положение. Далее, «историзм», присутствующий в обсуждаемой интерпретации нашего выражения, вообще был чужд политическому мышлению Передней Азии II тыс. до н.э., интересовавшемуся прошлым лишь постольку, поскольку в нем можно было найти договоры, используемые как аргумент в спорах с соседями, их некогда заключившими. Наконец, обычный монархический принцип «король умер, да здравствует король» вообще приводил бы к тому, чтобы, желая суммарным эпитетом передать общий статус последовательно правивших царей, житель древнего Востока говорил бы о «царе» вообще, в единственном числе. По счастью, у нас есть прямые доказательства именно такого словоупотребления в EA:

EA 109: 5 ff. (тот же Рибадди – Аменхотепу III или Эхнатону): «Прежде (*ra-na-ni*) царь страны Митана был враждебен твоим отцам, и твои отцы не отступались от моих отцов». «Отцами» египетскому адресату Рибадди, в зависимости от его личности, приходилось либо Аменхотеп III – Тутмос IV, либо Тутмос IV – Аменхотеп II (и в обоих случаях их предшественники). Никто из митаннийских царей, отразившихся в EA, не мог быть врагом этим правителям даже фактически (Тушратта воцарился при Аменхотепе III и был навсегда отрезан хеттами от Египта при Эхнатоне; последующие митаннийские цари также не имели с Египтом никакой связи), не говоря о том, что и Суттарна II, и Тушратта были союзниками Аменхотепа III, и единственная митанно-египетская ссора в XIV в. произошла между Тушраттой и Эхнатоном. Таким образом, говоря о «царе страны Митана», Рибадди имеет в виду не какого-либо конкретного митаннийского царя, а собирательную фигуру, объединяющую целый ряд митаннийских правителей прежних времен (что дополнительно удостоверяется словом «прежде») и представленную словом «царь» в единственном числе.

EA 59 (жители Тунипа – фараону): «(13 ff.) Мы уже двадцать лет пишем царю, нашему господину»; «(44 ff.) Мы уже двадцать лет пишем царю, нашему господину, царю страны Мищри». В указанном письме единственным врагом Тунипа выступает Азиру, причем жители города опасаются, что Азиру «сделает с нами, как он сделал с городом Ний» (сткк. 44–45). Все исследователи датируют это письмо временем Аменхотепа IV (1368–1351): в самом деле, Азиру мог воздействовать на Ний только после великой (так называемой «Второй» или «одногодичной») сирийской войны Суппилулиумаса, имевшей место при Эхнатоне (только тогда Амурру и Ний попали в пределы одного политического сообщества; до того Ний принадлежал митаннийской/хеттской, а Амурру – египетской Азии. Кроме того, как указывает PDK 1: 25–37, на момент той же войны Ний был самостоятельным и достаточно могущественным государством, никак не оправдывающим страха, выраженного в EA 59). Кто же был «царем, нашим господином» в EA 59? Аменхотепом III он быть не мог: как только что сказано, EA 59 написано при Эхнатоне. Кроме того, даже если считать адресатом EA 59 Аменхотепа III (правившего 37–38 лет), то начало 20-летнего срока, названного в EA 59, придется на первые 10–15 лет этого фараона. Однако эти, по-видимому, вполне благополучные для египетской власти в Азии годы едва ли подходят для начала непрерывного кризиса в Тунипе, брошенном египтянами в течение всех 20-ти лет с тех пор на произвол судьбы. Наконец, и сам такой кризис мыслим главным образом при Эхнатоне, а не при его предшественнике. Итак, «наш господин» EA 59 – не Аменхотеп III. Но

2.3. Несомненно, в ЕА 54, 56, 75 отражена та же ситуация, что и в ЕА 17. Всякий иной вывод будет крайне маловероятен хотя бы потому, что, начиная с момента отправки ЕА 17, правление Тушратты и его преемников достаточно хорошо известно, и места для нескольких соправительствующих царей Митанни в этот период найти без насилия над источниками нельзя. Тем самым мы вновь приходим к началу правления Тушратты (до отправки ЕА 17), т.е. к тому самому периоду, для которого было независимо зарегистрировано соправительство Ардассумары (п. 1).

Сведения ЕА 54, 56 сообщают нам новые важные подробности касательно соправительства в Митанни: оно, оказывается, представляло собой тетрархию («целых четыре царя»)⁴⁹. Это не должно нас удивлять: если уж существовало соправительство, то легко может быть допущено его расширение; учитывая же разрозненный и отрывочный характер наших источников, не будет ничего странного в том, что мы не встречаем в них двух других соправителей, прямо названных в этом качестве. Природа соправительства остается, разумеется, той же, выявленной благодаря ЕА 17 на примере Ардассумары: это своего рода «квазирегентство» при «юном» легитимном престолонаследнике, имеющем старших братьев. Наконец, число четырех царей может быть достаточно удобно объяснено как «тройка» дееспособных царевичей-соправителей при этом престолонаследнике (троичность в этом случае комментариив, как представляется, не требует)⁵⁰. Упоминание в ЕА 17 одного лишь Ардассумары позволяет нам думать, что фактическим главой режима соправительства на момент перелома Утхе был именно он⁵¹.

3. Финал эпохи соправительства.

Подчеркнем, что и в ЕА 17, и во всех последующих документах (как митаннийских, так и иноземных) Тушратта предстает вполне единовластным царем; никаких следов соправительства уловить здесь нельзя. Учитывая подробность названных ЕА, не приходится сомневаться в том, что в период, отраженный этими письмами (и, тем самым, в момент отправки ЕА 17 – первого из них), соправительства уже не существовало. В самом деле, уже в ЕА 17 все актуальное содержание этого весьма детального письма касается исключительно самого Тушратты и рисует его единоличным властителем Митанни. Было бы большой натяжкой считать, что соправители еще существовали, но были проигнорированы в письме такой подробности, самой целью которого к тому

и последующих египетских царей с этим «господином» соотнести нельзя: Аменхотеп IV, как и его преемники, правил менее 20 лет! Остается считать, что «царь страны Мицри, наш господин» в ЕА 59 – это не какой-то определенный фараон, а египетский царь вообще, в данном случае «отображающий» совокупность двух последовательных правителей – Аменхотепов III и IV.

Абимилки, князь Тира, желая выразить особый статус Угарита (ср. о нем же ЕА I: 36–42), называет его «город царя, Угарит» (ЕА 151: 55); здесь опять-таки ранг наследственных правителей Угарита передан при помощи единственного числа.

Итак, для передачи предположенного выше смысла оборота ЕА 75: 40 («цари» – последовательно правящие цари, а весь эпитет в целом служит для выражения наследственного статуса митаннийской короны как «великоцарского») амарнские документы применяют в действительности единственное число. Тем самым наш оборот с «царями» во мн.ч. должен иметь другое значение, и его «цари» могли править только одновременно.

⁴⁹ Укажем, что Утхе ни при каких обстоятельствах не может принадлежать к их числу. Дело тут не в его хурритском имени (Тушратта мог бы называть своего врага-царевича его личным хурритским, а не тронным индоарийским именем, подобно тому, как Хаттусилис III зовёт своего врага-племянника строго Урхи-Тессобом), но в том, что третье лицо, причем именно другой соправитель, именуется его «господином» (ЕА 17: 14).

⁵⁰ Кстати, мотив фактического соправительства нескольких братьев прочно укоренен в индоарийской традиции (достаточно вспомнить Пандавов и Кауравов), а династия Митанни, как известно, была индоарийского происхождения.

⁵¹ С чем вполне согласуется его роль старшего брата и предполагаемые обстоятельства установления самого соправительства как фактической опеки.

же было заново «представить» Митанни египетскому фараону (почему в ЕА 17 и оказалась включена предыстория его отправки) и возобновить египто-митаннийские связи. Как единственный субъект власти Тушратта выступает и в реляции о своей победе над хеттами (ЕА 17: 31–40), последовавшей по контексту за уничтожением Утхе и предшествовавшей отправке самого ЕА 17. Это исчезновение соправителей было бы естественнее всего сопоставлять с одним из переворотов, отмеченных в ЕА 17 (до первого из них – убийства Ардассумары – оно во всяком случае существовало), т.е. либо с переворотом Утхе = убийством Ардассумары (ЕА 17: 14), либо с переворотом самого Тушратты-убийством Утхе (ЕА 17: 19–20). Надежный выбор здесь представляется невозможным, но, учитывая характер обоих переворотов, ликвидация соправительства должна быть с большей вероятностью соотнесена именно с первым из них. Во-первых, Утхе действительно уничтожил по крайней мере одного из соправителей – Ардассумару. Во-вторых, в ЕА 17: 19–20 Тушратта специально описывает учиненный им политический переворот, давший ему реальную власть (именно этот переворот является для ЕА 17 актуальным, а сведения о деятельности Утхе приводятся лишь как его предыстория), но не дает при этом ни единого намека ни на то, что он выступал не единолично, ни на то, что при этом случилась столь важная перемена, как ликвидация соправительства. Едва ли это случайно⁵². Отсутствие же аналогичной информации при упоминании переворота Утхе в этом отношении ничего не значит, поскольку и само это упоминание является, как говорилось, лишь выборочной исторической ссылкой. В-третьих, саму по себе картину всевластия Утхе накануне переворота Тушратты и изображение его в качестве единственного предводителя врагов царя в ЕА 17: 15 ff. было бы довольно трудно примирить с наличием соправителей Тушратты в тот же период. Все это ведет нас к увязке ликвидации соправительства с убийством Ардассумары и прочими «злодеяниями» Утхе ЕА 17: 12–14.

COREGENCY OF SUCCESSORS OF ŠUTTARNA II IN MITANNI

A.A. Nemirowski

The author undertakes a new interpretation of several Amarna letters (EA 17, EA 54, EA 56, EA 75). In the first of them (discussed many times in research works) Mitannian king Tušratta gives account of his accession to the throne and mentions the assassination of his brother Ardaššumara without any evident relevance (EA 17: 11–20). So far Ardaššumara has been considered by scholars either as a private person or as Tušratta's predecessor on the throne. Ardaššumara's Indo-Aryan "throne-name", the epithet "Lord" applied to him in EA 17 and one contract from Tell-Brak calling him "King of Mitanni" discard the former presumption. The contents of the mentioned passage from EA 17, its morphology and syntax prove that Ardaššumara was assassinated after Tušratta had ascended the throne. Ardaššumara, a king killed during his brother's rule, is, therefore, to be recognized as Tušratta's coregent. EA 54: 38–43 and EA 56: 36–45 mention "three and four" (i.e. "as many as four") kings of Mitanni, and EA 75: 36–40 calls Mitanni "land of great kings". All these expressions, as the analysis shows, necessarily imply the situation of coregency and improve our knowledge of it, bringing the number of rulers to four. However, the character of Tušratta's correspondence with pharaohs indicates that the regime of coregency in Mitanni ceased to exist before this correspondence began. Its end is therefore to be connected with one of the political coups mentioned in EA 17.

⁵² Разумеется, все сказанное могло быть лишь плодом некоей избирательной тенденциозности автора письма, однако смысл подобной избирательности оставался бы неясен.

О.В. Кулишова

ДЕЛЬФИЙСКИЙ ОРАКУЛ В ГРЕКО-ПЕРСИДСКОМ КОНФЛИКТЕ*

Расцвет панэллинского святилища и оракула Аполлона в Дельфах приходится на VII–V века до н.э., когда он оказывал наибольшее влияние на общегреческие дела. С этим же периодом связан и один из самых дискуссионных вопросов истории Дельф – позиция оракула в начальный период Греко-персидских войн (500–479 гг.). Несмотря на то что античная традиция не сохранила прямых упреков в медизме¹ в адрес Дельф, историки нового времени вплоть до середины XX в., как правило, обвиняли дельфийское жречество в проперсидской позиции. При этом современные авторы упрекали святилище либо в измене «национальному делу греков»², либо в переменчивой и двойственной политике, которая склонялась, в зависимости от успехов той или другой стороны, то в пользу персов, то в пользу эллинов³. Объяснялась такая позиция чаще всего оппортунизмом, характерным, по мнению некоторых исследователей, для позиции оракула и в других вопросах, или даже простым меркантилизмом (Дельфы «посредством открытого присоединения к персам» хотели спасти сокровища святилища⁴), хотя назывались и иные причины (Дельфы «были искренне убеждены, что персам противостоять невозможно»⁵). Подобные оценки сохранялись и в ряде работ последних десятилетий XX в.⁶

Однако с начала 1950-х годов появляются и принципиально иные мнения. Прежде всего отметим обращение, пусть и краткое, к этой теме Г. Цайльхофера в диссертационном исследовании «Спарта, Дельфы и амфиктионы в V в. до н.э.»⁷. В этой работе, посвященной роли Дельф в межполисных отношениях в классическую эпоху, автор отстаивает точку зрения, которая ранее в общем виде была блестяще намечена в очерке Г. Берве «Дельфийский оракул»⁸. Г. Цайльхофер полагает, что дельфийские пророчества, обычно выдвигаемые другими исследователями в пользу медизма Дельф,

* Некоторые положения данной статьи в сокращенном варианте были опубликованы в журнале «*Parabellum!*» (2000. № 12. С. 13–30).

¹ Уже Геродот употребляет это слово (τὸν μηδιστόν – VIII. 92) в значении «приверженность, расположение к персам».

² *Hiller von Gaertringen F.* Delphoi // RE. Bd IV. Hbbd 2. 1901. Sp. 2553–2554. См. также *Лурье С.Я.* История Греции / Сост., автор вступ. статьи Э.Д. Фролов. СПб., 1993. С. 257.

³ См., например, важнейшее исследование 1950-х годов: *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. V. I–II. Oxf., 1956. V. I. P. 165.

⁴ *Bengtson H.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. München, 1960. S. 167.

⁵ *Nilsson M.P.* Cults, Myths, Oracles and Politics in Ancient Greece. Lund, 1951. P. 125–127.

⁶ *Lloyd-Jones H.* The Delphic Oracle // Greece and Rome. 2nd ser. 1976. 23. № 1. P. 67–68; *Elayi J.* Le rôle de l'oracle de Delphes dans le conflit gréco-perses d'après les Histoires d'Hérodote // IA. 1978. 13. P. 93–118; 1979. 14. P. 67–151; *Fine J.V.A.* The Ancient Greeks: A Critical History. L., 1983. P. 326; *Forrest W.G.G.* Delphi 750–500 B.C. // CAH. 2nd ed. V. III. Pt 3. Cambr., 1982. P. 319; *Hammond N.G.L.* The Expedition of Xerxes // CAH. 2nd ed. V. IV. Cambr., 1988. P. 540.

⁷ *Zeilhofer G.* Sparta, Delphoi und die Amphiktyonen im 5. Jahrhundert vor Christus. Erlangen, 1959. S. 25–33.

⁸ *Berve H.* Das Delphische Orakel [1949] // Gestaltende Kräfte der Antike. 2. Aufl. München, 1966. S. 21–41.

лишь отражают реальную опасность, показанную пифией со всей откровенностью, на что вопрошавшие и рассчитывали. По его мнению, эти оракулы содержат предостережения, которые основываются на объективном сравнении сил обоих противников.

Среди работ, в которых намечен отход от традиционных обвинений Дельф в проперсидской позиции, выделим также обстоятельную статью Д. Кинаста «Политизация греческого национального самосознания и роль Дельф в великой Персидской войне»⁹. В то время как Г. Цайльхофер полагает, что от святилища никто и не ожидал роли национального лидера в борьбе с персами, Д. Кинаст анализирует позицию Дельф в контексте консолидации греков и идеи общеэллинского единства. Он также далек от утверждения, что оракул предал (или даже продал) национальную идею и считает, что нельзя говорить о политике противостояния дельфийского жречества эллинскому союзу против персов, однако при этом отмечает: надежды вступивших в союз на особенную поддержку из Дельф не оправдались в полной мере.

Перед тем как перейти к разбору свидетельств античной традиции, сделаем несколько общих принципиальных замечаний, которые позволят нам определить исходную позицию для оценки роли Дельф в Греко-персидских войнах. Прежде всего, весьма обоснованным представляется высказанное Г. Берве и рядом других авторов мнение: те, кто обращался к оракулу с вопросом типа *εἰ λῶρον καὶ ἄμεινον ἔσται*, вправе были ожидать, что при ответе пифия будет исходить из их собственных интересов, независимо от общегреческой ситуации. Такой подход вплотную подводит нас к более широкой теме – социальной значимости пророчеств у древних народов. В последние десятилетия к ней неоднократно обращались исследователи; из самых заметных работ этого социологического направления, в которых анализировалось функционирование греческих прорицалищ, назовем статьи Р. Паркера «Греческие государства и греческие оракулы»¹⁰ и К. Морган «Дивинация и общество в Дельфах и Дидиме»¹¹. По определению К. Морган, оракулы в обществе являлись регулирующим механизмом, который давал возможность руководству общины использовать божественную санкцию, чтобы достигнуть согласия относительно трудных, часто не имеющих прецедента и находящихся за пределами знания общинной элиты решений.

Из этого определения становится ясной особая роль таких религиозных центров, как прорицалище в Дельфах, в предотвращении и гашении конфликтов внутри общины, что было одной из основ возвышения Пифийского святилища в эпоху складывания полиса, для которой эти конфликты были особенно характерны. Не имея возможности специально останавливаться на этой проблеме в рамках данного очерка, отметим другое важное следствие такого подхода к оценке социальной роли пророчеств: основное назначение божественного изречения состояло в том, чтобы служить руководством к действию. Касался ли вопрос, адресованный оракулу, прошлого или будущего, он, как правило, имел в виду то, что следовало сделать в настоящем, устраняя последствия прошлых событий или пытаясь предотвратить их в будущем. Предсказание помогало вопрошавшему перейти от сомнения к действию, снабдив его очевидно объективным и бесспорно авторитетным советом, освященным религиозной санкцией.

Характерны, с этой точки зрения, многочисленные обращения в Дельфы с связи с военными предприятиями, которые были важнейшей составляющей межгосударственных отношений. Консультации, как правило, совершались перед началом важных военных компаний, непосредственно перед сражением или в условиях особенных затруднений при проведении военных операций и требовали не только простого «благо-

⁹ Kienast D. Die Politisierung des griechischen Nationalbewusstseins und die Rolle Delphis im grossen Perserkrieg // Rom und der griechische Osten. Festschrift für H.H. Schmitt zum 65. Geburtstag / Hrsg. von Ch. Schubert, K. Brodersen. Stuttgart, 1995. S. 117–133.

¹⁰ Parker R. Greek States and Greek Oracles // Crux. Essays in Greek History presented to G.E.M. de Ste. Croix on his 75th birthday / Ed. P.A. Cartledge, F.D. Harvey. L., 1985. P. 298–326.

¹¹ Morgan C. Divination and Society at Delphi and Didyma // Hermathena. 1989. 147. P. 17–42.

словения», но и действенного практического совета¹². Значимость таких обращений, а также содержание дельфийских советов, которые не были лишь формальной религиозной санкцией, говорит в пользу их практической ценности и общего авторитета у греков.

Однако воплощение идеального стремления к объективности безусловно сталкивалось со значительными трудностями. Дельфийцы действовали прежде всего в своих интересах, когда вопрос касался автономии святилища и контроля над оракулом. Кроме того, имели значение политический фактор и возможность давления со стороны могущественных клиентов оракула. Зачастую интересы последних часто сталкивались и находились в противоречии, причем одна сторона обращалась за советом и руководством в действиях против другой. Так же трудно было сохранить беспристрастность и по отношению к богатым дарителям, которые получали в Дельфах привилегии. Из рассказов античных авторов о позднейших событиях нам известны даже случаи прямого подкупа пифии, впрочем, крайне немногочисленные, чтобы считаться решающим фактором в получении прорицания.

Дельфы как панэллинский религиозный центр и место проведения общегреческого праздника безусловно сыграли важную роль в складывании идеи общности греков, в развитии процесса самоидентификации. Особенно это заметно в архаическую эпоху, когда в Элладе формировалась и распространялась полисная модель. Вместе с тем с развитием контактов эллинского мира с варварским значительное место в дельфийских связях занимает отношения с восточными правителями. Богатые приношения последних в Дельфы демонстрируют не только особенное их благочестие, но и ту важную роль, которую они отводили авторитетному общегреческому центру в своих внешнеполитических акциях, касающихся греков. Среди зарубежных дарителей в Дельфы можно назвать и фригийца Мидаса, и лидийских Мермнадов, и египетского фараона Амасиса. В классическую эпоху оракул, как представляется, не претендовал на роль «национального лидера», напротив, именно Дельфы в сравнении с прочими панэллинскими центрами (прежде всего Олимпией) характеризует определенный космополитизм.

Обратимся теперь к характеристике сохранившихся свидетельств античной традиции. Важнейшим источником сведений о позиции Дельф в период Греко-персидских войн является знаменитая «История» Геродота. Значительную часть данных Геродота составляют передаваемые им пророчества пифии, в связи с чем встает вопрос о том, насколько эти оракулы аутентичны и в какой мере они могут быть использованы в качестве источника. Современная гиперкритика пытается представить Геродота не исследователем, а сочинителем, свидетельства которого не имеют исторической ценности, при этом почти все дельфийские изречения, передаваемые историком, объявляются либо литературными измышлениями, либо апологетическими фальсификациями¹³. Взгляды новейших последователей этого направления берут начало в историографической традиции XIX в., которая в 50-е годы прошлого столетия нашла особенно яркое выражение в работах Ж. Дефрада и Р. Краэя. Согласно Ж. Дефрада, все дельфийские рассказы, сообщаемые в «Истории», сочинены дельфийским жрецеством, Геродот выступает лишь «верным эхом популярных в святилище Аполлона идей»¹⁴. Р. Краэй полагает, что пифийские пророчества, цитируемые Геродотом, являются восходящей либо к дельфийской, либо к той или иной местной традиции «оракульной

¹² Lonis R. Guerre et Religion en Grèce à l'époque classique. Recherches sur les rites, les dieux, l'idéologie de la victoire. P., 1979. P. 74–77.

¹³ Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodote. B.–N.Y., 1971; Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley, 1978. О настоящем наступлении гиперкритики 80–90-х годов XX в. на сочинение Геродота с указанием новейшей литературы см. подробнее: Родс П. Дж. В защиту греческих историков // Античность и средневековье Европы / Под ред. И.Л. Маяк и А.З. Нюркаевой. Пермь, 1994. С. 14–30.

¹⁴ Defradas J. Les thème de la propagande delphique. P., 1954 (2de ed P., 1972). P. 226.

литературой», которая в то же время широко использовалась как действенное средство политической пропаганды¹⁵.

Однако большинство исследователей второй половины XX в. справедливо оценивают данные античных источников с большим доверием¹⁶. Вряд ли возможно представлять Геродота лишь писателем, умело эксплуатирующим религиозные представления в угоду литературному жанру, или добросовестным, но наивными информатором, оказывающимся игрушкой в руках жречества. Историк при скептическом отношении к некоторым народным религиозным представлениям отличается искренним и глубоким почитанием оракулов (см., например, его собственное заявление в VIII. 77) и по сути делает божественное предопределение основой излагаемой им истории. Вера в оракулы и общий образ Дельф, который мы находим у Геродота, не являются лишь особенностью его личных представлений, с большим или меньшим пиететом их разделяют и другие античные авторы. Оракулы играли немалую социальную роль в древних обществах, которая определялась типом мышления, вырабатывающим собственные представления об основах миропорядка, а также механизмы, поддерживающие стабильность этих основ, в том числе пути приобщения к божественному знанию и способы передачи накопленного опыта и традиционной мудрости.

Большинство оракулов, содержащихся в «Истории», стали, видимо, результатом изысканий самого автора. Некоторые прорицания, по словам Геродота, передаются им на основании местных традиций (например, прорицание книдьянам – I. 174. 4). Геродот сообщает, что в Додоне он расспрашивал жрецов о происхождении тамошних оракулов (II. 55. 2), такие же авторитетные свидетельства он, по-видимому, получил и от дельфийцев, на которых часто ссылается. Таким образом, мы вправе предположить, что большинство пророчеств восходят к устным пересказам информаторов Геродота – служителей святилища Аполлона или к архивам храма, существование которых, как представляется, вряд ли нужно ставить под сомнение. Для крупнейшего оракульного центра сохранение информации различного рода было естественной потребностью, практики фиксации и хранения ответов Дельфийского оракула засвидетельствована, например, в Спарте (Herod. VI. 57. 4). В оценке аутентичности оракулов, передаваемых Геродотом в связи с событиями Греко-персидских войн, необходимо исходить также из того обстоятельства, что ко времени написания его труда (ок. 465–430 гг.) были живы участники описанных событий. С другой стороны, несомненно было бы ошибкой отвергать всякую возможность как позднейших, так и близких по времени к описываемым событиям фальсификаций – традиция безусловно сохранила подобные примеры. В случае оракулов, относящихся к эпохе Греко-персидских войн, эти измышления чаще всего связаны с более поздними интерпретациями дельфийских пророчеств.

Итак, в центре нашего внимания оказываются события кануна Греко-персидских войн. Еще до элинов жертвой растущего могущества персов стала Лидийская держава, правитель которой Крез был известен чрезвычайным пиететом в отношении греческих святилищ¹⁷. Не имея возможности подробно останавливаться на разборе всех свидетельств традиции о связях Креза и Дельф¹⁸, обратимся лишь к особенно

¹⁵ Crahay R. La littérature oraculaire chez Hérodote. P., 1956.

¹⁶ См. Подс. Ук. соч.; Nilsson M.P. Das delphische Orakel in der neuesten Literatur // Historia. 1958. VII. S. 237–250, особ. см. 245 ff.; Zeilhofer. Op. cit. S. 26; Brenk F.E. Rec.: Fontenrose J. The Delphic Oracle. Berkeley, 1978 // Gnomon. 1980. 52. 8. P. 700–706; Robertson N. Rec.: Fontenrose J. The Delphic Oracle. Berkeley, 1978 // Phoenix. 1982. 36. № 4. P. 358–363; Bremmer J.N. Rec.: Fontenrose J. The Delphic Oracle. Berkeley, 1978 // Mnemosyne. 1983. 36. 3–4. P. 441–442; Hammond. Op. cit. P. 541; Kienast. Die Politisierung... S. 117.

¹⁷ О богатейших посвящениях Креза в Дельфы см. Herod. I. 50–52. 1; 92; Diod. Sic. XVI. 56. 6; Plut. De def. or. 401 e; Paus. X. 13. 5.

¹⁸ Отношения Дельф с лидийской династией Мермнадов и особенно с Крезом в последние десятилетия вызвали пристальный интерес антиковедов. Из важнейших работ по этой теме укажем: White M.E. Herodotus' Starting-Point // Phoenix. 1969. 23. P. 39–48; Heuss A. Motive von Herodots lydischem Logos // Hermes. 1973. 101. S. 385–419; Parke H.W. Croesus and Delphi // GRBS. 1984. 25. P. 209–232; Burkert W. Das Ende des Kroisos: Vorstufen einer herodoteischen Geschichtserzählung // Catalepton: Festschrift für Bernhard Wyss zum 80.

важному для нашей темы оракулу о разрушении великого царства – самому знаменитому из дельфийских пророчеств, адресованных Крезу. Намереваясь сокрушить Персидскую державу, лидийский правитель, по-видимому, в поисках союзников среди греков, отправил посольство к авторитетному панэллинскому оракулу в Дельфах с вопросом, следует ли ему идти войной против персов и искать для этого союзников. Ответ пифии гласил: если Крез начнет войну, то сокрушит великое царство¹⁹.

Оракул также посоветовал царю заключить союз с самыми могущественными из эллинов²⁰, и Геродот сообщает, что тот отдал первенство Спарте²¹. Лидийский правитель отправил в Спарту послов с дарами и предложением союза, причем полученный оракул выдвигался в речи посланников в качестве главного аргумента для заключения договора. Аналогичным образом мотивируется Геродотом согласие спартанцев, при этом историк добавляет также причину более практического свойства, указывая, что Крез уже ранее оказал спартам ряд услуг (Herod. I. 69. 4).

Приведенный выше оракул современными учеными, вслед за античной традицией, обычно рассматривается как хрестоматийный пример двойственного характера ответов дельфийского бога. Согласно объяснению Геродота, Аполлон имел в виду гибель не Персидской, а Лидийской державы. Для историка несомненно то, что Крез неверно истолковал дельфийское пророчество из-за собственной самонадеянности (ὑβρις) и тем самым утвердился в движении к собственной гибели – пути, начертанном богами (Herod. I. 71 sqq.). Однако вероятно, что Крез был не столь уж далек от истины и первоначальный ответ пифии вполне определенно имел в виду его победу. В пользу такого вывода можно привести следующие важнейшие аргументы: 1) могущество Лидийской державы убедительно объясняет то, что сам Крез и греческое общественное мнение во главе с Дельфами считали победу Лидии над персами вполне возможной; 2) рекомендация пифии искать союза с эллинами также больше согласуется с указанным толкованием, иначе трудно объяснить, почему Дельфы решили обречь на неудачу и смерть и лучшие силы греков; 3) необъяснимой остается и та полная гармония, которая царила в отношениях Крез – Дельфы уже после получения данного пророчества. Ведь, обрадованный полученным ответом, Крез вновь отправил в Пифо посольство с дарами дельфийцам, каждый из которых получил по два золотых статера. В свою очередь те предоставили Крезу и лидийцам право первыми вопрошать оракул, свободу от пошлин и налогов и почетные места на Пифийских играх, кроме того, каждый лидией получил право гражданства в Дельфах на вечные времена (Herod. I. 54). Это сообщение Геродота несомненно восходит к документальному источнику²².

Очевидно, что приводимое Геродотом толкование оракула в пользу персов было сделано после того, как стала известна печальная судьба Лидии и ее правителя. Мы имеем достаточно оснований полагать, что тема неверного истолкования Крезом прорицания в результате излишней самоуверенности и надменности – позднейший мотив. По-видимому, это объяснение, как нельзя лучше соответствующее морализаторскому характеру данного пассажа, ведет свое начало от дельфийского источника,

Geburtstag / Hrsg. von Chr. Schäublin. Basel, 1985. S. 4–15; Flower H.I. Herodotus and Delphic Traditions about Croesus // *Georgica. Greek Studies in Honour of George Cawkwell* / Ed. M.A. Flower, M. Toher. L., 1991. P. 57–77.

¹⁹ Herod. I. 53; P–W, № 53; F Q 100; см. также Herod. I. 46. 3; 69. 2; 75. 2; 86. 1; 91. 4; Arist. Rhet. 1407 a 38; Diod. Sic. VIII. 31. 1; Suid. s.v. Κροῖσος; Cic. Div. II. 56. 115 и др. свидетельства.

²⁰ Herod. I. 53. 3; ср. Bengtson H. Die Staatsverträge des Altertums. Bd II: Die Verträge der griechisch-römischen Welt von 700–338 v. Chr. München, 1962; 1975² (далее – Bengtson SVA II). № 113.

²¹ В этом указании Дельф можно усмотреть механизм рекрутирования греческих наемников иноземными правителями (ср. готовность египетского фараона Амасиса, широко опиравшегося на греческих наемников, жертвовать значительные средства для восстановления сгоревшего в 548 г. храма в Дельфах, см. Herod. II. 180). Ср.: Jeffery L.H. Greece before the Persian Invasion // *CAH*. 2nd ed. V. IV. Cambr., 1988. P. 349.

²² Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. JL., 1957. С. 28; 30. См. также How W.W., Wells J. A Commentary on Herodotus. V. I–II. Oxf., 1928. Ad I. 54; Parke. Op. cit. P. 216. Not. 13.

который использует в своем изложении Геродот²³. Таким образом, знаменитый оракул Крезу свидетельствует о том, что в середине VI в., в эпоху нарастания персидской экспансии в Малой Азии, успешная борьба Креза в союзе с греками против персов представлялась в Дельфах до падения Сард (ок. 545 г.) вполне вероятной.

Первые указания на преобладание в Дельфах иных настроений связаны с прорицанием, адресованным жителям Книда, которые обратились к оракулу еще до ионийского восстания. Геродот повествует, что во время завоевания Ионии Гарпагом книдяне стали прокапывать узкую полосу земли, чтобы превратить свою землю в остров, однако во время этих работ на них обрушились несчастья (рабочие страдали от всевозможных травм, особенно от повреждений глаз осколками камней, когда приходилось пробивать скалу). Тогда-то они и отправили послов в Дельфы спросить бога о том, что препятствует им в выполнении замысла. Пифия, по рассказам книдян, которые и приводит Геродот, изрекла стихами в трехстопном размере ответ, запрещавший вести начатые работы потому, что превращение части суши в остров находится лишь в компетенции Зевса (Herod. I. 174; P-W, № 63; F Q 112)²⁴. Содержание этого совета вполне вписывается в контакт общегреческих представлений, воплощением которых является знаменитая надпись дельфийского храма «Познай самого себя». Она должна была напоминать человеку о его природе и возможностях и служить предостережением от попыток сравниться с божеством. Прорицание книдянам ни по форме (переданный Геродотом стихотворный текст), ни по содержанию (отсутствие говорящих о позднейшем составлении отдельных подробностей) не дает оснований для сомнения в его подлинности. Геродот однозначно понимает этот оракул как совет отказаться от задуманного книдянами предприятия, чему они и последовали, сдавшись Гарпагу без боя.

В этом же ряду безрадостных пророчеств стоит совет пифии фокейцам переселиться на Кири (Корсику), чтобы избежать персидского господства (Herod. I. 165; P-W, № 49; F Q 93)²⁵, а также предсказание падения Милета (Herod. VI. 18–19; P-W, № 84; F Q 134; см. также Herod. VI. 77. 2)²⁶. Этот оракул милетяне получили как добавление к пророчеству аргосцам, когда последние спросили бога в Дельфах о спасении своего города еще до битвы при Сепии. Аполлон сулил Милету самую незавидную судьбу покоренного города, обещая несчастья и знаменитому святилищу в Дидимах. Геродот рассказывает, каким образом на шестой год ионийского восстания этот оракул исполнился: большую часть милетян-мужчин умертвили персы, носившие длинные волосы (о чем говорится в тексте прорицания), а их жен и детей обратили в рабство; священный же храмовый участок, а также храм и прорицалище Бранхидов были разграблены и преданы огню.

Сторонники аутентичного пророчества справедливо указывают на необычную комбинацию его с оракулом Аргосу, полагая, что фальсификатор должен был бы иметь мотив для фабрикация такого пророчества. Вероятно, это не прямое обращение пифии к милетянам и содержание пророчества в какой-то степени отражает ревнивое отношение Пифийского оракула к ведущему малоазийскому прорицалищу Аполлона, которое соперничало славой и богатством с Дельфами. Сам же характер пророчества

²³ Об аргументации в пользу этого мнения см. *Heuss*. Op. cit. S. 401–403; *Erbse H.* Studien zum Verständnis Herodots. B.–N.Y., 1971. S. 20; *Flower*. Op. cit. P. 71.

²⁴ Об этом оракуле см. *Parke, Wormell*. The Delphic Oracle... V. I. P. 141; *Crahay*. Op. cit. P. 327–328; *Zeithofer*. Op. cit. S. 25. Anm. 69; *Fontenrose*. Op. cit. P. 305–306; *Elayi*. Op. cit. V. XIV. P. 95–97; *Kienast*. Die Politisierung... S. 124.

²⁵ Об этом оракуле см. *Parke, Wormell*. The Delphic Oracle... V. I. P. 142; *Crahay*. Op. cit. P. 138–140; *Fontenrose*. Op. cit. P. 68; 299; *Kienast*. Die Politisierung... S. 124. Ср. также предложение Бианта из Приены (входящего, по традиции, в канон семи мудрецов, который в античной литературе неотделим от Аполлона и оракула в Дельфах) ионянам, собравшимся в Панионии отплыть всем вместе на Сардон (*Herod.* I. 170).

²⁶ Об этом оракуле см. *Parke, Wormell*. The Delphic Oracle... V. I. P. 158; *Crahay*. Op. cit. P. 175–179; *Zeithofer*. Op. cit. S. 25. Anm. 69; *Fontenrose*. Op. cit. P. 169; 313; *Elayi*. Op. cit. V. XIV. P. 97–98; *Kienast*. Die Politisierung... S. 124.

вполне соответствует мнению о бесперспективности борьбы для эллинов, которое утвердилось в Дельфах, по-видимому, еще до начала ионийского восстания. Безусловно, решающую роль в такой перемене настроений сыграло падение Лидии.

Мы не имеем данных традиции о политике жречества во время похода Датиса и Артаферна (490 г.). Позиция же Дельф на начальном этапе похода Ксеркса в 480 г. освещена Геродотом в следующих аспектах: 1) попытки участников эллинского союза против персов привлечь на свою сторону другие греческие полисы (прорицание Криту и Аргосу, действия сицилийского правителя Гелона); 2) оракулы и другие сведения о полисах-участниках антиперсидского союза (прорицания спартамцам, два оракула афинянам, а также оракул, полученный дельфийцами и адресованный грекам в целом).

Итак, чтобы склонить на свою сторону другие греческие общины, союзники отправили туда специальные посольства. Тогда-то за советом в Дельфы, как повествует Геродот, обратились Аргос и Крит. Критяне спросили бога, лучше ли будет для них помочь Элладе. В ответ пифия напомнила им о древнем предании, согласно которому жители Крита были наказаны проклятием умершего Миноса, когда не отомстили за его вероломное убийство, а выбрали вместо этого поддержку похода Менелая в Трою (Herod. VII. 169. 2; P-W, № 93; F Q 145)²⁷. Смысл совета пифии состоял в том, что и теперь, если бы критяне оказали поддержку союзникам, их остров, удаленный от Средней Греции, подвергался персидской угрозе и не мог ожидать помощи от материковой Греции. Оракул однозначно советовал критянам воздержаться от помощи Элладе и являлся наилучшим практическим советом для критян в данной ситуации.

В качестве оснований для сомнений в аутентичности этого пророчества, как правило, выдвигается то обстоятельство, что оракул передается в прозе, а остатки стихотворного текста, которые можно увидеть в переложении Геродота, сохранили следы ямбического размера в отличие от обычного для прорицаний пифии гекзаметра²⁸. Однако наряду с гекзаметром в ответах пифии использовались и иные стихотворные размеры, хотя и не так часто (ср. Herod. VII. 220: ταῦτα δὲ σφί ἐν ἔπεισι ἔξακέτροισι χρά), к тому же для фальсификации естественнее было бы избрать более распространенную форму. Таким образом, в языковом отношении у нас нет достаточных оснований отвергать текст оракула. Как справедливо отмечает большинство исследователей, нет оснований считать его подложным и с точки зрения содержания.

Относительно Аргоса Геродот сообщает, что когда его жители узнали, что эллины собираются вовлечь их в войну с персами, то отправили послов в Дельфы спросить бога, как им лучше всего поступить. Совет пифии, согласно Геродоту, был необходим еще и потому, что незадолго до этого шесть тысяч аргосцев пало в борьбе против лакедемонян, которых возглавлял царь Клеомен, сын Анаксандрида. Пифией был дан ответ (Herod. VII. 148; P-W, № 92; F Q 144), вполне определенно рекомендовавший аргосцам оставаться дома, не предпринимать никаких решительных действий, «беречь голову», которая «спасет и тело». Аутентичность этого предсказания признается большинством исследователей²⁹.

Г. Цайльхофер, опираясь на встречающуюся в античной литературе аллегория (κεφαλή / κάρη – руководство полиса, ὄμμα – община; ср. Herod. VII. 140. 2; Arist. Pol.

²⁷ Об этом оракуле см. Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 4. Aufl. Bd IV. Abt. I. Stuttgart, 1944. S. 348. Anm. 1; Crahay. Op. cit. P. 324–325; Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. II. P. XXII. Not. 2; Zeilhofer. Op. cit. S. 27; Hignett C. Xerxes' Invasion of Greece. Oxf., 1963. P. 440; Fontenrose. Op. cit. P. 316; Kienast. Die Politisierung... S. 125.

²⁸ См., например: Busolt G. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd. II. Gotha, 1895. S. 658. Anm. 6.

²⁹ Подлинность пророчества оспаривают Р. Краэй и Дж. Фонтенроуз (Crahay. Op. cit. P. 321–324; Fontenrose. Op. cit. P. 128, 220, 316). Подлинным считают оракул Эд. Майер (Op. cit. Bd IV. Abt. I. S. 348. Anm. 1), У. Хау и Дж. Уэллс (Op. cit. Ad VII, 148), К. Хигнет (Op. cit. P. 440 f.), Г. Парк (Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 165). Д. Кинаст полагает, что нет особенных оснований отвергать оракул аргосцам как подложный, и указывает к тому же, что даже если бы оракулы аргосцам и критянам были сфальсифицированы, они должны совпадать с генеральной позицией Дельф в то время (Die Politisierung... S. 126).

V. 2.7), предлагает толковать этот дельфийский оракул как указание на внутривосточную ситуацию в Аргосе, которая претерпела существенные изменения после поражения аргосцев при Сепии (Herod. VI. 83; Arist. Pol. V. 2.8): совет беречь голову подразумевает сохранять ко всеобщему благу существовавшую власть³⁰. Из-за значительных потерь и внутривосточных катаклизмов Аргос едва ли был в состоянии эффективно поддержать борьбу греков с персами. Как представляется, прорицание оракула лишь учитывает существовавшую в Аргосе ситуацию, поэтому и в данном случае речь не может идти о мидизме Дельф.

Повествование Геродота некоторым образом связывает с Дельфами и позицию сиракузского тирана Гелона, к которому эллины также отправили гонцов за помощью, но посольство это не имело успеха (VII. 153, 157–162). Тотчас после вторжения персов в Грецию этот правитель отправляет посла Кадма с Коса на трех 50-весельных кораблях, нагруженных сокровищами, в Дельфы с конфиденциальным поручением – ждать исхода борьбы. Кадм был проинструктирован следующим образом: в случае победы персов передать Ксерксу сокровища, а также землю и воду в знак подчинения царю владений Гелона; если бы победили греки, он должен был вернуться в Сиракузы, что он в конечном счете и сделал (VII. 163–164).

Любопытен сам факт использования Дельф в качестве подходящей базы для ожидания. По мнению Г. Парка, хотя до нас и не дошли свидетельства о консультации Гелона в Дельфах, но ему, по-видимому, было известно намерение последних сохранять нейтралитет и капитулировать перед Персией в случае необходимости³¹. Представляется однако, что выбор Дельф в данной ситуации мог быть продиктован не только осторожной позицией оракула, но и иными соображениями: крупнейший религиозный центр Эллады мог обеспечить большую безопасность послу с подобной миссией и сокровищами и стать центром возможных переговоров с персами в случае их победы.

Особенно ярко характерный в тот период для Дельф взгляд на исход борьбы с Варваром обнаруживается в прорицаниях, адресованных участникам антиперсидской коалиции до важнейших сражений 480 г. По Геродоту, еще в самом начале войны спартанцы получили малоутешительное изречение оракула, согласно которому или Лакедемон будет разрушен варварами, или ему придется оплакивать одного из царственных потомков Геракла (Herod. VII. 220; P–W, № 100, F Q 152).

Геродот приводит стихотворный текст оракула в рассказе о героической гибели спартанского царя Леонида. Наш автор не сомневается в подлинности этого оракула, который, по его мнению, стал одной из причин, определивших решение Леонида стоять до конца при Фермопилах: ведь жертвенная смерть царя, на которую тот идет сознательно, должна была стать ценой спасения Лакедемона. У более поздних античных авторов подлинность этого оракула также не вызывала сомнений (Diod. XI. 4. 4; Plut. Pelop. 21). Рассматривая этот оракул в контексте повествования Геродота о Леониде, современные исследователи настроены более скептически³². В пользу позднего составления оракула выдвигаются различные доказательства, главными среди которых являются следующие. Прежде всего, альтернатива, которая составляет содержание пророчества (либо Спарта погибнет, либо смерть суждена ее царю), слишком точно воспроизводит ситуацию сражения при Фермопилах. В действительности смерть царя в борьбе с врагом, скорее, могла бы означать дальнейшие беды, а не спасение для Лакедемона. Кроме того, знаменитая эпитафия говорит об иных

³⁰ Подробнее см. *Zeithofer*. Op. cit. S. 27–28.

³¹ *Parke, Wormell*. The Delphic Oracle... V. I. P. 166.

³² Подлинность оракула оспаривают: *Beloch K.J.* Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd II. Abt. 2. Strassburg, 1916. S. 91 ff. («извинение неспособности Леонида»); *Meyer*. Op. cit. Bd IV. Abt. I. S. 348. Anm. 1; *Crahay*. Op. cit. P. 308 suiv. («позднейшее объяснение поведения Леонида религиозными мотивами»); *Parke H.W., Wormell D.E.W.* Notes on Delphic Oracles // CIQ. 1949. XLIII. P. 139; *idem*. The Delphic Oracle... V. I. P. 167; V. II. P. 44; *Zeithofer*. Op. cit. S. 20–22; *Hignett*. Op. cit. P. 440; *Fontenrose*. Op. cit. P. 77 f., 319 (подделка «по образцу мифического оракула афинскому царю Кодру», ср. *Paus.* VII. 25. 2).

мотивах стойкости павших при Фермопилах – она прославляет их за доблестную смерть, которую они приняли, следуя спартанским законам (τοῖς κείων ῥήμασι πεῖθόμενοι – Herod. VII. 228), по образному выражению Г. Берве, «исполняя дух лакедемонского космоса»³³. На основании этих аргументов делается вывод, что не оракул определил поведение Леонида, а напротив, этот трагический случай стал основанием для составления оракула. По мнению Г. Парка, оракул мог быть составлен *post eventum* для моральной поддержки спартанцев и укрепления стойкости их духа вскоре после Фермопильского сражения³⁴. Г. Цайльхофер же полагает, что пророчество было составлено уже после сражений при Саламине и Платеях, когда судьба Греции была решена и стало возможным заявить (как это и сделано в прорицании), что Спарте после гибели своего царя больше нечего опасаться³⁵.

Без сомнения, толкование этого оракула у Геродота в связи с трагедией Леонида и спартанцев у Фермопил не выдерживает критики. Однако если отвлечься от интерпретации историка, то вовсе нет необходимости считать этот оракул составленным *post eventum*. Д. Кинаст убедительно связывает это прорицание с ситуацией, которая сложилась в Спарте после изгнания царя Демарата, на смену которому с помощью интриг его коллеги по царской должности Клеомена пришел Леотихид: если спартанцы вновь сделают царем Демарата, находившегося в то время в персидском лагере, то, возможно, пострадает его преемник Леотихид, в случае же своей победы персы могут вернуть Демарата в Спарту насильственным путем, и тогда несчастья ожидают весь Лакедемон³⁶. Толкование Д. Кинаста позволяет объяснить и еще одну загадку этого пророчества: невероятное в устах пифии сравнение Ксеркса с Зевсом. Упоминание в тексте прорицания в связи с образом царя быка и льва, а также ссылка на его богоравность приводит Д. Кинаста к обоснованному, на наш взгляд, выводу о том, что текст прорицания показывает знакомство с персидской идеологией³⁷. Это в свою очередь также свидетельствует в пользу его аутентичности. Таким образом, позднейшим измышлением следует признать не текст оракула, а толкование, которое дает ему Геродот.

Одно из важнейших свидетельств Геродота касается Афин (VII. 139–144). Прославляя их заслуги в борьбе с персами, автор подробно рассказывает о посольстве афинян в Дельфы. «После обычных обрядов в священном участке афинские послы вступили в святилище и там воссели. Пифия по имени Аристоника изрекла им оракул», посетующий немедленно бежать «к земному пределу», так как городу их уготованы тяжелейшие несчастья (Herod. VII. 140; P–W, № 94; F Q 146). Геродот повествует далее, что этот ответ оракула поверг в отчаяние афинских послов, однако некто Тимон, сын Андробула, один из самых уважаемых людей в Дельфах, посоветовал им вернуться в святилище с оливковыми ветвями в качестве «умоляющих бога о защите». Афиняне так и поступили, обратившись к богу с просьбой о более милостивом прорицании для родного города и угрожая в противном случае не покинуть святилища вовсе и остаться здесь до конца своих дней (Herod. VII. 141)³⁸. Геродот сообщает и второй оракул, адресованный афинянам и не столь безнадежный, как первый: в нем спасение связывалось с деревянной стеной, а Саламин назывался божественным островом (Herod. VII. 141; P–W, № 95; F Q 147).

³³ Berve H. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Freiburg, 1951. S. 257.

³⁴ Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 167; V. II. P. 44.

³⁵ Zeilhofer. Op. cit. S. 22.

³⁶ Kienast. Die Politisierung... S. 125.

³⁷ О параллелях в изображении царя в тексте прорицания с рельефом из Персеполя см. Burn A.R. Persia and the Greeks. 2nd ed. L., 1973. P. 393 f. См. также: Kienast D. Der Wagen des Ahura Mazda und der Ausmarsch des Xerxes // Chiron. 1996. 26. S. 285–313.

³⁸ Подобная настойчивость, по мнению Д. Кинаста, вполне соответствует тогдашним представлениям древних греков (Die Politisierung... S. 129); ср. Eurip. Iphig. T. 972 sqq.; Herod. I. 159. 3 – поведение послов из Кимы. Х. Ллойд-Джоунс считает, что подобная угроза осквернить святилище своей смертью использовалась Данаидами в «Просительницах» Эсхила (Op. cit. P. 69).

Далее историк указывает, что это изречение оракула послы записали, так как оно казалось им милостивее первого, и затем возвратились в Афины, где объявили ответ оракула народному собранию (Herod. VII. 142). Относительно его смысла в Афинах развернулись чрезвычайно оживленные дебаты. Дальнейшее изложение Геродота, повествующего о попытках толкования этого пророчества, представляет собой, по справедливому замечанию М. Нильссона, великолепный пример практичности, демонстрируемой в интерпретации оракулов³⁹, а также использования пророчеств в политической борьбе. Относительно толкования оракула высказывались главным образом два мнения: некоторые старики считали, что выражение «деревянная стена» относится к ограде Акрополя, которая в древние времена представляла собой плетеную изгородь из терновника. Однако, как становится ясно из последующего рассказа Геродота, они ошибались – персы захватили и афинский кремль (VIII. 51). Другие же говорили, что под «деревянной стеной» Пифийский бог подразумевает корабли, и предлагали поэтому привести флот в боевую готовность.

Однако сторонников такой интерпретации прорицания смущали два последних стиха Пифии о «божественном Саламине», так как толкователи понимали их как предсказание поражения афинян в морском сражении при Саламине (Herod. VII. 142). Фемистокл же, по словам Геродота, недавно выдвинувшийся на первое место среди наиболее влиятельных граждан, утверждал, что эти последние строки относятся к врагам, а не к афинянам, ведь в противном случае Саламин был бы назван не «божественным», а «несчастливым». Поэтому он советовал афинянам готовиться к морской битве, так как «деревянная стена» и есть корабли. Его аргументы понравились афинянам гораздо больше, чем объяснение тех толкователей оракулов, которые были против приготовлений к битве на море и вообще советовали не только не поднимать руки на врага, но покинуть Аттику и поселиться где-нибудь в другой стране (Herod. VII. 143; ср. Plut. Them. 10)⁴⁰. Вес словам Фемистокла придали победы греческого флота у северного побережья Эвбеи и поддержка, которой пользовался Фемистокл у тех, кто составлял команды афинских кораблей⁴¹. Таким образом, афиняне решили по совету бога встретить всей своей военной мощью на море нападение варваров на Элладу вместе с эллинскими городами, которые пожелали к ним присоединиться (Herod. VII. 144).

Как нам представляется, нет достаточных оснований отвергать истинность первого и второго прорицания афинянам⁴². Хотя пифия предрекала в этом пророчестве множество ужасных несчастий и афинянам и всем грекам вообще, нет оснований полагать,

³⁹ Nilsson. Cults... P. 126.

⁴⁰ Некоторые современные исследователи полагают, что истинный смысл прорицания состоял как раз в указании на корабли как на единственное средство спасения бегством на Запад; см., например, Лурье. Ук. соч. С. 257.

⁴¹ Kienast. Die Politisierung... S. 130.

⁴² В пользу подлинности высказывается подавляющее большинство исследователей: Busolt. Op. cit. Bd II. S. 661. Anm. 1; How, Wells. Op. cit. Ad loc.; Meyer. Op. cit. Bd IV. Abt. I. S. 248. Anm. 1; Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. 2. Aufl. Bd I. München, 1955. S. 627. Anm. 1; idem. Das delphische Orakel... S. 246–247; Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 170; Zeilhofer. Op. cit. S. 28; Lloyd-Jones. Op. cit. P. 68–69; Hammond. Op. cit. P. 541–542. Согласно Р. Краэю (Op. cit. P. 295 suiv.) и Дж. Фонтенроузу (Op. cit. P. 124 ff.), оба оракула афинянам являются измышлением Фемистокла (ср. Georges P.B. Saving Herodotus' Phenomena: The Oracles and the Events 480 B.C. // ClAnt. 1986. V. V. № 1–2. P. 19 ff.; автор полагает, что оракулы – это измышление афинских феопропов) и не имеют отношения к Дельфам, однако это мнение противоречит явному факту: рассказ Геродота (VII. 140–141) происходит из дельфийского источника, причем называются имена пифии Аристокники и дельфийца Тимона; см. Jacoby F. Herodotus // RE. Supplbd II. Hbbd 2. 1913. Sp. 454; Zeilhofer. Op. cit. S. 28. Anm. 83. Д. Кинаст полагает первый оракул афинянам подложным, второй же – истинным, отмечая, что в пользу его подлинности говорит и сам факт оживленных дискуссий в Афинах (Die Politisierung... S. 128–130). Особая дискуссия развернулась вокруг двух последних строк второго оракула афинянам (о божественном Саламине), против аутентичности которых высказываются, например: Meyer. Op. cit. S. 348. Anm. 1; Busolt. Op. cit. Bd II. S. 661. Anm. 1; Labarbe J. La loi navale de Thémistocle. P., 1957. P. 109 suiv.

что таким образом Дельфы вставали на сторону персов⁴³. Прямо противоположное толкование обычно связывается с проблемой датировки этого оракула: ряд исследователей вслед за Леншау относят его к 483/2 г., т.е. ко времени, когда над Грецией еще не нависла непосредственная угроза, и видят в нем проявление проперсидской позиции оракула. Однако в рассказе Геродота первый и второй оракул афинянам представляют собой не только смысловое, но и временное единство: между двумя обращениями афинских послов к оракулу едва ли могло пройти более одного дня; современные исследователи подчеркивают также, что более длительный промежуток вряд ли был возможен ввиду серьезности военной ситуации⁴⁴. Поэтому нам кажется более обоснованным мнение, согласно которому оба оракула на основании содержания и характера второго пророчества датируются временем непосредственно перед Фермопильским сражением, когда опасность, нависшая над Грецией, была уже очень близка⁴⁵. Таким образом, в первом оракуле афинянам, скорее, можно усмотреть не свидетельство мезизма Дельф, а предостережение дельфийского жречества об угрожавшей Афинам катастрофе.

Во втором пифийском изречении мы видим уже два мотива: во-первых, неотвратимое разрушение города, во-вторых, проблеск надежды в словах о деревянной стене, которой единственной суждено уцелеть, и в двух последних строках о божественном Саламине. Эти два указания точно отражают стратегический план Фемистокла запереть в теснине Саламина численно превосходящий флот персов. Как представляется, информированные⁴⁶ об этом плане, вероятно, афинскими послами, Дельфы дают теперь более оптимистичный прогноз, который должен был означать, что только с применением флота в теснине Саламина должны связываться их ожидания спасения. Толкование Фемистокла предполагало, что Дельфы безусловно стоят на сторону греков, объединившихся против персов, иначе зачем ему так настойчиво искать одобрения Дельф, мезизм которых был бы широко известен.

Сходный с духом второго прорицания афинянам характер носит и ответ Пифийского бога, адресованный дельфийцам, но касавшийся греков в целом. Геродот сообщает, что дельфийцы, страшась за свою судьбу и участь всей Эллады, спросили бога, который ответил им: «нужно молиться ветрам, ибо они будут могучими союзниками Эллады» (Herod. VII. 178; P-W, № 96; F Q 148). Наш автор повествует, что этот ответ оракула стал известен среди всех свободолюбивых эллинов, которые испытывали страх перед персами, за что дельфийцы, это прорицание «им возвестив, благодарностью навеки стяжали» (ἐξαγγείλαντες χάριν ἀθάνατον κατέθειντο). Затем они воздвигли ветрам алтарь в Фие, где находилось и святилище Фии, дочери Кефиса, от имени которой происходило название этого места, и принесли там жертвы. Геродот указывает, что и в его время в память этого оракула дельфийцы умиловывали ветры жертвоприношениями (VII. 178).

Р. Крайз в соответствии со своей общей концепцией считает оракул позднейшей фальсификацией⁴⁷. Дж. Фонтенроуз оценивает его как возможно подлинный («possibly genuine») ⁴⁸, Г. Парк отмечает, что он вызывает меньше скептицизма, чем прорицание спартамцам, и справедливо полагает, что нет оснований считать его позднейшим измышлением⁴⁹.

Д. Кинаст считает, что ясный и безусловно позитивный характер данного дельфийцам прорицания, поразительно контрастирующий с малоободряющим ответом пифии

⁴³ Однако именно такое толкование см. *Burn*. Op. cit. P. 345. Против высказываются: *Hignett*. Op. cit. P. 444 f.; *Zeithofer*. Op. cit. S. 28–20. *Kienast*. Die Politisierung... S. 129.

⁴⁴ *Zeithofer*. Op. cit. S. 29; *Kienast*. Die Politisierung... S. 129.

⁴⁵ *Zeithofer*. Op. cit. S. 29–30. Ср. *Hammond*. Op. cit. P. 542 (авг.-сент. 481 г.).

⁴⁶ Об этом см. *Parke*, *Wormell*. The Delphic Oracle... V. I. P. 170 f.; *Jameson M.H.* A Decree of Themistocles from Troizen // *Hesperia*. 1960. 29. P. 198 ff.; *Zeithofer*. Op. cit. S. 30.

⁴⁷ *Crahay*. Op. cit. P. 304–308.

⁴⁸ *Fontenrose*. Op. cit. P. 317.

⁴⁹ *Parke*, *Wormell*. The Delphic Oracle... V. I. P. 168.

афинянам, выглядит странно⁵⁰, и полагает, что первоначальной формой прорицания является версия оракула, сообщаемая Климентом Александрийским: «О дельфийцы, молитесь ветрам, и станет лучше» (Strom. VI. 3. 29. 5 p. 753; P–W, № 96). Д. Кинаст противопоставляет это свидетельство сообщению Геродота и, по его мнению, фраза о благодарности навеки, которую заслужили дельфийцы, более позднее приукрашивание рассказа: она составляет гекзаметр и происходит или из надписи на посвячительных дарах или из поэтического изложения более поздней версии пророчества, распространенной из Дельф, а вовсе не является частью первоначального пророчества. Ученый подчеркивает, что оракул не имел в виду катастрофу персидского флота, вызванную штормом, как это комментируется у Климента. Ветры, по его мнению, понимались дельфийцами прежде всего не как помощники людям, а как демоны подземного царства, которых должно смягчать жертвами на алтаре в Фие. Исследователь полагает, что «оракул о ветрах» испрашивался дельфийцами для собственной общины и лишь позднее был распространен на всех греков в целом, а также мог толковаться как указание Дельфийского бога искать помощи в борьбе с персами на море; в своей же первоначальной форме «оракул о ветрах» вряд ли носил характер поддержки и ободрения, он, скорее, указывал на необходимость примириться с ужасными ударами судьбы и попытаться умиловить грозные силы подземного мира.

Несмотря на множество интересных наблюдений, сделанных Д. Кинастом, все же в целом его аргументация не убеждает. Как Г. Парк оправданно подчеркивает, не нужно обладать даром предвидения, чтобы определить ожидание гибели персидского флота в результате бури как важнейшую греческую надежду, ведь подобное не было редкостью (гибель флота Мардония у Афона, потеря эскадры около Эвбеи). Именно в связи с последним из упомянутых инцидентов рассказывает Геродот об анонимном оракуле афинянам, которые по велению божества призвали себе на помощь своего "зятя" Борея, и указывает, что Борей, по словам самих афинян, уже и раньше помогал им и на этот раз вызвал бурю (VII. 189). Геродот приводит здесь, таким образом, распространенное среди греков мнение, которому и сам следует. Как представляется, характер данного дельфийского пророчества вовсе не контрастирует с ответом афинянам (если иметь в виду, конечно, второй оракул), а напротив, корреспондирует с ним по смыслу и духу, имея в виду одно и то же обстоятельство – спасение для Греции придет с моря, в этом, как нам кажется, и состоял первоначальный смысл пророчества.

Таким образом, на начальном этапе войны, до 480 г., позиция святилища характеризуется осторожностью и искренним неверием в возможность успешного противостояния персидскому нашествию. Однако кроме предостережений мы видим в дельфийских прорицаниях (оракуле, адресованном дельфийцам, и втором пророчестве афинянам) и другой мотив: надежды греков связывались прежде всего с морем, как показали дальнейшие события, вполне основательно.

Хотя союзники первоначально и не получили из Дельф какой-либо особой поддержки своим планам, данные традиции вовсе не говорят о политике противостояния союзу эллинов со стороны святилища. Добавим также, что религиозная основа эллинского союза против персов мыслилась чрезвычайно важной. Без сомнения, значение Аполлона Дельфийского в панэллинском масштабе было особенным (ведь в предшествующий архаический период Дельфы были религиозным центром всей Эллады⁵¹). Об этом говорит и текст клятвы эллинов, принесенной, по-видимому, осенью 481 г. во время собрания на Истме⁵². Она гласила, что каждый эллинский город, предавшийся

⁵⁰ Kienast. Die Politisierung... S. 126–128.

⁵¹ Высказывалось даже предположение, что именно благодаря Дельфам наименование «эллины» стало общим для всех греков; см. *Beloch K.J. Griechische Geschichte. 2. Aufl. Bd I. Strassburg, 1912. S. 331 f.*

⁵² О времени принятия клятвы см. *Строгецкий В.М. Панэллинская лига 481 г. до н.э. (возникновение и структура) // Социальная структура и политическая организация античного общества. Л., 1982. С. 53–55; Brunt A.R. Studies in Greek History and Thought. Oxf., 1993. P. 47 ff.; Baltrusch E. Symmachie und Spondai. Untersuchungen zum griechischen Völkerrecht der archaischen und klassischen Zeit (8.–5. Jahrhundert v. Chr.). B. – N. Y., 1994. S. 30–51, особ. 40, 45.*

персидскому царю, не вынужденный к этому необходимостью, в случае победы союзников обязан посвятить десятину богу в Дельфах (τούτους δεκατέυσα τῷ ἐν Δελφοῖσι θεῶν)⁵³. В соответствии с сообщением Диодора, речь шла о десятине после разрушения виновных в мидизме городов (Diod. XI. 3. 3; ср. Xen. 3. 20; 5. 35). Эти санкции, как представляется, не случайно напоминают о знаменитой клятве амфикитионов примерно наказывать того, кто нанес ущерб им или Дельфийскому святилищу, и сравнивать с землей такой город (ср. Aeschin. II. 115). Если эллины при основании своего союза угрожали «друзьям персов» подобным наказанием, то они, по-видимому, считали последних преступниками перед Дельфийским богом. Мнению о проперсидской ориентации Дельфийского оракула противоречит и отношение союзников к святилищу Аполлона после решающих побед греков (подробнее об этом см. ниже), а также традиционно взвешенная и осторожная позиция Дельф в целом (ср. Plut. De Pyth. or. 26. 407 с–е). Все же пессимистические настроения в Дельфах в отношении исхода борьбы с персами должны были ощутимо ослабить дело союзников.

Далее, Геродот предоставляет нам также целый комплекс свидетельств о позиции Дельф после 480 г. и отношении греков к святилищу после одержанных побед: рассказ о том, что святилище осталось в неприкосновенности в период персидского нашествия (объясняя это сверхъестественным вмешательством), оракулы афинянам и спартамцам, касающиеся сражения при Платеях, сообщение о посвящении 1/10 трофеев и других дарах греков в Дельфы.

Рассмотрим эту группу свидетельств подробнее. Геродот, согласно дельфийской традиции, красочно рассказывает, как попытка нападения на святилище была остановлена божественным вмешательством (VIII. 35–39). Часть персидской армии с опытными проводниками двинулась к Дельфам, чтобы разграбить святилище и передать его сокровища Ксерксу. Автор добавляет, что персидскому царю «сокровища дельфийского святилища были известны лучше оставленных им в своем доме: [у персов] только и было толков, что о сокровищах в Дельфах, в особенности же о посвященных дарах Креза, сына Алиатта» (VIII. 35, пер. Г.А. Стратановского)⁵⁴. Опасаясь за судьбу святилища, дельфийцы в страхе спросили оракул, закопать ли им в землю храмовые сокровища или вывезти в другую страну. Но Аполлон запретил им трогать сокровища, возвестив, что сам сумеет их защитить⁵⁵. Поэтому дельфийцы покинули город, после чего в нем осталось лишь 60 человек, среди которых был пророк Акерат. Он-то и заметил первым чудесные явления на территории священного участка, которые повергли персов в ужас и позволили спустившимся с гор дельфийцам перебить врагов (Herod. VIII. 37–39).

Весь рассказ Геродота об удивительном спасении святилища современные исследователи рассматривают как дельфийскую версию, составленную *post factum*⁵⁶, а тот факт, что святилище в период персидской оккупации не было занято и разграблено варварами, зачастую приводится как доказательство мидизма Дельф. Принимая возражения относительно сверхъестественного вмешательства в спасение святилища, заметим, однако, что, на наш взгляд, то обстоятельство, что оно уцелело в период персидской оккупации, вовсе не является доказательством особой дружбы жречества с Ксерксом. Сам факт неудачного нападения на Дельфы кажется вполне историческим и требует особого комментария.

⁵³ Herod. VII. 132; Bengtson. SVA II, № 130.

⁵⁴ Г. Парк отмечает, что информация Ксеркса могла происходить и из ионийских и фессалийских источников (Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 172).

⁵⁵ Herod. VIII. 36. 1; P–W, № 97; F Q 149; ср. Diod. XI. 14. 2; Paus. X. 8. 7. Об этом оракуле см. Hignett. Op. cit. P. 445 ff.; Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 171–173; Crahay. Op. cit. P. 333 suiv.; Fontenrose. Op. cit. P. 318.

⁵⁶ Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 171–173; Lloyd-Jones. Op. cit. P. 69; Kienast. Die Politisierung... S. 132.

Если бы описанное Геродотом военное предприятие персов против Дельф (которое сам автор связывает с намерением царя) было организовано по приказу Ксеркса⁵⁷, это был бы самый веский аргумент против мидизма Дельф. Однако еще Г. Помтовым было убедительно доказано, что данная военная экспедиция, очевидно, не являлась официальной акцией, совершенной по указанию персидского командования⁵⁸. Его выводы поддерживает Г. Парк, который также отмечает, что это, возможно, был лишь рейд персидских мародеров, и другие исследователи⁵⁹.

Это мнение согласуется также с другим указанием Геродота, где он рассказывает еще об одном дельфийском прорицании. Как передает историк, перед сражением при Платеях Мардоний на совете персидских военачальников объявил, что существует оракул, согласно которому персам суждено прийти в Элладу, разграбить Дельфийское святилище, а затем погибнуть (Herod. IX. 42; P–W, № 98; F Q 150); он сказал также, что гибель не угрожает персам, ведь они не собираются идти на Дельфы и грабить святилище. Тут же Геродот добавляет, что, насколько ему известно, это изречение оракула, которое, по словам Мардония, касалось персов, относилось вовсе не к персам, а к иллирийцам и к походу энхелеев (Herod. IX. 42–43; ср. Eurip. Vascch. 1336; Apollod. III. 5. 4). Однако наш автор не оспаривает самого факта сделанного Мардонием заявления.

Д. Кинаст допускает, что Мардоний мог получить этот оракул со ссылкой на персов зимой 480/79 г.⁶⁰, когда, находясь в Фессалии, тот отправил гонца к местным прорицателям с тем, чтобы всюду, где только был доступ варварам, обращаться с вопросом к оракулам. Геродот указывает по этому поводу, что ему не известно, какие вопросы Мардоний пожелал задать оракулам, но предполагает, что они относились к современному положению дел и ни к чему другому (VIII. 133). По мнению Д. Кинаста, Дельфы этим прорицанием могли попытаться предотвратить разграбление святилища персами. В любом случае переданное устами Мардония намерение официального персидского командования заслуживает внимания.

Таким образом, попытка захватить и разграбить святилище не была официальным предприятием и не может быть приведена в качестве аргумента против мидизма Дельф. Однако, как представляется, объяснения неприкосновенности святилища персофильскими настроениями или меркантильными интересами той или другой стороны не являются единственно возможными. В отношении Дельф для персов более значимыми и решающими могли оказаться иные соображения. Д. Кинаст в своем исследовании делает особый акцент на том, что персы для греков были прежде всего осквернителями святынь и преступниками перед эллинскими богами⁶¹. Действительно, хотя Ксеркс и демонстрировал неоднократно пиетет в отношении греческих святынь и обычаев (Herod. VII. 42 sq.; 191; 197, 4), греческая пропаганда, по-видимому, еще со времен разрушения Афин представляла персов именно таким образом, помня о судьбе святилищ в Милете и других греческих городах (Herod. VI. 13. 3; 19. 3; 96; 101. 3; ср. для характеристики антиперсидской пропаганды греков в целом: VI. 31 sq.). Персам эти настроения были хорошо известны уже в 490 г., как показывает подчеркнуто уважительное обращение к жителям Делоса и возвращение похищенной статуи Аполлона в святилище на этом острове (Herod. VI. 97; 118). С другой стороны,

⁵⁷ Так его понимает, например, Г. Бузольт (Op. cit. Bd II. S. 689. Anm. 3).

⁵⁸ Pomtow H. Die Perserexpedition nach Delphoi // Jahrbuch für klassische Philologie. 1884. 129. S. 225 ff. «Это было не экспедицией, отправленной прямым указанием Ксеркса... а, скорее, походом варварского сброда, грабителей и мародеров...» (S. 250).

⁵⁹ Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 173; в подобном же духе см. Meyer. Op. cit. Bd IV. Abt. I. S. 362. Anm. 2; Berve. Op. cit. Bd I. S. 258–259; Zeilhofer. Op. cit. S. 31; Kienast. Die Politisierung... S. 132.

⁶⁰ Kienast. Die Politisierung... S. 132. Признавая подлинность данного пророчества пифии, Д. Кинаст на нем строит предположение о том, когда произошла перемена от выжидательной позиции Дельф к поддержке ими союза эллинов. Фальсификацией считают оракул: Macan R.W. Herodotus. The Seventh, Eighth, Ninth Books. L., 1908. Ad IX, 42; Crahay. Op. cit. P. 336 suiv.; Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 173 f.; Fontenrose. Op. cit. P. 318.

⁶¹ См. об этом Kienast. Die Politisierung... S. 129, 132.

позднее персы предали огню святилища в Элладе из мести за сожжение Сард (Herod. V. 102. 1; VII. 8. 3; 11. 2), после победы при Фермопилах они прошли по землям фокейцев, разрушив там множество поселений и святынь, в том числе и святилище с оракулом Аполлона в Абах (Herod. VIII. 33), особым кощунством считали греки разрушение Акрополя в Афинах.

Однако к таким действиям в отношении греческих храмов персов толкали, скорее, чисто практические соображения: ведь святилища были расположены, как правило, в стратегически выгодных местах и легко могли быть превращены в оплот сопротивления, к тому же стоящая добыча находилась именно в храмах⁶². Вполне уместным при этом кажется замечание Г. Цайльхофера о том, что персы специально не вели борьбу с греческими святилищами, тем более не хотели их сознательно разрушать; это противоречило бы их религиозной толерантности⁶³. С точки зрения последующего устройства персидской державы разграбление или даже разрушение Дельф – одного из крупнейших религиозных центров – вряд ли было целесообразным. Таким образом, Дельфы остались в неприкосновенности даже в период персидской оккупации вовсе не из-за мезизма дельфийского жречества, а скорее всего потому, что враждебные действия в отношении святилища были невыгодны для захватчиков.

Геродот рассказывает нам только об одном оракуле, якобы данном в период персидской оккупации и адресованном спартанцам. По сообщению нашего источника, в то время когда Мардоний отбирал свое войско и Ксеркс еще находился в Фессалии, из Дельф лакедемонянам пришло изречение оракула, объявившее, что они должны требовать от Ксеркса удовлетворение за убийство Леонида и удовольствоваться тем, что царь предложит. Спартанцы немедленно отправили посланца к Ксерксу, который, указав на Мардония, дал следующий ответ: «Пусть вот этот Мардоний даст им удовлетворение, какого они заслуживают» (Herod. VIII. 114; P–W, № 101; F Q 193). Смерть Мардония в сражении при Платеях (IX. 63–64) могла рассматриваться, таким образом, как исполнение этого оракула. Очевидно, это прорицание было составлено *post eventum*, что отмечается большинством исследователей⁶⁴. В нем, по-видимому, отразился взгляд греков на победу при Платеях и смерть Мардония как на искупление и справедливое возмездие персам за поражение эллинов при Фермопилах и гибель Леонида. В контексте функций Аполлона эта идея вполне естественно связывается с Пифийским богом.

Обращаясь к реконструкции позиции Дельф и оценки святилища в глазах греческой общности уже после Саламинского сражения, следует заметить, что теперь, наконец, по образному выражению Д. Кинаста, нимб персидской непобедимости, под впечатлением которого находились Дельфы, был разрушен⁶⁵. Дельфы окончательно отказались от своей сдержанной политики в отношении эллинского союза и активно поддержали его сопротивление персам. Это отразилось в прорицании, которым непосредственно перед сражением при Платеях был недвусмысленно обнадежен пифией Аристид. Дельфийский бог возвестил, что афиняне одолеют врага, если будут молиться Зевсу, Гере Киферонской, Пану и сфрагидийским нимфам, принесут жертвы героям Андрократу, Левкону, Писандру, Дамократу, Гипсиону, Актеону и Полииду и примут бой на собственной земле – на равнине Деметры Элевсинской и Персефоны (Plut. Agist. 11. 3; P–W, № 102; F Q 154). Этот оракул большинством исследователей справедливо признается историческим⁶⁶. Г. Парк делает предположение, что он

⁶² Ibid. S. 124.

⁶³ Zeilhofer. Op. cit. S. 31.

⁶⁴ Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. II. P. 44–45; Crahay. Op. cit. P. 312; Zeilhofer. Op. cit. S. 22–23; Fontenrose. Op. cit. P. 319; Kienast. Die Politisierung... S. 131. По-видимому, местом составления оракула была Спарта; см. Zeilhofer. Op. cit. S. 23. Те исследователи, которые придерживаются мнения о мезизме Дельф, полагают, что оракул происходит из самих Дельф, которые хотели спасти свой авторитет.

⁶⁵ Kienast. Die Politisierung... S. 130.

⁶⁶ См., например: Park, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 174–176; V. II. P. 45; Lloyd-Jones. Op. cit. P. 69; Fontenrose. Op. cit. P. 319 (Дж. Фонтенроуз определяет данный оракул как «частично подлинный»).

пересказан Плутархом очень близко к тексту и, возможно, был дан в прозе⁶⁷. Конкретные ритуальные предписания присоединены в этом пророчестве к более общим указаниям относительно места сражения, но несомненно в целом оракул носит ободряющий характер.

Плутарх трактует предсказание как загадку, так как Аристид был поставлен в тупик следующим обстоятельством: указанные пифией героини были родоначальницами платейцев, и пещера сфрагийских нимф находилась на одной из вершин Киферона, равнина же Элевсинской Деметры заставляла думать об Аттике как собственной земле афинян. Все стало ясным, лишь когда в соответствии с вещим сном командующего платейцами Аримнеста у подножия Киферона был найден древний храм, посвященный Деметре Элевсинской и Персефоне. Платейцы передали эту землю Афинам, чтобы таким образом выполнить все условия оракула, и эллины одержали победу. В этом рассказе Плутарха Г. Парк видит те позднейшие объяснения, которые сопровождают аутентичное прорицание: афиняне стремились к возвращению своей территории, захваченной персами, этому в значительной степени мог бы помочь соответствующий оракул из Дельф, Аристид же, возможно, сообщил в Дельфы об Элевсинской равнине как о предполагаемом месте сражения, а затем уже были придуманы предлоги, которые бы сделали оракул справедливым и в новой военной ситуации⁶⁸.

После победы при Платеях был еще раз подтвержден традиционный авторитет святилища в религиозных вопросах и взгляд на Дельфы как лучшее место для посвящений. Именно в Пифо эллины посвятили лучшую часть добычи (ἀκροβίλια⁶⁹) после экспедиции против Андроса⁷⁰. Позднее из этой части добычи была выполнена статуя высотой в 12 локтей, которая, должно быть, изображала Аполлона с рострами в руках (Herod. VIII. 121 sq.; ср. Paus. X. 14. 5)⁷¹. Вместе с посвящением ἀκροβίλια «эллины» сообща спросили бога, достаточно ли он получил даров идоволен ли ими. Ответ пифии гласил, что Аполлон получил достаточно от прочих эллинов, но не от эгинцев, от которых он требует награды за доблесть в битве при Саламине (Herod. VIII. 122; P-W, № 105; F Q 157)⁷². Ведь, как рассказывали, перед или во время морского сражения эгинцам явились Диоскуры и Аполлон Дельфиний, которые повели их к победе (ср. Plut. Lys. 12. 1; Cic. De div. I. 75)⁷³. Узнав о таком ответе из Дельф, эгинцы посвятили богу три золотые звезды, которые были водружены, по словам Геродота, на медной мачте и поставлены в углу святилища рядом с подношением Креза – сосудом для смешения вина (VIII. 122). Требованием особых приношений от эгинцев пифия относилась к победе греков на счет Аполлона. О таком же мнении свидетельствует уже упомянутая статуя бога с рострами как победителя в морском сражении при Артемисии и при Саламине (ср. толкование «оракула о ветрах» и о «деревянной стене» как указания бога в пользу ведения военных действий на море).

После сражения при Платеях эллины почтили богов, за которых они сражались и поддержка которых обеспечила им победу, щедрыми дарами. Из десятины добычи, посвященной Зевсу Олимпийскому, была сооружена бронзовая статуя Зевса в десять локтей высоты, Посейдону Истмийскому была воздвигнута из посвященной ему

⁶⁷ Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 174.

⁶⁸ Ibid. P. 175–176.

⁶⁹ О понятии ἀκροβίλια см. Gauer W. Weihgeschenke aus den Perserkriegen. Tübingen, 1968. S. 33.

⁷⁰ Д. Кинаст утверждает, что это посвящение произошло еще зимой 480/79 г. (Die Politisierung... S. 131), в то время как ряд исследователей с большим основанием полагает, что это могло случиться только после победы греков при Платеях (Macan. Op. cit. Ad VIII. 122; Zahrt M. Die Schlacht bei Himerá und die sizilische Historiographie // Chiron. 1993. 23. S. 361. Anm. 28).

⁷¹ Kienast. Die Politisierung... S. 131. Относительно статуи Аполлона, основание которой было обнаружено в конце 80-х годов, см. Jacquemin A., Laroche D. Une base pour l'Apollon de Salamine à Delphes // BCH. 1988. 112. P. 235–346.

⁷² Об этом оракуле см. Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 176 f.; Crahay. Op. cit. P. 331 suiv.; Fontenrose. Op. cit. P. 320; Jeffery L.H. Archaic Greece. The City-States c. 700–500 B.C. L., 1978. P. 367.

⁷³ Об этом см. Busolt. Op. cit. Bd II. S. 716. Anm. 3; Macan. Op. cit. Ad VIII. 22.

десятины такая же статуя в семь локтей (Herod. IX. 81. 1; Paus. V. 23. 1; X. 14. 5). Как уже было указано, Аполлону из посвященной добычи была сооружена статуя в 12 локтей высотой (Herod. VIII. 120; Paus. X. 14. 5). По мнению Д. Кинаста, уже размеры статуй косвенно свидетельствуют о том, кому из богов эллины отводили ведущую роль в борьбе с персидским нашествием⁷⁴.

Дельфийскому Аполлону была также посвящена десятая часть добычи, причем именно с приношений Аполлону начинается рассказ о дарах эллинов богам Геродот. Из этой десятины был сделан и посвящен в Дельфы золотой треножник, который, как сообщают античные авторы, был помещен непосредственно у алтаря дельфийского храма на бронзовой колонне, выполненной в виде трехглавой змеи (Herod. IX. 81. 1; Paus. X. 13. 9)⁷⁵. На этом посвящении сначала была сделана скандально знаменитая надпись спартанского военачальника Павсания, приписывающая победу ему одному, взамен которой лакедемоняне затем вырезали имена всех городов, воздвигнувших этот жертвенный дар после общей победы над Варваром⁷⁶. Этот список⁷⁷, как и перечень на олимпийской статуе Зевса и, возможно, на памятнике Посейдону Истмийскому, должен был еще раз символизировать единство эллинов, с другой стороны, скромная надпись передавала славу победы богам, прежде всего Аполлону в Дельфах⁷⁸. На тот факт, что греки считали богов непосредственными победителями, многократно указывает Геродот (например, VII. 139. 5; VIII. 109. 3 – слова Фемистокла).

Сразу после своей победы над Мардонием эллины спросили оракул в Дельфах относительно жертвоприношений. Пифийский бог велел соорудить алтарь Зевсу Освободителю (Элевтерию), но жертв не приносить до тех пор, пока по всей стране не будет погашен огонь, оскверненный персами, и зажжен новый, чистый – от общего алтаря в Дельфах (Plut. Agist. 20. 4; P-W, № 104; F Q 156)⁷⁹.

Таким образом Аполлон предписывал учредить прежде всего новый культ. Фукидид (II. 71. 2) владыкает в уста платейцев упоминание о том, что Павсаний после победы над персами принес торжественную жертву Зевсу Освободителю, Геродот же поразительным образом вообще не упоминает ни о жертве, ни о культе. Все же историчность сообщаемых Фукидидом и Плутархом событий вряд ли может быть подвергнута сомнению⁸⁰. Обращение Павсания в Дельфы с вопросом относительно жертвоприношений выглядит очень уместно, учитывая традиционные тесные отношения Спарты и святилища в Дельфах. С другой стороны, именно Дельфы имели в Греции безусловное первенство в вопросах, касающихся учреждения новых культов, поэтому культ Зевса Элевтерия мог быть установлен только с помощью оракула в Пифо.

Итак, греки после своих важнейших побед демонстрируют особый пиетет в отношении Дельф, что никак не согласуется с приписываемой святилищу проперсидской позицией. Попытки сторонников такого мнения объяснить это противоречие не кажутся убедительными⁸¹.

⁷⁴ Kienast. Die Politisierung... S. 132.

⁷⁵ Об этом см. Gauer. Op. cit. S. 74 ff.; Amandry P. Trépieds de Delphes et du Péloponnèse // BCH. 1987. 111. P. 102–115; Laroche D. Nouvelles observations sur l'offrande de Platées // BCH. 1989. 113. P. 183–198; Maass M. Das antike Delphi. Orakel, Schätze und Monumente. Darmstadt, 1993. S. 187–190.

⁷⁶ Thuc. I. 132. 3; ср. Ps.-Dem. 59, 97 sq.; Plut. De malign. Herod. 873 c; Paus. III. 8. 2.

⁷⁷ Bengtson. SVA II, № 130; ML, № 27; ср. Herod. VIII. 82; Thuc. I. 132. 3; Diod. XI. 33.

⁷⁸ Kienast. Die Politisierung... S. 133; ср. Elayi. Op. cit. V. 14. P. 142.

⁷⁹ Об этом оракуле см. Parke, Wormell. The Delphic Oracle... V. I. P. 176; Fontenrose. Op. cit. P. 320; Kienast. Die Politisierung... S. 133.

⁸⁰ Kienast. Die Politisierung... S. 133.

⁸¹ М. Нильссон: «...греки, по-видимому, не заметили антинациональную позицию оракула» (Geschichte der griechischen Religion. Bd I. S. 653) или «не помнили двойственной позиции Дельф» (Cults... P. 127); У. Форрест об отношении греков к святилищу после 479 г.: это не более чем «фарс, исполненный победившими греками, чтобы тщательно скрыть тот факт, что их бог им изменил» (Op. cit. P. 319); Дж. Файн: «Греки были рады тому, что Дельфы сменили медизм начального периода войны на поддержку эллинов после Саламина», это было значимо и с точки зрения поднятия морального духа и для борьбы с теми

Прежде чем подвести общий итог, обратимся к еще одному аргументу сторонников медизма Дельф. До некоторой степени эта точка зрения основывается на несомненном персофильстве большей части Амфиктионии. Однако идентификация позиции Дельф и действий Синедриона в том, что касается политической и религиозной политики, вряд ли допустима. И если Дельфы пока и не находились в противостоянии большинству Дельфийской амфиктионии, как это случится немногим позже (особенно в период оккупации святилища фокейцами с 457 г.), то отождествлять их политику не представляется возможным ни в начале V в., ни даже ранее. Обвиняя членов Дельфийской амфиктионии в предательстве, патриотически настроенные эллины вовсе не распространяли эту вину на дельфийское жречество и божество, о чем свидетельствует их клятва передать именно Аполлону в Дельфах десятину имущества виновных в медизме⁸². К тому же следует учитывать, что персофильская позиция Дельф, без сомнения, нанесла бы ощутимый удар отношениям святилища со Спартой, которая, наряду с Афинами, была наиболее яростной поборницей эллинской свободы; иначе тесным отношениям Спарты со святилищем в эпоху, непосредственно следующую за главными событиями Греко-персидских войн, едва ли можно найти убедительное объяснение⁸³.

В заключение еще раз попытаемся систематизировать аргументы против медизма Дельф. Дошедшие до нас свидетельства традиции, прежде всего оракульные ответы из Дельф, позволяють сделать вывод, что позиция святилища в период Греко-персидских войн не оставалась неизменной. Поддержка честолюбивых планов правителя могущественной Лидии и вера в возможность успешного противостояния персам обернулись неожиданным не только для Дельф провалом военного предприятия Креза. Эта неудача заставила Дельфы изменить взгляд на перспективы борьбы с персами для самих греков и занять более осторожную позицию, что проявилось уже в прорицаниях жителям малоазийских полисов в канун ионийского восстания и в ходе безуспешного их противостояния персидской мощи. Пессимистические настроения преобладают в дельфийских пророчествах и в начальный период персидского вторжения в Балканскую Грецию (оракулы участникам складывающегося союза против персов и тем общинам, которые эллины пытались привлечь к этому союзу). Дельфийское жречество было хорошо осведомлено в международных делах и, по всей вероятности, после падения Лидийской державы и печальной судьбы Креза, вплоть до событий 480 г. искренне полагало, что противостояние Персии не будет иметь успеха. В качестве основы господствовавших в Дельфах настроений, по нашему мнению, следует назвать не оппортунизм и тем более не медизм, в чем так часто обвиняют оракул. Эти настроения были следствием попытки объективной оценки международной ситуации (заметим, что не всегда безупречной и успешной).

Кроме того, дельфийские пророчества, которые содержат советы воздержаться от активных действий, не являются следствием непатриотичной позиции Дельф, а дают примеры наилучших практических рекомендаций для той или иной общины в конкретных обстоятельствах. Стремление снабдить вопрошавших авторитетным руководством к действию естественным образом определяется функцией, которую выполняли оракульные центры в древнегреческом обществе, и той ролью, которая принадлежала мантике в структуре мышления древних. Особо еще раз укажем на практическую значимость обращения к оракулу в связи с военными предприятиями греков. Она определяется и значимостью поводов для дельфийских консультаций, и содержанием дельфийских ответов, которые, как правило, не являлись лишь формальными религиозными санкциями (например, безусловная поддержка Креза и совет жителям Аргоса

членами Амфиктионии, которые были повинны в медизме (Op. cit. P. 326). Ср. также мнение выступающего в целом против проперсидской позиции Дельф Д. Кинаста: «Если в действительности сомнения относительно позиции оракула и существовали, то гораздо удобнее было представить высший религиозный авторитет Эллады на стороне союзников» (Die Politisierung... S. 131).

⁸² Строгоцкий. Ук. соч. С. 55–56.

⁸³ Zeilhofer. Op. cit. S. 25.

не предпринимать активных действий). По нашему мнению, осмысление социальной роли пророчества в жизни общины в более широком контексте и приложение его к анализу данных традиции по избранной нами проблеме дает возможность понять кажущуюся некоторым современным авторам противоречивой оценку действий оракула самими греками. Как представляется, они видели в изречениях пифии вовсе не выражение персофильских настроений дельфийского жречества, а наилучшие в данной ситуации практические рекомендации Пифийского бога, предусматривавшие прежде всего пользу и выгоду обратившейся за советом общины или частного лица.

С началом греческих военных успехов надежды на победный исход становятся все более осязаемыми, эти перемены мы видим в характере дельфийских пророчеств (второго оракула афинянам и прорицания дельфийцам). Дельфы отказываются от сдержанной политики в отношении антиперсидского союза, и победы эллинов отныне тесно связываются с Аполлоном и его знаменитым святилищем. Очевидно, что греки не считали предательской роль Дельф в войне, об этом свидетельствуют и знаменитая клятва союзников, и щедрые посвящения, которые греки после своей окончательной победы направили Аполлону в Дельфы, и тот факт, что именно у пифийского Аполлона консультировались относительно жертвоприношений в честь победы. Как мы уже отмечали, тот факт, что святилище не было разграблено персами в период оккупации, и то обстоятельство, что большая часть Дельфийской амфикиони перешла на сторону персов, также не могут однозначно свидетельствовать в пользу проперсидских настроений в Дельфах.

Большинство оракулов, сохраненных традицией, и прежде всего Геродотом, как мы пытались показать, нет оснований отвергать как составленные *post eventum*. Однако мы видим множество позднейших толкований и интерпретаций, большинство которых представляют собой апологетические версии, чаще всего происходящие из Дельф. Показательна тенденция этой апологии: она пытается прежде всего поддержать мнение о непогрешимости Пифийского бога и справедливости дельфийских советов (самое яркое свидетельство – интерпретация в пользу персов оракула Крезу, а также толкование Геродотом пророчества о гибели спартанского царя и другие примеры). При этом мы вовсе не видим стремления подчеркнуть патриотичность позиции Дельф, видимо, в этом не было надобности, так как с этой стороны авторитету Дельф ничто не угрожало.

Уже отмеченный космополитизм Дельф и тесные связи с могущественными восточными правителями на первых порах, видимо, увеличивали их славу в своем отечестве. Однако после глобального столкновения эллинского и варварского мира отношение к подобной политике, возможно, изменилось. Хотя мы видим Дельфы в V в. еще в зените славы, однако после Греко-персидских войн авторитет оракула уже никогда не достигнет былого могущества.

THE ORACLE OF DELPHI IN THE GRECO-PERSIAN CONFLICT

O.V. Kulishova

The article examines the activation of the Delphian oracle during the Greco-Persian wars. The cosmopolitanism of Delphi and its connections with mighty eastern rulers apparently increased Delphi's fame at home. But the global conflict between the Greek and barbarian world must have changed the Greeks' attitude to this policy. Though Delphi was still on the peak of its glory, it could never attain its former authority after the Greco-Persian wars.

А.Л. Смышляев

НЯНЯ-КОРМИЛИЦА В СУДЕ РИМСКОГО НАМЕСТНИКА*

Как известно, в период Ранней империи наместники провинций имели довольно ограниченные возможности для реализации своих обширных полномочий. Это особенно заметно в судопроизводстве – основном виде их деятельности. Посещая с небольшой группой помощников центры округов (*conventus*) для проведения там коротких судебных сессий, они постоянно сталкивались с ситуацией, когда спрос на их услуги превышал предложение¹. Вечно перегруженным неотложной работой, им часто приходилось вершить правосудие в порядке ускоренного судопроизводства (*de plano*), в том числе и в отношении лиц, обвиняемых в тяжких преступлениях². Но при этом наместники (так же как и еще более перегруженные императоры) тратили свое драгоценное время на решение мелких тривиальных проблем и разбор, казалось бы, совсем незначительных дел, нередко дублируя деятельность других органов власти и судов более низкого уровня³. Так, например, как отметил М. Эмбер, из 31 известного по данным папирологии судебного дела, которые префекты Египта разбирали самолично, только 20 были действительно важными, остальные же вряд ли заслужи-

* В подготовке этой статьи автору очень помогла стажировка в Париже по линии Дома наук о человеке и общение с французскими коллегами, которым он глубоко признателен. Автор также очень благодарен и своим российским коллегам (особенно Д.В. Дождеву), прочитавшим эту статью в рукописи и сделавшим ряд ценных замечаний.

¹ В трактате «Об обязанностях проконсула» Ульпиан рекомендует наместнику соблюдать определенный порядок разбора судебных ходатайств (*observare itaque eum oportet, ut sit ordo aliquis postulationum*), а не поддаваться давлению со стороны занимающих высокое положение просителей, поскольку из-за этого рядовые просители вообще не могут высказать свои пожелания (D. 1. 16. 9. 4). Из этого следует, что наместник зачастую был не в состоянии принять заявления всех, кто нуждался в его правосудии. Известно, что префект Египта в начале III в. н.э. (т.е. когда был написан трактат Ульпиана) за два дня судебной сессии в Арсиное получил 1804 петиции, а затем в течение двух месяцев отвечал на них (P. Jalé 61. II. 2–6). По мнению современных исследователей, нагрузка, о которой идет речь в этом папирусе, не была для наместников чем-то необычным (Peachin M. *Judex vice Caesaris. Deputy Emperors and the Administration of Justice during the Principate*. Stuttgart, 1996. P. 82. Not. 328; Macmullen R. *Roman Government's Response to Crisis AD 235–337*. New Haven – London, 1976. P. 77; Burton G.P. *Proconsuls, Assizes and the Administration of Justice under the Empire* // JRS. 1975. 65. P. 102). О перегруженности наместников судебными разбирательствами см. также Horstkotte H. *Die Strafrechtspflege in den Provinzen der römischen Kaiserzeit zwischen hegemonialer Ordnungsmacht und lokaler Autonomie* // *Lokale Autonomie und römische Ordnungsmacht in den kaiserzeitlichen Provinzen vom 1. bis 3. Jahrhundert* / Hrsg. von V. Eck. München, 1999. S. 310.

² Так, например, *de plano* разбирались обычно дела воинов и заключенных (D. 2. 12. 9; 38. 15. 2. 2; 48. 1. 12. 1; 48. 18. 10). См. об этом Burton G. *Government and Provinces* // *The Roman World* / Ed. J. Wachter. V. 1. L. – N.Y., 1987. P. 430 f.

³ См. Humbert M. *La juridiction du Préfet d'Égypte d'Auguste à Dioclétien* // Burdeau F. et al. *Aspects de l'Empire romain*. (Travaux et recherches de la Faculté de Droit et des Sciences économiques de Paris. Série «Sciences historiques». № 1). P., 1964. P. 127 suiv., 140 suiv.; Смышляев А.Л. *Civiliis dominatio: римский наместник в провинциальном городе* // ВДИ. 1997. № 3. С. 30, 34; Purcell N. *The Arts of Government* // *The Oxford History of the Classical World* / Ed. J. Boardman et al. Oxf. – N.Y., 1986. P. 577; Millar F. *The Emperor in the Roman World (31 BC – AD 337)*. L., 1977. P. 228, 240; Halfmann H. *Itinera principum. Geschichte und Typologie der Kaiserreisen im Römischen Reich*. Stuttgart, 1986. S. 154 f.; Peachin. *Op. cit.* P. 79 ff.

вали внимания правителя такого ранга⁴. Современному администратору подобный образ действий скорее всего покажется нелепым. Но именно то, что нам представится абсурдным в деятельности людей другой эпохи, на самом деле могло быть частью достаточно эффективной системы, соответствующей условиям и ценностям своего времени⁵. Поэтому изучение того, что не укладывается в привычные для нас рамки, может оказаться особенно интересным и полезным.

В связи с этим возникает вопрос, какого рода незначительные на первый взгляд дела постоянно рассматривались в суде римского наместника и с чем это связано. Насколько мне известно, никто еще специально этим не занимался. Уникальную информацию по этому вопросу можно найти в знаменитом Ульпиановом фрагменте (D. 50. 13. 1), пользуясь в течение уже многих десятилетий особым вниманием специалистов по римскому праву и истории древнего Рима⁶. В этом отрывке, посвященном судебным разбирательствам по поводу невыплаченной заработной платы, Ульпиан сообщает, что наместники провинций «имеют обыкновение» вершить в экстраординарном порядке правосудие в отношении представителей определенных профессий, в том числе – учителей начальной школы и нянь-кормилиц. Обе эти «специальности» не требовали какой-либо особой квалификации и могли обеспечить лишь очень скудный доход⁷. Появившись в Риме около III в. до н.э., они предназначались тогда почти исключительно для рабов и отпущенников, и еще в период принципата среди людей такого рода свободнорожденные римские граждане составляли, по всей видимости, меньшинство⁸. Таким образом, если верить Ульпиану (а не доверять ему в данном случае нет никаких оснований), наместники постоянно занимались грошовыми тяжбами представителей социальных низов⁹.

Для того чтобы понять, с чем это связано, необходимо разобраться в содержании и

⁴ *Humbert*. Op. cit. P. 127 suiv.

⁵ Не стоит забывать, что в правление императоров и наместников, осуществлявших свою судебную власть подобным образом, Римская держава достигла своего наивысшего расцвета и могущества.

⁶ После фундаментальной монографии А. Бернара, до сих пор не утратившей своего значения (*Bernard A. La rémunération des professions libérales en droit romain classique*. P., 1936), Ульпианову фрагменту и вопросам, которые в нем затрагиваются, была посвящена обширная литература, пополняющаяся чуть ли не каждый год.

⁷ Учитель начальной школы с трудом мог заработать столько, сколько зарабатывал плотник (Ed. pr. 7. 66, ср. 7. 3а; см. ниже прим. 60). Большинство учителей едва сводили концы с концами (*Marrou H.-J. Histoire de l'Éducation dans l'antiquité*. P., 1971. P. 392; *Bonner S.F. Education in Ancient Rome. From the Elder Cato to the Younger Pliny*. L., 1977. P. 147 ff.; *Harris W.V. Ancient Literacy*. L., 1989. P. 238). В римском Египте учителя начальной школы получали плату от родителей своих учеников продуктами, в том числе обедками с их стола (*Cribiore R. Writing, Teachers and Students in Graeco-Roman Egypt*. Atlanta, 1996. P. 16). То же относится и к няням-кормилицам, зарабатывавшим в полтора-два раза меньше батраков и вынужденным, согласно условиям заключенного договора, во время выкармливания ребенка (обычно на два года) полностью отказываться от сексуальной жизни. По мнению исследователей, только крайняя бедность могла заставить женщину согласиться на такую работу (*Bradley K.R. Sexual Regulations in Wet-Nursing Contracts from Roman Egypt* // *Klio*. 1980. 62. P. 321 f., 324. *Gourevitch D. Le mal d'être femme. La femme et la médecine dans la Rome antique*. P., 1984. P. 258. *Gardner J. Women in Roman Law and Society*. London–Sydney, 1986. P. 243 f.).

⁸ По свидетельству Орозия, во время разразившегося в Риме голода Август изгнал из города рабов, за исключением врачей и преподавателей (*Oros*. 7. 3. 6). Характеризуя темное прошлое (*obscura initia*) заседавшего в сенате бесстыдного и наглого выскочки, Тацит указывает, что тот был в молодости учителем начальной школы (Ann. 3. 66. 4). Флор называет профессию учителя «никчемнейшим занятием» (*rem indignissimam* – *Virg*. 3. 2). О низком социальном статусе учителей начальной школы см. *Bonner*. Op. cit. P. 35, 46; *Harris*. Op. cit. P. 236; *Visky K. Geistige Arbeit und die artes liberales in den Quellen des römischen Rechts*. Budapest, 1977. S. 32. Среди нянь-кормилиц также преобладали рабыни и отпущенницы (*Kampen N. Image and Status. Roman working Women in Ostia*. B., 1981. P. 109 f.; *Bradley K.R. Discovering the Roman Family. Studies in Roman Social History*. N.Y. – Oxf., 1991. P. 19 f., 25; *Günther R. Frauenarbeit – Frauenbindung. Untersuchungen zu unfreien und freigelassenen Frauen in den stadtrömischen Inschriften*. München, 1987. S. 79).

⁹ Видимо, другие тяжбы, связанные с небольшой задолженностью, редко рассматривались в суде наместника. По крайней мере в IV в. н.э. императоры предписывают разбирать их в суде более низкой инстанции (CTh. I. 29. 2 = C. I. 55. 1).

смысле Ульпианова фрагмента. Он дошел до нас в составе титула Дигест Юстиниана, посвященного экстраординарным судебным расследованиям¹⁰, изначально же входил в VIII книгу трактата «О всех судах» (*De omnibus tribunalibus*), написанного в 10 книгах в правление Каракаллы¹¹. Скорее всего в это сочинение, относившееся к жанру трактатов-инструкций «*De officio...*», посвященных обязанностям должностных лиц, Ульпиан включил материал, не вошедший в другие его работы подобного рода¹². В Дигестах сохранилась небольшая часть всего трактата – примерно 40 фрагментов¹³. По мнению Ф. Шульца, дошедший до нас текст имеет очень мало общего с подлинным сочинением Ульпиана, поскольку перед тем как его включили в Дигесты, он подвергся очень значительной постклассической переработке¹⁴. Однако современные исследователи, не исключая наличия в этом тексте отдельных интерполяций, считают, что в целом он является подлинным, а Ульпианов фрагмент если и пострадал от интерполяторов, то не особенно сильно¹⁵.

Перевод обширного Ульпианова фрагмента приводится здесь с небольшими сокращениями:

Наместник провинции имеет обыкновение вершить правосудие по поводу платы за труд, но лишь в отношении преподавателей благородных наук. Благородными же мы считаем те науки, которые греки называют «свободными». (В число преподавателей этих наук) будут включены риторы, грамматики, геометры. 1. Положение врачей (в этом отношении) то же самое, что и профессоров, если только не лучше: поскольку одни заботятся о здоровье людей, а другие – (всего лишь) об их ученых занятиях. Поэтому (наместник) в отношении врачей также должен вершить правосудие в экстраординарном порядке. 2. Но пусть (наместники) выслушивают и повивальную бабку, по крайней мере (такую), которая, как кажется, занимается медициной. 3. Возможно, кто-либо станет считать врачами также и тех, кто сулит излечение какой-нибудь части тела или от определенной болезни, как, например, отиатр, либо тот, кто лечит язву или зубы. Однако (в их число) не (входит) тот, кто привораживает, либо, – кто накладывает заклятье, либо – кто, если использовать обычные выражения шарлатанов, «изгоняет злых духов»¹⁶. Все эти (занятия) не являются разновидностями врачебной науки, несмотря на то что есть люди, утверждающие с похвалой, что те (заклинатели) им помогли. 4. А входят ли и философы в число профессоров? Пожалуй нет. И не потому, что их занятие не является высокопочитаемым, но поскольку прежде всего им надлежит возвещать, что они презируют любую деятельность, которая оплачивается. 5. Точно так же пусть (наместники) не вершат правосудие в отношении профессоров гражданского права. И хотя правоведение – священнейшее занятие, оно, однако, таково, что его не следует ни оценивать денежной платой, ни бесчестить, как в том случае, когда обращаются в суд с требованием почетного дара, который (ученик) должен предложить добровольно, приступая к учебе. Ведь хотя что-

¹⁰ Его полное название – *De variis et extraordinariis cognitionibus et si iudex litem suam fecisse dicitur* (D. 50. 13).

¹¹ D. 26. 10. 7. 2; 50. 13. 1. 10 et 12.

¹² *Jörs. Domitius Ulpianus // RE. 1903. Hlbd 9. Sp. 1454 f.; Krüger P. Geschichte der Quellen und Literatur des Römischen Rechts. 2. Aufl. München – Leipzig, 1912. S. 247; Wlassak M. Zum römischen Provinzialprozess. Wien, 1919. S. 69; Schiller A.A. The Jurists and Praefects of Rome // RIDA. 1949. 3. P. 338. Not. 83; Dell'Oro A. I libri nella giurisprudenza romana. Milano, 1960. P. 271 s.; Honoré T. Ulpian. Oxf., 1982. P. 157; Guarino A. Storia del diritto romano. 9 ed. Napoli, 1993. P. 483.*

¹³ См. *Lenel O. Palingenesia iuris civilis. V. 2. Lipsiae, 1889. Col. 992–1001 (fr. 2254–2295).*

¹⁴ *Schulz F. Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961. S. 329, 348. Anm. 4.*

¹⁵ *Dell'Oro. Op. cit. P. 271 s.; Guarino A. Gli «specialisti» e il diritto romano // Labeo. 1970. 16. P. 329; Honoré. Op. cit. P. 96 f., 103, 157, 175 ff.; Visky. Op. cit. S. 21 f.; Coppola G. Cultura e potere. Il lavoro intellettuale nel mondo romano. (Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza della Università di Messina. № 183). Milano, 1994. P. 212.*

¹⁶ Здесь явная интерполяция, поскольку слово *exorcizare* принадлежит постклассической латыни (см. *A Latin Dictionary / Ed. C.T. Lewis. Oxf., 1998. S. v. Exorcizo. P. 690*). Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить профессора Ф. Моро, обратившего мое внимание на это место.

то и можно бы принять, не теряя достоинства, все же (это) недостойно истребовать в судебном порядке. 6. Хотя учителя начальной школы и не являются профессорами, в соответствии с обычаем повелось, чтобы (наместники) вершили правосудие также и в отношении них, а еще – и переписчиков, и стенографистов, и счетоводов либо бухгалтеров. 7. Однако в отношении чернорабочих или мастеров других профессий, не связанных с буквами или стенографическими знаками, наместник ни в коем случае не должен будет вершить правосудие в экстраординарном порядке. 8. Но если также и спутники требуют в суде (свое) жалование, то, как представляется, они обладают в этом отношении теми же правами, что и профессора. 9. Впрочем, также и против всех этих лиц наместник должен проводить судебное разбирательство, поскольку божественные братья¹⁷ постановили в своем рескрипте, чтобы это делалось, как и в тяжбах против адвокатов. 10. В отношении гонораров адвокатов судья должен распорядиться так, чтобы размер гонорара он установил в соответствии с характером дела, с красноречием адвоката, с обычаем той местности и того суда, в котором (адвокат) собирался вести дело, только бы сумма (назначенная судьей) не превышала дозволенный гонорар, ибо это указано в рескрипте нашего императора и его отца¹⁸. Вот дословное содержание рескрипта: «Если Юлий Матерн, которого ты хотел иметь адвокатом в своем деле, был готов выполнить принятую на себя обязанность, то тебе следует истребовать в суде обратно только ту сумму, которая превышает установленный законом предел»... 13. Божественный Север после смерти адвоката запретил истребовать обратно вознаграждение у его наследников, поскольку тот не вел дело по независимой от него причине. 14. Обязанности наместника или претора распространяются также и на дела о плате кормилицам, ведь няни-кормилицы обращаются в суд наместника с требованиями о том, что им причитается за выкармливание младенцев. Однако мы считаем, что можно говорить о плате кормилицам лишь до тех пор, пока младенцев выкармливают грудью, а после этого вмешательство претора или наместника не имеет места. 15. И если всего этого добиваются у наместников, то следует рассмотреть, могут ли наместники разбирать в своем суде встречные иски. И я полагал бы, что это надо разрешить¹⁹.

¹⁷ Имеются в виду Марк Аврелий и Луций Вер.

¹⁸ Имеются в виду Каракалла и Септимий Север.

¹⁹ Praeses provinciae de mercedibus ius dicere solet, sed praeceptoribus tantum studiorum liberalium, liberalia autem studia accipimus, quae Graeci ἐλευθέρια appellant: rhetores continebuntur, grammatici, geometrae. 1. Medicorum quoque eadem causa est quae professorum, nisi quod iustior, cum hi salutis hominum, illi studiorum curam agant: et ideo his quoque extra ordinem ius dici debet. 2. Sed et obstetricem audiant, quae utique medicinam exhibere videtur. 3. Medicos fortassis quis accipiet etiam eos, qui alicuius partis corporis vel certi doloris sanitatem pollicentur: ut puta si auricularius, si fistulae vel dentium. Non tamen si incantavit, si imprecatus est, si, ut vulgari verbo impostorum utar, si exorcizavit: non sunt ista medicinae genera, tametsi sint, qui hos sibi profuisse cum praedicatione adfirmant. 4. An et philosophi professorum numero sint? Et non putem, non quia non religiosa res est, sed quia hoc primum profiteri eos oportet mercenariam operam spernere. 5. Proinde ne iuris quidem civilis professoribus ius dicent: est quidem res sanctissima civilis sapientia, sed quae pretio nummario non sit aestimanda nec dehonoreanda, dum in iudicio honor petitur, qui in ingressu sacramenti offerri debuit. Quaedam enim tametsi honeste accipiantur, inhoneste tamen petuntur. 6. Ludi quoque litterarii magistris licet non sint professores, tamen usurpatum est, ut his quoque ius dicatur: iam et librariis et notariis et calculatoribus sive tabulariis. 7. Sed ceterarum artium opificibus sive artificibus, quae sunt extra litteras vel notas positae, nequaquam extra ordinem ius dicere praeses debet. 8. Sed et si comites salarium petant, idem iuris est, quod in professoribus placet. 9. Sed et adversus ipsos omnes cognoscere praeses debet, quia ut adversus advocatos adeantur, divi fratres rescripserunt. 10. In honorariis advocatorum ita versari iudex debet, ut pro modo litis proque advocati facundia et fori consuetudine et iudicii, in quo erat acturus, aestimationem adhibeat, dummodo licitum honorarium quantitas non egrediatur: ita enim rescripto imperatoris nostri et patris eius continetur. Verba rescripti ita se habent: «Si Iulius Maternus, quem patronum causae tuae esse voluisti, fidem susceptam exhibere paratus est, eam dumtaxat pecuniam, quae modum legitimum egressa est, repetere debes»... 13. Divus Severus ab heredibus advocati mortuo eo prohibuit mercedem repeti, quia per ipsum non steterat, quo minus causam ageret. 14. Ad nutricia quoque officium praesidis vel praetoris devenit: namque nutrices ob alimoniam infantium apud praesides quod sibi debetur petunt. Sed nutricia eo usque producemus, quoad infantes uberibus aluntur: ceterum post haec cessant partes praetoris vel praesidis. 15. Haec omnia si apud praesides petantur, videamus an de mutuis petitionibus possunt praesides cognoscere. Et putem debere admitti.

Как справедливо отметил В. Маротта, профессии, о которых идет речь в этом фрагменте, составляют иерархию, соответствующую социальному делению и системе ценностей древнего Рима²⁰. К ее высшему разряду, по мнению исследователя, относятся философы, юристы, а также преподаватели «благородных наук» и врачи, к среднему – учителя начальной школы и канцеляристы, а к низшему – работники прочих специальностей, в которых физический труд преобладал над интеллектуальным²¹. Однако такое деление кое в чем противоречит критериям самого Ульпиана. К низшему разряду безусловно принадлежат представители профессий, «не связанных с буквами или стенографическими знаками», чьи исковые требования разбирались в порядке обычного судопроизводства (D. 50. 13. 1. 7). К высшему – относятся философы и юристы, не имевшие права истребовать в судебном порядке вознаграждение от своих учеников (D. 50. 13. 1. 4–5). Наконец, в средний – входят все остальные «специалисты», которые могли добиваться причитающейся им платы в порядке экстраординарного судопроизводства.

Понять, на какой основе были выделены в особые группы профессии высшего и низшего разрядов, не представляет большого труда. «Чернорабочие» (*opifices*) и мастера-«искусники» (*artifices*)²² – это люди, связанные с «подлыми» или «презренными ремеслами» (*artes sordidae*). Указывая, что их исковые требования наместник *ни в коем случае* (курсив мой. – А.С.) не должен разбирать в порядке экстраординарного судопроизводства, Ульпиан явно противопоставлял им представителей «благородных наук» и приравненных к ним в отношении правовой защиты специальностей²³. Философы же и юристы, если руководствоваться логикой Ульпианова фрагмента, вообще не имеют профессий, а лишь высокопочитаемые занятия, присущие людям благородного происхождения и образа мыслей. Поэтому их деятельность не может быть оценена и обещена денежной платой, а следовательно, не нуждается в правовой защите²⁴.

²⁰ Marotta V. *Multa de iure sanxit. Aspetti della politica del diritto di Antonino Pio.* (Università di Firenze. Pubblicazioni della Facoltà di Giurisprudenza. № 64). Milano, 1988. P. 145 s.

²¹ Marotta. *Op. cit.* P. 146.

²² К ним относились не только квалифицированные ремесленники, но также и артисты, музыканты, художники. Поэтому словосочетание *opifices et artifices* означает в целом всех работников физического и умственного труда (*De Robertis F. I rapporti di lavoro nel diritto romano.* Milano, 1946. P. 11. Not. 6, 7; p. 12. Not. 2).

²³ В отрывке (D. 50. 14. 3), представляющем собой, по всей видимости, прямое продолжение Ульпианова фрагмента (*Lenel. Op. cit. Col. 999–1000, fr. 2289–2290*), говорится: «Наместники имеют обыкновение проводить судебное следствие по поводу маклерского вознаграждения, хотя оно и является подлым (*sordidum*)...» (перевод дан с учетом конъектуры Т. Моммзена). Если это место сопоставить с указанием Ульпиана, что философы и юристы не должны наравне с профессорами обращаться в суд наместника, хотя их занятия являются высокопочитаемыми и священными (D. 50. 13. 1. 4–5), то можно сделать вывод об отождествлении профессий, пользующихся правовой защитой в порядке экстраординарного судопроизводства, с «благородными», а находящихся под правовой защитой в порядке обычного судопроизводства – с «подлыми». Следует также обратить внимание на терминологию Ульпиана, у которого профессорам и всем прочим, имеющим доступ в суд наместника, противопоставляются чернорабочие (*opifices*) и все прочие (*artifices*), не имеющие такового. Чернорабочие же, как хорошо было известно каждому почтенному римлянину, – это всегда люди «подлых профессий» (*Opifices omnes in sordida arte versantur – Cic. Off. 1. 42. 150*). Таким образом, Ульпиан характеризует одну группу профессий по верхам, а другую – по корешкам. Весьма показательно и само определение профессий низшего разряда: «*artes quae sunt extra litteras vel notas positae*» (D. 50. 13. 1. 7). «Не быть связанным с буквами или стенографическими знаками» (возможен и другой вариант перевода: «...с благородным образованием или письмом») – означало для римлян не иметь отношения к образованности и приличному обществу (ср. *Michel J. Gratuité en droit romain.* Bruxelles, 1962. P. 204). В римском искусстве эпохи Империи папирусный свиток, покрытый письменами, символизировал одновременно высокую культуру и высокий социальный статус (*Veyne P. The Roman Empire // A History of Private Life. V. 1 / Ed. P. Veyne. From Pagan Rome to Byzantium.* Camb. Mass. – L., 1992. P. 7 f., 19).

²⁴ Это аристократическое представление о философах и юристах соответствовало как господствующим взглядам эпохи Ранней империи, так в немалой мере и ее историческим реалиям (*Bernard. Op. cit. P. 45 suiv.; Michel. Op. cit. P. 199, 210 suiv.; Christes J. Bildung und Gesellschaft. Die Einschätzung der Bildung und ihrer Vermittler in der griechisch-römischen Antike.* Darmstadt, 1975. S. 242 ff.; *Visky. Op. cit. S. 27 ff.; Marotta. Op. cit.*

Тяжелее всего разобраться в том, как сложился и что представлял собой средний разряд, включавший преподавателей «благородных наук», врачей, повивальных бабок, учителей начальной школы, «канцеляристов», загадочных спутников (*comites*), адвокатов и нянь-кормилиц. Как отметил Дж. Крук, данный перечень ставит исследователей в тупик, поскольку он опускается по социальной шкале столь низко, что никак не удастся найти единый комплекс правил, охватывающий все эти случаи²⁵. И действительно, что могло быть общего у профессоров и адвокатов с неграмотными и полуграмотными повивальными бабками и нянями-кормилицами? Предметом оживленной полемики уже нескольких поколений романистов является другой вопрос, тесно связанный с этим: какого рода правоотношения были у «специалистов» из загадочного перечня с их работодателями.

Анализируя скудные отрывочные и нередко противоречивые свидетельства источников, большинство романистов пришли к следующим выводам. Почтенные свободнорожденные профессора «благородных наук», врачи, адвокаты, а также приравненные к ним другие «специалисты» не рассматривались в Риме в качестве наемных работников, поскольку в общественном сознании наемник мало чем отличался от раба²⁶. Поэтому доходы таких специалистов, связанные с профессиональной деятельностью, считались не заработком (*merces*), а вознаграждением, предоставленным в качестве почетного дара (*honorarium* или *honor*) в знак признательности за якобы безвозмездные «дружеские» услуги. Видимо, в отношении размера гонорара нередко заключалось предварительное соглашение, но поскольку оно не являлось формальным договором, невыплаченный (или выплаченный неполностью) гонорар не мог истребоваться в порядке обычного судопроизводства. По мере того как все больше людей из приличного общества выбирало профессию преподавателя или врача, такое положение становилось все более нетерпимым. Правовую защиту своих притязаний эти почтенные «специалисты» получили благодаря распространению экстраординарного судопроизводства на тяжбы, связанные с гонорарами. Таким образом, им были обеспечены и плата за их профессиональные услуги, и статус «благородного человека», действующего безвозмездно и бескорыстно²⁷.

Против этой концепции выступила в своей фундаментальной монографии Дж. Коппола. Тщательно исследовав представления римских авторов (как юристов, так и неюристов) о наемной плате (*merces*) и гонораре, она пришла к выводу, что последний рассматривался как спонтанное выражение признательности за оказанные благодеяния. Он не мог быть предметом предварительной договоренности, и его нельзя было истребовать в судебном порядке, даже *extra ordinem*. Поэтому термин *merces* в Ульпиановом фрагменте следует понимать в его буквальном смысле как плату за труд, а не в переносном – как вознаграждение за оказанную услугу. Из перечисленных Ульпианом «специалистов» только философы и профессора-юристы получали гонорары, а остальные же принадлежали к особой привилегированной группе наемных работников, которые первоначально обращались со своими претензиями в обычный суд, но со II в. н.э. были обеспечены правовой защитой в порядке экстраординарного

P. 132 s.; *Hahn J.* Der Philosoph und die Gesellschaft. Selbstverständnis, öffentliches Auftreten und populäre Erwartungen in der hohen Kaiserzeit. Stuttgart, 1989. S. 73, 105).

²⁵ *Crook J.A.* Law and Life of Rome. 1967. P. 204 f.; ср. *Macqueron J.* Le travail des hommes libres dans l'antiquité romaine. 2 ed. Aix en Provence, 1958. P. 173 suiv.

²⁶ При этом низшие представители этих профессий – рабы, отпущенники, а вероятно, и рядовые свободнорожденные граждане – могли работать по договору найма (*locatio-conductio*).

²⁷ Эта концепция наиболее полно и обстоятельно была разработана А. Бернарром (Op. cit., pass.). См. также *Klingmüller F.* Honorarium // RE. 1913. Bd VIII. Sp. 2270 ff.; *Below K.H.* Der Arzt im römischen Recht (Münchener Beiträge zur Papyrusforschung und antiken Rechtsgeschichte. Ht 37). München, 1953. S. 57 ff.; *Michel.* Op. cit. P. 198 suiv.; *Watson A.* The Law of Obligations in the Later Roman Republic. Oxf., 1965. P. 109 f.; *Visky K.* Esclavage et artes liberales à Rome // RIDA. 1968. 15. P. 475 suiv.; *Buti J.* La «cognitio extra ordinem»: da Augusto a Diocleziano // ANRW. II. 14. B. – N.Y., 1982. P. 32 ss.; *Pugliese G.* Istituzioni di diritto romano. Padova, 1986. P. 381.

судопроизводства, в большей мере отвечавшей их интересам. Распространение процесса *extra ordinem* на дела о заработной плате «специалистов» было связано с политикой наделения привилегиями представителей тех профессий, которые пользовались особой поддержкой императорской власти. С помощью этой политики императоры стремились поставить под свой монопольный контроль и использовать в собственных интересах культуру и охрану общественного здоровья²⁸.

На мой взгляд, эта в целом хорошо аргументированная концепция позволяет понять смысл имеющихся в нашем распоряжении свидетельств (в том числе и Ульпианова фрагмента) гораздо лучше, чем традиционная общепринятая²⁹.

Но если взять за основу точку зрения Дж. Коппола, то следует уточнить: какие именно преимущества предоставляла «специалистам» правовая защита посредством *cognitio extra ordinem*. По мнению романистов, такое судебное разбирательство было более привлекательным для истца, особенно если своим богатством и влиянием он уступал ответчику. Ведь судьей в таком процессе, как правило, являлся государственный служащий из свиты наместника, а не кто-либо из местной знати, кроме того, истцу не нужно было самому заботиться о явке ответчика в суд и исполнении им судебного решения³⁰. Однако в провинциях в эпоху Ранней империи, как отмечают те же романисты, различия между обычным и экстраординарным судопроизводством в значительной мере сгладились: и в том и в другом случае наместник, как правило, назначал судьей кого-либо из своих помощников, для вызова в суд ответчика использовал своих подчиненных и при желании мог предоставить в распоряжение истца воинов для немедленного исполнения судебного решения³¹. Главное различие здесь, очевидно, заключалось в том, что в экстраординарном процессе наместник имел возможность вообще не назначать судью, а лично разобрать дело (*cognoscere*) и вынести судебное решение (D. 1. 18. 9).

Об этом свидетельствует заключительная часть Ульпианова фрагмента (D. 50. 13. 1. 14): «...о плате кормилицам можно говорить лишь до тех пор, пока младенцев выкармливают грудью, а после этого вмешательство претора или наместника не имеет места» (*cessant partes praetoris vel praesidis*). Здесь подразумевается, что так называемые сухие няни не могут претендовать на особую правовую защиту и поэтому их исковые требования должны разбираться в порядке обычного судопроизводства. Однако обращает на себя внимание формулировка, использованная Ульпианом. Слово сочетание *partes praetoris (praesidis, iudicis)* часто встречается в Дигестах. Оно обозначает роль, должностные обязанности или функции того или иного деятеля³². Выражение *cessant partes praetoris vel praesidis* означает, что претор или наместник не имеют непосредственного отношения к решению тех вопросов, о которых идет речь в данном случае. Обычно оно переводится так: «вмешательство претора или наместника здесь не имеет места» (или: «прекращается»)³³. Но какое именно вмешательство? Для того, чтобы это выяснить, необходимо рассмотреть, в каких ситуациях используется

²⁸ Coppola. Op. cit. P. 14 s., 211 ss., 243 ss., 251 ss., 285 ss., 563 s.

²⁹ Трудно согласиться лишь с общим выводом Дж. Коппола. Вряд ли с теми ограниченными ресурсами, которые были в ее распоряжении, императорская власть могла стремиться к монопольному контролю над культурой и здравоохранением. Видимо, правильнее было бы говорить о поддержке и покровительстве, но не о монополии (ср. Marrou. Op. cit. P. 437 suiv.; Kaster R.A. Guardians of Language. The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley – Los Angeles – London, 1988. P. 229).

³⁰ Kaser M. Das römische Zivilprozessrecht. München, 1966. S. 346, 363, 371 ff., 405 ff.; Garnsey P. Social Status and Legal Privilege in the Roman Empire. Oxf., 1970. P. 5, 92, 204 f., 218; Coppola. Op. cit. P. 258 s., 285; Robinson O.F. The Sources of Roman Law. Problems and Methods for Ancient Historians. L. – N.Y., 1997. P. 90 ff.

³¹ Kaser M. Op. cit. S. 344 f., 362, 370; Garnsey. Op. cit. P. 204.

³² Дыдынский Ф. Латинско-русский словарь к источникам римского права. 2 изд. М., 1997. S. v. Pars, 3. С. 394; ср. Oxford Latin Dictionary / Ed. P.G.W. Glare. Oxf., 1988. S. v. Pars, 9–10. P. 1300 f.

³³ Так, например, обычно переводят это словосочетание в Ульпиановом фрагменте: «...de toute façon, dans la suite, l'intervention du préteur ou du gouverneur cesse» (Michel. Op. cit. P. 208 suiv. Not. 38); «...y después cesa ya la intervención del pretor o del gobernador» (El Digesto de Justiniano. T. III / Ed. A. D'Ors et al. Pamplona, 1975. P. 840).

римскими юристами словосочетание *cessant partes praetoris (vel praesidis)*. В этом отношении особый интерес представляют рассуждения Ульпиана о восстановлении в первоначальное положение (*in integrum restitutio*). «При расследовании (претором) дела, – пишет он, – будет обращено внимание на следующее: может ли (несовершеннолетнему) принадлежать другой иск, кроме восстановления в первоначальное положение? Ведь если он защищен общими средствами помощи и обыкновенным правом, то ему не должна быть предоставлена чрезвычайная помощь... 1. То же указывается и у Лабеев: если несовершеннолетний вступил в товарищество вследствие обмана или даже (безвозмездно) на основании дарения, то товарищество ничтожно даже и между совершеннолетними, и, таким образом, вмешательство претора не имеет места... 3. И в целом следует одобрить (то мнение), что там, где договор недействителен, претор безусловно не должен вмешиваться» (D. 4. 4. 16)³⁴. Здесь «вмешательство претора» считается возможным лишь в чрезвычайной ситуации, когда претор должен самолично провести расследование и издать декрет о «восстановлении в первоначальное положение». В том же случае, когда он предоставляет иск из обмана (*actio doli*) и назначает судью, по мнению Ульпиана, «вмешательство претора не имеет места». В другом фрагменте того же самого «Комментария к эдикту» Ульпиан отмечает, что если кредиторы не пришли к соглашению относительно того, какая доля имущества должна причитаться каждому из них, «то тогда необходимо вмешательство претора (*tunc praetoris partes necessariae sunt*), который своим декретом следует воле большинства» (D. 2. 14. 7. 19). Здесь снова «вмешательство» претора означает, что он выносит решение самолично, не назначая судью. Также и во всех остальных случаях выражение «*partes praetoris*» употребляется в таких ситуациях, когда претор должен сам вынести решение, а не поручает это назначенному им судье (D. 4. 4. 11. 2; 28. 5. 23. 1; 40. 4. 20).

То же самое характерно и для выражения «*partes praesidis*». Говоря о жестоком обращении господ со своими рабами, Ульпиан отмечает: «каковы при этом обязанности наместника (*quae sunt partes praesidis*) следует из рескрипта божественного Пия... проконсулу Бетики» (D. 1. 6. 2). В рескрипте же указано, что проконсул должен произвести судебное расследование (*cognoscere*) и, если жалобы рабов подтвердятся, принудить господина продать их в другие руки. В своем сочинении, посвященном экстраординарному процессу, Каллистрат пишет: «В целом, всякий раз, когда принцепс отсылает дела наместникам провинций, пользуясь рескриптами, подобными такому: "ты можешь обратиться к тому, кто возглавляет провинцию", либо с таким добавлением: "он определит, что требуется от него самого", это не налагает на проконсула или легата обязанность проводить (самолично) судебное расследование, хотя бы даже и не было добавлено: "он определит, что требуется от него самого". Но он должен определить, самому ли ему вершить суд или назначить судью» (D. 1. 18. 9)³⁵. Слова «он определит, что требуется от него самого» (*quid sit partium suarum*), очевидно, означают: «он выберет те дела, которые будет разбирать (*cognoscere*) самолично».

Таким образом, «вмешательство» претора или наместника означает их активное личное участие в судебном разбирательстве, принятие ими на себя обязанностей судьи. И если отсутствие такого «вмешательства» Ульпиан отождествляет с разбором дел в порядке обычного судопроизводства, то можно сделать вывод, что тяжбы «специалистов», пользовавшихся особой правовой защитой, наместники, как правило, разбирали

³⁴ In causae cognitione etiam hoc versabitur, num forte alia actio possit competere citra in integrum restitutionem. Nam si communi auxilio et mero iure munitus sit, non debet ei tribui extraordinarium auxilium... 1. Item relatum est apud Labeonem, si minor circumscriptus societatem coierit vel etiam donationis causa, nullum esse societatem nec inter maiores quidem et ideo cessare partes praetoris... 3. Et generaliter probandum est, ubi contractus non valet, pro certo praetorem se non debere interponere.

³⁵ Generaliter quotiens princeps ad praesides provinciarum remittit negotia per rescriptiones, veluti «eum qui provinciae praeest adire poteris» vel cum hac adiectione «is aestimabit, quid sit partium suarum», non imponitur necessitas proconsuli vel legato suscipiendae cognitionis, quamvis non sit adiectum «is aestimabit quid sit partium suarum»: sed is aestimare debet, utrum ipse cognoscat an iudicem dare debeat.

самолично. С учетом этого обстоятельства становится понятнее содержание последнего параграфа Ульпианова фрагмента (D. 50. 13. 1. 5): «И если всего этого добиваются у наместников, то следует рассмотреть, могут ли наместники разбирать в своем суде (*cognoscere*) встречные иски требования. И я полагаю бы, что это надо разрешить». На первый взгляд кажется, что здесь Ульпиан возвращается к уже решенному вопросу о распространении *cognitio extra ordinem* на правовые претензии работодателей к специалистам (D. 50. 13. 1. 9)³⁶. Однако упоминание им встречных исковых требований (*petitiones mutuae*), т.е. требований ответчика к истцу, рассматривавшихся в рамках одного судебного разбирательства³⁷, позволяет сделать вывод, что речь идет не о том, должны ли правовые претензии работодателей рассматриваться *extra ordinem*, а о том, должны ли наместники разбирать их самолично, если они выдвинуты в ответ на претензии «специалистов»³⁸.

Таким образом, распространение экстраординарного процесса на тяжбы между «специалистами» и работодателями по поводу заработной платы означало прежде всего, что судьей в этих спорах становился сам наместник. А поскольку он всегда находился на виду, вершил суд зачастую публично, при большом стечении зрителей и был вынужден считаться с общественным мнением³⁹, то в этом случае у истца были неплохие шансы выиграть дело и против значительно более богатого и влиятельного ответчика. Поэтому наделение «специалистов» особой правовой защитой означало, что они получили весьма существенную привилегию, а перегруженные делами наместники – дополнительное бремя. По мнению Г. Зиберера, эта привилегия не имела исключительного характера: те, кто ею обладал, могли при желании добиваться выполнения своих требований также и в порядке обычного судопроизводства⁴⁰. Однако большинство современных романистов с этим не согласны. Как отметил Г. Клами, если принять концепцию Зиберера, то не ясно, в чем смысл отказа в особой правовой защите философам и профессорам права⁴¹.

Для того чтобы выяснить, что общего было у «специалистов», пользовавшихся этой привилегией, необходимо уточнить их состав, то место, которое они занимают в перечне Ульпиана, и причины их включения в этот список.

Не вызывает никакого сомнения, что наделение особой правовой защитой профессоров «благородных наук» и врачей было связано с проводившейся императорской властью политикой дарования им всевозможных льгот, привилегий и окладов. Особенно наглядно эта связь видна в эдикте Константина⁴², адресованном «народу» и представлявшем собой своеобразный манифест такой политики: «Мы повелеваем, чтобы врачи и особенно архиатры либо бывшие архиатры⁴³, грамматики и другие профессора словесных наук вместе со своими женами и детьми, а также еще и с имуществом, которым они владеют в своих городских общинах, были свободны от всякой общественной должности и от всех городских или государственных повинностей, и

³⁶ К. Белов предположил даже, что § 15 является интерполяцией, поскольку в нем повторяется то, что было сказано в § 9 (Op. cit. S. 119 f.).

³⁷ Дождев Д.В. Римское частное право. 2-ое изд. М., 1999. С. 243.

³⁸ Правда, и в первом случае, судя по терминологии Ульпиана (*cognoscere praeses debet*), можно предположить, что подобные дела наместник также должен был разбирать самолично, однако далее говорится о том, как должен вести себя судья (*iudex*), разбирая тяжбы клиентов с адвокатами по поводу гонораров (D. 50. 13. 1. 10). Видимо, имелся в виду *iudex datus*, назначенный наместником (Kaser. Op. cit. S. 362. Anm. 7).

³⁹ Mommsen Th. Römisches Strafrecht. Lpz., 1899. S. 358 ff.; Nippel W. Public Order in ancient Rome. Cambr., 1995. P. 107 ff., 112; Смышляев. Ук. соч. С. 27 слл.

⁴⁰ Siber H. Operae liberales // Jherings Jahrbücher für die Dogmatik des bürgerlichen Rechts. 1939–1940. S. 169 ff. К сожалению, эта работа оказалась для меня недоступной.

⁴¹ Klami H.T. Mandatum and Labour in Roman Law // ZSS. 1989. 119. P. 580. Убедительные аргументы против гипотезы Зиберера приводит и Дж. Коппола (Op. cit. P. 255).

⁴² В обоих кодексах этот эдикт дошел в составе отдельных титулов, посвященных привилегиям профессоров и врачей (С. X. 53 (52); СTh. XIII. 3).

⁴³ Архиатрами (букв. главными врачами) называли городских и государственных врачей, числившихся на службе и получавших регулярный оклад.

чтобы в провинциях они не принимали никого на постоянно и не выполняли какую-либо (другую) повинность и чтобы им не вчиняли иск и не доставляли их в суд, и чтобы они не терпели обид, и, если кто-либо станет им досаждать, пусть его накажут денежным штрафом по усмотрению судьи. 1. Мы приказываем также, чтобы им выплачивали их заработки и оклады, дабы тем легче они обучали бы многих благородным наукам и прославленным искусствам» (С. X. 53(52). 6 = СTh. XIII. 3. 3; ср. СTh. XIII. 3. 1)⁴⁴.

В этом постановлении Константин не только подтверждает привилегии, предоставленные профессорам и врачам многими римскими императорами начиная с Веспасиана⁴⁵, но и расширяет сферу их действия, распространяя их на жен и детей «специалистов». Обращает на себя внимание тот факт, что после перечисления льгот, связанных с освобождением от налогов и повинностей, говорится о привилегиях судебных: профессорам и врачам гарантируют защиту против обид, заключающихся в судебных кознях (*calumnia*)⁴⁶, и в случае конфликта по поводу невыплаченной им платы за труд⁴⁷. Своей целью Константин объявляет поддержку преподавания «словесных наук» и медицины.

Императорская поддержка была связана с тем, что профессора и врачи считались «полезными» (*χρήσιμοι*) для своего отечества (D. 27. 1. 6. 11), а их занятия характеризовались как *artes necessariae* (СTh. XIII. 3. 18 = С. XII. 40. 8)⁴⁸. Судя по свидетельствам эпохи Поздней империи, представители этих специальностей считали свою профессиональную деятельность общественной повинностью⁴⁹. Ульпиан также обосновывает особую правовую защиту профессоров и врачей той пользой, которую они приносят людям (D. 50. 13. 11). В этом отношении он отдает предпочтение врачам, однако профессора занимают в его фрагменте гораздо более важное положение. Получение рядом «специалистов» судебной привилегии зависит прежде всего от того, входят или не входят они в число профессоров⁵⁰. Судя по особенностям словоупотребления Ульпиана, можно сделать вывод, что особой правовой защиты профессора удостоились раньше, чем врачи⁵¹. Столь высокий статус «специалистов», связанных с «благородными науками», объясняется той ролью, которую играло риторическое образование⁵² в формировании и функционировании как общеимперской, так и мест-

⁴⁴ *Medicos et maxime archiatros vel ex archiatriis, grammaticos et professores alios litterarum una cum uxoribus et filiis nec non etiam rebus, quas in civitatibus suis possident, ab omni functione et ab omnibus muneribus civilibus vel publicis immunes esse praecipimus neque in provinciis hospites recipere nec ullo fungi munere nec ad iudicium deduci vel exhiberi vel iniuriam pati, ut, si quis eos vexaverit, poena arbitrio iudicis plectetur. Mercedis etiam eorum et salaria reddi iubemus, quo facilius liberalibus studiis et memoratis artibus multos instituant* (333 г. н.э.).

⁴⁵ Об этих привилегиях см. *Below*. Op. cit. S. 22 f.; *Marrou*. Op. cit. P. 434 suiv.; *Bonner*. Op. cit. P. 157 ff.; *Hadot I. Arts libéraux et philosophie dans la pensée antique*. P., 1984. P. 221 suiv., 230 suiv.; *Kaster*. Op. cit. P. 223 ff.; *Marotta*. Op. cit. P. 93 ss.; *Coppola*. Op. cit. P. 412 ss.

⁴⁶ В делах о *calumnia* (т.е. заведомо неправомерных судебных требованиях), разбиравшихся в порядке экстраординарного судопроизводства, наказание назначалось по усмотрению судьи (*Бартошек М.* Римское право (понятия, термины, определения). М., 1989. S. v. *Calumnia*. С. 59).

⁴⁷ Возможно, судебная льгота заключалась в том, что подобные дела разбирали самолично столичные сановники или наместники провинций.

⁴⁸ Уже к концу I в. н.э. представления такого рода стали общим местом. Так, например, Квинтилиан, говоря о типичных риторических controversiaх, приводит в качестве примера такую, где разбирался вопрос: кто полезнее всех для своего города (*utilissimus civitati*) – оратор, философ или врач (*Inst. or. 7. 1. 38*)?

⁴⁹ *Kaster*. Op. cit. P. 225. Not. 114.

⁵⁰ См. D. 50. 13. 1. 1; 50. 13. 1. 4; 50. 13. 1. 5; 50. 13. 1. 6; 50. 13. 1. 8.

⁵¹ По свидетельству Ульпиана, в отношении профессоров наместники «имеют обыкновение» вершить правосудие, а в отношении врачей они «должны» (курсив мой. – А.С.) вершить правосудие, так же как и для профессоров (D. 50. 13. 1 пр.; 50. 13. 1. 1). Очевидно, врачи были удостоены особой правовой защиты незадолго до того времени, когда Ульпиан работал над своим трактатом (ср. *Coppola*. Op. cit. P. 274, 286).

⁵² Следует отметить, что упоминаемые Ульпианом в числе преподавателей «благородных наук» геометры (D. 50. 13. 1 пр.), по мнению римлян, также были связаны с подготовкой ораторов. Квинтилиан посвящает этому вопросу один из разделов своего учебника (*Inst. or. 1. 10. 34–49*) и в конце его приходит к выводу, что оратор никоим образом не может обойтись без геометрии (...*nullo modo sine geometria esse possit orator*).

ных городских элит⁵³. Таким образом, в том, что касается преподавателей, римские представления об общественной пользе имели явно аристократический характер. Примерно то же самое можно утверждать и в отношении медиков. Врачам широкого профиля, «заботящимся о здоровье людей», Ульпиан противопоставляет претендующих на принадлежность к этой профессии «узких специалистов», которые «сулят исцеление какой-либо части тела или от какой-нибудь болезни»⁵⁴, а также знахарей-шарлатанов (D. 50. 13. 1. 1–3). Как справедливо отмечалось рядом романистов, речь здесь идет о противопоставлении «ученой» и народной медицины, широкообразованных врачей-профессоров типа Галена и полуобразованных врачей-ремесленников⁵⁵. Хотя Ульпиан включает и тех и других в число лиц, пользующихся особой правовой защитой, лишь первых из них он считает врачами в полном смысле этого слова. Разумеется, услуги таких врачей были доступны главным образом богатым и влиятельным пациентам⁵⁶, т.е. тем же, кто мог себе позволить учиться у грамматиков и риториков⁵⁷. Поскольку число профессоров и врачей, пользующихся налоговым иммунитетом и освобождением от повинностей, было строго ограничено при Антонине Пии в каждом городе (D. 27. 1. 6. 2.)⁵⁸, можно предположить, что большая часть врачей-ремесленников, а также все повивальные бабки не имели иных льгот, кроме права предъявлять исковые требования по поводу своей платы *extra ordinem*⁵⁹.

В числе «специалистов», пользовавшихся особой правовой защитой, Ульпиан называет сразу вслед за преподавателями благородных наук и врачами учителей начальной школы (*ludi litterarii magistri*), а также переписчиков (*librarii*), стенографов (*notarii*) и «счетоводов либо табуляриев» (*calculatores sive tabularii*) (D. 50. 13. 1. 6). Очевидно, речь у него идет не о канцелярских служащих, а о преподавателях соответствующих дисциплин. Счетовода и стенографа как учителей начальной школы, окруженных юными учениками, упоминает Марциал (10. 62. 4), а Антонин Пий констатирует в своем указе, что счетоводы не принадлежат к профессорам (С. X. 53(52). 4). Таррунтен Патерн среди воинов, освобожденных от самых тяжелых работ, наряду с другими категориями писарей называет «*librarii quoque qui docere possint*» (D. 50. 6. 7(6)). Наконец, все эти персонажи фигурируют в Диоклетиановом Эдикте о ценах⁶⁰ в компании с *magister institutor litterarum* там, где говорится о заработках преподавателей⁶¹. Из тех,

⁵³ *Marotta*. Op. cit. P. 143; *Kaster*. Op. cit. P. 22 ff., 27, 29 f., 225; *Harris*. Op. cit. P. 246 f., 250; *Coppola*. Op. cit. P. 563, 575; *Agusta-Boularot S.* Les références épigraphiques aux *grammatici* et Грамматикoi de l'Empire romain (Ier siècle av. J.C. – IV siècle ap. J.C.) // MEFRA. 1994. 106. P. 738.

⁵⁴ Именно о таких «специалистах», по всей видимости, идет речь в «Письмах» Скрибония Ларга, отмечавшего, что многие, овладев лишь частью искусства врачевания, добились звания врача во всей его полноте (P. 4. 1. 25 *Helmreich*).

⁵⁵ *Bernard*. Op. cit. P. 62 suiv.; *Guarino*. Gli «specialisti»... P. 328; *Marotta*. Op. cit. P. 145; *Coppola*. Op. cit. P. 275; *Wacke A.* Die Anerkennung der Medizin als *ars liberalis* und der Honoraranspruch des Arztes // ZSS. 1996. 113. S. 392. Ср. *Позднякова Н.А.* Место науки в системе мировоззрения // Культура древнего Рима. Т. 1 / Под ред. Е.С. Голубцовой. М., 1985. С. 270 сл.

⁵⁶ *Scarborough J.* Roman Medicine. L., 1969. P. 108, 115, 121.

⁵⁷ Круг тех, кто мог позволить себе изучение филологии и риторики в древнем Риме, был очень ограничен (*Booth A.D.* The Schooling of Slaves in First-Century Rome // TAPA. 1979. 109. P. 14 f.; *Kaster*. Op. cit. P. 22 ff., 29).

⁵⁸ По мнению И. Адо, подобные ограничения могли существовать и до Антонина Пия (Op. cit. P. 228).

⁵⁹ Одним из важных критериев включения кандидата в число лиц, пользующихся привилегиями (*numerus clausus*), была его ученость (D. 27. 1. 6. 10), а сам отбор кандидатов проводился городским Советом, в котором заседали скорее всего пациенты ученых врачей, а не лекарей-ремесленников. Повивальные бабки не включались в *numerus*.

⁶⁰ Ссылки на Эдикт о ценах даются по изданию: *Diokletians Preisedikt. Texte und Kommentare* / Hrsg. von S. Lauffer. B., 1971.

⁶¹ «Учителю грамоты 50 денариев в месяц за одного ученика» (7. 66), «учителю арифметики (*calculatori*) 75 денариев...» (7. 67), «учителю стенографии (*notario*) 75 денариев...» (7. 68), «учителю-копиисту (*librario sibe antiquario*) 50 денариев...» (7. 69).

кого перечисляет Ульпиан в § 6, только табулярии (т.е. архивариусы или регистраторы) нигде не упоминаются в качестве учителей. Однако одно из значений слова *tabulae* – это финансовые документы, книги доходов и расходов, поэтому табулярием могли называть счетовода-бухгалтера⁶². На этом основании можно предположить, что «*calculator sive tabularius*» означает «счетовод он же бухгалтер», и, следовательно, здесь имеются в виду не две разные специальности, а два разных названия одной и той же⁶³. Не упомянутые в Ульпиановом фрагменте канцелярские служащие, которые не были связаны с преподаванием, по всей видимости, не пользовались особой правовой защитой⁶⁴. Таким образом, в § 6 говорится только о разного рода учителях начальной школы. Но почему все они получили доступ к *cognitio extra ordinem*? Ульпиан отмечает только, что это было присвоено ими в силу обычая (*usurpatum est*), хотя они и не являются профессорами (D. 50. 13. 1. 6). Последнее означает, что их деятельность не считалась особенно полезной для общества, и поэтому они не могли претендовать на какие-либо льготы и привилегии. В этом вопросе однако нет полной ясности. С одной стороны, есть прямые указания, что учителя не имеют на них права⁶⁵. С другой – заявления подобного рода иногда сопровождаются определенными оговорками⁶⁶, да и сами по себе свидетельствуют о том, что учителя начальной школы все-таки претендовали на льготы и привилегии. У Аркадия Харизия, писавшего, видимо, на рубеже III и IV вв., есть не совсем ясное указание на освобождение их (или некоторых из них) от повинностей: «Учителям, которые имеют освобождение от общественных повинностей, (а) также грамматикам, риторам, врачам и философам была предоставлена принцепсами льгота, чтобы они не принимали (кого-либо) на постой. Это постановили в своих рескриптах божественный Веспасиан и божественный Адриан» (D. 50. 4. 18. 30)⁶⁷. Еще Куяций полагал, что переписчики допустили ошибку и вместо *item* (также) в оригинале было *id est* «то есть». В этом случае здесь вообще ничего нет о привилегиях учителей начальной школы⁶⁸. Однако, как отметила И. Адо, в юридических текстах термин *magister* никогда не используется для общего обозначения грамматиков, риторов и философов, и, следовательно, в этом фрагменте речь идет о какой-то группе учителей начальной школы, которые в виде исключения могли получать освобождение от повинностей⁶⁹. Вероятно, в тех городах, где не было достаточно грамматиков и риторов, чтобы заполнить *muneris clausus*, туда могли включать отдельных учителей начальной школы⁷⁰. Говоря о привилегиях и льготах, следует также иметь в виду, что на практике (особенно в провинциях) четко разграничить

⁶² D. 11. 6. 7. 4; *Sen. Ep.* 88. 10; *Oxford Latin Dictionary* / Ed. P.G.W. Glare. Oxf., 1988. S. v. *Tabularius*. P. 1899.

⁶³ Ср. «*librarius sibe antiquarius*» (Ed. pr. 7. 69), «*orator sive sofista*» (Ed. pr. 7. 71).

⁶⁴ В Ульпиановом Комментарий к Эдикту указано, что секретарь (*exceptor*) по поводу причитающейся ему платы должен вчинить иск из договора найма (*locatio-conductio*) в порядке обычного судопроизводства (D. 19. 2. 19. 9).

⁶⁵ «Божественный Антонин Великий (т.е. Каракалла. – А.С.) постановил в рескрипте, что те, кто учит детей грамоте, не имеют освобождения (от повинностей)» (D. 50. 4. 11. 4). Ср. С. X. 53 (52). 4.

⁶⁶ «Те, кто учит детей грамоте, не имеют освобождения от общественных повинностей, но добросовестность требует от наместника (*ad praesidis religionem pertinet*), чтобы ни на кого из них не налагались (повинности), превышающие их силы, (независимо от того) преподают ли учителя грамоту в городах или в селах» (D. 50. 5. 2. 8). Таким образом, если учителя начальной школы не могут претендовать на освобождение от повинностей на основании закона, они тем не менее вправе рассчитывать на определенные поправки со стороны наместника вследствие связанных с его должностью моральных обязательств.

⁶⁷ *Magistris, qui civilium munerum vacationem habent, item grammaticis et oratoribus et medicis et philosophis, ne hospitem reciperent, a principibus fuisse immunitatem indultam et divus Vespasianus et divus Hadrianus rescripserunt.*

⁶⁸ Так считает Г. Бауэрсок (*Bowersock G.W. Greek Sophists in the Roman Empire*. Oxf., 1969. P. 32).

⁶⁹ *Hadot*. Op. cit. P. 223, 232 suiv.; ср. *Harris*. Op. cit. P. 235 f.

⁷⁰ Например, в горнорудном поселении Випаска, где не имелось своих риторов и грамматиков, учителя начальной школы были освобождены от муниципальных повинностей (ILS 6891 = FIRA I. 105. Ст. 57).

учителей начальной школы от грамматиков и геометров не всегда было возможно⁷¹.

Таким образом, если по своему социальному и правовому статусу, уровню доходов и составу аудитории учителя начальной школы и профессора благородных наук принадлежали к двум разным мирам, между ними тем не менее нельзя было провести жесткой границы. Кроме того, наряду с различиями они имели, в представлении римлян, и немало общего друг с другом. В Ульпиановом фрагменте все они как единое целое противопоставляются «чернорабочим и мастерам других искусств, не связанных с буквами или стенографическими знаками» (D. 50. 13. 1. 7). В Эдикте о ценах, судя по порядку перечисления отдельных специальностей, они образуют общую группу преподавателей⁷². Сенека отмечает, что хотя овладение грамотой и не научает детей благородным наукам, оно готовит почву для обучения им в скором времени (Ер. 88.20). Апулей говорит о трех чашах муз, необходимых для духовного совершенства: первая – чаша учителя грамоты (*litterator*), вторая – грамматика и третья – ритора (Flor. 20)⁷³. Все это позволяет предположить, что распространение привилегий, дарованных профессорам, на учителей начальной школы могло быть связано с тем, что в глазах римлян последние тоже были преподавателями и имели некоторое отношение к обучению благородным наукам. Вместе с тем не стоит упускать из виду, что из тех привилегий, которыми пользовались профессоры, только особой правовой защитой обладали все учителя начальной школы, остальные же льготы достались, по видимому, лишь немногим из них. Поэтому объяснить их право на *congntio extra ordinem* только тем, что они были в некоторых отношениях близки к профессорам, вряд ли возможно. Некоторые романисты полагают, что судебная льгота была наградой учителям (и прежде всего тем из них, кто был связан с канцелярскими специальностями) за их участие в подготовке кадров для императорской бюрократии⁷⁴. Однако эта гипотеза является чисто умозрительной, поскольку не подкрепляется какими-либо свидетельствами эпохи Империи⁷⁵.

Вслед за учителями в Ульпиановом перечне «специалистов» идут «спутники» (*comites*), которые могут требовать причитающееся им жалованье на том же основании, что и профессора (D. 50. 13. 1. 8). Некоторые исследователи полагают, что речь идет о помощниках наместников⁷⁶, которых называли спутниками, поскольку они повсюду сопровождали своих начальников. Однако совершенно непонятно, что общего у них с профессорами. И кроме того, известно, что при Ульпиане они должны были истребовать причитающуюся им плату в порядке обычного судопроизводства по договору найма (D. 19. 22. 19. 10). Поэтому более убедительным представляется мнение, что Ульпиан имел в виду помощников профессоров, которые также назывались

⁷¹ Так, грамматиком могли учить грамоте детей из богатых и влиятельных семей, с другой стороны, в небольших городах, где не было своих грамматиков, отдельные учителя начальной школы могли обучать своих учеников (в том числе и из богатых семей) не только грамоте, но и основам филологии. Пересечение сфер деятельности вело к путанице в терминологии – словом *litterator* (или *υραγματιστής*) могли обозначать и учителя начальной школы, и домашнего наставника, и грамматика, обучающего грамоте. По надписям и текстам нередко трудно понять, идет ли в том или ином конкретном случае речь об учителях начальной школы или преподавателях благородных наук (Kaster. Op. cit. P. 24, 44 ff.; Harris. Op. cit. P. 234 f.; *Agusta-Boularot*. Op. cit. P. 683; *Criamore*. Op. cit. P. 14, 20 f.).

⁷² Привожу здесь продолжение списка из прим. 61: «Грамматику греческому или латинскому и геометру 200 денариев в месяц за одного ученика» (7. 70), «ритору или софисту (*ogatori sive sofistae*) 250 денариев...» (7. 71). Обращает на себя внимание, с одной стороны, большая разница в материальном обеспечении учителей и профессоров (соотношение 1 к 4 или к 5, а фактически еще больше, если принять в расчет привилегии и оклады грамматиков и риторов, входивших в *numerus clausus*), а с другой – то, что все они стоят в одном ряду.

⁷³ Об аналогичных свидетельствах эпохи Поздней империи см. Kaster. Op. cit. P. 44.

⁷⁴ Marotta. Op. cit. P. 146; Coppola. Op. cit. P. 264, 280.

⁷⁵ Как справедливо отметил Р. Кастер, подобный подход связан с неправомерным смещением результатов с намерениями (Op. cit. P. 225. Not. 115).

⁷⁶ *Macqueron*. Op. cit. P. 173; *Crook*. Op. cit. P. 204; *Visky*. Geistige Arbeit... S. 80; cp. *El Digesto de Justiniano*... P. 839.

спутниками, поскольку повсюду следовали за своими принципами⁷⁷. Мне кажется возможным, что Ульпиан использовал этот термин также и для обозначения педагогов (*paedagogi*), которые нередко именовались спутниками, поскольку повсюду сопровождали своих подопечных⁷⁸, и которые в числе прочего выполняли те же обязанности, что и помощники профессоров⁷⁹. Педагоги в Эдикте о ценах, так же как и «спутники» в Ульпиановом фрагменте, являются ближайшими соседями учителей начальной школы⁸⁰. У нас нет данных о каких-либо иных привилегиях и льготах педагогов и ассистентов профессоров, кроме судебной.

Упоминанием о «спутниках» Ульпиан завершает обсуждение вопроса о «специалистах», имеющих ту же самую судебную льготу, что и профессора, и, отметив, что «также и против *всех них* (курсив мой. – А.С.) наместник должен проводить судебное разбирательство» (D. 50. 13. 1. 9), переходит к новой теме – распространению особой правовой защиты на их контрагентов. Этот вопрос он разбирает на примере исковых требований, предъявляемых адвокатам их клиентами в порядке экстраординарного судопроизводства (D. 50. 13. 1.9–13). Ульпиан долго и обстоятельно рассуждает о гонорарах адвокатов⁸¹ и претензиях по поводу полученной, но не отработанной ими платы, однако он ни единым словом не упоминает, какое отношение имеют все эти сюжеты к прочим «специалистам», пользующимся особой правовой защитой, и их контрагентам. Складывается впечатление, что в этом экскурсе он не столько развивает свою основную тему, сколько отступает от нее. Поскольку адвокаты не фигурируют в общем перечне «специалистов», удостоенных судебной льготы, остается только строить догадки по поводу того, что их объединяло и в какой мере их вообще можно рассматривать как единое целое. Адвокаты безусловно сближало с остальными то, что их занятие считалось весьма почтенным⁸², а сами они по большей части принадлежали к миру риторического образования и словесной культуры⁸³. В Эдикте о ценах адвокаты стоят в одном ряду с преподавателями, являясь ближайшими соседями риториков⁸⁴. С другой стороны, в источниках отсутствуют не только указания на какие-либо привилегии и льготы, связанные с профессией адвоката, но даже и на соответствующие претензии представителей этой специальности. Деятельность адвоката долгое время рассматривалась в Риме не как профессия, а как безвозмездное занятие

⁷⁷ *Klami*. Op. cit. P. 581. Термин «*comites*» в значении – «наставники, преподаватели» – встречается в неюридических текстах (A Latin Dictionary. S. v. *Comes*. P. 374).

⁷⁸ В таком значении термин «*comites*» встречается как в юридических, так и неюридических текстах (D. 47. 10. 15. 16: *Comitem accipere debemus eum, qui comitetur et sequatur et (ut ait Labeo) sive liberum sive servum sive masculum sive feminam ... inter comites utique et paedagogi erunt*. Cp. D. 47. 11. 1. 2. См. также *Verg. Aen. 5. 546; Liv. 5. 27. 1; Suet. Claud. 35. 2; Stat. Silv. 5. 2. 60. Bernard*. Op. cit. P. 29. Not. 92).

⁷⁹ *Schuppe E. Paidogogos // RE. Bd XVIII. 2. 1943. Sp. 2379 ff.; Bonner*. Op. cit. P. 39 ff.; *Visky. Geistige Arbeit... S. 32; Harris*. Op. cit. P. 239; *Cribiore*. Op. cit. P. 16.

⁸⁰ «Педагогу 50 денариев в месяц за одного ученика» (7. 65), «учителю грамоты 50 денариев...» (7. 66).

⁸¹ Как отмечает Дж. Коппола, плата, которую получали адвокаты от клиентов, не может рассматриваться как *honorarium* в традиционном римском понимании этого слова. Не случайно поэтому в Ульпиановом фрагменте, наряду с термином *honorarium* (возможно, включенном в него интерполяторами) для обозначения этой платы, встречается также и термин *merces* (*Coppola*. Op. cit. P. 197. Not. 111, 206 ss., 247 ss., 283 ss.).

⁸² Квинтилиан характеризует деятельность адвоката как «самый почтенный труд» (*honestissimus labor* – *Inst. or. 12. 7. 10*), Тацит – как «прекраснейшее и лучшее из благородных искусств» (*pulcherrimum alioquin et bonarum artium principem* – *Ann. 11. 6. 2*). См. также *Bernard*. Op. cit. P. 99. Not. 83.

⁸³ Одним из главных достоинств адвоката считалось его красноречие (D. 50. 13. 1. 10). Знаменитые риторы (такие, как Квинтилиан, Корнелий Фронто, Либаний и многие светила второй софистики) нередко выступали в качестве адвокатов. Неслучайно слово *orator* могло означать и ритор и адвокат (*Дыдынский*. Указ. соч. S. v. *Orator*. С. 386; *Oxford Latin Dictionary ... S. v. Orator*. P. 1263).

⁸⁴ Привожу здесь продолжение списка из прим. 72: «Ритору или софисту (*oratori sive sofistae*) 250 денариев в месяц за одного ученика» (7. 71), «адвокату или юристу (*advocato sive iuris perito*) в уплату за представление дела в суд 250 денариев» (7. 72), «за судебную защиту 1000 денариев» (7. 73), «строителю-преподавателю (*architecto magistro*) 100 денариев в месяц за одного ученика» (7. 74). Интересно, что адвокаты оказались включенными в группу преподавателей.

людей высшего общества, поддерживающих и защищающих в суде своим влиянием и красноречием друзей и клиентов. По мере того как все больше небогатых и незнатных людей становилось адвокатами, старые нормы постепенно теряли свою силу, однако только при Клавдии адвокаты получили законное право на гонорар (не превышающий 10 тыс. сестерциев)⁸⁵, который можно было, по всей видимости, истребовать в порядке экстраординарного судопроизводства⁸⁶. Однако традиционные аристократические представления, связанные с деятельностью адвокатов, долгое время продолжали существовать, и те из них, кто принадлежал к привилегированным сословиям, могли по-прежнему не брать платы за свои услуги⁸⁷, уподобляясь тем самым скорее философам и юристам, чем прочим преподавателям и врачам. Таким образом, наделение адвокатов особой правовой защитой могло рассматриваться не как судебная льгота, а как свидетельство деградации бывшего престижа этого почтенного занятия, поэтому, вероятно, адвокатам не нашлось места в Ульпиановом перечне «специалистов», удостоенных такой чести.

Закончив обширный экскурс, посвященный адвокатам и их клиентам, Ульпиан снова возвращается к своей основной теме – вопросу о «специалистах», имевших особую правовую защиту, «забыв», что он уже завершил ее изложение и подвел итоги. В перечень тех, кто был приравнен к профессорам в отношении судебной льготы, он включает нянь-кормилиц (D. 50. 13. 1. 14), а затем снова подтверждает право контрагентов привилегированных «специалистов» на аналогичную льготу, трактуя этот вопрос в связи с *repetitiones mutuae*, т.е. в ином аспекте, чем раньше (D. 50. 13. 1. 15). Таким образом, няни-кормилицы оказываются в своеобразном пост-скриптуме Ульпианова фрагмента. Из числа прочих перечисляемых Ульпианом «специалистов» нянь-кормилиц выделяет также и то, что наш автор ни единым словом не упоминает об их отношении к профессорам⁸⁸. Право нянь-кормилиц на судебную льготу Ульпиан обосновывает столь же странно, как и право учителей начальной школы: наместники должны разбирать исковые требования нянь-кормилиц *extra ordinem*, поскольку те имеют обыкновение обращаться к наместникам со своими претензиями (т.е. потому, что так уже повелось). Свидетельств о каких-либо иных привилегиях и льготах нянь-кормилиц не имеется. Возникает естественный вопрос: почему же они оказались в одной компании с профессорами, врачами и учителями, а не с работниками тех ремесел, которые не связаны с буквами и стенографическими знаками⁸⁹?

Отвечая на этот вопрос, некоторые исследователи просто зачисляют нянь-кормилиц в одну категорию с повивальными бабками, а следовательно, и с врачами, не приводя каких бы то ни было аргументов в пользу такой классификации⁹⁰. Понять их побу-

⁸⁵ *Tac. Ann.* 11. 7. При Нероне дважды возобновляли запрет адвокатам получать какой-либо гонорар (*Tac. Ann.* 13. 5; 13. 42), однако без особого успеха.

⁸⁶ *Bernard. Op. cit.* P. 99.

⁸⁷ Как, например, Плиний Младший (Ep. 5. 13 (14), 8). Квинтилиан разбирает вопрос, должен ли адвокат брать плату за свои услуги (*Inst. or.* 12. 7. 8–12). Император Валентиниан запретил адвокатам, принадлежавшим к *honorati*, брать плату за судебную защиту (C. II. 6. 6. 4–5). О длительном сохранении при Империи аристократических представлений в этой области деятельности см. *Crook J.A. Legal Advocacy in the Roman World. L., 1995. P. 44. 122 f.*

⁸⁸ Очевидно, потому что всем и так было ясно – никакого отношения няни-кормилицы к профессорам не имеют. Можно отметить, что перечисление «специалистов», пользующихся особой правовой защитой, следует в Ульпиановом перечне принципу – от высшего к низшему. В Эдикте о ценах перечень (в том, что касается преподавателей) тот же самый, только порядок перечисления прямо противоположный – от низшего к высшему.

⁸⁹ Этот вопрос не привлек сколько-нибудь значительного внимания романистов, занимающихся проблемой «благородных наук» и вознаграждения за интеллектуальный труд в древнем Риме. Даже в фундаментальных монографиях, в которых подробно разбирается едва ли не каждое слово Ульпианова фрагмента, няни-кормилицы упоминаются лишь мельком (*Visky, Geistige Arbeit ... S. 71*), либо им посвящается по 2–3 страницы (*Bernard. Op. cit.* P. 84–86; *Coppola. Op. cit.* P. 276–278).

⁹⁰ *De Robertis. Op. cit.* P. 194; *Michel. Op. cit.* P. 199, 208 *suiv.*; *Wacke. Op. cit.* S. 416 f.

длительные мотивы не особенно трудно: и те и другие «специалисты» – это женщины, связанные с грудными младенцами и не имеющие ничего общего с «буквами или стенографическими знаками»; и те и другие принадлежат к социальным низам и кроме особой правовой защиты никакими иными привилегиями не обладают. Однако нет данных, что сами римляне, и в частности Ульпиан, руководствовались подобной логикой. Как уже отмечалось, няни-кормилицы в Ульпиановом перечне стоят особняком, и в композиционном отношении они все-таки ближе к «спутникам», а с точки зрения обоснования их льготы – к учителям начальной школы. Особую позицию в этом отношении занимает А. Бернар, который разбирает вопрос о нянях-кормилицах в приложении к главе, посвященной врачам, однако не видит прямой связи между нянями и повивальными бабками. Он отмечает, что главную роль в наделении нянь судебной льготой играло кормление грудью. Молоко, которое давала ребенку свободная женщина, не могло стать объектом договора найма, поскольку та, кто заменяла ребенку мать и заботилась о его жизни и здоровье, играла столь важную роль, что ее нельзя было поставить наравне с простыми наемниками⁹¹. Полемизируя с А. Бернаром, Дж. Коппола справедливо отметила, что те няни-кормилицы, которые работали за плату, рассматривались в Риме как одна из категорий наемных работников⁹². Однако в остальном взгляды этих исследователей практически сходятся. О нянях-кормилицах Дж. Коппола пишет там же, где о врачах и повивальных бабках. Она полагает, что, занимая место матери, няня-кормилица брала на себя ее заботу о физическом и моральном здоровье детей, что позволяет проводить аналогию между ее трудом и деятельностью врачей и преподавателей. Именно поэтому няня-кормилица была удостоена особой правовой защиты вместе с ними⁹³.

Такая трактовка представляется мне спорной, поскольку она не учитывает в достаточной мере взгляды и представления самих римлян. По их мнению, забота о здоровье и образовании детей лежала не на матери, а на отце-домовладыке (*pater familias*), с которым всегда оставались жить дети в случае развода родителей⁹⁴. Римляне, которые даже в деятельности учителей начальной школы и профессоров с трудом находили что-то общее, вряд ли могли видеть в нянях-кормилицах представителей того же самого рода занятий, к которому принадлежали преподаватели и врачи⁹⁵. Наконец, если руководствоваться логикой Дж. Коппола, то остается непонятным, почему «сухие няни», которые не кормили ребенка грудью, но в остальном делали ту же самую работу, что и кормилицы, не могли пользоваться особой правовой защитой.

Разбирая вопрос о причине включения нянь-кормилиц в перечень привилегированных «специалистов», необходимо принять во внимание, что, по мнению Ульпиана, у

⁹¹ *Bernad. Op. cit. P. 85 suiv.*

⁹² Так, например, из римского Египта дошло около полутора десятков папирусов с текстом заключенных с нянями-кормилицами договоров найма. Самый поздний из них относится к 139–140 гг. н.э. (*Taubenschlag R. The Law of Greco-Roman Egypt in the Light of the Papyri, 322 BC – 640 AD. 2nd ed. Warszawa, 1955. P. 377. Not. 7*). Это подтверждается и литературными свидетельствами, относящимися к другим регионам империи (*Coppola. Op. cit. P. 278*).

⁹³ *Coppola. Op. cit. P. 276 ss.*

⁹⁴ Не случайно Квинтилиан обращается с рекомендациями о наилучшем воспитании и образовании будущего оратора к его отцу, а не к матери (*Inst. or. I. 11*). Ср. *Plut. De educ. liber. 4*. По поводу существенных различий между ролью матери в современном и римском мире см. *Dixon S. The Roman Mother. London – Sydney, 1988. P. 110 ff., 120, 131, 134, 145, 233*.

⁹⁵ В доказательство своей точки зрения Дж. Коппола ссылается (*Op. cit. P. 277. Not. 241*) на совет Квинтилиана – выбирать для своего ребенка няню, умеющую правильно говорить (*Inst. or. I. 1. 4–5*). Однако в данном случае знаменитый ритор рассуждает не об обучении будущего оратора, а об устранении любого вредного воздействия на его речь. Поэтому он проводит аналогию не между няней и учителями, а между нею и мальчишками (очевидно, рабами), в окружении которых подрастает ее подопечный (*Inst. or. I. 1. 8*). Какие-либо иные данные об уподоблении римлянами профессиональной деятельности нянь-кормилиц и преподавателей отсутствуют. Зато в Дигестах имеется прямо противоположное свидетельство. Средства, вложенные в обучение детей (*in doctrinam*), Павел противопоставляет тем, которые были уплачены няне за их воспитание (*ad educendum – D. 24. I. 28. 1*).

всех них, а также у философов и профессоров права была одна общая особенность: их занятия принадлежали к высокопочитаемым и священным, что выделяло их из числа прочих «подлых профессий» (*artes sordidae*)⁹⁶. Остается только выяснить, какие именно основания могли позволить признать скромную деятельность нянь-кормилиц, работавших по найму, священной.

Уже со времени Поздней республики профессия няни-кормилицы была широко распространенной и востребованной, особенно в богатых семьях⁹⁷. Витрувий констатирует, как само собой разумеющееся, что родившийся на свет младенец не может быть выкормлен без нянинного молока (2 гр. 3).

Обращаясь к читателям – людям своего круга, Цицерон отмечает: «Мы, едва явившись на свет, уже оказываемся в хаосе ложных мнений и чуть ли не с молоком кормилицы, можно сказать, впадаем в заблуждения. От нее мы переходим к родителям, от родителей к учителям и впадаем все новые и новые заблуждения...» (*Tusc. 3. 1. 2*; пер. М. Гаспарова). Няня, таким образом, в представлении римлян была столь же привычным и необходимым для ребенка человеком, как и его родители и учителя, и так же как и они, вольно или невольно оказывала на него глубокое воздействие. Противопоставляя испорченным цивилизацией римлянам близких к природе германцев, Тацит указывает: «Каждого из них кормит грудью собственная мать, а служанкам и кормилицам их не отдают» (*German. 20. 1*)⁹⁸. Из этого высказывания можно узнать не только о существовании двух видов нянь: домашних рабынь и наемных работниц⁹⁹, но также и о неодобрительном отношении верных древним традициям римлян к отказу от порядка, установленного самой природой. Не только Тацит, но и многие другие современные ему писатели настаивали на том, чтобы, как это принято у предков, мать в богатом доме выкармливала детей своим молоком¹⁰⁰. В эпитафии жены богатого императорского отпущенника в числе прочих ее замечательных достоинств было отмечено, что она даже выкормила собственной грудью своих детей¹⁰¹, т.е. была не только идеальной женой, но и идеальной матерью¹⁰². Эта надпись свидетельствует как о широком распространении традиционных взглядов, так и о глубоком расхождении между ними и реальной жизнью.

Представления римлян о необходимости выкармливания ребенка материнским молоком нашли наиболее полное воплощение в переданной Авлом Геллием речи философа Фаворина (*NA. 12. 1*). По его мнению, материнское молоко ничем, кроме цвета, не отличается от крови, которую получало еще нерожденное дитя в материнской утробе (*12. 1. 12*). Черты телесного и духовного сходства ребенка с родителями обусловлены особенностями как отцовского семени, так и материнского молока (*12. 1. 14*), поэтому питание новорожденного чужим молоком означает, что он склады-

⁹⁶ См. выше прим. 23.

⁹⁷ Ювенал, противопоставляя богатым бездельницам несчастных бедных женщин, пишет, что им, подчиняясь року, приходится переносить и опасности родов и тяжкие труды няни-кормилицы (*Sat. 6. 592–594*). Здесь выделены два полюса, на одном из которых никогда не обходились без услуг кормилицы, а на другом – никогда к ним не прибегали. В семьях среднего достатка к няням-кормилицам могли обращаться в случае необходимости, например, из-за смерти, болезни или новой беременности матери новорожденного (*Bradley. Discovering the Roman Family... P. 19, 21; idem. Wet-nursing at Rome: Study in Social Relations // The Family in Ancient Rome. New Perspectives // Ed. by B. Rawson. London – Sydney, 1986. P. 201, 203 ff.*).

⁹⁸ *Sua quemque mater uberibus alit, nec ancillis ac nutricibus delegantur.*

⁹⁹ В трактате «Об ораторах» Тацит также пишет об этих двух видах нянь, упоминая «греческую служаночку-рабыню» (*Graecula ancilla – Dial. 29. 1*) и наемную, букв. «покупную няню» (*empta nutrix – Dial. 28. 4*).

¹⁰⁰ *Tac. Dial. 28–29; Plut. De educ. liber. 3 C–D; Plut. Cat. Mai. 20. 5; Aul. Gell. 12. 1; Soran. Gyn. 2. 18; 4. 9; ср. Plin. NH. XXVIII. 123.*

¹⁰¹ *Graxiae Alexandriae insignis exempli ac pudicitiae, quae etiam filios suos propriis uberibus educavit... (CIL 6.19128).*

¹⁰² О женщине, кормящей грудью своего ребенка, Фаворин говорит, что она «полностью и целиком является матерью» (*tota interga mater*), а о той, которая отказывается от этого – что она «мать лишь наполовину» (*Aul. Gell. 12. 1. 5–6*).

вается и формируется из чужой плоти и крови (12. 1. 11) и приобретает чужие свойства (12. 1. 17). В обоснование своих взглядов Фаворин приводит аргументы «естественнонаучного» характера, проводя аналогии с животными и растениями. Он указывает, что если овечьим молоком вскармливаются козлята, а козьим – ягнята, то весьма часто у первых шерсть становится жестче, а у последних – волос делается мягче (12. 1. 15)¹⁰³. Также для умаления или приумножения врожденных свойств деревьев или злаков (*ad earum indolem*) по большей части важнее сила и мощь питающих их воды и земли, чем самого посаженного семени, поэтому можно часто видеть, как пышное и цветущее дерево, пересаженное в другое место, погибает из-за сока худшей земли (12. 1. 16). В этом сравнении уподобление матери земле, а отцовского семени саженицу явно навеяны широкораспространенными представлениями¹⁰⁴, а конечный вывод – римским пониманием единого для всех закона природы¹⁰⁵. Таким образом, по мнению римлян, люди, как и все другие существа, созданы не только из плоти и крови своих родителей, но также и своей кормилицы, от которой, как и от отца с матерью, они наследуют те или иные свойства. Говоря о том, что всякий предмет превосходит свое начало, Сенека сопоставляет могучую реку с ее истоками, высокое дерево с его корнями, прославленного мужа с его скромной няней-кормилицей (*De benef.* 3. 29. 4–7). Он не видит существенной разницы между благодеяниями, совершенными отцом, родившим его, и няней, которая его выкормила, поскольку ни без того, ни без другого невозможно было бы достичь чего-либо в дальнейшем (*De benef.* 3. 29. 7). Указывая, что человек своей смертью отдает долг породившей его природе, Марк Аврелий пишет, что, умерев, он упадет на землю, откуда его отец взял семя, мать – кровь, а няня-кормилица – молоко (5. 4), т.е. все, из чего он был создан. Соран советует выбирать кормилицу уравновешенную и со спокойным характером, поскольку младенцы естественно уподобляются той женщине, которая их вскармливает, и приобретает присущие ей черты характера (*Гун.* 2. 19; ср. *Quint. Inst. Or.* 1. 1. 4). В соответствии с этими представлениями няня-кормилица наряду с отцом и матерью оказывается в числе самых близких человеку людей, неразрывно связанных с ним самою природой¹⁰⁶. Очевидно, именно поэтому в Ульпиановом фрагменте кормилицы выделяются из числа прочих нянь и воспитателей, ухаживающих за ребенком.

Близость кормилицы к ее питомцу, по мнению верных древним традициям римлян, могла сказаться на его отношениях с родителями. Отказываясь от обязанностей, возложенных на нее самой природой, мать, согласно моралистам, тем самым разрывает естественные связи между собой и ребенком, который переносит свою любовь на занявшую ее место няню¹⁰⁷. «И поэтому, – замечает Фаворин, – раз были забыты и

¹⁰³ Подобные представления о роли чужого молока при вскармливании животных можно найти и у Колумеллы, отметившего в частности, что если мы хотим сохранить превосходные врожденные свойства (*genegasam indolem*) щенков, нельзя допустить, чтобы их вскармливала грудью чужая кормилица, а не их собственная мать (*De re rust.* 7. 12. 12).

¹⁰⁴ Как и многие другие народы, римляне отождествляли землю с матерью, а слово *semen* означало у них и семя и саженец. О формировании зародыша из плоти другого человека Фаворин говорит буквально следующее: «в чьем теле был привит человек» (или: «им был пущен корень») – *cuius in corpore... homo coalitus sit* (12. 1. 11).

¹⁰⁵ Рассуждая о спецификации (т.е. праве собственности на вещь, сделанную из чужого материала), Павел заявляет: "Дерево, выкопанное с корнями и пересаженное в другое место, до того как оно пустит корень, принадлежит прежнему собственнику, а там, где оно пустило корень, следует за землей, и если опять будет вырыто, то не возвращается к прежнему собственнику, ведь весьма вероятно, что из-за другого питания, (полученного) от земли оно стало другим" (*D.* 41. 1. 26. 1).

¹⁰⁶ Это касалось и детей кормилицы – молочных братьев и сестер ее питомца. Плутарх сообщает, что жена Катона не только сама вскармливала собственного сына, но и часто кормила грудью детей своих рабов, желая внушить им вследствие совместного вскармливания расположение к сыну (*Cat. Mai.* 20. 5). Об особом положении молочных братьев и сестер домовладыки или его детей в римской фамилии см. *Bonner. Op. cit.* P. 36 f.

¹⁰⁷ Такова основная идея речи Фаворина (12. 1). Ср. *Plut. De educ. lib.* 3 D. Взгляды современных психологов и психиатров во многом сходятся с этими представлениями (см. *Dixon. Op. cit.* P. 119).

погублены основы врожденной родственной привязанности (*nativae pietatis*), сколько бы вскормленные дети ни любили, как представляется, отца и мать, эта любовь едва ли не в большей части является не естественной, а искусственной и мнимой» (Aul. Gell. 12. 1. 23). Таким образом, кормилица, освобождая мать от многих тягостных обязанностей, вместе с тем лишает ее значительной доли, полагающейся ей по естественному праву родственной привязанности (*pietas*). Судя по имеющимся в нашем распоряжении свидетельствам, для подобного рода опасений были определенные основания. В первые годы жизни ребенка няня-кормилица оказывались для него ближе родителей¹⁰⁸. Между няней и ее воспитанником обычно возникало чувство привязанности, которое нередко сохранялось, изменяясь при этом в зависимости от возраста бывшего подопечного, на протяжении всей жизни¹⁰⁹. Любовь няни-кормилицы к своему питомцу уподобляется римлянами материнской. В числе наших близких (*nostrorum*), любящих нас неразумной любовью и желающих нам того, что не идет на пользу, Сенека называет няню, педагога и мать (Ep. 60. 1)¹¹⁰. Как свидетельствует римская поговорка, приведенная Публилием Сиrom, «скорбь няни (из-за утраты подопечного) уступает только материнской» (Sent. 659)¹¹¹. В числе близких родственников, перечисляемых в эпитафии, поставленной императорским отпущенником, няня идет сразу вслед за отцом и матерью (CIL 6. 20042)¹¹².

Из нескольких тысяч найденных в самом Риме надписей с эпитафиями 22 поставлены нянями (или ими и родителями) их питомцам и 40 – подопечными (или их родителями) своим няням¹¹³. Это не так уж и мало, если принять во внимание почти полное отсутствие, как отмечено Х. Нильсен¹¹⁴, упоминаний в эпитафиях лиц, не входивших в самый узкий семейный круг (*the closest family*)¹¹⁵. Ограниченный круг

¹⁰⁸ Видимо, с этим связаны приведенные выше слова Цицерона о переходе ребенка в определенном возрасте от няни к родителям (Tusc. 3. 1. 2). Квинтилиан гордился тем, что его умерший в пятилетнем возрасте сын предпочитал отца «няням, воспитывавшей его бабушке и всем тем, кто обычно привлекает к себе детей этого возраста» (Inst. or. 6 рг. 8). Характерно, что в перечне людей, пользующихся особой привязанностью малолетних детей, няня стоит на первом месте, а отец – на последнем. Утешая друга по поводу смерти его младенца-сына, Сенека замечает, что тот пока еще был лучше знаком няне, чем отцу (Ep. 99. 14). В другом сочинении он указывает, что юноши воспроизводят нравы своих кормилиц и педагогов, поскольку «всякое нежное молодое существо прилепляется к тем, кто рядом, и вырастает, подражая им» (De ira 2. 21. 9; пер. Т.Ю. Бородай).

¹⁰⁹ Kampen. Op. cit. P. 110; Dixon. Op. cit. P. 145; Bradley. Discovering the Roman Family... P. 20 ff., 25, 27.

¹¹⁰ Интересно, что в этом перечне, так же как у Квинтилиана, няня стоит на первом месте, а мать – на последнем.

¹¹¹ Secundus est a matre nutricis dolor.

¹¹² C. Iul. Aug. I. Helen sibi et Eroti patri et Zmyrnae matri et Tryphenae nutrice et Phoebe et Eupatoridi et Secundo et Acquali et Ilariae – Caesaris vernis – et libertis et libertabus et posterisque eorum. В этом семейном захоронении императорские рабы и рабыни, замыкающие список близких родных, скорее всего являются братьями и сестрами дедиканта. Таким образом, няня оказалась не в числе клиентов, а внутри избранного круга лиц, который, пользуясь современной терминологией, можно назвать ядерной семьей. Это далеко не единственный случай такого рода. Так, например, Пумидий Магн поставил в колумбарии мраморную табличку своей няне и отпущеннице Пумидии Аттике, себе и своим, а также прочим не названным по имени отпущенникам и отпущенницам вместе с их потомством (CIL 6.35037). Ср. CIL 6.7290; 6.12133; 6.20938.

¹¹³ Список этих эпитафий, а также поставленных няням их питомцами, либо родителями последних приводится в работах: Bradley. Wet-nursing... P. 204–206; Dixon. Op. cit. P. 145. Not. 7. Общие данные о римских эпитафиях и основных категориях их дедикантов и адресатов даны в работе: Nielsen H.S. Interpreting Epithets in Roman Epitaphs // The Roman Family in Italy. Status, Sentiment, Space / Ed. V. Rawson, P. Weaver. Canberra – Oxford. 1997. P. 170 ff.

¹¹⁴ Nielsen. Op. cit. P. 173.

¹¹⁵ Х. Нильсен включает нянь-кормилиц, их детей и воспитателей-мужчин (*nutritores*) в категорию «приемных родителей и родственников». Сопоставляя число эпитафий, посвященных представителям этой и других категорий, она приходит к выводу, что отношения, связанные с приемным родством, часто рассматривались как столь же важные и столь же личные, как и отношения тесного семейного родства (*ibid.*). Можно отметить, что из тех, кто включен исследователем в категорию «приемных родителей и родственников (*fosterer, foster brother/sister*)», более 2/3 составляют няни-кормилицы.

дедикантов и адресатов эпитафий связан не с тем, что друзья и дальние родственники не играли сколько-нибудь важной роли в жизни римлянина, а с особенностями римской системы ценностей, в соответствии с которой похороны близкого родственника считались одной из главных священных обязанностей человека – *officium pietatis* или *officium pium*¹¹⁶. Судя по имеющимся у нас свидетельствам, няни-кормилицы исполняли этот долг по отношению к своим бывшим подопечным, даже когда тех покидали остальные родные и близкие. Так, например, Нерона похоронили в его родовой усыпальнице две няни-кормилицы и наложница (Suet. Nero. 50), Домициана, память которого была предана проклятию, тайно похоронила его няня-кормилица (Suet. Dom. 17. 3)¹¹⁷. В посвященных няням бывшими питомцами (или их родителями) эпитафиях усопшие иногда именуется «*piissimae*», «*pietissimae*», «*sanctissimae*»¹¹⁸. Как отметила Х. Нильсен, эпитет *pius* и производные от него использовались в эпитафиях очень часто, но при этом почти исключительно между самыми близкими кровными родственниками, как правило, между родителями и детьми¹¹⁹. Таким образом, и в этом случае няни-кормилицы оказываются включенными в очень узкий круг, за пределами которого оставались даже супруги. Глубокая вовлеченность няни-кормилицы в жизнь семьи своего подопечного нередко заставляла ее забывать о собственных близких: почти полностью отсутствуют эпитафии, поставленные ею своим детям и мужу или сожителю. По мнению Р. Гюнтер, это объясняется не столько ее ограниченными финансовыми возможностями, сколько чрезвычайно сильной интеграцией в семью своего питомца¹²⁰. Наградой за преданность и привязанность для няни-рабыни был отпуск на волю. Судя по эпиграфическим данным, няни-кормилицы получали свободу значительно чаще, чем занятые в домашнем услужении рабы иных специальностей¹²¹.

На нянь-кормилиц не распространялись введенные законом Элия Сенция ограничения при отпуске рабов на волю несовершеннолетним господином. По свидетельству Ульпиана (D. 40. 2. 11; 13), «если кто-нибудь моложе 20 лет отпускает (рабов) на волю, то при этом признаются основания такого рода: если (отпущенный на волю) является внебрачным сыном или дочерью, либо прижитым вне брака братом или сестрой (господина), либо если это – его молочный брат или воспитатель, или педагог, или няня-кормилица, либо сын или дочь кого-нибудь из них, либо если это его воспитанник или капсарий...»¹²². Основанием для сделанного из общего правила исключения признавалась «законная привязанность» (*iustus affectus* – D. 40. 2. 16 pr.), испытываемая господином к этим лицам. Здесь воспитатели, в число которых входит няня-кормилица, вместе с родственниками по крови и приемной родней составляют круг самых близких господину людей, тех, к кому он не может не испытывать при-

¹¹⁶ Вопросы, связанные с таким *officium pietatis*, трактуются в D. 11. 7: «О местах погребения и похоронных издержках и как разрешается хоронить умерших». См. также Dixon. Op. cit. P. 220; Nielsen. Op. cit. P. 195 f.

¹¹⁷ Его прах она смешала в гробнице Флавиев с прахом Юлии – дочери всеми любимого императора Тита, для того, чтобы останки ее питомца нельзя было найти и бросить в Тибр, как это полагалось по закону.

¹¹⁸ *Piissima* – CIL 6. 16329; *pietissima* – CIL 6. 15655; AE 1972. 434; *sanctissima* – CIL 14. 486; *sancta*, *piamantissima* – CIL 6. 7290.

¹¹⁹ Nielsen. Op. cit. P. 194 ff.

¹²⁰ Günther R. *Frauenarbeit – Frauenbindung. Untersuchungen zu unfreien und freigelassenen Frauen in den stadtrömischen Inschriften*. München, 1987. S. 86.

¹²¹ Няни-кормилицы среди рабов, упоминаемых в собственно римских надписях и занятых в домашнем услужении, составляют 10%, а среди отпущенников – более 50% (Joshel S.R. *Work, Identity and Legal Status at Rome. A Study of the Occupational Inscriptions*. Norman – London, 1992. P. 98. Not. 15, 16).

¹²² Капсарий – мальчик-раб, который носил футляр (*capsa*) с табличками для письма и другими школьными принадлежностями детей своего господина. Вместе с педагогом он сопровождал хозяйского сына в школу и из школы и ел с ним за одним столом (Suet. Nero. 36. 2). Видимо, эту работу могли выполнять молочные братья молодого господина, которые со временем становились педагогами его детей (Bonner. Op. cit. P. 37).

вязанности и признательности¹²³. Но привязанность к близким родственникам (и особенно родным «по естественному праву»), соединенная с чувством долга, представляла собой *pietas*¹²⁴. Возможно, няни вместе с другими воспитателями приравнены законодателем к кровным родственникам, освобождение которых могло рассматриваться как *officium pietatis* и в силу этого допускалось в обход общего порядка¹²⁵. В пользу такого предположения свидетельствует другое исключение из общего правила, о котором идет речь в титуле Дигест, посвященном опекунам и попечителям, злоупотребляющим своим положением (D. 26. 10). Хотя женщинам запрещалось обращаться в суд вместо кого-либо другого (*pro alio postulare* – D. 50. 17. 2 пр.), они могли предъявить исковое требование в интересах близкого родственника, если его опекун не внушал доверия. Уточняя, кому это было дозволено, Ульпиан отмечает: «Допускаются даже женщины, но только те, которые приступают к этому, побуждаемые чувством долга и привязанности по отношению к родственнику, как, например, мать. Также это могут (сделать) няня-кормилица и бабушка. Может и сестра, ведь относительно сестры имеется рескрипт божественного Севера» (D. 26. 10. 1. 7)¹²⁶. Таким образом, право няни на вмешательство в пользу своего питомца, так же как и право матери и бабушки, имеет в качестве своего основания чувство родственного долга и привязанности (*pietas*) и в отличие от права сестры не подвергается сомнению. Особые отношения между няней-кормилицей и подопечным приравниваются законодателями к отношениям между самыми близкими родственниками и, так же как и от них, от няни ждут проявления *pietas*.

По всей видимости, нельзя не согласиться с исследователями, считающими, что няня-кормилица и действующий рука об руку с ней педагог составляли вместе со своим подопечным своеобразную суррогатную семью и в некоторых отношениях заменяли ему отца и мать¹²⁷.

Исходя из всего этого, можно предположить, что особая правовая защита была предоставлена няням-кормилицам, а также, вероятно, и педагогам, чтобы обеспечить дополнительные гарантии против нарушения отношений, связанных со священным для римлян понятием *pietas*, включавшим в себя привязанность и чувство долга по отношению к родным, отечеству и богам и считавшимся, по выражению Цицерона, «основоу всех доблестей» (*Pro Plancio*. 29)¹²⁸.

В этом отношении определенное сходство с нянями-кормилицами и педагогами имели также и преподаватели, поскольку отношения между ними и их учениками отождествлялись римлянами с отношениями между отцами и детьми¹²⁹. По мнению Квинтилиана, учитель должен относиться к своим ученикам как отец и считать себя

¹²³ «Естественная привязанность», по мнению римлян, порождалась кровным или «молочным» родством, либо даже просто совместным проживанием и общением с самых малых лет. В этом отношении представляют интерес рекомендации Колумеллы по поводу разведения мулов. Чтобы подготовить осла для случки с кобылой, он советует выкармливать его с момента рождения кобыльим молоком, поскольку выкормленный таким образом осел-производитель приучается любить лошадей (*sic nutritus admissarius equas diligere condiscit*). Однако, как он считает, если даже осел вырастет среди лошадей, он также будет их любить (*De re rust.* 6. 37. 8). Ср. *Sen. De ira* 2. 21. 9; *Plut. Cat. Mai.* 20. 5.

¹²⁴ *Saller R.P. Patriarchy, Property and Death in the Roman Family / Cambridge Studies in Population, Economy and Society in Past Time.* 25. Camb., 1994. P. 107 ff.

¹²⁵ Как отметил Р. Сэллер, соображения, связанные с *pietas*, могли модифицировать обычные правовые нормы и правила, когда это касалось членов семьи (Op. cit. P. 111).

¹²⁶ *Quin immo et mulieres admittuntur, sed hae solae, quae pietate necessitudinis ductae ad hoc procedunt, ut puta mater. Nutrix quoque et avia possunt. Potest et soror, nam in sorore et rescriptum exstat divi Severi...*

¹²⁷ *Veyne*. Op. cit. P. 18; *Wiedermann T. Adults and Children in the Roman Empire.* L., 1989. P. 10 f.; *Bradley. Discovering the Roman Family...* P. 55, 64. Ср. *Nielsen H.S. Quasi-Kin, Quasi-Adoption and the Roman Family // Adoption et fosterage / Ed. M. Corbier.* P., 1999. P. 258 f.

¹²⁸ *Pietas fundamentum est omnium virtutum.*

¹²⁹ В соответствии с традиционными взглядами, долгое время сохранявшими свое значение, отец сам был должен заниматься обучением детей, поэтому учитель уподоблялся отцу (*Marrou*. Op. cit. P. 344; *Harris*. Op. cit. P. 233; *Wiedermann*. Op. cit. P. 95 f., 143, 156 ff.; *Kaster*. Op. cit. P. 66 ff.; *Crihiore*. Op. cit. P. 15 f.).

замещающим им родителей (Inst. or. 3. 2. 5). Ему следует рассматривать преподавание не как обязанность, а как проявление любви (1. 2. 15)¹³⁰. Обращаясь к ученикам, Квинтилиан настоятельно советует им любить своих преподавателей как отцов, но не физических, а духовных, и добавляет, что эта любовь (*pietas*) очень помогает в учебе (2. 9. 1–2). Сохранились надгробия с эпитафиями, поставленными учителям их учениками, чтущими *officium pietatis*¹³¹. Среди казенных или сосланных Нероном людей, связанных с ним «каким-либо свойством или родством» (*aut affinitate aliqua... aut propinquitate coniunctos*), Светоний называет не только приемную сестру и пасынка тирана, но также и его молочного брата Туска, сына его кормилицы, и его преподавателя (*praesertorem*) Сенеку, префекта Бурра¹³² и престарелых отпущенников – его покровителей и наставников (*fautores atque rectores*) как при усыновлении, так и при воцарении (Nero. 35. 4–5). Этот печальный мартиролог Светоний завершает перечислением преступлений, совершенных «против посторонних» (*in exteris*), т.е. против людей, не принадлежавших к семье или к родственникам тирана (Nero. 36. 1)¹³³. В число лиц, к которым хороший ребенок должен был испытывать любовь и привязанность, Плиний включает нянь-кормилиц, педагога и преподавателей (Pl. Ep. 5. 16. 3)¹³⁴.

Все это позволяет признать, что между няней-кормилицей, педагогами и преподавателями все-таки можно проводить аналогии, но не в отношении их профессиональной деятельности, а в отношении той роли, которую они играли в римской фамилии и в римской системе ценностей.

Видимо, перечень профессий, удостоенных в Ульпиановом фрагменте особой правовой защиты, сложился на основе двух, если можно так выразиться, разнонаправленных принципов: с одной стороны – защиты «общественной пользы» (в соответствии с ним туда были включены профессора, врачи и приравненные к ним «специалисты»), с другой – защиты *pietas* (поэтому туда включили кормилиц и приравненных к ним педагогов и преподавателей).

Возможно, наместники сначала по своей инициативе стали разбирать вне установленного порядка жалобы нянь-кормилиц и учителей начальной школы, чтобы взять под защиту отношения, основанные на *pietas*¹³⁵, а впоследствии эта практика, отвечающая ожиданиям подданных, была одобрена высшей властью¹³⁶ и стала частью института особой правовой защиты как привилегированных профессоров и врачей, так и рядовых учителей и кормилиц. Этот институт был связан с защитой как тех лиц, чья профессиональная деятельность считалась особенно полезной для общества, так и тех ценностей, без которых общество просто не могло бы существовать.

Таким образом, разбирая грошовой тяжбы нищих учителей и кормилиц, наместники тем самым проявляли заботу и попечение об основах и устоях римского социума.

¹³⁰ Nec officium in docendo spectet sed adfectum.

¹³¹ CIL 6. 9444; 6. 9449; 6. 9827; 6. 10008, 10009, 10011a; 8. 5528 и 8. 5529; IG 14. 2454; MAMA 7. 358; AE 1941. 141; *Raubitschek A.E.* Greek Inscriptions // *Hesperia*. 1966. 35. P. 248 f. Сохранились и надгробия учеников, поставленные их учителями (иногда вместе с близкими родственниками) – CIL 6. 10010; 6. 10011; 6. 10013; 6. 10014; 6. 10015; 6. 10016; 6. 10017; 6. 10018. На одном из этих надгробий учитель написал, что любил своего ученика больше, чем собственного сына (CIL 6. 10013). И учитель (CIL 6. 1001a) и ученик (CIL 6. 10016) именуется в эпитафиях *piissimi*.

¹³² По свидетельству античных авторов, префект претория Бурр исполнял обязанности педагога по отношению к юному Нерону. Иосиф Флавий прямо именует Бурра *παιδαγωγός* (Ant. Iud. 20.8.9), Тацит называет Бурра наряду с Сенеккой *rectores imperatoriae iuventae* (Ann. 13.2).

¹³³ *Berger A.* Encyclopedic Dictionary of Roman Law. Philadelphia, 1953. S. v. Extraneus (*exter, exterus, extrarius*). P. 466.

¹³⁴ Cp. *Sen. Die ira* 2. 21. 9.

¹³⁵ Не исключено, что именно этим объясняется столь странное обоснование Ульпианом права учителей начальной школы и нянь-кормилиц предъявлять исковые требования по поводу своей платы *extra ordinem*.

¹³⁶ Следует учесть, что, как уже отмечалось выше (прим. 125), соображения, связанные с *pietas*, могли модифицировать общие правила и нормы.

WET-NURSE AT THE COURT OF A ROMAN GOVERNOR

A.L. Smyshlyayev

The so-called Ulpianus' fragment (D. 50. 1. 13. 1) indicates that governors had the habit of looking into the claims for payments submitted by professors of liberal arts, physicians, elementary school teachers, *comites* (i.e., apparently, professor's assistants and *paedagogi*) and wet-nurses in a way of extraordinary procedure. As Ulpianus' terminology shows, governors investigated such cases personally, without the aid of the appointed judges (*iudices pedanei*). The question is why the governors permanently overloaded with work, who even had to resort to accelerated procedure in cases of grave crimes, had constantly to look into paltry claims of such representatives of lower strata as elementary school teachers and wet-nurses. In G. Coppola's opinion, the "professionals" mentioned in Ulpianus' fragment belonged to a privileged group of hired workers. Originally they had to turn with their claims to regular courts, but from the 2nd c. on they enjoyed special legal support and extraordinary hearing of their cases. Under such conditions the plaintiff had good chances of winning the case even if the respondent was much richer and more influential.

The fact that such privileges were granted to professors and physicians was undoubtedly in accord with general imperial policy of granting privileges to people whose labour was considered of special usefulness for the society. But why were the same rights given to elementary school teachers, *paedagogi* and wet-nurses who had no other privileges and apparently were not included among the people whose services were of high social importance? The answer may lie in the special position they had in Roman family and Roman system of values. Wet-nurses and *paedagogi*, to a certain extent, played the role of parents in respect to the children they were in charge of, and together with them constituted a kind of surrogate family within the *familia* itself. According to Roman views the teacher was also seen as a substitute of his pupil's father. Both wet-nurses and *paedagogi* were connected with the children by the links of kindred love and duty (*pietas*) considered to be the basis of all virtues in Rome (Cic. Pro Plancio 29). Defending their interests in court could be seen as defending *pietas*. Looking into the claims of destitute teachers and wet-nurses personally, the governor demonstrated care and attention to the foundations of the Roman society.

© 2001 г.

Н.А. Фролова, А.В. Куликов, Т.Н. Смекалова

КЛАД БОСПОРСКИХ МЕДНЫХ МОНЕТ (I – СЕРЕДИНА IV в. н.э.), НАЙДЕННЫЙ В КЕРЧИ В 1995 г.

Керченский клад монет был найден в 1995 г. случайно. Первоначально в него входило более 320 медных монет Боспора, но для научного определения удалось получить 312 экземпляров¹. Клад состоял из медных монет царей Боспора: Котиса I (45–68) – 1 экз.; Фофорса (285–305) – 87 экз.; Радамсада (309–322) – 11 экз., Рискупорида VI (314–341) – 213 экз.² Самой ранней монетой был асс Котиса I типа: л.с. ΤΙ.ΚΑΛΥΔΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ, ΙΒ. Голова римского императора Клавдия, вправо; о.с. ΙΟΥΛΙΑΝ ΑΓΡΙΠΠΙΝΑΝ ΣΕΒΑΣΤΗΝ, голова Агриппины влево, слева ΒΑΚ³.

Чеканку этой серии меди П.О. Карышковский датировал 49–50 гг. н.э. Начальная дата серии – 49 г. н.э. – год женитьбы императора Клавдия на Агриппине⁴. К 49 г. н.э. следует относить те монеты, в надписях которых Клавдий и Агриппина титулуются «кесарями», а к чекану 50 г. н.э. – монеты, на которых они оба носят титулы «Августов»⁵. Но чекан мог быть продолжен не до 50, а до 54 г. н.э. – года смерти Клавдия (31 октября 54 г. н.э.). В пользу этого предположения могут свидетельствовать эмиссии золотых ауреусов и серебряных денариев с именами Клавдия и Агриппины в самом Риме в 51–54 гг. н.э.⁶ Экземпляр из Керченского клада плохой сохранности, и различить, стоят ли в легенде слова ΚΑΙΣΑΡΟΣ или ΣΕΒΑΣΤΗΝ, – сложно, что и заставляет относить чекан асса Котиса I к периоду между 49–50 гг. н.э. Время обращения этой монеты – почти 300 лет, так как самые поздние монеты клада относятся к 638 г. б.э. = 341 г. н.э. (табл. I, 1).

Монетная чеканка Фофорса представлена статерами Фофорса почти всех лет эмиссий, кроме: 582 г. б.э. (285 г. н.э.) – первого года правления царя; 587 г. б.э. (290 г. н.э.); 598 г. б.э. (301 г. н.э.) и трех последних лет его правления – 603–605 гг. б.э. (306–308 гг. н.э.), хотя статеры этих лет известны⁷. Монеты 603 г. б.э. (306 г. н.э.) происходят из Патрейского клада 1951 г.⁸ и 1 экз. хранится в

¹ Несколько позже стало известно, что в кладе находились два статера с именем Тейрана, но годы чеканки остались неизвестны.

² Куликов А.В., Фролова Н.А. Клад позднебоспорских монет, найденный в Керчи в 1995 г. // Тез. V Всероссийской нумизматической конференции. М., 1997. С. 17–18.

³ Фролова Н.А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45–68 гг. н.э.) // НС ГИМ. Ч. 5. Вып. 2. М., 1977. С. 231. Табл. 20, 3.

⁴ Карышковский П.О. Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1953. № 3. С. 181.

⁵ Там же. С. 182.

⁶ Mattingly H. BMC. I. L., 1965. Pl. CLI, 174, 168; Pl. 32, 20–23.

⁷ Фролова Н.А. Каталог монет Фофорса (285–308 гг. н.э.) // НС ГИМ. Ч. XI. М., 1992. С. 29–30. Табл. XIII, 16–27.

⁸ Голенко К.В. Второй Патрейский клад монет (1951 г.) // НЭ. 1960. I. Табл. IV, 118.

Гос. Историческом музее (№ 5449). Статеры 604 г. б.э. (307 г. н.э.) найдены в двух кладах – Патрейском 1951 г.⁹ и Кепском 1962 г.¹⁰ и 1 экз. находится в Гос. Эрмитаже (№ 29792)¹¹. Статеры 605 г. б.э. (308 г. н.э.) известны в 8 экз., происходит из Кепского клада 1962 г.¹² и несколько экземпляров хранятся в Гос. Историческом музее и Гос. Эрмитаже¹³. Самой ранней монетой Фофорса в Керченском кладе был статер Фофорса 583 г. б.э. (286 г. н.э.) – 1 экз. (табл. I, 2). Остальные монеты Фофорса из Керченского клада 1995 г. распределялись по годам чеканки следующим образом:

ДПФ – 584 г. б.э. (287 г. н.э.) – 4 экз.

ЕПФ – 585 г. б.э. (288 г. н.э.) – 7 экз. (табл. I, 8, 12)

СПФ – 586 г. б.э. (289 г. н.э.) – 3 экз. (табл. I, 14)

ЗПФ – 587 г. б.э. (290 г. н.э.) – монеты этого года в кладе отсутствуют

ФПН – 588 г. б.э. (291 г. н.э.) – 1 экз. (плохой сохранности)

ӨПФ – 589 г. б.э. (292 г. н.э.) – монеты с этой датой неизвестны

QФ – 590 г. б.э. (293 г. н.э.) – 1 экз. (табл. I, 18)

AQФ – 591 г. б.э. (294 г. н.э.) – 16 экз. (табл. I, 19–20, 24, 29, 32–33)

BQФ – 592 г. б.э. (295 г. н.э.) – 6 экз. (табл. I, 37–40)

ГQФ – 593 г. б.э. (296 г. н.э.) – 3 экз. (табл. I, 42)

ΔQФ – 594 г. б.э. (297 г. н.э.) – 7 экз. (табл. I, 44–48; II, 49–50)

EQФ – 595 г. б.э. (298 г. н.э.) – 5 экз. (табл. II, 53–55)

ςQФ – 596 г. б.э. (299 г. н.э.) – 12 экз. (табл. II, 56, 57, 60)

ZQФ – 597 г. б.э. (300 г. н.э.) – 2 экз. (табл. II, 67)

HQФ – 598 г. б.э. (301 г. н.э.) – в кладе не представлены

ΘQФ – 599 г. б.э. (302 г. н.э.) – 10 экз. (табл. II, 72, 74, 77)

X – 600 г. б.э. (303 г. н.э.) – 2 экз. (табл. II, 80)

AX – 601 г. б.э. (304 г. н.э.) – 1 экз. (табл. II, 82)

Монет Фофорса плохой сохранности – 6 экз. Всего в кладе 87 монет Фофорса. Они являются ценным источником по истории его правления. Считают, что отсутствие дифферентов на лицевых или оборотных сторонах статеров Фофорса 582–590 гг. б.э. (285–293 гг. н.э.) свидетельствует о том, что данную чеканку финансировал сам царь, так как не мог установить контакт с Римом¹⁴. Исходя из этих представлений полагают, что после римско-боспорско-херсонесских войн усилилось римское влияние на Боспор, потому что на статерах Фофорса с 294 г. н.э. появляются дифференты¹⁵. Напомним, что контакт Боспора с Римом не прекращался со времени воцарения Асандра на Боспоре (49/48–21/20 гг. до н.э.), когда он, после четырех лет чеканки золотых монет с титулом «архонт», получил от Августа подтверждение своих прав на трон Боспора и стал выпускать золотые монеты с титулом «царь» (около 45/44 г. до н.э.)¹⁶. Известно далее, что начиная со времени правления Динамии (21/20–17/16 гг. до н.э.) все боспорские цари до конца чеканки монет на Боспоре в 341 г. н.э., т.е. в течение более чем 300 лет помещали на своих золотых монетах сначала портреты членов римского императорского дома (статеры с монограммой $\hat{\Delta}$ 289–304 гг. б.э. = 9/8–7/8 гг. н.э., статеры с монограммой KNE 305–306 гг. б.э. (= 8/9–9/10 гг. н.э.)

⁹ Там же. Табл. IV, 121.

¹⁰ Голенко К.В., Соколовский Н.И. Клад 1962 г. из Кеп // НЭ. 1968. VII. С. 72–126.

¹¹ Фролова. Каталог монет Фофорса. С. 30. Табл. XIII, 19.

¹² Голенко, Соколовский. Ук. соч. № 116–120; Табл. III, 116, 118.

¹³ Фролова. Каталог монет Фофорса. С. 30. Табл. XIII, 25–26.

¹⁴ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. Р. 197.

¹⁵ Болгов Н.Н. Закат античного Боспора. Белгород, 1996. С. 33 (со ссылкой на кн.: Анохин. Монетное дело Боспора. С. 187).

¹⁶ Карышковский П.О., Фролова Н.А. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 97.

и статеры с ПАР 307–310 гг. б.э. (= 10/11–13/14 гг. н.э.)¹⁷, а потом на всех статерах присутствует изображение римского императора. Следовательно, исходя из внешнего вида боспорских статеров, из их неизменной типологии в течение 300 лет невозможно делать вывод об усилении или отсутствии римского влияния на Боспорское царство в правление Фофорса. Таким образом, отсутствие на статерах Фофорса дифферентов нельзя рассматривать как свидетельство помощи и финансовой поддержки Рима Боспору. Дифференты на боспорских монетах были символами царской власти или отражали религиозные представления боспорцев¹⁸.

Непрерывные ежегодные выпуски статеров Фофорса с портретом императора с 285 по 308 г. н.э. являются надежным источником, свидетельствующим о неизменных дружеских отношениях Боспора с Римом, исключающих проявление враждебности Боспора по отношению к своему могущественному союзнику. Поэтому нападение Фофорса на малоазийские владения Рима в правление Диоклетиана (284–305) маловероятно. Ни один вид источников, за исключением сообщений Константина Порфирородного (*Const. Porph. De Adm. Imp.* 53) о борьбе Боспора с Римом и Херсонесом, не подтверждают идею антиримской направленности политики Фофорса¹⁹. Из свидетельства Константина известно, что Савромат, сын Крисконора, из боспорцев, собрав савроматов, живших у Меотийского озера, пошел войной на римлян. Вторгшись в землю лазов, он дошел до реки Галис. Диоклетиан выслал против него войско под командованием трибуна Констанция. Не имея достаточно сил противостоять боспорцам, Диоклетиан по совету Констанция обратился за помощью к Херсонесу. Херсонесцы вторглись в пределы Боспора, взяли столицу и захватили в плен семейство царя. Савромат вынужден был пойти на уступки Риму и возвратиться в Боспор²⁰. Но большинство ученых высказали свое отрицательное отношение к достоверности сведений о взаимоотношениях между Боспором, Римом и Херсонесом, упомянутых у Константина, назвав их «херсонеситскими сказаниями»²¹. Ряд исследователей доверяют сведениям Константина Багрянородного и хотели бы видеть в Савромате, напавшем на Рим, – Фофорса. Прежде всего следует назвать Р. Гарнетта, который поставил своей целью уничтожить хронологию событий, описанных Константином Багрянородным²². Его идеи были поддержаны Б. Наделем в двух обширных исследованиях²³. Считается также, что и Я. Харматта подтвердил некоторым образом историчность рассказа Константина²⁴. В последнее время этой теме касались В.А. Анохин²⁵ и Н.Н. Болгов²⁶. Н.Н. Болгов разделяет точку зрения В.А. Анохина в трактовке истории монетной чеканки Фофорса, полагая, что в «Херсонесской хронике» Константин под именем Савромата следует видеть Фофорса. Оба исследователя уве-

¹⁷ Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 49–61.

¹⁸ Она же. К вопросу об интерпретации некоторых изображений на позднебоспорских монетах // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 209–214.

¹⁹ Болгов. Ук. соч. С. 37.

²⁰ *Const. Porph. De Adm. Imp.* 53. Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. Вып. 1. Константин Багрянородный. Об управлении государством / Пер. В.В. Латышева // ИГАИМК. 1934. 91. С. 34 сл.

²¹ Григорьев В.В. Россия и Азия. СПб., 1876. С. 407; *Mommsen Th. Römische Geschichte*. Bd V. В., 1885. S. 291; *Brandis C.G. Chersonesos* // RE. 1897. Bd. III. Sp. 2269.

²² *Garnett R. The Story of Gycia* // *The English Historical Review*. XII. New York – Bombay, 1897. P. 102–105.

²³ Надель Б.И. Из политической истории Боспорского царства в Крыму в начале IV в. н.э. // *Acta Antiquae Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. IX. Fasc. 1–2. Budapest, 1961. P. 231; *Nadel B. Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus Information on the Bosporan Kingdom in the time of Emperor Diocletian Recosidered* // *Centre de Recherches d'Histoire Ancienne*. 1977. *Annales Letteraires de l'Universite de Besancon*. P., 1977. P. 88 f.

²⁴ Харматта Я. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // *Античное общество*. М., 1967. С. 208 сл.

²⁵ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XII в. н.э.). Киев, 1977. С. 92.

²⁶ Болгов. Ук. соч. С. 36.

рены, что в 294 г. Фофорс чеканил монеты с трезубцем и «парой дифферентов»²⁷. Эмиссии статеров Фофорса 294 г. н.э. с этими «дифферентами» исследователи связывают с получением «субсидий от Рима» после окончания войны. По их мнению, это «хорошо соответствует политической ситуации в это время на Боспоре»²⁸. По-видимому, под монетами с «парой дифферентов» подразумеваются эмиссии статеров Фофорса 591 г. б.э. (294 г. н.э.) с изображениями на лицевых сторонах трезубца и крестов: креста из косых перекладин – X (Керченский клад, № 24, 32 – табл. I, 24–32) и креста из прямых перекладин + (Керченский клад, № 35–36). Изображение трезубца на л.с., перед бюстом царя, как и изображение копья и скипетра, всеми исследователями рассматривались как символы власти, а воспроизведение двух видов крестов связывается с религиозными представлениями боспорцев²⁹. Кроме того, в 591 г. б.э. (294 г. н.э.) выпускались еще 2 типа монет: 1) без дифферентов – л.с.: бюст царя, – о.с.: бюст императора (Керченский клад, № 19–23, 34 табл. I, 19) и 2) л.с.: бюст царя, перед ним треугольник из трех шаров, о.с.: бюст императора, позади него три шара, построенных треугольником³⁰. Учено 79 экз., но в Керченском кладе этот тип монет отсутствует. Тем не менее на монетах Фофорса 591 г. б.э. (294 г. н.э.) имеется не «пара дифферентов», как считали авторы, а трезубец, крест прямой +, крест косой X, и два вида треугольников из шаров, которые также могут быть связаны с появлением новой религии боспорцев, имеющей отношение к мистериям Митры³¹. Но присутствие в эмиссиях Фофорса 294 г. б.э. типов статеров как без дифферентов, так и с четырьмя другими различными дифферентами, наглядно показывает, что наличие этих дифферентов не может указывать на получение боспорцами субсидий от Рима. Таким образом, если принимать реконструкцию истории Боспора в правление Фофорса, предложенную Р. Гарнеттом и поддержанную Б. Наделем, В. Анохиным, Н.Н. Болговым, то нужно иметь еще какие-то другие достаточно веские доказательства, чтобы утверждать, что в 291 г. Фофорс завоевал страну лазов, в 292 г. воевал с Констанцием, а Херсонес напал на Боспор и в 293 г., заключив мир с Римом, вернулся на Боспор. В подтверждение этой реконструкции предлагают лишь только наличие дифферентов на монетах Фофорса, которые никак не могут служить доказательствами факта финансовой поддержки Боспора Римом. Более того, непрерывные эмиссии статеров Фофорса с 285 по 308 г., имеющих на оборотных сторонах изображение римского императора, исключают отрицательное отношение Боспора к Риму. Н.Н. Болгов вслед за И.Т. Кругликовой полагает, что существенным подтверждением того, что война Боспора с Римом и Херсонесом в 291 г. действительно была, может служить следующий факт: самая поздняя монета клада монет, обнаруженного в Судаке в 1959 г., относится к 291 г.³² Но будучи не согласен с выводом Н.А. Фроловой о невозможности борьбы Фофорса с Римом, в основе которого лежат нумизматические данные, Н.Н. Болгов замечает, что «крупные потрясения не всегда находят отражение в монетном материале...»³³, противореча тем самым самому себе, когда использует для своего доказательства начала войны Фофорса с Римом датировку клада из Судака 1959 г. временем после 291 г. н.э. Тем не менее для подтверждения реальности похода Савромата – Фофорса на владения Рима и борьбы Херсонеса с Боспором исследователи обращаются к нумизматическим данным. Так, Б.И. Надель уделял особое внимание последним годам эмиссий Фофорса: 600–605 гг. б.э. (303–308 гг. н.э.), по-

²⁷ Там же.

²⁸ Анохин. Монетное дело Боспора. С. 127; Болгов. Ук. соч. С. 36.

²⁹ Фролова. К вопросу об интерпретации... С. 209–214.

³⁰ Она же. Монетное дело Фофорса (285–308 гг. н.э.) // СА. 1984. № 2. С. 38. Табл. I, 14.

³¹ Она же. К вопросу об интерпретации... С. 212–213. Рис. I, 18–21.

³² Болгов. Ук. соч. С. 35. Клад издан Н.А. Фроловой (Клады позднебоспорских монет как исторический источник // ИС ГИМ. Вып. 8. М., 1983. С. 3–9), но Н.П. Шульц, делавший сообщение о находке этого клада, считал, что он обнаружен в 1958 г. (Шульц Н.П. Предварительное сообщение на секции нумизматики в 1961 г. // СА. 1961. № 4. С. 293).

³³ Болгов. Ук. соч. С. 36.

лагая, что чеканка монет на Боспоре могла быть сокращена или прекращена вовсе³⁴.

В настоящее время известно более 50 статов Фифорса 600–605 гг. б.э. (303–308 гг. н.э.). По годам они распределяются следующим образом:

- 600 г. б.э. (303 г. н.э.) – 11 экз.
- 601 г. б.э. (304 г. н.э.) – 10 экз.
- 602 г. б.э. (305 г. н.э.) – 9 экз.
- 603 г. б.э. (306 г. н.э.) – 4 экз.
- 604 г. б.э. (307 г. н.э.) – 6 экз.
- 605 г. б.э. (308 г. н.э.) – 8 экз.

Статер 600 г. б.э. и статер 601 г. б.э. (303–304 гг. н.э.) были найдены в Гайкодзорском кладе 1977 г.³⁵ Статер 600 г. б.э. из Керченского клада 1995 г. и два статера Фифорса 601 г. б.э. из этого же клада дополняют список статов Фифорса шести последних лет его правления. 53 статера Фифорса последних лет чеканки имеют все ту же типологию – л.с.: бюст царя, о.с.: бюст императора Рима и дата под ним. Следует повторить еще раз, что нумизматические данные не позволяют говорить, что Фифорс вел когда-либо военные действия против Рима, а Рим в свою очередь ничем не ограничивал права Фифорса во все время его правления с 285 по 308 г. н.э.

Преемником Фифорса на Боспоре был Радамсад³⁶. Несмотря на свое иранское имя (radam от иранского *fratama* – т.е. «первый», «благородный»³⁷), дающее возможность считать, что Радамсад не принадлежал к исконной династии боспорских царей, в типологии его монет почти всегда присутствует изображение палицы. Палица – символ почитания всеми боспорскими правителями Геракла, от которого ведут свое начало цари Боспора. Редкие монеты Радамсада из Керченского клада 1995 г. не вносят ничего нового в историю правления этого царя.

Монеты Рискупорида VI представлены обычными эмиссиями. Они распределяются по годам следующим образом. Самыми ранними монетами являются эмиссии 616 г. б.э. (319 г. н.э.).

- 616 г. б.э. (319 г. н.э.) – 5 экз. (№ 100–104) (табл. III, 100, 101, 103, 104)
- 617 г. б.э. (320 г. н.э.) – 3 экз. (№ 105–107) (табл. III, 105, 106)
- 618 г. б.э. (321 г. н.э.) – 14 экз. (№ 108–121) (табл. III, 109–114; IV, 115–119)
- 619 г. б.э. (322 г. н.э.) – 9 экз. (№ 122–130) (табл. IV, 124–127)
- 620 г. б.э. (323 г. н.э.) – 58 экз. (№ 131–188) (табл. IV, 127, 131, 133–136, 140–144, 149; V, 150–186)
- 621 г. б.э. (324 г. н.э.) – 42 экз. (№ 189–230) (табл. V, 192–196; VI, 197–228)
- 622 г. б.э. (325 г. н.э.) – 31 экз. (№ 231–251) (табл. VI, 231–238; VII, 139–249)
- 623 г. б.э. (326 г. н.э.) – 23 экз. (№ 252–274) (табл. VII, 253–260; VIII, 261–273)
- 624 г. б.э. (327 г. н.э.) – 19 экз. (№ 275–293) (табл. VIII, 275–292)
- 625 г. б.э. (328 г. н.э.) – нет в кладе
- Достоверные статеры 626 г. б.э. (329 г. н.э.) неизвестны
- 627 г. б.э. (330 г. н.э.) – 1 экз. (№ 294) (табл. VIII, 294)
- 628 г. б.э. (331 г. н.э.) – нет в кладе

В 331 г. н.э. выпуск статов ограничивается одним типом, и до сих пор от этого года известен только один экземпляр. В керченском кладе 1995 г. статеры Рискупорида VI 628 г. б.э. (331 г. н.э.) отсутствуют. В 629 г. б.э. (332 г. н.э.) чекан был ограничен, хотя эмиссии этого года зафиксированы. От 629 г. б.э. (ΘΚ–Χ) дошло два типа монет, но каждый тип представлен всего лишь одним экземпляром. Монеты 630 г. б.э. (ΛΧ) – в кладе не представлены. Статеры Рискупорида VI 630 г. б.э. редки,

³⁴ Надель. Ук. соч. С. 233.

³⁵ Нестеренко Н.Д. Клады Горгииппии // КСИА. 1981. С. 87; Фролова Н.А. Вторжение варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. 1989. № 4. С. 199. № 15.

³⁶ Фролова Н.А. Монетное дело Радамсада (309–322 гг. н.э.) // НС ГИМ. 1988. С. 33–48.

³⁷ Zgusta Z. Die Persone griechischer Städte der nordlichen Schwarzmeerkunste. Praha, 1955. S. 137. № 189.

так как известен только 1 экз. В 631–632 гг. б.э. (334–335 гг. н.э.) чекан статеров не установлен. Статеры 633 г. б.э. (336 г. н.э.) также редки. Известно 9 статеров 633 г. б.э. В кладе имеется 1 экз. плохой сохранности – № 295.

Существует мнение, что чеканка монет от имени Рискупорида VI заканчивается в 633 г. б.э. (336 г. н.э.). Но еще с конца прошлого века известны статеры Рискупорида VI с датой НЛХ (638 г. б.э.)³⁸. Прежде монеты с этой датой считались ошибкой резчика. Но исследование кладов с позднебоспорскими монетами показало, что они были и в кладах. Так, в Кепском кладе 1962 г. (Тамань) было 7 экзemplяров статеров с датой 638 г. б.э. (341 г. н.э.)³⁹. В кладе, найденном на Шум-речке 1972 г. (Анапский район), был один статер 638 г. б.э.⁴⁰ В Гайкодзорском кладе 1977 г. обнаружен еще один статер 638 г. б.э. (341 г. н.э.)⁴¹. В Тиритакском кладе 1946 г. было два статера 638 г. б.э., но один из них был определен 628 годом б.э. (331 г. н.э.), а другой – 612 годом б.э.⁴² Все статеры 638 г. б.э. из кладов были неверно определены авторами, а статер из Гайкодзорского клада остался не отмеченным публикациями⁴³. Керченский клад 1995 г. – это уже пятый клад, в котором найдены 2 статера последнего года эмиссий монет на Боспоре: 638 г. б.э. (341 г. н.э.) – 2 экз. (табл. VIII, 297).

Таким образом, Керченский клад 1995 г. интересен тем, что подтверждает факт длительного обращения монет и сохранения ими своей стоимости в течение более чем трехсот лет. Кроме того, он относится ко второй группе кладов, в которой является девятнадцатым кладом, время захоронения которого приходится на середину III – середину IV в. н.э.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Описание монет клада позднебоспорских монет (49–341 гг. н.э.) из Керчи (1995 г.)⁴⁴

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5

Монета Котиса I (49–54 гг. н.э.)

1	Л.с. TI KΛAYΔIOY KAICAPOC, голова Клавдия в венке, вправо, внизу IB = 12 = асс, точечный ободок; о.с. IOYAIAN AΓPIΠΠINAN [KAICAPOC] или [CEBACTHN], голова Агриппины влево, слева монограмма ВAK; точечный ободок	49–54 гг. н.э.	НС ГИМ, с. 231, табл. 20, 3	4,81 г

³⁸ Podschialow A.M. Beschreibung der unediten und wenig bekannten Münzen von Sarmatia Europea, Chersonesus Taurica und Bosphorus Cimmerius aus der Sammlung A.M. Podschialow. Moskau, 1882. S. 24, № 79. Taf. II, 43.

³⁹ Голенко, Сокольский. Ук. соч. С. 179, № 318–324; Фролова. Вторжение варварских племен... С. 199, № 13.

⁴⁰ Салов А.И. Клад III–IV вв. с Шум-речки (Анапский р-н) // СА. 1975. № 4. С. 172–174.

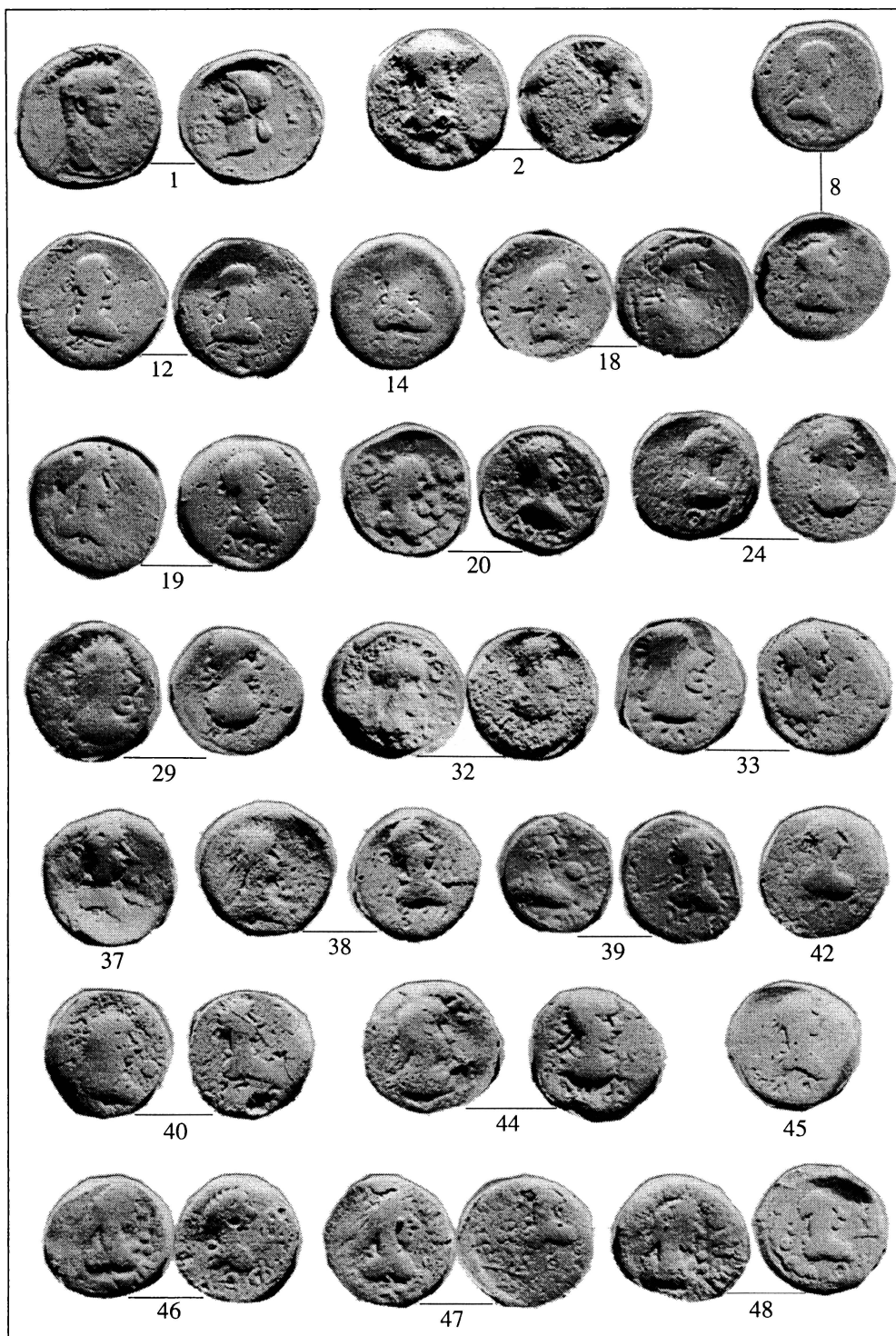
⁴¹ Фролова. Вторжение варварских племен... С. 199, № 15.

⁴² Харко Л.П. Тиритакский клад 1946 г. // ВДИ. 1949. № 2. С. 81.

⁴³ Фролова Н.А. О времени правления боспорских царей Радамсада и Рискупорида VI // СА. 1975. № 4. С. 52–53.

⁴⁴ Сокращения в приложении: НС ГИМ – Фролова Н.А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга // Нумизматический сборник ГИМ. Ч. 5. Вып. 2. М., 1977. С. 219–276; Frolova – Frolova N.A. The Coinage of the Kingdom of Bosphorus AD 242–341/342 // BAR International Series. 1983. 166.

о. бронза – оловянная бронза; о-с бронза – оловянно-свинцовая бронза; с-о бронза – свинцово-оловянная бронза; с. бронза – свинцовая бронза; медь – "чистая" медь, без рецептурных добавок.

Таблицы I–VIII. Керченский клад боспорских монет (I – середина IV в. н.э.)

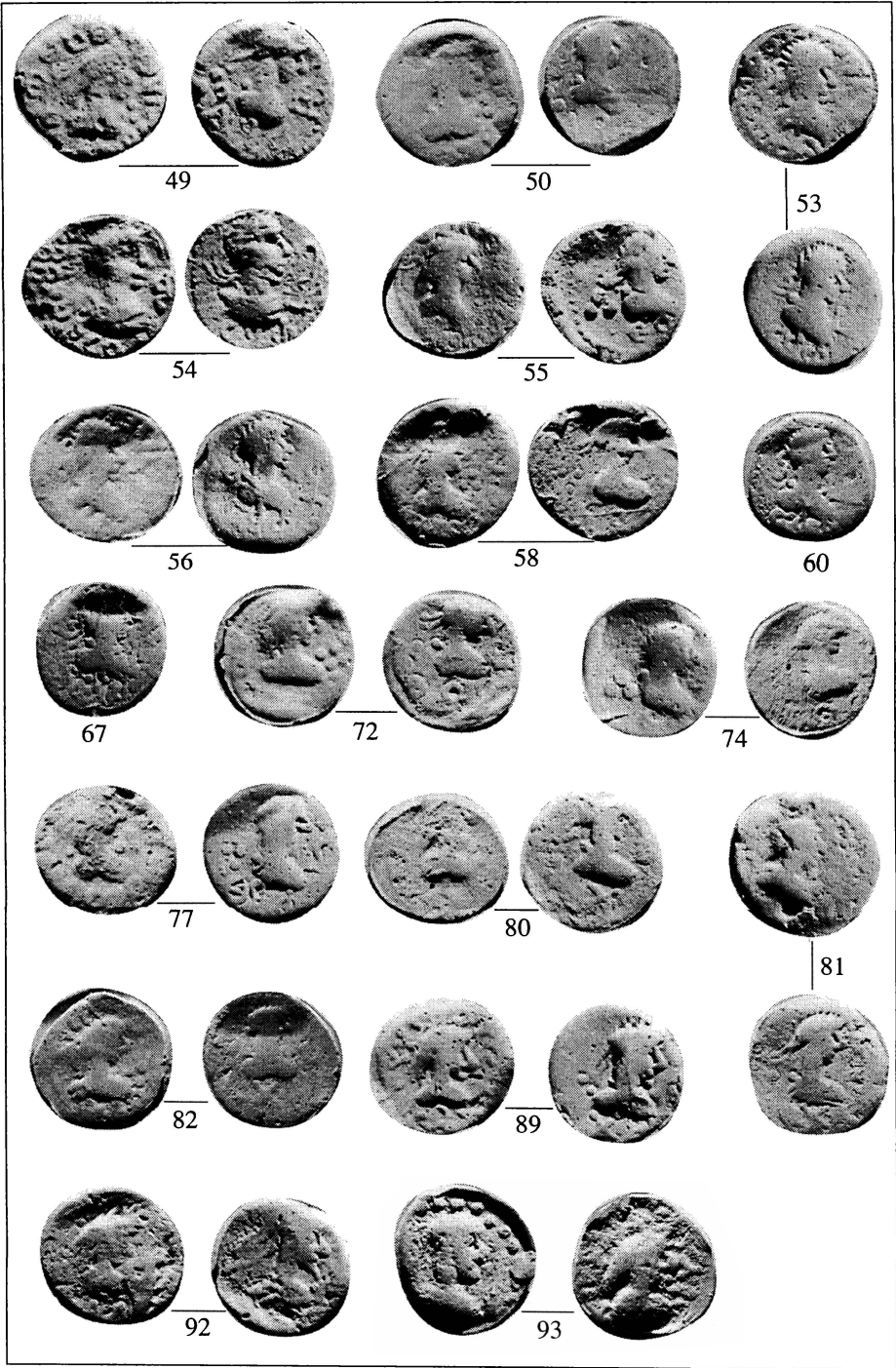

Таблица II

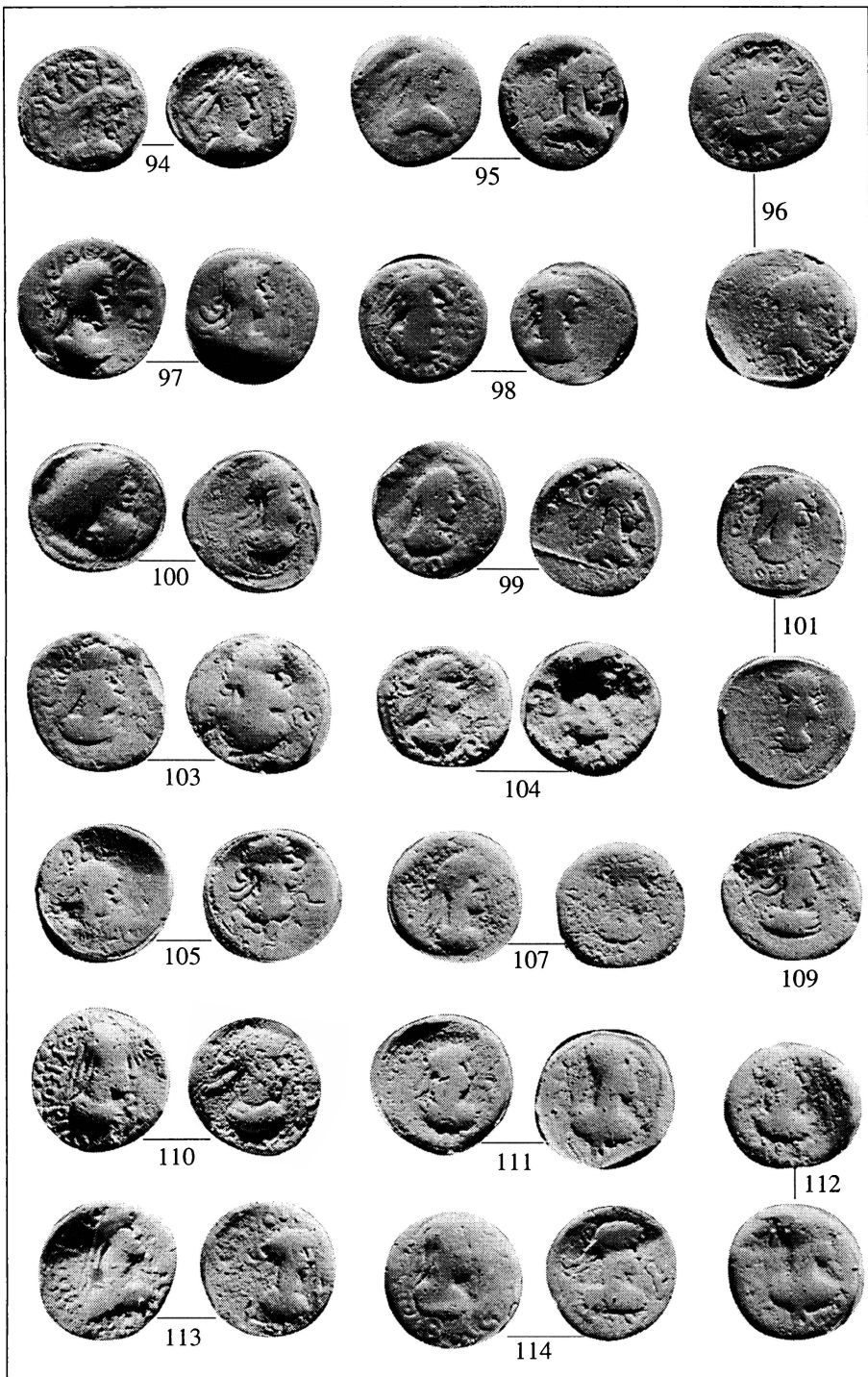

Таблица III

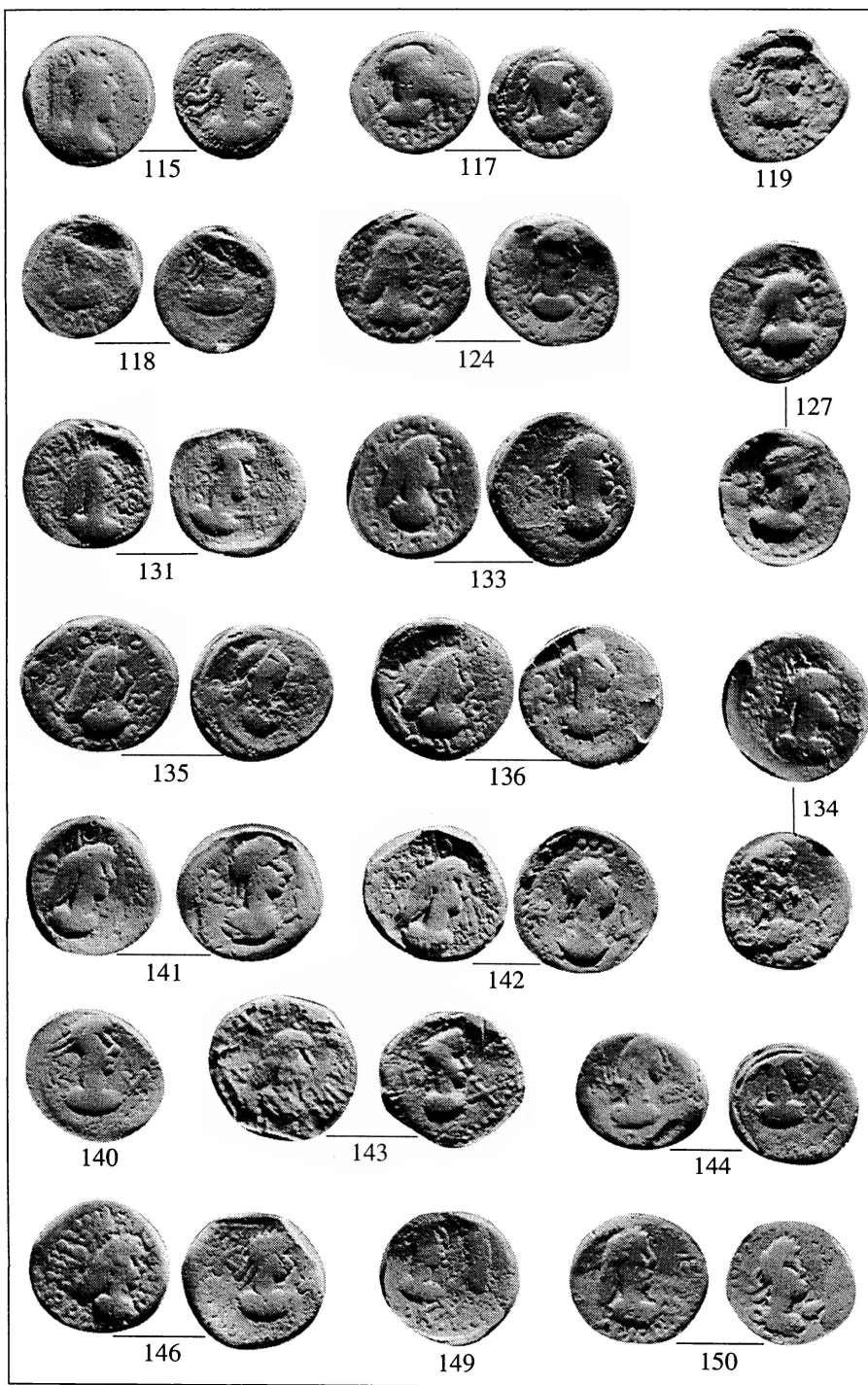

Таблица IV

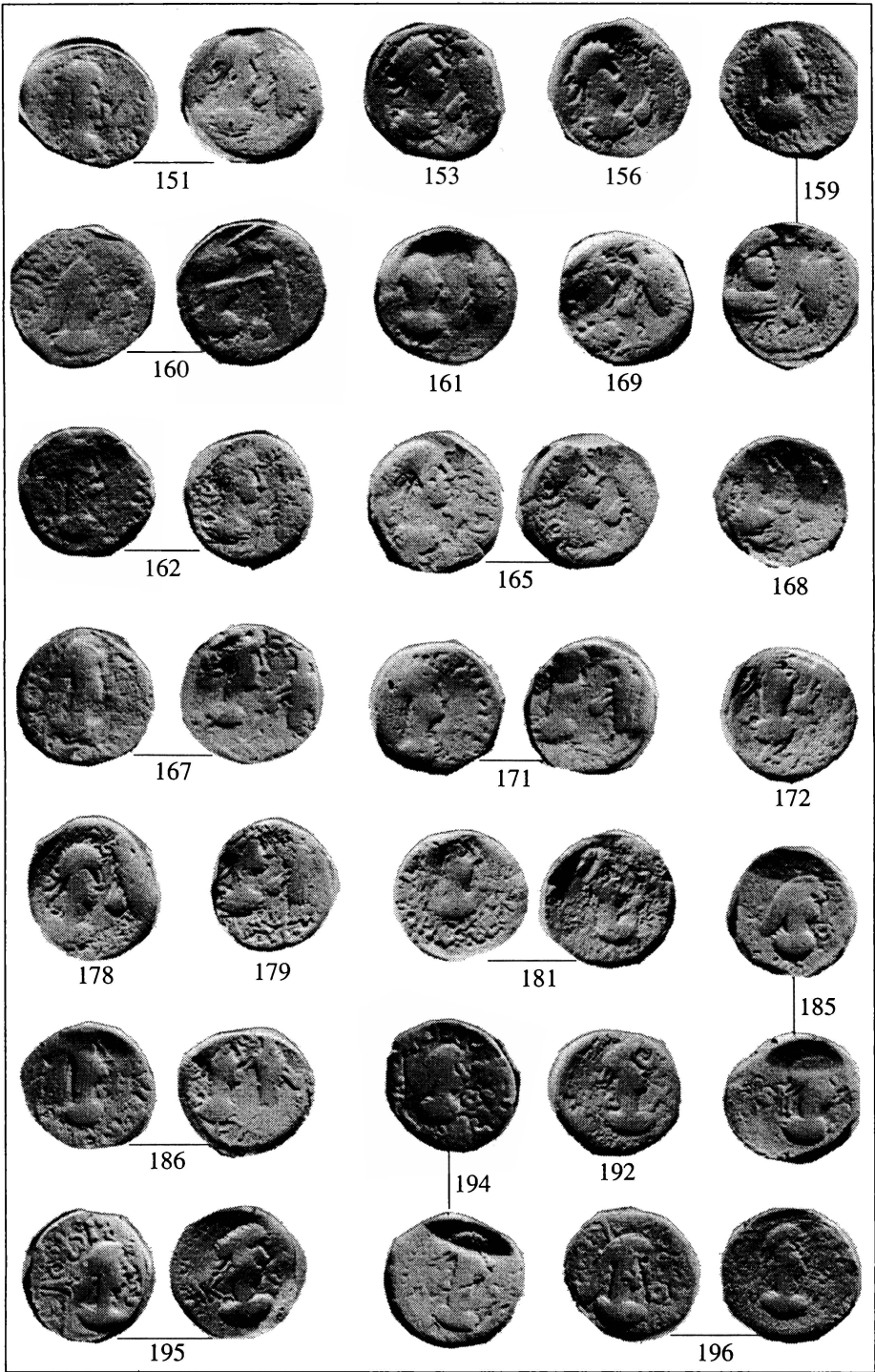

Таблица V

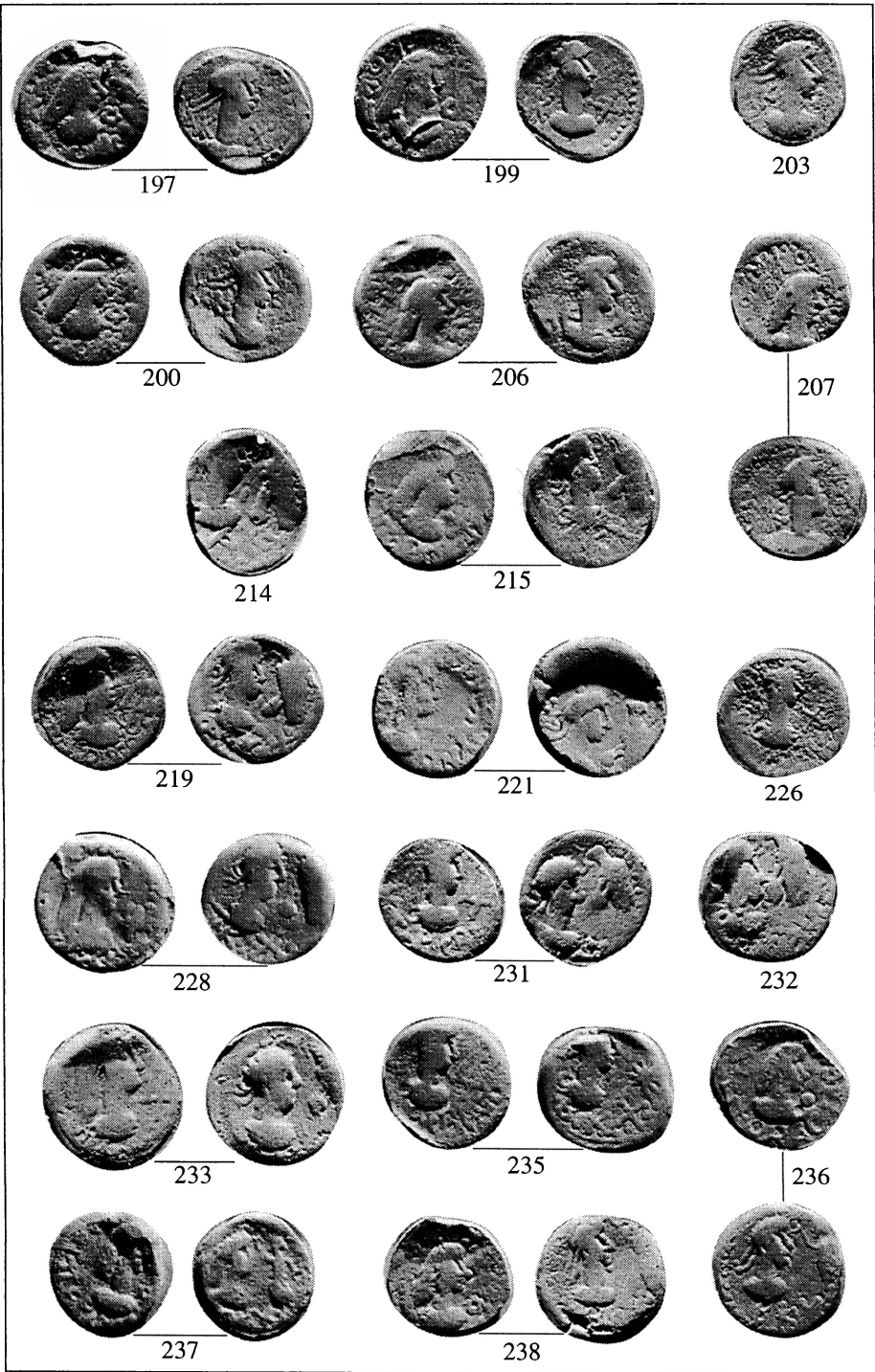

Таблица VI

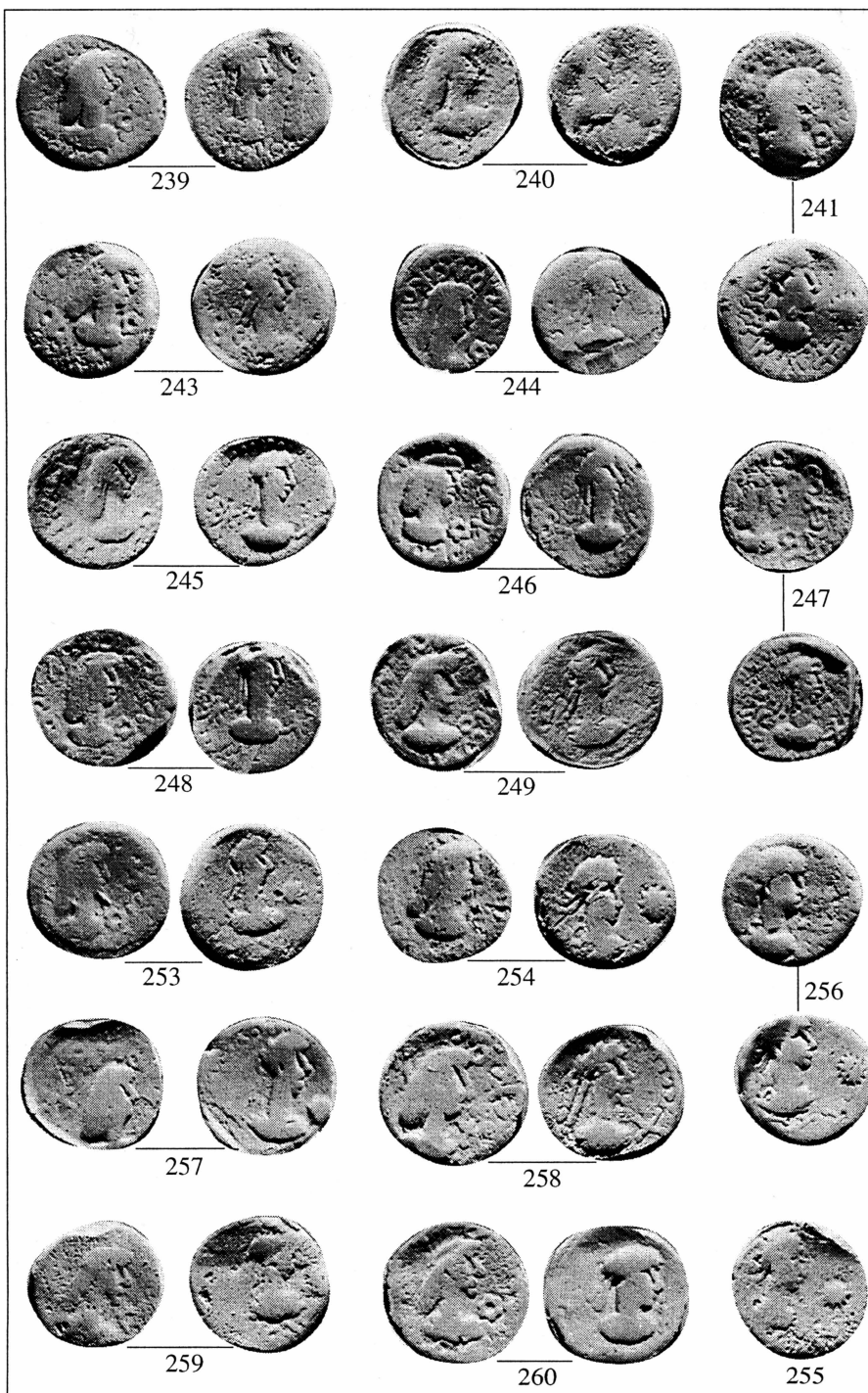

Таблица VII

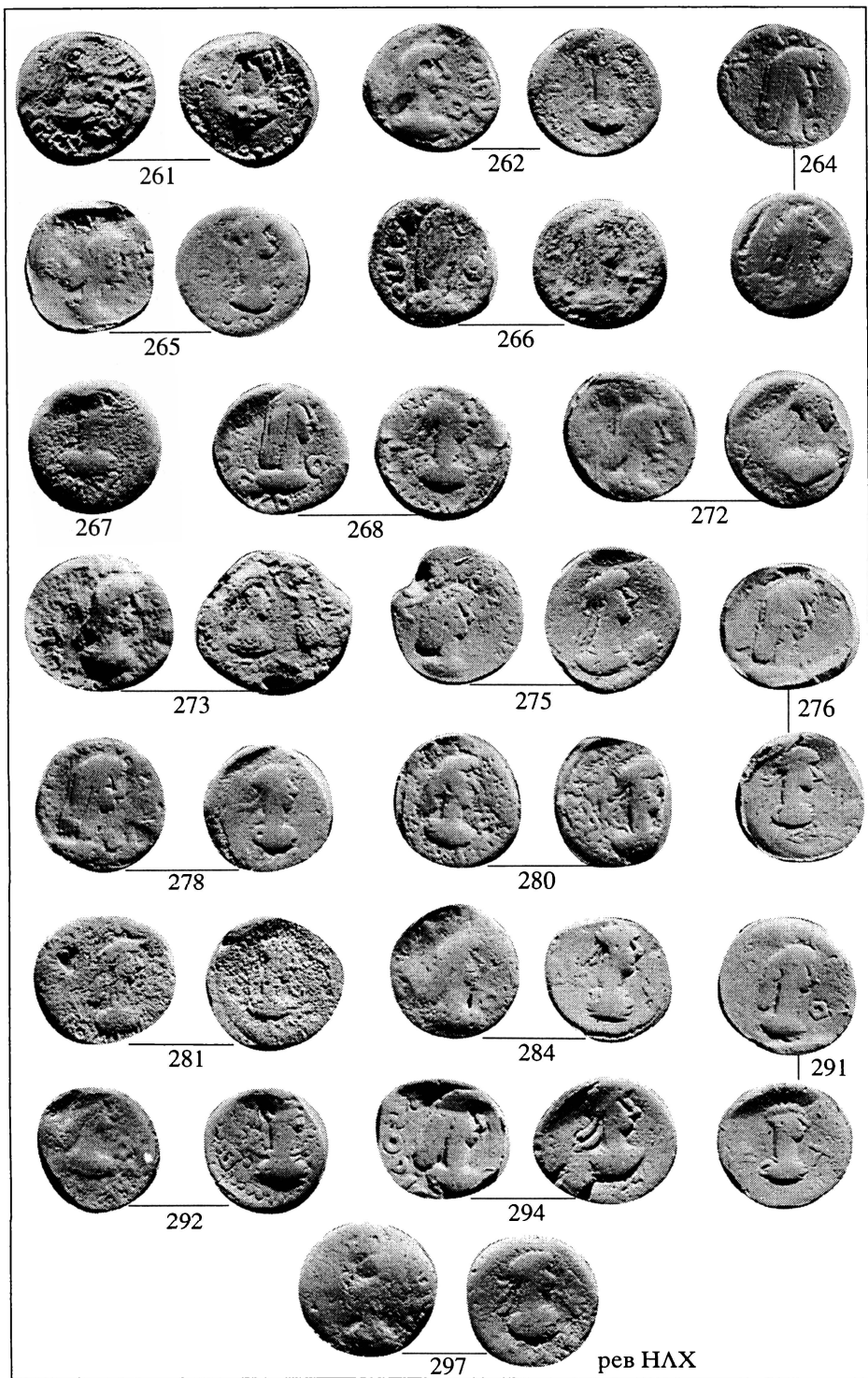

Таблица VIII

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
Монеты Фофорса (285–308 гг. н.э.)				
2	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ГПФ; точечный ободок	583 г. б.э. = = 286 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXI, 3–4	4,42 г; бронза
3	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΔΠΦ; точечный ободок	584 г. б.э. = = 287 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXI, 20–27	7,29 г; о-с бронза
4	То же	»	Frolova. Tabl. XXXI, 24–26	7,46 г; бронза
5	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата [ΔΠΦ]; точечный ободок	584 г.б.э. = = 287 г. н.э.	Frolova, Tabl. XXXII, 4–5	7,06 г; бронза
6	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΔΠΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXI, 27	7,07 г; бронза
7	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΕΠΦ; точечный ободок	585 г. б.э. = = 288 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXII, 6	6,91 г; бронза
8	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ϚΠΦ(?) или ΕΠΦ; точечный ободок	585 г. б.э. = = 288 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXII, 8–13	7,47 г; о-с бронза
9	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΕΠΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXII, 10–17	7,34 г; с-о бронза
10	То же	»	Frolova. Tabl. XXXII, 10	7,03 г; о-с бронза
11	То же	»	Frolova. Tabl. XXXII, 10	7,33 г; бронза
12	То же	»	Frolova. Tabl. XXXII, 14	7,27 г; бронза
13	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата [Ε]ΠΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXII, 14	7,28 г; бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
14	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΖΠΦ; точечный ободок	586 г. б.э. = = 289 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXII, 21–26	7,51 г; о-с бронза
15	То же	»	Frolova. Tabl. XXXII, 24	6,71 г; медь
16	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата [ΖΠΦ]; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXII, 30	6,50 г; бронза
17	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΕΠΦ; точечный ободок	588 г. б.э. = = 291 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXIII, 21	6,85 г; бронза
18	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΑΡΦ; точечный ободок	590 г. б.э. = = 293 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXIV, 13	6,87 г; бронза
19	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΑϞΦ; точечный ободок	591 г. б.э. = = 294 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXIV, 7–22	7,60 г; о-с бронза
20	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIV, 17–18	6,44 г; о-с бронза
21	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIV, 22	7,00 г; о-с бронза
22	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIV, 24	6,93 г; медь
23	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIV, 28	7,42 г; бронза
24	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним крест х; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΑϞΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXV, 2	7,25 г; бронза
25	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 2–3	7,11 г; о-с бронза
26	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 3–6	7,10 г; о-с бронза
27	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 1–9	7,03 г; бронза
28	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 9	7,14 г; бронза
29	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 11–14	7,54 г; бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
30	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним прямой крест +; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΑϞΦ; точечный об.	»	Frolova. Tabl. XXXV, 16	7,49 г; бронза
31	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 18	6,96 г; бронза
32	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним косой крест x; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΑϞΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXV, 1-10	6,96 г; о-с бронза
33	То же	»	Frolova. Tabl. XXXV, 2	7,71 г; бронза
34	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΑϞΦ; точечный ободок	»	плохая сохранность	7,09 г; о-с бронза
35	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΒϞΦ; точечный ободок	592 г. б.э. = = 295 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXV, 25	7,30 г; бронза
36	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата [Β]ϞΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXV, 27	6,94 г; о-с бронза
37	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, дифферент – три точки, образующие треугольник; внизу дата ΒϞΦ; точечный ободок	»	л.с.: Frolova. Tabl. XXXVI, 1	7,01 г; о-с бронза
38	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΒϞΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXVI, 1-5	7,14 г; о-с бронза
39	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним шар; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΒϞΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXVI, 16	8,02 г; о-с бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
40	То же	»	Frolova. Tabl. XXXVI, 17-19	6,28 г; о-с бронза
41	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΓρΦ; точечный ободок	593 г. б.э. = = 296 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXVI, 25-26	7,66 г; о-с бронза
42	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, перед ним трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΓρΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXVI, 26	7,32 г; о-с бронза
43	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΓρΦ или ΔρΦ; точечный ободок	593 г. б.э. = = 296 г. н.э. или 594 г. б.э. = 297 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXVII, 12-15	6,96 г; бронза
44	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, крест; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата ΔρΦ (?); точечный ободок	594 г. б.э. = = 297 г. н.э. (?)	Frolova. Tabl. XXXVII, 16 (?)	7,30 г; о-с бронза
45	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек, внизу дата ΔρΦ; точечный ободок	594 г. б.э. = = 297 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXVII, 16	7,30 г; бронза
46	То же	»	Frolova. Tabl. XXXVII, 21	7,35 г; о-с бронза
47	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек, внизу дата ΔρΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXVIII, 8	7,19 г; с. бронза
48	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек, внизу дата ΔρΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXVII, 20	7,08 г; о-с бронза
49	То же	»	Frolova. Tabl. XXXVIII, 3	7,00 г; о-с бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
50	То же	»	Frolova. Tabl. XXXVIII, 1-7	6,71 г; о-с бронза
51	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо, перед ним косой крест X; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата EϞΦ; точечный ободок	595 г. б.э. = = 298 г. н.э.	Frolova. Tabl. XXXIX, 7	7,76 г; с-о бронза
52	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIX, 9	7,47 г; с. бронза
53	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо, перед ним I; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата EϞΦ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XXXIX, 9-11	7,42 г; бронза
54	То же	»	Frolova. Tabl. XXXVIII, 29	7,38 г; бронза
55	То же	»	Frolova. Tabl. XXXVIII, 11-11a	7,27 г; с. бронза
56	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо, перед ним I; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа; внизу дата ZϞΦ, точечный ободок	596 г. б.э. = = 299 г. н.э.	Frolova. Tabl. XL, 15	7,60 г; бронза
57	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ZϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XL, 8	7,45 г; бронза
58	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIX, 22-23	7,40 г; с. бронза
59	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа; внизу дата ZϞΦ	»	Frolova. Tabl. XL, 1	7,23 г; о-с бронза
60	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо, перед ним буква I; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа; внизу дата ZϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XL, 15-18	7,18 г; о-с бронза
61	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΘΡСOY, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова импера-	»	Frolova. Tabl. XXXIX, 23	7,22 г; бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
	тора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΖϞΦ, точечный ободок	»		
62	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIX, 28	7,09 г; бронза
63	То же	»	Frolova. Tabl. XL, 10	6,89 г; бронза
64	То же	»	Frolova. Tabl. XXXIX, 29	6,83 г; о-с бронза
65	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡϞΟΥ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, внизу дата [ΖϞΦ]	»	Frolova. Tabl. XL, 1	6,23 г; о-с бронза
66	То же	»	Frolova. Tabl. XL, 1	6,22 г; бронза
67	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡϞΟΥ, голова царя вправо, перед ним буква Ι; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа; внизу дата ΖϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XL, 16	6,01 г; бронза
68	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡϞΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΖϞΦ, точечный ободок	597 г. б.э. = 300 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLI, 11–12	7,13 г; бронза
69	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡϞΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата [Ζ]ϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLI, 14	7,03 г; бронза
70	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡϞΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΘϞΦ, точечный ободок	599 г. б.э. = 302 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLII, 13	7,81 г; бронза
71	То же	»	Frolova. Tabl. XLII, 15	7,78 г; с-о бронза
72	То же	»	Frolova. Tabl. XLI, 26	7,01 г; о-с бронза
73	То же	»	Frolova. Tabl. XLII, 5–7, 9	7,69 г; о-с бронза

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
74	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата [Θ]ϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLII, 15–17	7,59 г; бронза
75	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΘϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLI, 29	7,18 г; с. бронза
76	То же	»	Frolova. Tabl. XLI, 27	7,07 г; бронза
77	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата [Θ]ϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLII, 4	6,73 г; бронза
78	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΘϞΦ, точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLI, 27–29	6,56 г; бронза
79	То же	»	Frolova. Tabl. XLII, 13	6,49 г; бронза
80	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΑΧ; точечный ободок	600 г. б.э. = = 303 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLII, 25	7,17 г; медь
81	То же	»	Frolova. Tabl. XLII, 24	6,65 г; о-с бронза
82	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΘΘΩΡCΟΥ, голова царя вправо, справа треугольник из трех точек; точечный ободок; о.с. голова императора, тамга перед ним справа, слева треугольник из трех точек; внизу дата ΑΧ; точечный ободок	601 г. б.э. = = 304 г. н.э.	Frolova. Tabl. XVIII, 2–5	не взвешена; о. бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
83	Фофорс – Рискупорид VI не определена, очень плохой сохранности			6,06 г; медь
84	Фофорс не определена, очень плохой сохранности			6,36 г; о-с бронза
85	То же			6,99 г
86	То же			6,88 г
87	То же			6,39 г
88	То же			5,53 г
Монеты Радамсада (309–322 гг. н.э.)				
89	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔΙ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, справа палица, внизу дата ΧΗ; точечный ободок	608 г. б.э. = = 311 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLIV, 15	7,86 г; о-с бронза
90	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜ..., голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, справа палица; внизу дата ΘΧ; точечный ободок	609 г. б.э. = = 312 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLV, 1–6	7,30 г; бронза
91	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔΙ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, справа палица; внизу дата ΑΙΧ; точечный ободок	611 г. б.э. = = 314 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLV, 9–13	7,30 г; бронза
92	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔΙ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора, справа палица; внизу дата ΒΙΧ; точечный ободок	612 г. б.э. = = 315 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLV, 18	7,47 г; о-с бронза
93	То же	»	Frolova. Tabl. XLV, 25–27	6,68 г; бронза
94	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора; внизу дата ΓΙΧ; точечный ободок	613 г. б.э. = = 316 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLVI, 1–6	7,49 г; о-с бронза
95	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора; внизу дата ΓΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLVI, 1	8,02 г; с-о бронза
96	То же	»	Frolova. Tabl. XLVI, 6	7,07 г; бронза
97	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣΑΔΙΣ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора; впереди палица; внизу дата ΔΙΧ; точечный ободок	614 г. б.э. = = 317 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLVI, 25	6,82 г; медь

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
98	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора; впереди палица; даты не видно, но по типу ΕΙΧ; точечный ободок	615 г. б.э. = = 318 г. н.э.	Frolova. Tabl. XLVIII, 3–9	6,97 г; о-с бронза
99	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΑΔΑΜΣ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора; впереди палица; внизу дата ΕΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. XLVIII, 23	7,16 г; бронза
Монеты Рискупорида VI (319–342 гг. н.э.)				
100	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа символ Υ, внизу дата ϠΙΧ; точечный ободок	616 г. б.э. = = 319 г. н.э.	Frolova. Tabl. LI, 2	7,47 г; бронза
101	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа трезубец; о.с. голова императора вправо, справа звезда, внизу дата ϠΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. L, 18a	7,34 г; с. бронза
102	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа трезубец; о.с. голова императора вправо, справа звезда, внизу дата ϠΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LI, 13–17	6,83 г; о-с бронза
103	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа трезубец; о.с. голова императора вправо, справа символ Υ, внизу дата ϠΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LI, 19	6,59 г; бронза
104	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, перед ним шар, внизу дата ϠΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LI, 25	не взвешена; о-с бронза
105	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа трезубец; о.с. голова императора вправо, справа символ Υ, внизу дата ΖΙΧ; точечный ободок	617 г. б.э. = = 320 г. н.э.	Frolova. Tabl. LII, 13–21	6,87 г; с. бронза
106	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа трезубец; о.с. голова императора вправо, справа символ Υ, внизу дата ΖΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LII, 28–30	6,74 г; с. бронза
107	То же	»	Frolova. Tabl. LI, 26	6,66 г; бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
108	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, справа венки, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам бюста дата ΝΙ-Χ; точечный ободок	618 г. б.э. = = 321 г. н.э.	Frolova. Tabl. LIV, 27	7,08 г; о-с бронза
109	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам бюста дата Χ- ^Η _Ι ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LV, 7	6,98 г; с. бронза
110	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди символ Υ, внизу дата ΝΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIII, 11, 15	6,90 г; о-с бронза
111	То же	»	Frolova. Tabl. LIII, 18	6,65 г; с. бронза
112	То же	»	Frolova. Tabl. LIII, 16	6,62 г; о-с бронза
113	То же	»	Frolova. Tabl. LIII, 8	6,30 г; о-с бронза
114	То же	»	Frolova. Tabl. LIII, 16	6,46 г; с-о бронза
115	То же	»	Frolova. Tabl. LIII, 9	6,26 г; о-с бронза
116	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам бюста дата ΝΙ-Χ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIV, 26	6,23 г; медь
117	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди символ Υ, внизу дата ΝΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIII, 18-20	6,18 г; о-с бронза
118	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам бюста дата ΝΙ-Χ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIII, 26-27	5,94 г; о-с бронза
119	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди символ Υ, внизу дата ΝΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIII, 20	5,68 г; о-с бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
120	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата: слева ΗΙ, справа – Χ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIV, 15–21	5,02 г; о-с бронза
121	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди символ Υ, внизу дата ΗΙΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIII, 22–27	4,43 г; о-с бронза
122	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа орел на шаре с венком в клюве, внизу дата ΘΙΧ; точечный ободок	619 г. б.э. = = 322 г. н.э.	Frolova. Tabl. LV, 19	7,53 г; с. бронза
123	То же	»	Frolova. Tabl. LV, 20	7,75 г; бронза
124	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам бюста дата ΘΙ–Χ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LVI, 3	6,47 г; с-о бронза
125	То же	»	Frolova. Tabl. LVI, 22	5,35 г; о-с бронза
126	То же	»	Frolova. Tabl. LVI, 31	6,69 г; с-о бронза
127	То же	»	Frolova. Tabl. LVI, 32	6,36 г; медь
128	То же	»	Frolova. Tabl. LVII, 11	5,78 г; бронза
129	То же	»	Frolova. Tabl. LVII, 2	6,05 г; о-с бронза
130	То же	»	Frolova. Tabl. LVII, 5–7	6,07 г; о-с бронза
131	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венок, похожий на цветок с пятью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, дата ΚΧ; точечный ободок	620 г. б.э. = = 323 г. н.э.	Frolova. Tabl. LVII, 29–30	7,59 г; о-с бронза
132	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 1, 2, 4	7,04 г; с-о бронза
133	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 2, 4	6,58 г; с. бронза
134	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 3–6	5,88 г; о-с бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
135	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 8	6,88 г; с. бронза
136	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 9	7,15 г; медь
137	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 26	7,73 г; с. бронза
138	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 29	7,31 г; медь
139	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 31	6,99 г; с-о бронза
140	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 28–31	7,27 г; медь
141	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 31	7,39 г; с. бронза
142	То же	»	Frolova. Tabl. LVIII, 31	7,37 г; с. бронза
143	То же	»	Frolova. Tabl. LIX, 5	7,24 г; с. бронза
144	То же	»	Frolova. Tabl. LIX, 16	7,02 г; с. бронза
145	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди шар, окруженный лучами, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата К–Х; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LIX, 21	7,45 г; с-о бронза
146	То же	»	Frolova. Tabl. LIX, 21–23	7,23 г; с. бронза
147	То же	»	Frolova. Tabl. LIX, 22	7,33 г; с. бронза
148	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 2–3	6,90 г; с. бронза
149	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трехзубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа орел, голова влево, с венком в клюве, стоящий на шаре, внизу дата КХ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LX, 13	8,71 г; с. бронза
150	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 16	7,39 г; с. бронза
151	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 16	6,94 г; с. бронза
152	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 16	6,99 г; медь
153	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 17	6,97 г; с. бронза
154	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 22	6,50 г; с. бронза
155	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 22	6,94 г; с. бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
156	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 21, 24	7,76 г; медь
157	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 22, 24	7,75 г; с. бронза
158	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 24	6,18 г; с-о бронза
159	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 24–25	7,37 г; с. бронза
160	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 27	7,50 г; медь
161	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 30	8,34 г; медь
162	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 30	6,73 с-о бронза
163	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 30	7,49 г; с-о бронза
164	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 30	7,17 г; с. бронза
165	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 31	6,79 г; с. бронза
166	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 31	6,07 г; с-о бронза
167	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 14	7,17 г; с-о бронза
168	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 11	7,20 г; с-о бронза
169	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 9	6,63 г; с-о бронза
170	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 9	6,76 г; с-о бронза
171	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 9	6,93 г; с-о бронза
172	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 9	7,00 г; с. бронза
173	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 6	6,92 г; с. бронза
174	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 1	7,20 г; с. бронза
175	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 1	7,54 г; с. бронза
176	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 15	7,13 г; с-о бронза
177	То же	»	Frolova. Tabl. LX, 16	7,06 г; бронза
178	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 17	7,21 г; с. бронза
179	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 20	7,08 г; с. бронза
180	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 20	не взвешена, с. бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
181	То же	»	л.с.: Frolova. Tabl. LXI, 9; о.с.: Frolova. Tabl. LXI, 21, 22	7,86 г; с. бронза
182	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 20	6,77 г; с-о бронза
183	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 20	6,87 г; с. бронза
184	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 20	7,81 г; с. бронза
185	То же	»	Frolova. Tabl. LXI, 1	7,07 г; о-с бронза
186	То же, но орел в обратную сторону	»		7,24 г; с. бронза
187	Как № 149–185	»	плохой сохранности	5,47 г; о-с бронза
188	То же	»	плохой сохранности	7,36 г; медь
189	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди шар, окруженный лучами, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата ΑΚ–Χ; точечный ободок	621 г. б.э. = = 324 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXII, 25	7,21 г; с. бронза
190	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 2, 5	7,34 г; с-о бронза
191	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 5	7,69 г; с-о бронза
192	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 5	7,43 г; с. бронза
193	То же, но надпись на л.с.: ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡ и венки	»	Frolova. Tabl. LXII, 10	7,64 г; с. бронза
194	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 12	7,89 г; с. бронза
195	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 26	7,72 г; с. бронза
196	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 27	6,72 г; с. бронза
197	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 30	7,32 г; с. бронза
198	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 30	6,74 г; с-о бронза
199	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 31	6,83 г; с-о бронза
200	То же	»	Frolova. Tabl. LXII, 32	6,90 г; с. бронза
201	То же	»	Frolova. Tabl. LXIII, 5	7,32 г; с-о бронза
202	То же	»	Frolova. Tabl. LXIII, 10, 11	6,67 г; с. бронза
203	То же	»	Frolova. Tabl. LXIII, 13	6,42 г; бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
204	То же, дата не сохранилась	»	Frolova. Tabl. LXIII, 13	7,52 г; с. бронза
205	[AK – X] То же	»	Frolova, Tabl. LXIII, 21	7,39 г; с. бронза
206	То же	»	Frolova. Tabl. LXIII, 23	7,32 г; с. бронза
207	То же	»	Frolova. Tabl. LXIII, 27	7,31 г; с. бронза
208	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа орел с венком в клюве, стоящий на шаре, внизу дата AKX; точечный ободок	»	Frolova, Tabl. LXIII, 33	6,69 г; с. бронза
209	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 1	7,18 г; с. бронза
210	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 2	6,57 г; с. бронза
211	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 2	7,06 г; с. бронза
212	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 3	7,07 г; с. бронза
213	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 1–3	6,70 г; с. бронза
214	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 3–5	7,14 г; с. бронза
215	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 4	6,99 г; с. бронза
216	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 4	6,93 г; с. бронза
217	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 4	8,15 г; медь
218	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 7	7,03 г; с. бронза
219	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 7	6,79 г; с. бронза
220	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 8, 9	7,29 г; с-о бронза
221	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 9, 12	7,16 г; с. бронза
222	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 9, 12	7,03 г; с. бронза
223	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 12	6,89 г; с. бронза
224	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 13	7,47 г; медь
225	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 13	6,48 г; с. бронза
226	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 15	6,03 г; с. бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
227	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 16	6,67 г; с. бронза
228	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 19	6,97 г; с. бронза
229	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΔΟΣ, голова царя вправо, впереди шар, окруженный лучами, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата ΑΚ – Χ; точечный ободок	621 г. б.э. = 324 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXIII, 27	6,63 г; с. бронза
230	То же	»	плохой сохранности	7,30 г; медь
231	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа орел с венком в клюве, стоящий на шаре, смотрит влево, внизу дата ΒΚΧ; точечный ободок	622 г. б.э. = 325 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXIV, 22	7,07 г; с. бронза
232	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 22–23	7,04 г; с. бронза
233	То же	»	Frolova. Tabl. LXIV, 25	7,01 г; с. бронза
234	То же	»	Frolova. Tabl. LXV, 1	6,81 г; медь
235	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа звезда, внизу дата ΒΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXV, 5	7,20 г; с. бронза
236	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди шар; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди Ника с венком в правой руке, стоящая на шаре, внизу дата ΒΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXV, 28	7,19 г; с. бронза
237	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венчик, похожий на цветок с пятью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди Ника с венком в правой руке, стоящая на шаре, коронующая императора, внизу дата ΒΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXVI, 2	5,39 г; о-с бронза
238	То же	»	Frolova. Tabl. LXVI, 7	6,97 г; с. бронза
239	То же	»	Frolova. Tabl. LXVI, 8	7,35 г; с. бронза

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
240	То же	»	Frolova. Tabl. LXVI, 12	6,59 г; бронза
241	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, похожий на цветок с шестью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди звезда, внизу дата ΒΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXVI, 26	6,68 г; с-о бронза
242	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 5	6,97 г; с-о бронза
243	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, похожий на цветок с пятью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата ΒΚ – Χ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXVII, 9	6,97 г; с-о бронза
244	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 15	7,09 г; с-о бронза
245	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 15	7,75 г; с. бронза
246	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 15	6,38 г; с-о бронза
247	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 15	6,65 г; с. бронза
248	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 17	6,23 г; с. бронза
249	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 22	6,83 г; с. бронза
250	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 23	7,60 г; с-о бронза
251	То же	»	Frolova. Tabl. LXVII, 28	6,68 г; с-о бронза
252	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа звезда с лучами, внизу дата ΓΚΧ; точечный ободок	623 г. б.э. = = 326 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXVIII, 17	7,37 г; о-с бронза
253	То же	»	Frolova. Tabl. LXVIII, 18, 19, 21	7,22 г; с. бронза
254	То же	»	Frolova. Tabl. LXVIII, 21	6,99 г; с. бронза
255	То же	»	Frolova. Tabl. LXVIII, 21	7,16 г; с. бронза
256	То же	»	Frolova. Tabl. LXVIII, 24	6,86 г; о-с бронза
257	То же	»	Frolova. Tabl. LXVIII, 25	6,55 г; о-с бронза

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
258	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, внизу дата Γ – ΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXVIII, 28–29	6,87 г; с. бронза
259	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ, голова царя вправо, впереди трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди звезда с лучами, внизу дата ΓΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXIX, 5	7,42 г; бронза
260	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, похожий на цветок с шестью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата Γ – ΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXX, 5	6,87 г; с. бронза
261	То же	»	Frolova. Tabl. LXX, 5	6,82 г; с. бронза
262	То же	»	Frolova. Tabl. LXX, 14, 17	6,66 г; с. бронза
263	То же, но ΓΚ – Χ	»	Frolova. Tabl. LXX, 23	6,88 г; о-с бронза
264	То же	»	Frolova. Tabl. LXX, 23	7,15 г; медь
265	То же	»	Frolova. Tabl. LXX, 25–26	7,06 г; с. бронза
266	То же	»	Frolova. Tabl. LXX, 28	6,34 г; с-о бронза
267	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, похожий на цветок с шестью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, внизу дата ΓΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXIX, 28–29	6,80 г; с-о бронза
268	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди венки, похожий на цветок с шестью лепестками, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата Γ – ΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXXI, 1	7,41 г; с. бронза
269	То же	»	Frolova. Tabl. LXXI, 2	7,31 г; с. бронза
270	То же	»	Frolova. Tabl. LXXI, 2	7,09 г; с. бронза
271	То же	»	Frolova. Tabl. LXXI, 2	6,68 г; с. бронза
272	То же	»	Frolova. Tabl. LXXI, 5	7,22 г; с. бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
273	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди шар, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа звезда с лучами, внизу дата ΓΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXXI, 11–12	6,32 г; о-с бронза
274	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ, голова царя вправо, точечный ободок; о.с. неопределима, внизу дата ΓΚΧ; точечный ободок	»	л.с.: Frolova. Tabl. LXXII, 27 (?)	7,33 г; с. бронза
275	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа звезда с лучами, внизу дата ΔΚΧ; точечный ободок	624 г. б.э. = = 327 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXXI, 26	6,22 г; бронза
276	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди веннок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди палица, внизу дата [Δ]ΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXXII, 6–10	6,18 г; с-о бронза
277	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, впереди палица, внизу дата ΔΚΧ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXXII, 14	6,47 г; с-о бронза
278	То же	»	Frolova. Tabl. LXXII, 14	6,72 г; о-с бронза
279	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ, голова царя вправо, впереди веннок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата ΔΚ – Χ; точечный ободок	»	л.с.: Frolova. Tabl. LXXXIII, 14; о.с.: Tabl. LXXXIII, 16	7,02 г; медь
280	То же	»	Frolova. Tabl. LXXXIII, 18	6,66 г; с. бронза
281	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ, голова царя вправо, точечный ободок; о.с. впереди лук без тетивы, внизу дата ΔΚΧ; точечный ободок	»	л.с.: Frolova. Tabl. LXXII, 25–27	6,39 г; бронза
282	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ, голова царя вправо, впереди веннок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата ΔΚ – Χ; точечный ободок	»	Frolova. Tabl. LXXII, 28	6,32 г; с-о бронза
283	То же	»	Frolova. Tabl. LXXXIII, 1	6,77 г; с. бронза
284	То же, [Δ]Κ – Χ	»	Frolova. Tabl. LXXXIII, 1	7,19 г; с-о бронза
285	То же, ΔΚ – Χ	»	Frolova. Tabl. LXXXIII, 1	6,76 г; с. бронза

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
286	То же, [Δ]Κ – Χ	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 2, 4	6,05 г; с-о бронза
287	То же	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 2	7,28 г; с. бронза
288	То же, ΔΚ – Χ	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 5	7,76 г; с-о бронза
289	То же	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 17	6,74 г; с. бронза
290	То же	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 18	6,78 г; с. бронза
291	То же	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 19	7,19 г; с. бронза
292	То же, ΔΚ – Χ	»	Frolova. Tabl. LXXIII, 20	7,31 г; с. бронза
293	Рискупорид VI, вероятно, до 624 г. б.э. – орел на оборотной стороне	до 624 г. б.э. = = 327 г. н.э.		6,84 г; с. бронза плохой сохранности
294	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди веннок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, внизу дата ΖΚΧ; точечный ободок	627 г. б.э. = = 330 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXXIV, 17–18	7,03 г; о-с бронза
295	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΟΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙ, голова царя вправо, впереди веннок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, по сторонам дата Γ – ΑΧ; точечный ободок	633 г. б.э. = = 336 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXXV, 10	7,35 г; с-о бронза
296	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди веннок, точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа пальмовая ветвь, внизу дата [ΗΑΧ]; точечный ободок	638 г. б.э. = = 341 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXXV, 16	7,00 г; бронза
297	То же	»	Frolova. Tabl. LXXV, 12–23	7,55 г; бронза
Монеты Рискупорида VI плохой сохранности (15 экз.)				
298	Л.с. ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΡΗΣΚΟΥΠΟΡΙΣ, голова царя вправо, впереди трезубец; точечный ободок; о.с. голова императора вправо, справа орел, голова влево с венком в клюве, стоящий на шаре, внизу дата ΚΧ; точечный ободок	620 г. б.э. = = 323 г. н.э.	Frolova. Tabl. LXI, 14	7,17 г; бронза
299	Рискупорид VI, на о.с. – орел			6,01 г; о-с бронза
300	Рискупорид VI			6,66 г; с-о бронза
301	То же			4,43 г; о-с бронза

П Р И Л О Ж Е Н И Е (окончание)

№ п/п	Описание	Дата	Литература, номер рисунка	Вес, металл
1	2	3	4	5
302	То же			6,26 г;
303	То же			о-с бронза 6,42 г;
304	То же			о-с бронза 6,67 г;
305	То же			о-с бронза 6,17 г;
306	То же			бронза 6,85 г;
307	То же			с-о бронза 6,95 г;
308	То же			о-с бронза 6,95 г;
309	То же			с-о бронза 6,98 г;
310	То же			о-с бронза 6,91 г;
311	То же			бронза 6,91 г;
312	То же			бронза 6,29 г; бронза

A HOARD OF BOSPORAN COPPER COINS (1st–4th c. AD)
FOUND AT KERCH IN 1995

N.A. Frolova, A.K. Kulikova, T.N. Smekalova

Out of 320 coins from the hoard of copper coins, found by chance in Kerch in 1995, 312 pieces have been identified. Among them there are coins of Bosporan kings Cotys I (1 coin), Thothorses (87), Rhadamsades (11) and Rhescuporis VI (213). The earliest coin is an *as* of Cotys I (49–50 AD). The *as* had circulated for more than 300 years, as the latest coin in the hoard is dated back to 341 AD. The hoard also contains rare staters of Thothorses of 303 and 304 AD. Together with these coins, the amount of registered staters issued during the last years of his rule (303–308 AD) reaches 50 pieces, thus discarding the idea of Thothorses' military campaign against the Romans in the beginning of the 4th c.

The coins of Rhadamsades do not contribute any new information about his rule. But among the staters of Rhescuporis VI there are two coins bearing the date HAX, i.e. 638 of the Bosporan era (= 341 AD), the last year of coin issue on the Bosporos.

Thus, the hoard of 1995 from Kerch is the fifth one containing staters of 341 AD, which is of special interest because formerly the staters of 638 of the Bosporan era (341 AD) were regarded as a result of engravers' inaccuracy (K.V. Golenko, 1968; Anokhin, 1986).

Besides, the contents of the hoard attest to the fact of long-time circulation of Bosporan coins and of their validity during 300 years.

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

© 2001 г.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ КРЫМСКОЙ СКИФИИ ВО II в. до н.э. – III в. н.э.

Новые археологические и эпиграфические материалы, а также пересмотр известных ранее настоятельно требуют критического отношения к устоявшимся взглядам на политическую историю Крымской Скифии в позднеэллинистическое и римское время. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны¹, поэтому в предлагаемой работе основное внимание уделено взаимоотношениям Крымской Скифии с окружающими народами и античными государствами. В последнее время наметилась тенденция рассматривать историю Крымской Скифии по этапам, что нагляднее отражает этнополитические изменения, поэтому предлагаемая нами периодизация основана на данных археологии, эпиграфики, нумизматики и нарративных источников.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ В КОНЦЕ III – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II в. до н.э.

Как локальная этногеографическая область Крымская Скифия, вероятно, сформировалась еще в IV в. до н.э. Она включала районы предгорного, степного Крыма и Керченский полуостров, за исключением хоры греческих городов. В каждом из них были свои особенности социально-экономического уклада, материальной культуры, погребального обряда и этнического состава населения², рассмотрение которых выходит за рамки данной работы.

Гибель Великой Скифии³ и последовавшее за ней резкое изменение демографи-

¹ *Виноградов Ю.Г.* Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1. С. 55–87; *Шеглов А.Н.* Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988. С. 29–40; *Пуздровский О.Є.* Крымська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – першій пол. III ст. н.е. // Археологія. 1992. № 2. С. 125–135; *Колтухов С.Г.* Заметки о военно-политической истории Крымской Скифии // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. IV. Запорожье, 1993; *Зайцев Ю.П.* Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3. С. 36–50.

² *Троицкая Т.Н.* К вопросу о локальных особенностях скифской культуры в Центральном Крыму и на Керченском полуострове // ИКОГО. 1957. 4. С. 67–76; *Яковенко Е.В.* Скіфи Східного Криму в V–III вв. до н.е. Київ, 1974; *Ольховський В.С.* Погребально-поминальна обрядність населення степної Скіфії (VII–III вв. до н.э.). М., 1991. С. 80–93, 136–149, 168–172.

³ Основные работы: *Полін С.В.* Про сарматське завоювання Північного Причорномор'я // Археологія. 1984. № 45. С. 24–29; *он же.* От Скифии к Сарматии. Киев, 1992. С. 109–111; *Пуздровский А.Е.* О скифо-херсонесских конфликтах в III–II вв. до н.э. // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995. С. 142–143; *Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я.* Сарматы и гибель «Великой

ческой ситуации в степных и предгорных зонах полуострова в конце первой трети – середине III в. до н.э. привели к запустению поселений и почти полному прекращению функционирования курганных некрополей. Ранний период истории поздних скифов в Крыму наименее изучен, и отчасти это объясняется скудостью письменных источников и недостатком археологических материалов. Образование Скифского государства в конце III – начале II в. до н.э., по мнению А.Н. Щеглова, связано с консолидацией и вынужденной седентаризацией скифских племен⁴. К этому времени, как следует из анализа керамической эпиграфики⁵, относится возрождение жизни на городищах предгорного Крыма (Керменчик, Кермен-Кыр, Змеиное, Булганакское, Вишенное): появляются отдельные каменные-сырцовые постройки и полужемлянки. Военная опасность со стороны степи привела к созданию в предгорном Крыму на рубеже III–II вв. до н.э. древнейших оборонительных линий⁶.

Сарматские племена периодически продолжали совершать набеги на территории между Доном и Днепром, о чем свидетельствуют отдельные погребальные комплексы. В ольвийском декрете в честь Протогена несколько раз упоминается народ саи и их царь Сайтафарн (IOSPE I². 32 A). Саиев отождествляют с «царскими сарматами» Страбона и Алпиана⁷, хотя есть мнение об их скифском происхождении⁸, а термины «саи» и «царские скифы» считают тождественными и связанными с первой сарматской волной в Северном Причерноморье (40-е годы V в. до н.э.)⁹. Вопрос об обитании саиев вблизи Ольвии решается отрицательно¹⁰. А.В. Симоненко и С.В. Полин полагают, что саи совершали свои набеги из донских или прикубанских степей¹¹. Датировка

Скифии» // ВДИ. 1997. № 3. С. 93–103; *Виноградов Ю.Г.* Херсонесский декрет о «несении Диониса» IOSPE I². 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3. С. 104–124; *Полин С.В.* По поводу рецензии И.В. Бруяко // РА. 1997. № 4. С. 207–215; *Бруяко И.В.* От Скифии к Сарматии без природных катастроф // Там же. С. 215–218. Определенный итог этой дискуссии подведен на III конференции сарматологов в г. Ростов-на-Дону (Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997).

⁴ *Щеглов.* Позднескифское государство... С. 29–32.

⁵ *Высотская Т.Н.* Торговые связи Неаполя Скифского в эллинистический период // ВДИ. 1978. № 4. С. 72–93; *Голенцов А.С., Голенко В.К.* Из керамической эпиграфики Неаполя // КСИА. 1979. 159. С. 74–84; *Павленков В.И.* К вопросу о времени и характере возникновения Неаполя Скифского // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С. 115–116; *Зайцев Ю.П.* Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье, 1995. С. 67–90; *Зайцев Ю.П., Пузровский А.Е.* Неаполь Скифский в эпоху Диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 217–237; *Пузровский.* О скифо-херсонесских конфликтах... С. 142–143; *он же.* Кермен-Кыр – «царская крепость» Крымской Скифии // Більске городище в контексті вивчення раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996. С. 235–241; *Дашевская О.Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр) // КСИИМК. 1957. 70. С. 108–117; *Храпунов И.Н., Федосеев Н.Ф.* // Керамические клейма Булганакского городища // Древности. Харьков, 1997. С. 102–110.

⁶ *Колтухов С.Г.* Об оборонительных сооружениях цитадели Красное (Кермен-Кыр) // СА. 1986. № 1. С. 250–253; *он же.* Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 2. С. 185; *он же.* Системы обороны Крымской Скифии в IV–II вв. до н.э. // ВДИ. 1991. № 4. С. 91–104; *он же.* Заметки... С. 209; *Пузровский.* Кермен-Кыр... С. 236–237; *Храпунов И.Н.* Булганакское позднескифское городище // МАИЭТ. 1991. II. С. 22–23; *Храпунов И.Н., Мульд С.А.* Оборонительные сооружения акрополя Булганакского городища // МАИЭТ. 1993. III. С. 8–14.

⁷ См. обзор литературы: *Блаватский В.Д.* О скифской и сарматской этнонимике // КСИА. 1975. 143. С. 45–46; *Смирнов К.Ф.* Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1979. С. 67–69; *Симоненко А.В., Лобай Б.И.* Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. Киев, 1991. С. 76–79.

⁸ *Артамонов М.И.* Скифское царство в Крыму // ВЛГУ. 1948. 8. С. 68–70; *Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. 36. С. 26–27; *Дашевская О.Д.* Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д. 1–7. С. 42.

⁹ *Исмагилов Р.Б.* Саи, скифы и Боспор // ПАВ. 1993. № 6. С. 62–65.

¹⁰ *Симоненко, Лобай.* Сарматы... С. 77.

¹¹ *Полин С.В., Симоненко А.В.* Скифия и сарматы // Донские древности. Вып. 5. Азов, 1997. С. 92–93. Упоминание в IOSPE I². 32 A. Стк. 45 посольства в резиденцию царя (Сайтафарна) делает вполне вероятным предположение, что ставка саиев находилась ближе к Ольвии.

декрета и его интерпретация вызывают довольно много разногласий¹². Недавно изданная надпись на постаменте статуи Протогена от имени его внука – Евника, сына Евдора, исполнившего должность жреца в храме Аполлона Дельфиния, позволила проследить генеалогическое древо этого рода¹³. Сопоставляя известный список ольвийских эпонимов (IOSPE I². 201), составленный на рубеже II–I вв. до н.э.¹⁴ и делосский декрет (между 180 и 176 гг. до н.э.) в честь ольвиополитов Посидея, сына Дионисия, и его племянника Диодора, сына Арота (Агрота), из рода которых также вышло несколько поколений жрецов Аполлона¹⁵, можно сказать только, что Посидей и Протоген жили в одно и то же время¹⁶, а последний умер до 180 г. до н.э. Пассаж о саиях и Сайтафарне (сторона А) хронологически предшествует изложению на стороне В замысла скиро-галатской агрессии¹⁷, поэтому исходя из всей суммы данных первый эпизод правомерно датировать концом третьей четверти III в. до н.э., а второй – временем около 220 г. до н.э.¹⁸

Политическая ситуация в Крыму заметно отличалась от положения в округе Ольвии. В последней четверти III в. до н.э. хора Херсонеса и сельская округа Боспора постепенно, но в гораздо меньших масштабах начинают восстанавливаться¹⁹. Торговая ориентация поселений Сакско-Евпаторийского района на Херсонес, а Тарханкутского полуострова – на Ольвию, по мнению С.Б. Ланцова, может указывать на помощь Херсонеса Ольвии и существование в конце III – начале II в. до н.э. предполагаемого по эпиграфическим и нумизматическим данным политического союза этих городов²⁰. Во второй половине III в. до н.э. Ольвийский полис охватил тяжелый эконо-

¹² Книпович Т.Н. К вопросу о датировке ольвийского декрета в честь Протогена // ВДИ. 1996. № 2. С. 142–149; Каршиковский П.И. До питання про дату ольвійського декрету на честь Протогена // Археологія. 1968. XXI. С. 95–105; Яйленко В.П. Матеріали к «Корпусу лапідарних надписей Ольвии» // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 164–171; Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII–I вв. до н.э. М., 1989. С. 181–183; Русяева А.С. Протоген Ольвийский // Археологія. 1993. № 2. С. 14–23; Шукин М.Б. О галатах и дате декрета Протогена // Скифия и Боспор. Матеріали конф. памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1993. С. 97–110.

¹³ Русяева А.С., Крапівіна В.В. До історії Ольвії IV–I ст. до н.е. // Археологія. 1992. № 4. С. 29–30. Возможен и другой вариант родственных связей (IOSPE I². 201): отцом Геросона и дедом Протогена был Геродор (ст. 1, стк. 4) (ср. Каршиковский. До питання... С. 99). У Протогена известно два сына, один из которых был назван в честь деда – Геросон, сын Протогена (ст. 2, стк. 63), второй – Евдор, сын Протогена (ст. 1, стк. 17), у Евдора также было два сына, один из которых носил имя деда – Протоген, сын Евдора (ст. 1, стк. 33), второй – Евник, сын Евдора (ст. 3, стк. 34). Известен еще ряд лиц с патронимиком Геродор, которые попали в список эпонимов: Стафил (ст. 1, стк. 5) и Филиск (ст. 1, стк. 12) могли быть братьями Геросона, а Стафил (ст. 2, стк. 15), Теодект (ст. 2, стк. 55) и Ленай (ст. 2, стк. 56) – потомками Геродора, в жречество которого при Протогене случился голод (IOSPE I². 32 А. Стк. 24). Интересно сопоставить упомянутого в декрете в связи со снаряжением посольства к царю сайев Конона (А, стк. 49) и Конона из списка эпонимов с началом отчества Ба... (ст. 2, стк. 4), а также Афенея, сына Конона из надписи коллегии ситонов (НО 72. Стк. 2). Ср. Виноградов. Политическая история... С. 205. Прим. 110).

¹⁴ Виноградов. Политическая история... С. 201; ср. Каршиковский. До питання... С. 99.

¹⁵ Русяева А.С. Громадсько-політичні функції елліністичного храму Аполлона в Ольвії // Археологія. 1989. № 4. С. 32.

¹⁶ Граков Б.Н. Матеріали по історії Скифії в греческих надписях Балканського полуострова і Малої Азії // ВДИ. 1939. № 3. С. 257, 258. № 23–24.

¹⁷ Виноградов. Херсонесский декрет... С. 106.

¹⁸ Он же. Политическая история... С. 182. Прим. 16.

¹⁹ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 98–102; Масленников А.А. Исследование сельской территории европейского Боспора. Итоги и перспективы к концу века // РА. 1997. № 3. С. 61, 63, 65; Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 362; Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклейском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 81–84; Туровский Е.Я. О хронологии серебряных монет Херсонеса с магистратскими именами // ПАВ. 1993. № 3. С. 50.

²⁰ Ланцов С.Б. Античное поселение Ново-Федоровка и некоторые вопросы истории херсонесской хоры //

мический и политический кризис, нашедший отражение в ряде документов²¹. Он был вызван ухудшением природных условий, изменившейся этнодемографической ситуацией в степях, и угрозой варварских вторжений. Все это позволяет говорить о вполне вероятном переселении в Крым упомянутых в декретах в честь Протогена и Антестерия миксэллинов, значительную часть которых составляли потомки сильно эллинизированного населения Нижнего Побужья²², а также часть обедневших граждан и неполноправных лиц²³.

Уже в начале формирования Неаполя (Керменчика) – крупнейшего в предгорном Крыму поселения в его облике прослеживаются элементы греческой культуры: фортификация, полужемляночные структуры прямоугольной конфигурации, сырцово-каменное домостроительство, «кустовая» усадебная застройка территории. Перспективы превращения царской ставки в город – центр ремесла и торговли – способствовали вовлечению эллинского и эллинизированного населения в орбиту политических и экономических интересов скифской аристократии. Возможно, это объясняет и греческое название города – Неаполь. В географическом плане размещение столицы Скифского царства в центре полуострова было наиболее удачным, поскольку позволило контролировать отношения с подвластными территориями и античными центрами – Ольвией, Херсонесом и Боспором²⁴.

В конце III – начале II в. до н.э. затяжной конфликт южнопонтийских государств и крупных центров Восточного Средиземноморья, а также противоречия между Македонией и Римом привели к острой борьбе за рынки сбыта продукции, особенно в Северном и Западном Причерноморье. Политика Родоса и Пергама была направлена на подрыв могущества Гераклеи²⁵. В это время в Ольвии и в городах азиатского Боспора наблюдается всплеск торговли товарами восточnosредиземноморского происхождения, среди которых ведущее место принадлежало вину и маслу в родосской таре²⁶. К крымским скифам родосская продукция попадала скорее всего через посредничество Ольвии и гавани Северо-Западного Крыма²⁷. Граждане Родоса способствовали восстановлению денежной системы Ольвии и собирали большие суммы для выплаты ею дани варварским царям. Крупные займы получали ольвиополиты и от частных лиц Херсонеса²⁸. Все это позволило уже во втором десятилетии II в. до н.э. приступить к чеканке новых монетных типов меди, а в начале второй четверти – к выпуску серебра по родосской весовой системе²⁹.

В конце второго десятилетия II в. до н.э. политическая ситуация меняется. По мнению А.Н. Щеглова, в это время Скифское царство усиливает свою экспансию в Северо-Западный Крым, осуществляет захват земледельческой территории Херсонеса. К указанному времени относится и прекращение деятельности гончарных мастерских Херсонеса, а также поселка виноделов, перестраивается юго-восточный фланг обороны города³⁰. Не позже середины 80-х годов II в. до н.э. прекращают свою

Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 93–94; *Русяева А.С.* Економічні та культурно-політичні відносини Ольвії з Херсонесом // *Археологія*. 1983. № 44. С. 8–12.

²¹ *Виноградов*. Политическая история... С. 178–217.

²² *Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрепко В.М.* Сельская округа Ольвии. Киев. 1989. С. 148–149.

²³ *Пуздровский А.Е.* К проблеме формирования Неаполя Скифского // *Проблемы античной культуры*. Тез. докл. конф. Симферополь, 1988. С. 303–304; *он же*. О скифо-херсонесских конфликтах... С. 144.

²⁴ *Высотская Т.Н.* Скифские городища. Симферополь, 1989. С. 11.

²⁵ *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 178–183.

²⁶ *Браишинский И.Б.* Торговля // *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 182.

²⁷ *Высотская Т.Н.* Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 129–134, 148–153.

²⁸ *Виноградов*. Политическая история... С. 209–217; *Русяева*. Економічні та культурно-політичні відносини... С. 9–11. Началом II в. до н.э. датируется ряд надписей из Афин, Оропа, Делоса, Дельфы с упоминанием херсонеситов в качестве дарителей и проксенов (*Гриков*. Материалы... № 8, 13, 14, 22).

²⁹ *Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. Киев, 1988. С. 96–99.

³⁰ *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 130–131. Пересмотр даты усиления фортификационного узла – первая треть III в. до н.э. (*Золотарев, Туровский*. К истории... С. 83) – на

хозяйственную деятельность усадьбы на Гераклеяском полуострове³¹. Внутренняя ситуация в Херсонесском государстве накануне этих событий была беспокойной, о чем свидетельствует ольвийский декрет в честь Никерата, сына Папия (IOSPE I². 34), датированный Ю.Г. Виноградовым первыми двумя десятилетиями II в. до н.э.³² Как следует из документа, чествуемый был награжден херсонеситами за прекращение распри между гражданами и восстановление мира, будучи призванным в город в качестве третейского судьи. Участие ольвиополита в столь сложном внутреннем конфликте соседнего государства может быть объяснено и определенными политическими мотивами – защитить интересы колонистов из Нижнего Побужья в Северо-Западном Крыму. Действия Никерата, вероятно, шли вразрез с политикой Скифского царства в этом регионе. На этом фоне понятно незначительное количество родосского импорта в Херсонесе³³, а также резкое сокращение торговых операций в первой четверти II в. до н.э.³⁴ между Херсонесом и Ольвией. Не кроется ли объяснение этого факта в том, что Родос косвенным образом был заинтересован в устранении такого сильного конкурента, как Херсонес, и толкал на конфронтацию с ним причерноморские государства³⁵?

Временное улучшение обстановки наступило лишь с подписанием в 179 г. до н.э. мирного договора припонтийских государств и правителей, в число которых вошли Херсонес и сарматский царь Гатал³⁶. В том же году Херсонес заключил договор о дружбе с царем Понта Фарнаком I (IOSPE I². 402). Можно предположить, что гарантом этих договоренностей были сарматы, вероятно, выполнившие свой союзнический долг по отношению к Херсонесу, о чем красноречиво повествует Полиен в легенде об Амаге (Polyaen. VIII. 56). Несмотря на известный скепсис по поводу использования данного источника³⁷, изложенные в новелле сведения столь подробны и схожи с исторической ситуацией первой четверти II в. до н.э., что позволили даже локализовать объект нападения сарматов (скифскую царскую ставку) в Неаполе (Керменчике) и связать с ним один из пожаров³⁸. Ю.П. Зайцев, основываясь на полученных им материалах, пересмотрел дату пожаров на участке главной городской площади³⁹, одна-

основании найденных в забутовке клейм не может восприниматься однозначно, поскольку дата оттисков не всегда синхронна строительству. Более надежную дату дают находки из слоев, примыкающих к строительным остаткам. Использование в кладке стен надгробий IV в. до н.э. уместно и понятно лишь спустя 100–150 лет, когда жители оказались отрезанными от каменоломен (*Щеглов. Северо-Западный Крым...* С. 131). Аналогичные херсонесским по времени и характеру фортификационные работы были проведены в Калос Лимене (*Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Калос Лимен (раскопки 1988–1995 гг.) // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 51–54*).

³¹ Кац В.И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Саратов, 1994. С. 72–75.

³² Виноградов. Политическая история... С. 186.

³³ Крушкoл Ю.С. Основные пункты и направления торговли Северного Причерноморья с Родосом в эллинистическую эпоху // ВДИ. 1957. № 4. С. 114.

³⁴ Золотарев М.И. Взаимоотношения Ольвии и Херсонеса в IV–II вв. до н.э. (по материалам херсонесских керамических клейм из Ольвии) // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 128–130.

³⁵ Артамонов. Скифское царство... С. 72.

³⁶ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 130–131.

³⁷ Полиен. От Скифии к Сарматии. С. 90–92. Датировка событий легенды I в. до н.э. не соответствует источнику и историческим реалиям: в это время Херсонес навсегда лишился дальней хоры («страны»), а сармато-херсонесские отношения были враждебными.

³⁸ Пуздровский. О скифо-херсонесских конфликтах... С. 144. Древнейшая оборонительная линия Неаполя возведена не позже первой четверти II в. до н.э. и не была рассчитана на античную осадную технику, а предназначалась для защиты прежде всего от сарматов (*Колтухов. Новые материалы...* С. 185; *Зайцев. Хронология Неаполя Скифского. С. 77, 84*). Если рейды саиев из донских или прикубанских степей к Ольвии были возможны (*Полин, Симоненко. Скифия и сарматы. С. 92*), то не столь уж невероятен поход сарматов от низовьев Кубани (*Полин С.В. Гатал – царь сарматский // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С. 122–123*) через замерзший Керченский пролив к скифской царской ставке. Длина пути, который совершил отряд Амаги (1200 стадий = 212 км), точно соответствует расстоянию от пролива («на Понтийском побережье») до городища Керменчик.

³⁹ Зайцев. Хронология Неаполя Скифского. С. 72–79, 84. Более ранняя датировка пожара I основана на

ко это не снимает вероятности датировки похода «сарматов Амаги» временем, очень близким к заключению договора 179 г. до н.э.⁴⁰

Для второй четверти – середины II в. до н.э. имеется лишь один эпиграфический памятник (КБН. 75), который может пролить свет на скифо-боспорские отношения. В нем упоминается Аргот, ставший мужем царицы Камасарии после смерти ее первого супруга – Перисада III. Ю.Г. Виноградов полагает, что Аргот происходил из правящего дома Скифского царства⁴¹. Разведки и раскопки последних лет в восточной части крымских предгорий выявили ряд крупных городищ и усадеб позднеэллинистического времени, экономика которых традиционно была ориентирована на города Боспора⁴², в том числе на получение восточносредиземноморских товаров. Этнический состав их обитателей еще предстоит выяснить, однако можно предположить, что начало экономического и политическому сближению поздних скифов с Боспором было положено еще в первой половине II в. до н.э.

СКИФСКОЕ ЦАРСТВО ПРИ СКИЛУРЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА II в. до н.э.) И ДИОФАНТОВЫ ВОЙНЫ

Во второй половине II в. до н.э. Скифское царство достигло апогея своего расцвета. Активная внешняя и внутренняя политика связаны с незаурядной личностью – царем Скилуrom. Престолонаследие последнего подтверждается надписью из Неаполя (IOSPE I². 668). Родился он, как полагает Ю.Г. Виноградов, не позднее 70–60-х годов II в. до н.э., заступил на царство в 50-е годы⁴³. С воцарением Скилура скифы захватили все небольшие поселения в Северо-Западном Крыму, Керкинитиды и Калос Лимен оказались почти в полной изоляции, и жители вскоре вынуждены были их покинуть, уничтожив оборонительные сооружения и жилую застройку⁴⁴. На месте греческих поселений и усадеб в спешном порядке возводятся крепости по определенной системе фортификации, особенностью которой выделены А.Н. Щегловым. Сходство в возведении оборонительных линий в Северо-Западном Крыму и на Нижнем Днепре он объясняет единым стратегическим замыслом – территориальным объединением позднескифского государства⁴⁵. Особенностью скифских городищ в Нижнем Поднепровье, по мнению Н.А. Гаврилюк, является их сильная эллинизация, что объясняется переселением сюда в начале II в. до н.э. части жителей Ольвии⁴⁶. Однако археологические материалы свидетельствуют о том, что все возникшие в IV в. до н.э. скифские поселения в этом районе прекращают существование не позже середины III в. до н.э. Территориально городища позднескифского времени и предшествующей

оттисках родосских клейм III–IV групп по В. Грейс (220–180 и 180–150 гг. до н.э.) и астиномному херсонесскому клейму Бабона, сына Бабона, группы 3Б по В.И. Кацу (215–200 гг. до н.э.), найденных в слоях, подстилающих и примыкающих к поясам оборонительной стены (Колтухов. Новые материалы... С. 184–185).

⁴⁰ Колобова К.Н. Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1949. № 3. С. 31–32; Смирнов. Сарматы... С. 72, 120; Сапрыкин С.Ю. Гераклея, Херсонес и Фарнак I Понтийский // ВДИ. 1979. № 3. С. 56; *Harmatta J. Studies in the History and Language of the Sarmatians // Acta Antiqua et Archaeologica. 1970. 13. P. 19–21.*

⁴¹ Виноградов. Вотинская надпись... С. 61, 64, 66, 82, 85.

⁴² Колтухов С.Г. Пізнньоскіфські поселення східної частини Передгірського Криму // Археологія. 1991. № 4. С. 76–89; он же. Укрепления Крымской Скифии (III в. до н.э. – III в. н.э.); Автореф. дис... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 14; Катюшин Е.А. Отчеты о раскопках экспедиции Феодосийского краеведческого музея в окрестностях Феодосии в 1977–1979 и 1981 гг. // Архив ИА НАНУ: 1977/ 33; 1978/ 57; 1979/ 40; 1981/ 75. На возможность существования в конце IV в. до н.э. вблизи Боспора ставки скифского царя Агара указывает Э.И. Соломоник (О скифском государстве и его взаимоотношениях с греческими городами Северного Причерноморья // АИБ. Т. I. 1952. С. 114–115).

⁴³ Виноградов. Политическая история... С. 249.

⁴⁴ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 131; Кутайсов, Уженцев. Калос Лимен... С. 54.

⁴⁵ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 66–75, 131–132.

⁴⁶ Гаврилюк Н.А. «Малая Скифия» на Нижнем Днепре // Древнее Причерноморье. Тез. докл. II конф. памяти П.О. Карышковского. Одесса, 1991. С. 20–22; Гаврилюк Н.А., Абикулова М.И. Позднескифские памятники Нижнего Поднепровья (новые материалы). Препринт. Ч. II. Киев, 1991. С. 30.

эпохи не совпадают, а культурные слои и синхронные им оборонительные сооружения датируются второй половиной II – рубежом II–I вв. до н.э.⁴⁷

Вопрос о протекторате Скилура над Ольвией, поднятый еще В.В. Латышевым и поддержанный многими исследователями, был недавно подробно рассмотрен Ю.Г. Виноградовым⁴⁸, однако его позиция не у всех нашла позитивный отклик⁴⁹. В.М. Зубарь, опираясь на выводы, полученные в последние годы при раскопках Неаполя Скифского, поддержал гипотезу Виноградова, полагая, что около середины II в. до н.э. ольвийская «внешняя политика и экономические связи целиком и полностью были подчинены интересам более сильного в военном отношении союзника»⁵⁰. Можно согласиться, что внимание скифской аристократии было сосредоточено на переориентации экономических связей Ольвии, а пользу от сотрудничества получали наиболее зажиточные представители полиса, такие, как Посидей, сын Посидея, и Евмен, известные по эпиграфическим памятникам Неаполя и Ольвии (IOSPE I². 77, 78, 168, 670–672)⁵¹. Для подтверждения даты неапольских надписей, как и времени установления протектората над Ольвией⁵², важна находка в 1986 г. надписи Посидея, сына Дионисия, которого Н.А. Лейпунская не без оснований считает внуком Посидея, сына Дионисия, известного по одному из делосских декретов и ольвийскому посвящению Агрота и Посидея своему отцу Дионисию (IOSPE I². 189)⁵³. Восстановление генеалогического древа этой семьи позволяет предложить следующую схему: сыновьями Посидея, сына Дионисия, были Посидей и Дионисий (названный так в честь деда), а их сыновьями – Анаксагор(?) и Посидей. В этом случае дедикант надписи 1986 г. являлся дядей Посидею, сыну Анаксагора (IOSPE I². 35), жречество которого Ю.Г. Виноградов предложил датировать временем около 100 г. до н.э.⁵⁴ Исходя из того, что Посидей, сын Дионисия, к 180 г. до н.э. был взрослым человеком и имел племянника Диодора, сына А(г)рота, деятельность его сына в Неаполе приходится, вероятно, на 50–40-е годы II до н.э. Следовательно, ольвийская надпись 1986 г. датируется периодом не ранее 30–20-х годов того же столетия. Н.А. Лейпунская считает, что факт посвящения Деметре, Коре, Плутону и народу строительства или ремонта оборонительных стен отражает события второго этапа скифо-ольвийских отношений, когда вследствие ослабления протектората Скилура граждане подтвердили значение демократии в своем полисе⁵⁵. В то же время укрепление обороны города свидетельствовало о серьезной военной угрозе Ольвии. Маловероятно, чтобы она исходила от крымских скифов, заинтересованных в развитии связей. Скорее причина лежит в изменении этнополитической обстановки в Днепро-Донских степях во второй половине II в. до н.э.

Из надписи Посидея в Неаполе известно, что он одержал победу над пиратствующими сатархеями (IOSPE I². 672). Сатархов, локализованных Помпонием Мелой (II. 2–4) в Крымском Присивашье, Плиний (VI. 22, 23) называет среди племен, перешедших Танаис и вторгнувшихся в Скифию. Неапольский документ позволяет

⁴⁷ Вязьмитина М.И. Городища Нижнего Днепра // Археология Украинской ССР. Т. 2. Киев. 1986. С. 223–240; Былькова В.П. Греки и варвары в Нижнем Поднепровье в конце V – первой трети III в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 4. С. 111–116; ср. Зубар В.М. Ще раз про етнічний склад населення Ольвії в перших століттях н.е. // Археологія. 1996. № 4. С. 128, 129.

⁴⁸ Литературу вопроса и разработку темы см. в кн.: Виноградов. Политическая история... С. 230–250.

⁴⁹ Крижицький С.Д., Крапівина В.В., Лейпунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. № 2. С. 38. Ср. Русяева. Економічні та культурно-політичні відносини... С. 10.

⁵⁰ Зубарь В.М. Ольвия и Скилур // РА. 1996. № 4. С. 44–49.

⁵¹ Соломоник Э.И. Четыре надписи из Неаполя и Херсонеса // СА. 1958. XXVIII. С. 308–313; она же. Эпиграфические памятники Неаполя Скифского // НЭ. 1962. III. С. 32–44; Дашевская О.Д. Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. 1960. № 1. С. 261–265; Виноградов. Политическая история... С. 239–246.

⁵² Виноградов. Политическая история... С. 250.

⁵³ Лейпунська Н.О. Новий напис з Ольвії // Археологія. 1990. № 3. С. 117–120.

⁵⁴ Виноградов. Политическая история... С. 251.

⁵⁵ Лейпунська. Новий напис... С. 121.

датировать это событие не позднее 40-х годов II в. до н.э. У Плиния (IV. 85) отмечен и другой этникон: скифы-сатарки⁵⁶, обитавшие к востоку от Крымских гор. Ю.М. Десятчиков пришел к выводу о тождестве сатархов и тохаров (юэчжей), выводя их название от североиранских корней – «сильные, господствующие», «царские»⁵⁷. Солин (49. 5–7) сообщает о сатархах как о части сакского племенного объединения, граничившего с персидскими владениями в Средней Азии. Ряд исследователей склонны связывать события второй четверти – середины II в. до н.э. в Центральноазиатском регионе с появлением первой «сарматской» (юэчжийско-массагетской) волны в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе⁵⁸. Возможно, именно сатархи участвовали в разгроме Таманского толоса в середине II в. до н.э.⁵⁹, а в Крыму с их приходом связан пожар I в Неаполе⁶⁰. Разбойничьи действия сатархов угрожали не только мореплаванию и торговле, но и поселениям в Северо-Западном Крыму, что побудило скифскую аристократию пойти на военно-экономический союз с Ольвией, а также явились одной из причин захвата хоры Херсонеса и возведения там своих оборонительных рубежей.

Новые передвижения ираноязычных кочевников в евразийских степях после падения Греко-Бактрийского царства должны были серьезно повлиять на расстановку сил в Северном Причерноморье. В конце II в. до н.э. на азиатском Боспоре увеличивается количество сарматских погребальных памятников, в том числе в некрополях греческих городов⁶¹. На месте разрушенного Таманского толоса в 20-е годы II в. до н.э. возводится крепость, внутри которой находилась резиденция боспорского правителя административной области «остров», населенной аспургиянами (Strabo. XI. 2. 11), сыгравшими впоследствии большую роль в политической жизни Боспора. Н.И. Сокольский

⁵⁶ В транскрипции М.В. Скржинской (Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 46, 96).

⁵⁷ Десятчиков Ю.М. Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 140–143. См. также Ольховский В.С. Население Крыма по данным античных авторов // СА. 1981. № 0. С. 56–57; Столба В.Ф. Демографическая ситуация в Крыму в V–II вв. до н.э. // ПАВ. 1993. № 6. С. 58–59. Стактары Плиния (IV. 85) М.В. Скржинская сопоставляет с Сатархой Птолемея (III. 6. 5) и локализует вблизи современного Бахчисарая (Северное Причерноморье... С. 61). А.И. Маркевич помещает Сатарху в Неаполе (К столетию исследований на городище Неаполь у Симферополя // ИТОИАЭ. 1928. III. С. 8).

⁵⁸ Sulimirski T. The Sarmatians. L., 1970. P. 113–116; Ставиский Б.Я. Средняя Азия и античное Причерноморье. Проблема контактов, их периодизация и характер // Античная цивилизация и варварский мир. Материалы III семинара. Ч. I. Новочеркасск, 1992. С. 16, 17; Мандельштам А.М. Об одном археологическом аспекте кушанской проблемы // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 133–141; Бабаев А.Д. Из истории Средней Азии эллинистического и послееллинистического времени // Кочевники евразийских степей и античный мир. Материалы II семинара. Новочеркасск, 1989. С. 133, 134; Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990. С. 197–200; Яценко С.А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н.э. // ПАВ. 1993. № 3. С. 67.

⁵⁹ Сокольский Н.И. Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 46, 48, 116.

⁶⁰ Зайцев. Южный дворец... С. 37; он же. Хронология Неаполя Скифского. С. 72–77, 82, 87. Ю.П. Зайцев датирует пожар I 135–130 гг. до н.э. и в осторожной форме связывает его с рассказом Полиана об Амаге. Дата определена по стратиграфии колонки глинобитных полов главного мегарона Южного дворца, которые, как полагает Ю.П. Зайцев, ежегодно обновлялись. За верхнюю точку отсчета принят слой разрушения времени захвата Неаполя Диофантом. В этом горизонте встречены, помимо родосских клейм V группы, оттиски штампов III и IV групп, многочисленная кухонная и столовая посуда, терракоты, большое мраморное блюдо культового назначения (Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя Скифського // Археологія. 1990. № 1. С. 83–94. Рис. 4–8). Исходя из предложенной Ю.П. Зайцевым периодизации, здание с портиками, где были установлены надписи Посидея и Евмена, возникает после пожара, т.е. ок. 130 г. до н.э. Это противоречит как палеографическим особенностям посвящений, так и тому, что Посидею, если он был к этому времени жив, исполнилось бы 80 лет. Все вышесказанное позволяет склониться к более ранней дате пожара I – ок. 145 г. до н.э. Не исключено, что этим же временем датируется и пожар на акрополе Булганакского городища (Храпунов, Мульд. Оборонительные сооружения... С. 8–9) и на валу городища Кермен-Кыр (Пуздровский О.Е. Охоронні роботи на скіфському городищі Кермен-Кир // Археологія. 1989. № 2. С. 137–138. Рис. 2).

⁶¹ Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 69–80.

полагал, что последний Перисад укрепил восточную часть Фанталовского полуострова с целью обезопасить государство от вторжения сарматских племен⁶². Вопрос об этнической принадлежности аспургиан во многом продолжает оставаться дискуссионным⁶³, однако этимология названия восходит к иранским корням («мощноконные»)⁶⁴. Погребальные памятники азиатского Боспора последних десятилетий II – начала I в. до н.э. свидетельствуют о значительной сарматизации синдо-меотской знати и ее связях со среднеазиатскими кочевниками⁶⁵.

Постоянная военная угроза со стороны степи диктовала более тесное военно-политическое и культурное сближение Скифского и Боспорского царств, и подтверждением этого был брак царевны Сенамогис, дочери Скилура, со знатным боспорянином Гераклидом, о чем свидетельствует ее посвящение богине Дитагойе (?) в пантикапейском святилище Артемиды-Гекаты⁶⁶. Эти связи должны были особенно укрепиться после катастрофы в Неаполе в середине 20-х годов II в. до н.э.⁶⁷ Вероятно, именно после этих событий происходит коренная реконструкция оборонительных сооружений, завершается архитектурное оформление комплекса Южного дворца, возводятся мавзолеи. В материальной и духовной культуре неапольской аристократии прослеживается все больше связей с эллинизированной верхушкой азиатского Боспора⁶⁸. В это время, вероятно, усиливаются все оборонительные линии и форты в Северо-Западном и Центральном Крыму, начинается возведение укреплений на Нижнем Днепре. Последнее, возможно, осуществлялось в рамках общей программы защиты Ольвии и Скифского царства. В городе разбираются храмы и главный алтарь, на месте жилых кварталов появляются пустыри⁶⁹. В такой обстановке неполноправные граждане, преимущественно из местного эллинизированного населения, и представители позднескифских племен могли составить контингент военных поселенцев, на которых была возложена охрана днепровской линии обороны, направленной прежде всего против сарматов.

Скифское царство – «варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и эллинизированной верхушкой»⁷⁰ – имело все предпосылки для включения в орбиту своего влияния Ольвию и Боспор, а в перспективе и Херсонес. Устремления скифской аристократии были направлены на подчинение последнего, что привело к военным действиям в непосредственной близости от города⁷¹. Сложная политическая обстановка в конце II в. до н.э. сложилась и на Боспоре. Кризис власти там Е.А. Молев объясняет борьбой Спартокидов с меотами⁷². Ю.Г. Виноградов поддержал гипотезу Т.В. Блаватской о том, что свидетельство Страбона об уплате Боспором дани варварам (VII. 4. 4) относится не к скифам, а к сарматам, и достаточно

⁶² Сокольский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. 143. С. 21–30; *он же*. Таманский толос... С. 46, 48, 89–110.

⁶³ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 65–78.

⁶⁴ Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. М. – Л., 1949. С. 157; Десятчиков. Сатархи. С. 143–144; Сапрыкин. Аспургиане. С. 67.

⁶⁵ Максимова М.И. Заметка об Ахтанизовском кладе // КСИА. 1969. 116. С. 55–58; *она же*. Артюховский курган. Л., 1979. С. 13–24; Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 32–42; Спицын А.С. Фалары Южной России // ИАК. 1909. 29. С. 18–53.

⁶⁶ Виноградов. Вотивная надпись... С. 58–61; Толстиков В.П. Святилище на акрополе Пантикапея // ВДИ. 1987. № 1. С. 107–108. Богиня Дитагойе почиталась в столице крымских скифов (Зайцев Ю.П. Памятники скульптуры из мегарона Южного дворца Неаполя Скифского // Крымский музей. 1995–1996. Симферополь, 1996. С. 16–23).

⁶⁷ Зайцев. Хронология Неаполя Скифского. С. 87.

⁶⁸ *Он же*. Южный дворец... С. 37–38, 43–46. Рис. 1.

⁶⁹ Крыжицкий, Буйских, Бураков, Отрешко. Сельская округа Ольвии. С. 101.

⁷⁰ Щеглов. Позднескифское государство... С. 37.

⁷¹ *Он же*. Северо-Западный Крым... С. 133.

⁷² Молев Е.А. Боспор и варвары Северного Причерноморья накануне походов Диофанта // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1986. С. 54–64.

убедительно показал возможность скифо-боспорского союза против общего врага – сарматов⁷³.

В последней четверти II в. до н.э. Херсонес оказался в политической изоляции, и только обращение граждан к Митридату VI Евпатору коренным образом изменило расстановку сил на полуострове. Трудно сказать, почему Понт не оказал поддержку Херсонесу раньше. Возможно, договор 179 г. до н.э. между ними к этому времени утратил силу и надо было заключать новый, о чем свидетельствует херсонесская проксения, данная некоему сыну Кефалы, уроженцу Амиса, отправленному Митридатом VI в город в качестве посла (НЭПХ. II. 110 = IOSPE I². 349)⁷⁴. Митридат с неуверенностью приступал к боевым действиям против скифов (Just. XXXVIII. 7. 4), о чем свидетельствует оборонительная тактика понтийских стратегов на первом этапе войны (Strabo. VII. 4. 7) до прибытия в Херсонес Диофанта⁷⁵. Однако он прекрасно понимал, что Скифское царство представляло серьезную угрозу его планам господства в Причерноморье. Ход военных действий и дипломатических переговоров изложены в херсонесском декрете в честь Диофанта (IOSPE I². 352) и Страбоном (VII. 3. 17; 4. 3. 7). Их анализу посвящена обширная литература⁷⁶.

В тексте Страбона (VII. 4. 7) нет указаний на то, что скифские крепости находились неподалеку от Херсонеса⁷⁷, чему противоречат и строки Диофантова декрета (IOSPE I². 352. Стк. 12): «...взяв с собою граждан цветущего возраста, проник в средину Скифии». К моменту прибытия Диофанта Скилура уже, вероятно, не было в живых. Однако он не погубил на поле сражения, что объясняет умолчание об этом декрета в честь понтийского стратега и согласуется со сведениями Страбона об его участии в войне⁷⁸. Поражение Палака, сына Скилура, в первой битве с Диофантом и сдача им царских крепостей Хабеи и Неаполя привели к установлению протектората Митридата VI над большей частью Скифского царства. Вскоре Палак предпринял попытку освободиться от понтийской зависимости, для чего, вероятно, провел полную реконструкцию оборонительных стен Неаполя: в районе главных городских ворот укрепляется протейхизма, фортификационный узел усиливается башнями, на восточном фланге возводятся новые куртины⁷⁹. Аналогичные мероприятия были проведены и

⁷³ *Виноградов*. Вотивная надпись... С. 67, 85–86.

⁷⁴ *Сапрыкин*. Гераклея Понтийская... С. 212–213.

⁷⁵ *Виноградов*. Вотивная надпись... С. 70.

⁷⁶ Из последних работ: там же. С. 66–86; *Колтухов*. Заметки... С. 210–216; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 132–151.

⁷⁷ *Скржинская*. Северное Причерноморье... С. 73–74.

⁷⁸ *Соломоник Э.И.* Сравнительный анализ свидетельств Страбона и декрета в честь Диофанта о скифских царях // ВДИ. 1977. № 3. С. 53–63; *Виноградов*. Вотивная надпись... С. 70. Ср. *Зайцев*. Южный дворец... С. 43–48; *он же*. Хронология Неаполя Скифского. С. 80, 88. Исходя из периодизации строительства и функционирования оборонительной стены и протейхизмы, к которой был пристроен мавзолей, его сооружение относится к последней четверти II в. до н.э. Ю.П. Зайцев полагает, что большинство захоронений в нем можно отнести к последней четверти II – рубежу II–I вв. до н.э. (Хронология Неаполя Скифского. С. 80) и синхронизировать с существованием Южного дворца. Н.Н. Погребова датировала самые ранние погребения в мавзолее рубежом II–I вв. до н.э., что вызвало разногласия по поводу отождествления погребенного в каменной гробнице (Скилур или Палак?) (*Погребова Н.Н.* Погребения в мавзолее Неаполя Скифского // МИА. 1961. 96. С. 179; *Шульц П.Н.* Мавзолей Неаполя Скифского. М., 1953. С. 25, 65). Мною предложен иной вариант решения проблемы: первоначальные захоронения в мавзолее не сохранились (*Пуздровский А.Е.* К интерпретации захоронений в мавзолее Неаполя Скифского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. Тез. докл. конф. Севастополь, 1988. С. 85–87), так как были ограблены понтийскими войсками после вторичного захвата Неаполя. В пользу датировки захоронения в каменной гробнице не ранее 110 г. до н.э. косвенно свидетельствуют использованные при ее сооружении обработанные известняковые плиты, взятые скорее всего из разрушенного здания с портиками, когда главная городская площадь лежала в руинах. Против отождествления умершего со Скилуром свидетельствует антропологическое определение покойного, которому было не более 40 лет, а восстановление по черепу его внешнего облика «без бороды» не привело к «опознанию» его как престарелого Скилура (*Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу. М., 1955. С. 573–579. Рис. 236–238).

⁷⁹ *Колтухов*. Новые материалы... С. 186–187.

на двух других наиболее крупных городищах – Кермен-Кыр и Булганак⁸⁰. Сосредоточив значительные силы в Центральном и Юго-Западном Крыму, скифы нарушили мирный договор и вновь стали угрожать Херсонесу (IOSPE I². 352. Сткк. 15–16). На этот раз Палак решил изменить тактику и заманить Диофанта с войском вглубь скифской территории, где, отрезанный от коммуникаций и оказавшись в треугольнике между находящимися на небольшом расстоянии друг от друга крепостями, понтийский полководец мог бы быть разгромлен. Нет сомнений, что Диофант имел хороших информаторов и, разгадав замысел противника уже на марше, неожиданно повернул в «приморские местности», где легко овладел Керкинитидой и укреплениями, а также приступил к осаде Калос Лимена (IOSPE I². 352. Сткк. 16–20). Это был важный стратегический маневр, позволивший поддерживать связь по морю с Херсонесом и завладеть инициативой в Северо-Западном Крыму⁸¹. Найденный в 1987 г. на городище Кара-Тобе обломок трофея, воздвигнутого в честь одержанной победы понтийского отряда (очевидно, захвата этого укрепления) во главе с Аристиком – сподвижником Диофанта, позволяет локализовать одно из τὰ τεῖχη⁸² декрета (IOSPE I². 352. Стк. 21). Еще два эпиграфических документа времени походов Диофанта повествуют об освобождении отрядом херсонесских войск Калос Лимена (IOSPE I². 353) и о военной операции против крепости Напит (Νάπις) (НЭПХ. I. 1). Э.И. Соломоник считает, что эти две надписи, а также декрет в честь Диофанта вырезаны одним мастером и в древности составляли единый ансамбль⁸³. Поход на Напит, вероятнее всего, состоялся незадолго или одновременно со вторым походом Диофанта, а не в начале войны⁸⁴. Действуя без помощи понтийских войск, херсонеситы вряд ли могли предпринять крупномасштабную операцию в глубине Крымской Скифии, поэтому крепость Напит должна была располагаться неподалеку от Херсонеса. Таким пунктом могло быть Усть-Альминское городище, крупнейший стратегический приморский памятник крымских скифов в Юго-Западном Крыму. Т.Н. Высотская полагает, что в древности оно носило название Палакий и в конце II в. до н.э. было разрушено вследствие походов Диофанта⁸⁵. Не вдаваясь в дискуссию о локализации скифских крепостей⁸⁶, необходимо отметить, что для херсонеситов главными центрами опасности («царскими крепостями») были Хабаи (Χαβαίον) и Неаполь (Νέα πόλις), дважды упомянутые в Диофантовом декрете рядом (сткк. 13, 29), что предполагает их близкое местоположение. Такому условию отвечают два городища: Керменчик и Кермен-Кыр, расположенные в зоне прямой видимости и имевшие мощные оборонительные линии⁸⁷. Вопрос о локализации Палакия (Παλάκιον) вызывает много разногласий⁸⁸, однако единственное его упоминание у Страбона (VII. 4. 7) в числе трех укреплений, построенных Скилуром и его сыновьями и служивших им опорными пунктами в военных действиях, позволяет связать с ним Булганакское городище, имевшее много общего в топографии и оборонительной системе с находящимся на расстоянии 15 км к востоку городищем Кермен-Кыр⁸⁹. Локализация на городище Кара-Тобе основанного Диофан-

⁸⁰ Храпунов, Мульд. Оборонительные сооружения... С. 11; Колтухов. Об оборонительных сооружениях... С. 250–253; Пуздровский. Охоронні роботи... С. 137–138.

⁸¹ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 143; Колтухов. Заметки... С. 214.

⁸² Виноградов Ю.Г., Внуков С.Ю. Греческая надпись со скифского городища Кара-Тобе // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Тез. докл. конф. Запорожье, 1989. С. 28–29.

⁸³ Соломоник Э.И. Древние надписи Крыма. Киев, 1988. С. 25.

⁸⁴ Ср. Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 134; Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 209–210; Колтухов. Заметки... С. 212.

⁸⁵ Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 11–13.

⁸⁶ Дашевская О.Д. К вопросу о локализации трех скифских крепостей, упоминаемых Страбонам // ВДИ. 1958. № 2. С. 143–150; Раевский Д.С. Неаполь или Палакий? // ВДИ. 1976. № 1. С. 102–107; Высотская Т.Н. К вопросу о локализации Палакия // ВДИ. 1983. № 1. С. 111–116; Колтухов. Заметки... С. 211–213.

⁸⁷ Колтухов. Заметки... С. 212–213; Пуздровский. Кермен-Кыр... С. 240.

⁸⁸ Качарава Д.Д., Квириквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. С. 207–208.

⁸⁹ Храпунов. Булганакское позднескифское городище. С. 22–23.

том Евпатория (Εὐπατόριον) (Strabo. VII. 4. 7) вполне допустима⁹⁰, однако не соответствует местоположению безымянного пункта, основанного Диофантом в земле соседних тавров после их подчинения (IOSPE I². 352. Сткк. 9–10). На роль последнего может претендовать поселение позднеэллинистического времени, остатки которого выявлены недавно в окрестностях Балаклавы⁹¹, где находилась так называемая «бухта Символов» – оплот тавров-пиратов⁹².

Декрет в честь Диофанта (стк. 23) называет «ревксиналов» (роксоланов)⁹³ как союзников скифов, что подтверждает и Страбон (VII. 3. 17). Этот кочевой народ «скифского племени» (II. 5. 7) занимал равнины между Танаисом и Борисфеном. Зимовки роксоланов скорее всего располагались в Присивашье. В решающей битве, происшедшей зимой, войско Палака и Тасия было наголову разгромлено понтийским полководцем, вероятно, использовавшим рельеф местности, например, пересыпь между озером и морем⁹⁴, где греческая фаланга показала все свои боевые качества. Местом сражения вполне могли быть окрестности городища Кара-Тобе, расположенного между озерами Сакским и Сасык. Поражение в битве и повторная сдача царских крепостей (IOSPE I². 352. Сткк. 28–29) вынудили Палака и его окружение бежать, а заговор на Боспоре под руководством Савмака свидетельствует о последних попытках скифской аристократии изменить ситуацию⁹⁵. Диофант – выдающийся полководец своего времени и искусный дипломат – добился полного подчинения скифов Митридату VI Евпатору, передачи под его власть Боспорского царства, а Херсонес и Ольвия оказались в зависимости от Понтийской державы⁹⁶.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ В I в. до н.э. – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I в. н.э.

Политическая жизнь Крымской Скифии в конце II – первой половине I в. до н.э. проходила под контролем Понтийской державы. Таврика становится для Митридата VI Евпатора базой комплектования войск, а также местом пополнения запасов провианта для нужд армии (Strabo. VII. 4. 6). Благодаря ее захвату им были успешно осуществлены мероприятия по организации коалиции из подвластных и зависимых от Митридата держав и народов. Союзниками понтийского царя в этот период становятся фракийцы, тавры, бастарны, сарматы, скифы (App. Mithr. 13; 15; 41; 57; 69), кимвры,

⁹⁰ Раевский Д.С. О местоположении древнегреческого Евпатория // ВДИ. 1968. № 3. С. 127–133; Колтухов. Заметки... С. 213.

⁹¹ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. – XIII в. н.э.). Киев, 1977. С. 54. Культурный слой поселения эллинистической эпохи прослеживается под постройками римского времени (Филиппенко А.А. К вопросу о Таврическом лимесе // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Тез. докл. конф. Ростов-на-Дону, 1994. С. 82–84).

⁹² Качарова, Квирквелия. Города и поселения... С. 62.

⁹³ Д.А. Мачинский считает роксоланов передовой группой аланского этнического массива, связанного с массагетским племенным миром. Им же отмечено, что херсонеситы столкнулись с этим народом незадолго до указанных в декрете Диофанта событий, хотя декрет не называет роксоланов сарматами (Мачинский Д.А. Некоторые проблемы этногеографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. – I в. н.э. // АСГЭ. 1974. 16. С. 126–127; ср. Симоненко А.В. Роксоланы (пошук археологічних відповідей) // Археологія. 1991. № 4. С. 17–28). Роксоланы появились в Днепро-Донских степях не ранее 20-х годов II в. до н.э., вытеснив обитавших здесь сатархов в Крым, а также к западу от Днепра, где последние, вероятно, были известны Страбону (VII. 3. 17) (под одной из версий) под именем «урги»: «...за ними – язгы – сарматы, так называемые царские, и урги». Корень «urga» присутствует в этимологии сатархов (Десятчиков. Сатархия. С. 143) и аспургиан (см. выше), что может указывать на две ветви одного этнического массива. Ср. Раев Б.А., Яценко С.А. О времени первого появления аланов в Юго-Восточной Европе // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 118–121. Восстановление «георгии» маловероятно, поскольку Страбон размещает последних в Крыму (VII. 4. 6) (ср. Смирнов. Сарматы... С. 120).

⁹⁴ Колтухов. Заметки... С. 215.

⁹⁵ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М. – Л., 1949. С. 536–538. Прим. 14; Молев. Боспор и варвары... С. 58; Виноградов. Вотивная надпись... С. 70–86; ср. Сапрыкин. Понтийское царство. С. 140–147.

⁹⁶ Виноградов. Политическая история... С. 250–263; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 136–140.

галлогреки (Just. XXXVIII. 3. 5) и др. Не все они добровольно вошли в союз, о чем свидетельствует кампания Диофанта, а также сообщение Плутарха (De fort. Rom. 11) о том, что царь вел войны с сарматами и бастарнами во время Марсийской (Союзнической) войны в Италии 91–88 гг. до н.э.⁹⁷ Е.А. Молев относит отправку понтийских войск в Ольвию к 96–90 гг. до н.э. и связывает усиление гарнизона с походом полководца Неоптолема против бастарнов и сарматов⁹⁸. Сообщение Страбона о каких-то варварах, которых Неоптолем разбил летом в морском сражении и в конном бою зимой в Керченском проливе (II. 1. 16; VII. 3. 18) А.А. Масленников относит к периоду до римско-понтийских войн, а противником понтийцев видит не крымских скифов, а сатархов⁹⁹.

Зависимость крымских скифов от Митридата заключалась, по-видимому, в предоставлении военных формирований, а также ограничении внешнеполитической деятельности. С.Ю. Сапрыкин предполагает, что уже в ходе Диофантовых войн Херсонес вернул себе часть хоры, а позже с помощью понтийских солдат контролировал часть сельскохозяйственной территории в Северо-Западном Крыму, на что указывает факт продажи продовольствия в Гераклею во время осады ее римлянами (Memn. XLVII. 1. 2)¹⁰⁰. Это мнение не бесспорно, так как археологические материалы с позднескифских поселений свидетельствуют о непрерывности культурной традиции, что не исключает возможности экономических контактов жителей Северо-Западного Крыма с Херсонесом. Лишь в наиболее важных стратегических пунктах, таких, как Калос Лимен, могли размещаться гарнизоны понтийских или херсонесских войск, однако и эти крепости были оставлены в начале I в. до н.э.¹⁰¹ По-видимому, Херсонесу не удалось еще раз провести колонизацию Северо-Западного Крыма¹⁰², несмотря на посольства в Синопу для возможного решения этого вопроса (IOSPE I². 352. Сткк. 44–46).

Сообщение Мемнона о возврате Митридатом скифским царям их родовых владений по требованию римлян (Memn. XXX), часто привлекаемое в последнее время, относится скорее всего к фригийским царям, что подтверждается сведениями Аппиана (Mithr. 11; 13)¹⁰³. Понтийские гарнизоны в Северном Причерноморье вряд ли были многочисленными, поэтому приказ Митридата явиться *войску из Скифии* (Just. XXXVIII. 3. 5) накануне его первой войны с римлянами относится в большей степени к собственно скифским отрядам¹⁰⁴. Последние принимали участие в сражениях на Балканах под общим руководством полководца Митридата Архелая (App. Mithr. 41). Митридат был связан браками с дочерьми знатных скифов (ibid. 117; Plut. Pomp. XLII), посылал к скифам дары, а также своих дочерей в жены (App. Mithr. 78; 108). Однако поражения Митридата в войнах с Римом, значительные потери скифского войска на Балканах и в Малой Азии не могли не повлиять на политическую ориентацию скифских царей, занявших на заключительном этапе римско-понтийских войн скорее всего нейтральную позицию.

Политическая история Крымской Скифии во второй половине I в. до н.э. скупо

⁹⁷ Пуздровский. Кримська Скіфія... С. 126; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 149–151.

⁹⁸ Молев Е.А. Ольвия под властью Понта // Проблемы исследования Ольвии. Тез. докл. и сообщений семинара. Парутино, 1985. С. 52–53. Ср. Виноградов. Политическая история... С. 251; Сапрыкин. Понтийское царство. С. 137–138. Упоминание сарматов царских и языгов вместе с бастарнами (App. Mithr. 69) позволяет с первыми отождествить «сарматов» Плутарха.

⁹⁹ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 71–72. Возможно, эта победа отражена в нимфейской надписи на базе статуи Митридата (Сапрыкин. Понтийское царство. С. 149–151). Не являются ли упомянутые в эпизоде с Неоптолемом «варвары» сатархами-аспургианами?

¹⁰⁰ Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 219, 221, 237–238; он же. Понтийское царство. С. 136.

¹⁰¹ Кутайсов, Уженцев. Калос Лимен... С. 55.

¹⁰² Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 134.

¹⁰³ Пуздровский. Кримська Скіфія... С. 126. Ср. Сапрыкин. Гераклея Понтийская... С. 221; он же. Понтийское царство. С. 148. Прим. 50.

¹⁰⁴ Ср. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1992.

освещена источниками. Известно лишь, что Фарнак в борьбе с Асандром и при захвате Феодосии и Пантикапея опирался на какие-то воинские контингенты скифов и сарматов (App. Mithr. 120). Придя к власти, Асандр развернул бурную деятельность по укреплению западных и восточных границ государства. С его именем связывается грандиозная фортификационная линия на одном из Крымских перешейков – «стена Асандра» (Strabo. VII. 4. 6)¹⁰⁵; наиболее вероятно, что это остатки древнего вала и рва, проходящего от Казантипского залива до оз. Узунлар¹⁰⁶. Такая локализация соответствует топографии боспорских поселений, возникших в Восточном Крыму в период деятельности Асандра. Они располагались к востоку от Узунларского вала¹⁰⁷. Ко времени правления этого царя относится создание Фанталовского укрепленного района, а также цитадели Пантикапея¹⁰⁸. Для охраны границы использовались военные поселенцы, среди которых было немало выходцев из сарматских племен¹⁰⁹. Основой политики царя было стремление к стабильному положению Боспорского государства, находившегося в окружении варваров.

Херсонес, как и большая часть Крымского полуострова, состоял под опекой Боспора (Strabo. VII. 4. 3. 5. 7). Во второй половине I в. до н.э. окончательно сформировались четыре этногеографические области Крымской Скифии: Северо-Западная, Юго-Западная, Центральная и Юго-Восточный Крым, каждая из которых, вероятно, управлялась своими правителями, находившимися в политической зависимости от Боспора. Для рассматриваемого периода характерны определенные этнодемографические изменения, возможно, вызванные перемещением в Крым части жителей Нижнего Поднепровья и сопредельных территорий, основу которых составляли скифо-фракийские и греко-варварские земледельческие контингенты из округа Ольвии, спасавшиеся от гетского разгрома. Инновации прослеживаются прежде всего в лепном керамическом комплексе, строительной технике и системе застройки поселений; в некрополях получают распространение большие земляные склепы с многоярусными захоронениями. Возможно, именно эта этническая ситуация отражена Страбоном в отрывке о «георгах» (VII. 4. 6)¹¹⁰. Не исключено, что многие «позднескифские» элементы в культуре Боспора¹¹¹ связаны с продвижением на восток населения из западных районов Причерноморья. Однако сходство с памятниками Крымской Скифии объясняется также постоянной инфильтрацией на запад через территорию Боспора сармато-меотского населения¹¹².

В рассматриваемое время Боспор начинает осваивать морское побережье к юго-западу от Феодосии, свидетельством чему является возведение Кутлакской кре-

¹⁰⁵ Бабков И.И. К вопросу о местонахождении Асандрова вала // ИАДК. Киев, 1957. С. 282–291; Ольховский. Население Крыма... С. 61–63; Вдовиченко И.И., Колтухов С.Г. Древние укрепления Северного Крыма // ВДИ. 1986. № 2. С. 149.

¹⁰⁶ Мосейчук Б.С. Аккосов вал // КСИА. 1983. 174. С. 74–77; Масленников. Исследование сельской территории... С. 63–65.

¹⁰⁷ Шульц П.Н. Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // ИАДК. 1957. С. 62. Рис. 1; Кругликова. Сельское хозяйство Боспора. С. 255. Рис. 102; Масленников. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. С. 119. Прим. 67; *он же*. Еволюція організації сільської території Боспору // Археологія. 1992. № 2. С. 82–83; *он же*. Исследование сельской территории... С. 65.

¹⁰⁸ Сокольский. Таманский толос... С. 106–108; Толстиков В.П. Фанталівський укріплений район в історії Боспорського царства // Археологія. 1989. № 1. С. 57.

¹⁰⁹ Масленников. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. С. 74; *ср. он же*. Население Боспорского государства в первых веках н.э. М., 1990. С. 97.

¹¹⁰ Цит. по: Столба. Демографическая ситуация в Крыму... С. 58.

¹¹¹ Масленников. Население Боспорского государства в первых веках н.э. С. 88–98, 107, 141, 205; *он же*. Исследование сельской территории... С. 62, 67.

¹¹² Хотя А.А. Масленников сомневается в том, что «...Боспор в I в. н.э. и даже в I в. до н.э. был "проходным двором" между Крымом и Кавказом» (Население Боспорского государства в первых веках н.э. С. 95), но, тем не менее, связи позднескифской культуры с сарматскими памятниками азиатского Боспора очевидны.

пости¹¹³, а также активные действия против пиратов¹¹⁴. Основная задача этих устремлений – подчинить Херсонес, для чего Асандр, возможно, пытался совершить в городе государственный переворот¹¹⁵. Последнее предположение основано на признании в качестве достоверного источника рассказа Константина Багрянородного о Гикии (Const. Porph. De adm. imp. 53) и получило поддержку исследователей¹¹⁶. Для уточнения времени этих событий может послужить херсонесский декрет в честь неизвестного гражданина (IOSPE I². 355), который В.И. Кадеев предложил датировать 29–23 гг. до н.э.¹¹⁷ В нем содержатся сведения об острой политической борьбе, в результате которой власть в городе перешла к тирану, имевшему связь с варварами. После изгнания тиран был вскоре призван в город и двинулся против него с войском. Лишь случайный захват детей тирана заставил его пойти на уступки¹¹⁸. Сопоставляя декрет и данные Константина Багрянородного, можно предположить, что этим тираном был ставленник Асандра, а упоминание о варварах и войске можно рассматривать как свидетельство военно-политического союза Асандра и правителей Крымской Скифии, имевшего антихерсонесскую направленность. Освобождение Херсонеса от посягательств Боспора могло быть впоследствии отмечено принятием особой эры. Не исключено, что после событий в Херсонесе Рим предпринял несколько дипломатических акций против Боспора, закончившихся отстранением Асандра от власти и вручением царства Динамии, о чем свидетельствует выпуск ее статов в 21/20 г. до н.э.¹¹⁹

При Августе в Рим прибывали послы бастарнов и скифов, а также царей сарматов, живших по обе стороны Танаиса, с просьбой о дружбе (RGDA. 31. 2). Судя по географическому перечислению народов с запада на восток и политической ситуации, это, вероятнее всего, были «скифы» Северо-Западного Причерноморья. Такая миссия, очевидно, была связана с действиями римских войск на Дунае в 10–11 гг. н.э. против даков и сарматов (Dio Cass. LIV. 20. 3; LV. 30. 3; Flor. II. 28. 29. 34)¹²⁰.

Каковы были взаимоотношения Позднескифского царства с Боспором и Херсонесом в конце I в. до н.э. – начале I в. н.э., неизвестно, хотя их ориентация на Рим не могла не вызвать изменений в расстановке политических сил¹²¹. Главной задачей Римской империи в регионе по-прежнему оставалось не допустить значительного усиления ни одного из государственных образований, в связи с чем Риму пришлось вести длительную борьбу на Боспоре, действуя через своих ставленников (Dio Cass. LIV. 24; Strabo. XI. 2. 11; XII. 3. 29)¹²². Активное сопротивление проримской политике, направленной на уничтожение сложившейся при Митридатe VI и Асандре системе земле-

¹¹³ Ланцов С.Б. Кутлакская крепость второй половины I в. до РХ – начала I в. // Археология Крыма. 1997. № 1. С. 69–79.

¹¹⁴ Гайдукевич. Боспорское царство. С. 314.

¹¹⁵ Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 75–76.

¹¹⁶ Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 1. С. 48–57; Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 118–129.

¹¹⁷ Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 15; ср. Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 78. М.И. Ростовцев (Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. № 63. С. 18) со ссылкой на В.В. Латышева указывал на сходство шрифта этой надписи с декретом в честь Г. Юлия Сатира (IOSPE. I². 691).

¹¹⁸ Гриневиц К.Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 230.

¹¹⁹ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 78; Сапрыкин С.Ю. Уникальный статов боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204–207; он же. Понтийское царство. С. 314–315; ср. Карышковский П.О., Фролова Н.А. К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 89–100.

¹²⁰ Ср. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990. С. 104.

¹²¹ Гайдукевич. Боспорское царство. С. 317–318; Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 76–77.

¹²² Из последних работ см. Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 134–163; Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130–139; Сапрыкин С.Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов // ВДИ. 1993. № 2. С. 34–43; он же. Понтийское царство. С. 314–327; Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. VI. С. 158–167.

владения и внутреннего управления, оказало варварское население европейского и азиатского Боспора, прежде всего аспургиане, сарматы по происхождению¹²³.

С воцарением Аспурга, права которого были узаконены Тиберием в 14/15 г., и подавлением им выступлений в некоторых частях государства¹²⁴ завершается «темный период» династической истории Боспора, хотя еще остается нерешенным окончательно вопрос о родственниках этого царя с предыдущими правителями¹²⁵. В надписях Аспурга вновь появляется перечисление подвластных ему местностей и племен, столь характерное в титулатуре Спартокидов¹²⁶, а среди покоренных им народов названы скифы и тавры (КБН. 39, 40); это позволило исследователям предполагать, что этот боспорский царь совершил поход в Неаполь, оккупировав значительную часть Таврики¹²⁷. Сравнительный анализ эпиграфических источников показал, что подчинение скифов и тавров произошло между 16/17 и 23 гг. н.э.¹²⁸ О важности победы Аспурга для расстановки политических сил на полуострове¹²⁹ свидетельствуют надпись из Херсонеса (IOSPE I². 573) посвященного (?) характера с упоминанием Аспурга, а также возведение на Боспоре храма или портика с посвящением ему на архитраве (КБН. 39). Поход Аспурга, вероятно, был санкционирован Римом для приведения Крымской Скифии в состояние политической зависимости от Боспора и защиты Херсонеса от появившихся в Юго-Западном Крыму на рубеже новой эры сарматских отрядов, о чем свидетельствуют впускные захоронения кургана у Братского кладбища близ г. Севастополя и самые ранние подбойные могилы Усть-Альминского и Кольчугинского некрополей¹³⁰.

В своей внешней и внутренней политике Аспург опирался на военные контингенты верных ему сарматских племен¹³¹, однако не менее интересны его родственные связи с фракийским царским домом¹³². После смерти Аспурга в 37/38 г. н.э. правительницей Боспора становится его жена – фракиянка Гелепирия. Ее недолгое пребывание у власти ознаменовалось выпуском золотых статеров с монограммой, а также медных

¹²³ Сокольский. Крепость аспургиан... С. 28; Сапрыкин. Аспургиане. С. 65–78; он же. Понтийское царство. С. 318–319; Десятчиков. Сарматы... С. 79.

¹²⁴ Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1965. № 2. С. 197–209; она же. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28–37; Анохин. Монетное дело Боспора. С. 93–94.

¹²⁵ Сопова. Правление Асандра. С. 65–66; Яйленко. Династическая история... С. 164–173.

¹²⁶ Яйленко. Династическая история... С. 186.

¹²⁷ Гайдукевич. Боспорское царство. С. 323–324; Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – II в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 114–115. В.П. Яйленко полагает, что в надписях идет речь о скифах европейского Боспора (Династическая история... С. 168). Археологическим подтверждением похода являются пожары первой четверти I в. н.э. в Неаполе Скифском и на городище Кара-Тобе (Колтухов. Новые материалы... С. 187; он же. Заметки... С. 217–218; Внуков С.Ю. Новые данные об истории Северо-Западного Крыма (По результатам раскопок последних лет) // Археология Крыма. 1997. № 2. С. 41–46.

¹²⁸ КБН. 39, 985; Блаватская. Рескрипты... С. 197–209.

¹²⁹ Д.С. Раевский (К истории... С. 117–119) на основе надписи из Неаполя (IOSPE I². 669) предполагал боспорское происхождение новой династии позднескифских царей, что вызвало возражения исследователей (Соломоник. Сравнительный анализ... С. 61. Прим. 37; Карышковский П.О. О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 78). Ю.Г. Виноградов, напротив, поддержал Д.С. Раевского (Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 154–155). Хочу обратить внимание на значительные отличия, а не сходство в палеографии неапольской надписи с фрагментом из Херсонеса (IOSPE I². 573). Кроме того, по шрифту и морфологическим особенностям, а также по месту находки два обломка из Неаполя (IOSPE I². 669; 673) скорее всего составляют один документ, датируемый, как и другие эпиграфические памятники Неаполя, эллинистическим временем (Зайцев. Южный дворец... С. 45. Рис. 8, 6, 7). В начале I в. н.э. постройки Южного дворца и район главной городской площади были заброшены (Зайцев. Хронология Неаполя Скифского... С. 80, 81).

¹³⁰ Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. Киев, 1972. С. 71. Рис. 33, 1–5, 7 (вклейка); Храпунов И.Н., Мисякин В.В., Мульд С.А. Позднескифский могильник у с. Кольчугино // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. I. Симферополь, 1997. С. 124, 125; Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Охранные раскопки Усть-Альминского могильника // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 228. Несколько таких захоронений открыто в 1995 г.

¹³¹ Гайдукевич. Боспорское царство. С. 313, 317; Пуздровский. Кримська Скіфія... С. 129.

¹³² Гайдукевич. Боспорское царство. С. 317, 324; Яйленко. Династическая история... С. 169–171.

монет с ее именем и титулом¹³³, что говорит о независимой политике, проводимой ею. Об этом может свидетельствовать находка в Неаполе Скифском серебряной тарелки – собственности Гепепирии и, как предполагают, дар царицы во время переговоров со скифами¹³⁴. На основании собственного чтения херсонесской надписи (IOSPE I². 419) Ю.Г. Виноградов считает, что этот дар «скифо-сарматскому вассалу» был связан с просьбой об оказании военной помощи в борьбе с Полемоном II¹³⁵. Однако такая реконструкция событий не согласуется с родственными связями Полемона и Гепепирии, поскольку они были братом и сестрой и воспитаны в проримском духе. Выпуск золотых статов 39/40 г. н.э. Митридатом III с портретом Калигулы на лицевой стороне¹³⁶ свидетельствует о его признании Римом¹³⁷. Исходя из этого трудно представить участие римско-понтийско-херсонесских войск в несостоявшемся утверждении в Пантикапее Полемона II. Ситуация изменилась, когда Гепепирии пришлось отправить Котиса с тайной миссией в Рим (Dio Cass. XXVIII. 7)¹³⁸ с целью устранения от власти своенравного и настроенного антиримски Митридата III. В этом случае херсонесский вспомогательный отряд вместе с Полемоном и войсками наместника Мезии А. Дидия Галла¹³⁹ мог участвовать в войне против Митридата III, тем более что действия римских войск преследовали цель установления контроля над регионом¹⁴⁰. В пользу возможного участия понтийских и херсонесских отрядов в событиях на Боспоре свидетельствует присутствие там когорт Г. Юлия Аквилы, дислоцировавшихся в Малой Азии¹⁴¹, а также упоминание о гибели от рук тавров при возвращении войск морем не только начальника когорты, но и большинства людей вспомогательного отряда (Тас. Ann. XII. 17).

Окончание первого этапа римско-боспорской войны совпадает с превращением в 46 г. н.э. Фракии в римскую провинцию, что явилось следствием политики Калигулы и Клавдия на Балканах, выразившейся в наделении представителей фракийского царствующего дома уделами в различных частях циркумпонтийского региона (Dio Cass. LIX. 12. 2; LX. 8. 2; Тас. Hist. III. 47). Такое решение могло серьезно изменить позицию Гепепирии, вероятно, мечтавшей вновь занять боспорский престол, ибо новый правитель государства был молодым и неопытным (Тас. Ann. XII. 15). В этом случае Гепепирия могла обратиться за помощью в столицу крымских скифов с целью привлечь послед-

¹³³ Фролова Н.А. О времени правления Гепепирии и Митридата III // ВДИ. 1977. № 3. С. 166–174; Анохин. Монетное дело Боспора. С. 95–96. Табл. 12, 326.

¹³⁴ Яценко И.В. Тарелка царицы Гепепирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 101–113. Существует мнение, что тарелка Гепепирии «могла попасть в Неаполь гораздо позже и вне всякой связи с ее деятельностью» (Алексеев В.П., Коцневский А.С. Херсонесская надчеканка на монете Боспорского царства // НАП. 1982. С. 43–44), что вполне резонно, поскольку она найдена в слое разрушения III в. н.э. (Раевский Д.С. Комплекс краснолаковой керамики из Неаполя // Ежегодник ГИМ 1965–1966 гг. М., 1970. С. 91–105).

¹³⁵ Виноградов. Полемон, Херсонес и Рим. С. 139; ср. Сапрыкин. Из истории... С. 34–43; Яйленко. Династическая история... С. 175; Сидоренко В.А. Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангулом // МАИЭТ. 1996. V. С. 41–42.

¹³⁶ Фролова. О времени правления... С. 172–174. Рис. 1, 9(10), 11, 12; Анохин. Монетное дело Боспора... С. 96, 97, 151. Табл. 12, 327.

¹³⁷ Сапрыкин. Из истории... С. 37–39.

¹³⁸ Яйленко. Династическая история... С. 179, 180. Прим. 149, 150.

¹³⁹ Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 20. Надо полагать, что надпись с перечислением заслуг чествуемого (IOSPE I². 419) была поставлена через некоторое время после описанных в ней событий, например, в 49/50 г. н.э. (после окончания войны), когда титул Полемона был твердо засвидетельствован (см. Сапрыкин. Из истории... С. 39).

¹⁴⁰ Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 60–63.

¹⁴¹ Кадеев. Херсонес Таврический... С. 19; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 21. В.М. Зубарь и А.В. Шмалько предполагали возможность участия Полемона II в римско-боспорской войне, но не привлекли в качестве основного аргумента рассматриваемую надпись (Римско-боспорская война и Херсонес // Древности Степного Причерноморья и Крыма. IV. Запорожье, 1993. С. 225–229). Ср. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 35.

них к борьбе за трон. Результаты этого предполагаемого посольства остаются неизвестными. О самой же Гелепирии сведений нет, за исключением одного типа медных монет Котиса с ее монограммой рядом с посмертным (?) изображением¹⁴².

Римско-боспорская война (Тас. Апп. XII. 15–21; Plin. VI. 5. 16), вовлекшая в конфликт многие племенные группировки Северного Причерноморья, не могла обойти стороной и Крымскую Скифию. Для подавления сторонников Митридата Котис и Г. Юлий Аквила привлекли на свою сторону аорсов (Тас. Апп. XII. 15), которые располагались в это время между Доном и Днепром (Mela. II. 2). После разгрома мятежников римские войска возвращались морем вдоль южного и западного берегов Крыма, через Херсонес, выступивший, как предполагается, против Митридата¹⁴³. Прибрежные скифские поселения Западного Крыма (Усть-Альминское, Беляус, Южно-Донузлавское, Чайка и др.) в середине I в. н.э. серьезно пострадали от пожаров и разрушений¹⁴⁴, что привело к значительному сокращению численности их жителей к концу столетия. Анализ опубликованных материалов показывает, что эти события произошли не позже второй четверти I в. н.э., поэтому вряд ли они связаны с походом Т. Плавтия Сильвана (см. ниже)¹⁴⁵. Изменившаяся расстановка сил в кочевом мире Северного Причерноморья после поражения сираков и ориентация Рима на новых союзников (Тас. Апп. XII. 15, 16, 19, 20) позволяют предположить, что по скифским поселениям в Западном Крыму был нанесен превентивный удар с высадкой морского десанта и участием конницы аорсов. Такая мера могла быть вызвана антиримской позицией позднескифских правителей, связанных по происхождению с сарматским населением азиатского Боспора¹⁴⁶.

В связи с этим нельзя обойти вниманием и вопрос о царе Фарзое. В свое время В.А. Анохин предположил, что Фарзой участвовал в римско-боспорской войне на стороне Рима и получил право чеканки золотой монеты¹⁴⁷. В последнее время почти ни у кого нет сомнений, что Фарзой был царем одной из сарматских группировок¹⁴⁸, однако его этническое происхождение и взаимоотношения с Римом и Ольвией вызывают разногласия¹⁴⁹. К сожалению, фрагментарность найденного под Мангутом ольвийского

¹⁴² Карышковский П.И. Боспор и Рим в I в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1953. № 3. С. 182. Табл. I, 16, 17; Фролова Н.А. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга // Труды ГИМ. 1977. № 49. Ч. 5. Вып. 2. С. 222. № 1–2. Табл. 18, 10–12.

¹⁴³ Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 77–78; он же. Монеты античных городов... С. 62.

¹⁴⁴ Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // КСИА. 1967. 109. С. 65; Яценко И.В. Исследование сооружений скифского периода на городище «Чайка» в Евпатории (1964–1967 гг.) // КСИА. 1970. 124. С. 36; она же. Северный квартал I скифского поселения на Чайкинском городище в Евпатории (По материалу раскопок 1974–1975 гг.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 52–65; Михлин Б.Ю. Фибулы Беляусского могильника // СА. 1980. № 0. С. 211; Попова Е.А. Юго-Западный квартал скифского поселения у санатория «Чайка» близ Евпатории // Памятники железного века в окрестностях Евпатории. М., 1991. С. 71; она же. Здание типа мегарон позднескифского городища «Чайка» // ВМГУ. 1996. № 1. Сер. 8, история. С. 71–81.

¹⁴⁵ Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. № 63. С. 23–24. Отсутствие монет не позволяет датировать эти комплексы точнее, чем первая половина I в. н.э. Показательно, что после пожаров и разрушений на городище Кара-Тобе в первой четверти столетия, связанных с походом Аспурга, жизнь на нем возобновляется (Внуков. Новые данные... С. 41–46).

¹⁴⁶ Виноградов. Очерк... С. 155.

¹⁴⁷ Анохин В.А. К вопросу об ольвийской эре // НСФ. 1971. 4. С. 90–91.

¹⁴⁸ Ср. Храпунов И.Н. До соціально-політичної характеристики пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 1. С. 89, 92. Прим. 51.

¹⁴⁹ Симоненко А.В. Фарзой и Инисмей – аорсы или аланы? // ВДИ. 1992. № 3. С. 148–162; Виноградов. Очерк... С. 166–169; Шукин М.Б. Две реплики: о Фарзое и надписи из Мангупа, о царе Артавасде и погребении в Косике // ВДИ. 1995. № 4. С. 175–179; Пуздровський. Кримська Скіфія... С. 130; Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993. С. 146–147. Царство Фарзоя, локализуемое еще П.О. Карышковским в Северо-Западном Причерноморье (О монетах царя Фарзоя // Археологические памятники Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1982. С. 76–77), А.С. Русева размещает в Крымской Скифии и на Ахилловом Дроме, а столицу – в Неаполе, полагая, что Фарзой был царем сираков (Ольвійсько-сарматські відносини у другій половині I ст. н.е. // Археологія. 1995. № 4. С. 32–34).

декрета с упоминанием посольств к «гегемонам Мезии» и «Великим царям Аорсии» не позволяет однозначно решать поставленные вопросы¹⁵⁰.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ II в. н.э.

Римско-боспорская война явилась катализатором новых этнических подвижек кочевого населения. В Прикубанье и Восточном Приазовье во второй половине I – начале II в. н.э. постепенно исчезают могильники «зубовско-воздвиженского» типа, принадлежащие сиракскому союзу племен, и появляются курганные могильники типа «Золотого кладбища» с катакомбными захоронениями¹⁵¹. Возможно, под давлением нового массива кочевников сираки мигрируют не только на север и юг, но и на запад, поэтому Плиний и помещает их на Ахилловом Дроме (NH IV. 83)¹⁵². На указанную территорию сираки могли пройти только через Крым, поскольку путь вокруг Меотиды был закрыт враждебными им аорсами¹⁵³.

Новый массив кочевников Северного Причерноморья связывается с раннеаланскими племенами, продвинувшимися из закаспийских степей и Средней Азии¹⁵⁴. Складывавшийся во второй половине I в. н.э. в Подонье и на Северном Кавказе аланский союз племен периодически совершал рейды в Подунавье с целью грабежа римских провинций. Именно в это время их этникон зафиксирован Сенекой (Thyestes. 629. 630), а Плиний сообщает об обитании алан к северу от Истра рядом с роксоланами (NH. IV. 80). Во время таких набегов в руках у предводителей их отрядов

¹⁵⁰ Мнение о тирании Митридата в Ольвии (*Сидоренко*. Фрагмент декрета... С. 57–58) основано на прочтении надписи IOSPE I². 38, и при этом не учитывается точка зрения С.Ю. Сапрыкина (К ольвийской надписи (IOSPE I². 38) // ВДИ. 1988. № 1. С. 147–155), отрицающая саму возможность упоминания в документе имени боспорского царя. Автор предлагает иную дату – рубеж I–II или первая половина II в. н.э. Предположение о тирании Митридата в Херсонесе (IOSPE I². 355) наталкивается на передатировку этого документа В.И. Кадеевым – 29–23 гг. до н.э. (Херсонес Таврический... С. 15). Вряд ли, затратив огромные ресурсы на войну, которая привела к контролю над Боспором и Херсонесом, Рим оставил в стороне Ольвию и терпел «зру Митридата». Более обоснована точка зрения В.А. Анохина: полис принял новую эру после первого этапа римско-боспорской войны, а после ее окончания Фарзой получил право чеканить золотую монету. Исследователь указал и на вероятное общее происхождение исходного материала золотых статоров Котиса 342-г. п.э. = 45/46 г. н.э. и ранних эмиссий Фарзоя, выпущенных с превышением веса (Монеты античных городов... С. 62–70; ср. *Зубарь*. Северный Понт... С. 35, 36). Рим признавал царство Фарзоя с целью обеспечения надежной обороны стратегических пунктов, прежде всего Ольвии, и коммуникаций в Северо-Западном Причерноморье (ср. *Карышковский П.О.* Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 23–24; *Шукин М.Б.* Царство Фарзоя. Эпизод из истории Северного Причерноморья // СГЭ. 1982. 47. С. 35–38).

¹⁵¹ *Гуцина И.И., Засецкая И.П.* Погребения зубовско-воздвиженского типа из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – I в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 71–141; *они же*. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994; *Шевченко Н.Ф.* Сарматы в Восточном Приазовье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов). Материалы II археологического семинара. Новочеркасск, 1989. С. 140–147; *Скрипкин*. Азиатская Сарматия. С. 209–215; *Шукин М.Б.* Некоторые замечания к вопросу о хронологии зубовско-воздвиженской группы и проблеме ранних алан // Античная цивилизация и античный мир. Материалы III археологического семинара. Ч. I. Новочеркасск, 1992. С. 103–121; *Раев, Яценко*. О времени первого появления аланов... С. 111–121; *Берлизов Н.Е.* О хронологии и толковании подкурганых катакомб сарматского времени в Степном Прикубанье и Ставрополье // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1993. С. 126–130; *Берлизов Н.Е., Каминский В.Н.* Аланы, Кангюй и Давань // ПАВ. 1993. № 7. С. 94–109; *Берлизов Н.Е., Каминская И.В., Каминский В.Н.* Сарматские памятники Восточного Закубанья. Хронология и хронография // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Армавир – Москва, 1995. С. 120–131; *Берлизов Н.Е.* Аланы – скифы // Там же. Вып. 2. 1996. С. 105–115.

¹⁵² *Скржинская*. Северное Причерноморье... С. 45;

¹⁵³ *Мачинский*. Некоторые проблемы... С. 128–132; *Шукин М.Б.* Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной и Восточной Европе // СА. 1989. № 1. С. 75, 79. Рис. 3.

¹⁵⁴ *Скрипкин*. Азиатская Сарматия. С. 204–211; *Шукин*. Сарматы... С. 78–79; *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе в середине I – середине IV в. н.э. (локализация и политическая история) // ПАВ. 1993. № 6. С. 83–86.

оказывались предметы роскоши и античной утвари, находимые в захоронениях¹⁵⁵. Вполне вероятно, что предводители алан упомянуты в элогии Т. Плавтия Сильвана (CIL XIV. 3608) как прежде неведомые и враждебные римскому народу цари, которых легат Мезии заставил склониться перед своими знаменами. Эти «враги» захватили в плен ближайших родственников предводителей бастарнов, даков и роксоланов, свободу которым даровал Т. Плавтий Сильван. Экспансия аланских племен в Северо-Западное Причерноморье привела к значительным подвижкам племен, о чем свидетельствует переселение в Мезию из-за Дуная более ста тысяч человек (CIL XIV. 3608). Активность кочевников в регионе серьезно беспокоила римскую администрацию, поэтому предполагаемая экспедиция Т. Плавтия Сильвана в Таврику в 63 г. н.э. преследовала цель не только помочь Херсонесу, осажденному царем скифов, но и нейтрализовать аланов¹⁵⁶. О тяжелом положении города свидетельствует упоминание в надписи этого времени посольства к наместнику Мезии (IOSPE I². 420). Еще один почетный декрет (IOSPE I². 369), который обычно связывают с деятельностью Т. Плавтия Сильвана¹⁵⁷, перечисляет врагов, напавших на хору Херсонеса на Гераклейском полуострове. М.И. Ростовцев этот отрывок дополнил так: «... (скифов) и савроматов и (их союзников)»¹⁵⁸. В последних Э.И. Соломоник видит тавров, что маловероятно, поскольку, как она сама отмечает, речь идет о нападении (налете) большого конного войска¹⁵⁹. В любом случае союз скифов с сарматами и их союзниками (сираками?) привел к осаде города, когда ситуация действительно напоминала события конца II в. до н.э.¹⁶⁰

Оценка похода Т. Плавтия Сильвана и его последствий для Крымской Скифии, Херсонеса и Боспора различна¹⁶¹. В.М. Зубарь полагает, что римляне, помимо демонстрации силы и обороны Херсонеса, провели ряд сухопутных операций в прибрежных районах Западного Крыма с участием морской пехоты. Однако, как справедливо он же сам и отметил, Юго-Западный Крым и после похода оставался под контролем варварского населения¹⁶². Указание в херсонесском декрете на переговоры со «скифским» царем позволило связать с этими событиями находку на городище Кара-Тобе гипсовых слепков и трактовать их как образцы для изготовления античным тореvтом серебряной посуды для подношений¹⁶³. Последнее представляет интерес в связи с обнаружением в 1996 г. в Усть-Альминском могильнике в богатых сарматских захоронениях середины – третьей четверти I в. н.э. римской бронзовой посуды (таз, ковш, ойнохоx) и серебряного килика¹⁶⁴. Учитывая, что большинство пожаров на скифских поселениях Западного Крыма датируются временем до похода Плавтия

¹⁵⁵ Раев Б.А. Римские импортные изделия в погребениях кочевнической знати I–III вв. н.э. на Нижнем Дону: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Л., 1979; Шолов В.П. К проблеме взаимоотношений кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху // КСИА. 1974. 138. С. 60–65.

¹⁵⁶ Гриневич К.Э. Херсонес и Рим // ВДИ. 1947. № 2. С. 231–233. Источник не дает оснований считать, что поход на Херсонес осуществляется через Тиру и Ольвию с переправой через Борисфен, а Северо-Западное Причерноморье вошло на 6–7 лет в состав провинции (см. Шукин. Сарматы... С. 80). В условиях господства кочевников такое мероприятие было обречено на провал. Эти полисы могли быть использованы в качестве базы для переброски войск морем (ср. Дьяков В.Н. Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // ВДИ. 1941. № 1. С. 87–89).

¹⁵⁷ Дьяков. Оккупация Таврики... С. 91–93; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 27.

¹⁵⁸ Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Сб. ст. в честь П.С. Уваровой. М., 1916. С. 14. Можно дополнить и так: ...[скифов] и савроматов и [сираков]...

¹⁵⁹ Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 9–10.

¹⁶⁰ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 27.

¹⁶¹ Дьяков. Оккупация Таврики... С. 92–93; Гриневич. Херсонес и Рим. С. 231–233; Репников Н.И. О характере оккупации южного берега Крыма // СА. 1941. VII. С. 122–123; Шолов Д.Б. Римляне в Северном Причерноморье во II в. н.э. // ВДИ. 1981. № 4. С. 53–55; Зубар. Про поход... С. 23–24.

¹⁶² Зубар. Про поход... С. 19–27; он же. Херсонес Таврический... С. 27–29.

¹⁶³ Внуков С.Ю., Коваленко С.А., Трейстер М.Ю. Гипсовые слепки из Кара-Тобе // ВДИ. 1990. № 2. С. 118–119.

¹⁶⁴ Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Лобода И.И. Погребения сарматской знати I в. н.э. на Усть-Альминском некрополе (По материалам раскопок 1996 г.) // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тез. докл. конф. Севастополь, 1997. С. 98–100.

Сильвана, до начала 60-х годов, то римляне скорее всего ограничились только помощью Херсонесу (снятием осады Гераклейского полуострова) и переговорами со «скифским» царем¹⁶⁵.

В сложившейся ситуации Котис I не мог или не хотел оказать помощь Херсонесу, что, вероятно, вызвало гнев Рима. В 62 г. н.э. на статерах Котиса вместо его монограммы появляется монограмма Нерона, а в 63 г. последний вообще отменил право чеканки на Боспоре золота¹⁶⁶. Ввод римских войск в Таврику и установление контроля над стратегическими пунктами (Херсонес, Балаклава, Харакс, Боспор?) произошли, вероятно всего, в 65–66 гг. н.э. и были связаны со стремлением обезопасить переброску войск для планируемого похода Нерона на Восток¹⁶⁷, поскольку еще были свежи в памяти пиратские действия тавров (Тас. Анн. XII. 17). Для подавления активности местных племен в гарнизонах Крыма и Кавказа в середине 60-х годов I в. н.э. находилось три тысячи гоплитов, а в Черном море – сорок военных кораблей (Ios. Flav. De bell. Jud. II. 16. 4). Однако римские власти не ставили задачу территориальных захватов, поскольку для этого не было сил и инфраструктуры¹⁶⁸.

Большое количество импортных античных вещей второй половины I – начала II в. н.э. в позднескифских могильниках Юго-Западного и Центрального Крыма, а также на памятниках типа «Золотого кладбища» в Прикубанье может свидетельствовать об активизации торговых связей между римскими провинциями и странами Востока, прежде всего Индией и Китаем. Рим упорно искал новые торговые пути для получения восточных товаров в обход Парфии. Имея в виду известие о прибытии к Августу послов из Индии, а также скифов, сарматов, албанцев, иберов и мидийцев (RGDA. 31) и обнаружении костей верблюдов в Неаполе Скифском, на Южно-Донузлавском городище, Чайке, а также изображение этого животного на бронзовом навершии из некрополя Керкинитиды исследователи высказали предположение о том, что караваны с восточными товарами доходили до Центрального и Северо-Западного Крыма¹⁶⁹. Подтверждением этого явилось обнаружение в 1996 г. в Усть-Альминском могильнике в богатом сарматском захоронении середины – третьей четверти I в. н.э. (склеп № 620), наряду с другими предметами восточного и западного производства, китайской лаковой шкатулки с росписью в виде геометрических орнаментов и фигурок животных. Внутри нее находилась еще одна миниатюрная шкатулка, в центре которой изображена «танцующая» фигурка с тонкой «косичкой» на голове. Остатки аналогичного лакового покрытия с орнаментом обнаружены еще в трех склепах с богатым инвентарем, что позволяет предположить поступление целой партии таких предметов в этот крупнейший приморский центр Крымской Скифии¹⁷⁰. Китайские товары могли попадать в Северное Причерноморье по Великому шелковому пути как через Закавказье и Закаспий, так и по северному пути. Последний связывал Китай через Восточный Туркестан, закаспийские степи и низовья Дона с дунайскими провинциями Рима, а через Прикубанье и кавказские перевалы – с восточноримскими провинциями¹⁷¹. Указание Страбона о том, что верхние аорсы «вели караванную торговлю на верблюдах индийскими и вавилонскими товарами, получая их в обмен от армян и мидийцев» (XI. 5. 8), часто по-

¹⁶⁵ Соломоник. Граффити... С. 10.

¹⁶⁶ Анохин. Монетное дело Боспора. С. 97.

¹⁶⁷ Кадеев. Херсонес Таврический... С. 21–22; Зубарь В.М., Костромичева Т.И. Новый ауреус из окрестностей Херсонеса // КСИА. 1990. 197. С. 83–85; ср. Шмалько А.В. Восточный поход Нерона // Античный мир и археология. Вып. 8. Саратов, 1990. С. 84–92.

¹⁶⁸ Репников. О характере римской оккупации... С. 123; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 30.

¹⁶⁹ Высотская. Неаполь... С. 97; Павленков В.И. Скифы Северо-Западного Крыма в системе «Великого шелкового пути» // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. Ч. I. Симферополь, 1991. С. 90–92.

¹⁷⁰ Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Меньшикова М.Л. Китайская шкатулка в комплексе I в. н.э. из Усть-Альминского могильника. Доклад на конф. «Великий шелковый путь на рубеже тысячелетий». Судак, сентябрь 1997 г. Анализ ткани одежды из мужского погребения (2) склепа № 620 показал, что она представляла собой шелк, окрашенный в нити пурпуром.

¹⁷¹ Лубо-Лесниченко Е.И. Великий шелковый путь // ВИ. 1985. № 9. С. 93–94; Берлизов Н.Е. Сарматы на Великом шелковом пути // Античная цивилизация и варварский мир. Ч. II. Новочеркасск, 1992. С. 32–35.

нимается как осуществление сарматами самостоятельной транзитной¹⁷² или посреднической меновой торговли¹⁷³. Ю.Г. Виноградов полагал, и в этом его поддержал В.К. Гугуев, что дословный перевод отрывка свидетельствует лишь о конвоировании аорсами караванов за мзду¹⁷⁴. По мнению Н.Е. Берлизова, сарматы брали с китайских купцов натуральную плату за пропуск караванов через свои территории в обе стороны и их охрану в пути товарами как восточного, так и западного происхождения¹⁷⁵. Последние находки в Усть-Альминском могильнике подтверждают значение городища и его гавани как центра международной торговли¹⁷⁶.

Смерть Нерона в 68 г. н.э. и социально-политический кризис в Риме временно ослабили римский контроль над регионом, однако при Веспасиане в Херсонесе была установлена статуя легату Мезии Сексту Веттулену Керялису (IOSPE I². 421), а при Домициане – легату Нижней Мезии Сексту Фронтону (IOSPE I². 422), что может служить предположением о наличии в городе в тот период небольших гарнизонов римских войск¹⁷⁷. О римском присутствии на западном побережье в конце 70-х – начале 80-х годов н.э. свидетельствует находка на пересыпи Сакского озера, близ стратегически важного позднескифского городища Кара-Тобе, клада денариев легионного происхождения¹⁷⁸. Зарытие клада могло произойти в правление Тита или Домициана, когда большая часть римских подразделений была выведена из Таврики для усиления Мезийской армии¹⁷⁹. Полагают, что в это время обеспечение охраны интересов Рима в Таврике, включая Херсонес, было поручено боспорскому царю Рескупориду¹⁸⁰, на что указывают золотые статеры 80/81 г. н.э. с его портретом и развернутым титулом¹⁸¹. О его победах над варварами сообщают выпуски медных сестерциев с изображением на лицевой стороне царя, поставившего ногу на пленника, пленника на коленях и трофея, а на оборотной – городских ворот с башнями и конной статуей над аркой, Нике, венка, бюстов царя и царицы¹⁸².

В начале правления Савромата I (93/94–123/124) возросла активность местных, главным образом сарматских племен в северопричерноморском регионе, что привело к необходимости усиления оборонительных рубежей европейского Боспора¹⁸³. Под нажимом Рима Савромат I совершил против скифов ряд успешных военных операций (КБН. 32, 981), отмеченных монетными выпусками с изображением Нике в венке на лицевой стороне, а на оборотной – городских ворот с башнями и стоящего на коленях

¹⁷² Мошкова М.Г. Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 208.

¹⁷³ Лукьянко С.И. О караванной торговле аорсов // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 164; Симоненко, Лобай. Сарматы... С. 80.

¹⁷⁴ Гугуев К.В. Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 4. С. 127.

¹⁷⁵ Берлизов. Сарматы... С. 33–34.

¹⁷⁶ Высотская. Усть-Альминское городище... С. 46, 92, 138–140, 144, 145.

¹⁷⁷ Кадеев. Херсонес Таврический... С. 23, 24; Авдеев А.Г. О времени пребывания подразделений V Македонского легиона в Херсонесе // ВДИ. 1993. № 2. С. 116; ср. Зубарь. Херсонес Таврический... С. 29–30.

¹⁷⁸ Гилевич А.М. Прибрежный клад римских монет // НЭ. 1965. V. С. 103–111. Топография находки указывает, что клад связан со святилищем (Ланцов С.Б. Позднеантичное святилище на Сакской пересыпи // Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988. С. 249–250) и римским военным постом рядом с ним (Зубарь. Херсонес Таврический... С. 75. Прим. 2).

¹⁷⁹ Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. 19. С. 259. Прим. 7, 8; Гилевич. Прибрежный клад... С. 107; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 29.

¹⁸⁰ Гриневич. Херсонес и Рим. С. 233; Гайдукевич. Боспорское царство. С. 332, 333; ср. Кадеев. Херсонес Таврический... С. 24.

¹⁸¹ Анохин. Монетное дело Боспора. С. 100, 153. Табл. 13, 360. Показательно, что этим же годом датируются последние серебряные денарии Иненсимея, чеканенные в Ольвии (он же. Монеты античных городов... С. 70, 113. Табл. XXII, 369), а Херсонес после значительного перерыва выпускает золотые монеты в 80 и 85 гг. (он же. Монетное дело Херсонеса... С. 66, 150. Табл. XV, 228, 233).

¹⁸² Он же. Монетное дело Боспора. С. 101, 154. Табл. 14, 379–382.

¹⁸³ Толстіков. Фанталівський укріпленний район... С. 60.

пленника¹⁸⁴. А.А. Масленников считает, что на монетах изображены городские ворота Неаполя Скифского¹⁸⁵. По мнению Н.А. Фроловой и В.П. Толстикова, в 102/103–108/109 гг., когда римские войска вели напряженные войны в Дакии, Савромат I проводил независимую политику, опираясь на союзные сарматские племена, часть которых сражалась на стороне Децебала. За это римляне якобы уничтожили укрепления Фанталовского полуострова, а сам царь был вынужден повторно просить императора о подтверждении своей власти¹⁸⁶. Очередное подчинение скифов (КБН. 981), таким образом, произошло либо в конце правления Траяна (109–118)¹⁸⁷, либо в начале правления Адриана (118–119), что подтверждается монетами с изображением городских ворот с башнями, почти аналогичными серии 94–96 гг.¹⁸⁸ В 116/117 г. н.э. в Херсонесе могли быть размещены подразделения V Македонского легиона¹⁸⁹. Какую-то победу над скифами в начале своего царствования (123 г. н.э.) одержал и Котис II (КБН. 33). В его правление Адриан подчинил боспорскому царю Херсонес (Fl. Trall. XV. 20; Steph. Byz., s.v. Βόσπορος)¹⁹⁰. Однако для города такая защита оказалась малоэффективной, поэтому возможно, что именно с активизацией скифов и сарматов связан ввод на рубеже 20-х – 30-х годов II в. в Херсонес и Харакс на короткое время ограниченных контингентов римских войск¹⁹¹. Но уже в 30-е годы того же столетия Херсонес подвергается новым нападениям варваров, а его оборона была возложена на наемников¹⁹².

С передвижением сарматских племен в конце I – начале II в.¹⁹³ связано запустение позднескифских поселений в Северо-Западном¹⁹⁴ и частично в Центральном Крыму¹⁹⁵. В Юго-Западном Крыму и Неаполе возрастает количество погребений с сарматскими чертами обряда¹⁹⁶. Среди них выделяется ряд воинских захоронений¹⁹⁷, вероятно,

¹⁸⁴ Эта серия датируется 94/95–95/96 гг. (Фролова Н.А. Начальные эмиссии меди Савромата I (92–123 гг. н.э.) // КСИА. 1978. 156. С. 22–26; она же. Монетное дело Боспора VI в. до н.э. – середины IV в. н.э. в свете новых исследований // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 194; Анохин. Монетное дело Боспора. С. 103, 155. Табл. 16, 416. Б.Г. Петерс (Военное дело // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 191) полагает, что на монете изображена городская стена Пантикапея.

¹⁸⁵ Масленников. Население Боспорского государства в первых веках н.э. С. 165. В.В. Назаров (Архитектурные сооружения на монетах Боспора // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев, 1986. С. 154–158) полагал, что на монетах Савромата I и Рескупориде II (I) изображена одна и та же крепость, скорее всего акрополь Пантикапея.

¹⁸⁶ Фролова Н.А. Боспор и Рим в конце I – начале II в. н.э. по нумизматическим данным // ВДИ. 1968. № 2. С. 133–143; Толстикова. Фанталовский укрепленный район... С. 61–64; ср. Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 200. Прим. 34. С.А. Яценко считает, что гибель крепостей связана с военной экспедицией алан (Аланы в Восточной Европе... С. 86); ср. Зубарь. Северный Понт... С. 64, 65.

¹⁸⁷ О победах над аланами, скифами и таврами сообщает недавно найденная в Керчи надпись (Сапрыкин. Плиний Младший... С. 202. Прим. 42).

¹⁸⁸ Фролова. Начальные эмиссии... С. 22–26; Анохин. Монетное дело Боспора. С. 105, 106, 157. Табл. 18, 461.

¹⁸⁹ Авдеев. О времени пребывания... С. 121.

¹⁹⁰ Анохин. Монетное дело Херсонеса... С. 78, 79; Кадеев. Херсонес Таврический... С. 24.

¹⁹¹ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 32–38.

¹⁹² Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г. Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. № 3. С. 127–129; Кадеев. Херсонес Таврический... С. 26–28. Прим. 14; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 38, 39.

¹⁹³ Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры Саратов, 1984. С. 114; Щукин. Сарматы... С. 80; Яценко С.А. Аланы в Восточной Европе... С. 86, 87.

¹⁹⁴ Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 135; Кутайсов, Уженцев. Калос Лимен... С. 56; Внуков, Коваленко, Трейстер. Гипсовые слепки... С. 103.

¹⁹⁵ Храпунов И.Н. О причинах гибели некоторых позднескифских поселений // МАИЭТ. Вып. I. 1990. С. 167, 168; Колтухов. Заметки... С. 219.

¹⁹⁶ Высотская. Поздние скифы... С. 98–100; Пуздровский О.Е. Сарматы в Неаполи Скифскому // Археология. 1989. № 3. С. 36.

¹⁹⁷ Карасев А.Н. Раскопки Неаполя Скифского в 1949 г. // КСИИМК. 1951. 37. С. 170; Высотская. Неаполь... С. 201–203; Орлов К.К., Скорый С.А. Комплекс с бронзовым посудом римского часу с похоронения в Центральном Крыму // Археология. 1989. № 2. С. 63–73; Пуздровский А.Е., Зайцев Ю.П., Новиков И.И.

связанных с походами боспорских царей, которые в своих военных операциях обычно использовали сарматские контингенты. Именно столкновения со скифами изображены на росписях керченских склепов I–II вв. н.э. с батальными сценами¹⁹⁸, этим же временем датируются наиболее ранние из вырубленных в скале склепов в Неаполе Скифском (№ 1 и 9) с настенной живописью. Традиция вырубать в скале погребальные сооружения была принесена в Неаполь с Боспора¹⁹⁹, а их появление связано с формированием новой скифской фамильной знати, в составе которой имелись, вероятно, сарматские и аланские элементы²⁰⁰. К первой половине II в. н.э. относится перестройка дворцового комплекса в северной части Неаполя, судя по дате росписи стен здания А, выполненной в традициях боспорских декорировок²⁰¹. Можно предположить, что на короткий период времени Крымская Скифия вновь оказалась под протекторатом Боспора, как при Аспурге. Однако в отличие от событий первой четверти I в. н.э., когда подчинение носило политический характер, освоение завоеванных территорий осуществлялось с помощью военных поселенцев – из числа сарматов²⁰².

В середине 30-х годов II в. н.э. вновь возрастает сармато-аланская военная активность, следствием чего явились столкновения римлян с прорвавшимися в 135/6 г. в провинцию Каппадокию аланами, где сражались и подразделения боспорцев (Dio Cass. LXIX. 15; Arr. Acies contra Alanos. 3, 7, 18, 31). Очевидно, к началу правления Антонина Пия относится и «тавро-скифская» война в истории Ольвии (SHA: Ant. Pius. IX. 9), когда император прислал на помощь городу войска²⁰³. Участие в этих событиях крымских скифов нереально, правильное связать участников этих событий с одним из сарматских племен²⁰⁴. Дионисий Периегет, писавший свой труд в эпоху Адриана, помещает тавров на крутом, узком и длинном Ахилловом беге до устья Меотийского озера (Dio Perieg. 298–320, 303, 306), ему же вторит Евстафий (XII в.) в своих «Комментариях» (Eust. Schol. ad Dio Perieg. 303–306), а в хрестоматии из «Географии» Страбона (X в.) полуостров Тавроскифия локализован между Тамиракским и Каркинитским заливами, к югу от которого находится Ахиллов бег²⁰⁵. Птолемей также размещает тавро-скифов в окрестностях Ахиллова бега (III. 5. 11; X. 5. 2). Эти сведения трактуются как ошибочные²⁰⁶. Сообщение Плиния о проживании в районе Ахиллова бега скифов-сардов и сираков (IV. 83) позволяет именно в них видеть «тавро-

Сарматское погребение из окрестностей Неаполя Скифского // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991. С. 116–122. Несколько богатых воинских захоронений начала II в. открыто в Усть-Альминском могильнике.

¹⁹⁸ Ростовцева М.И. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913. табл. LXIV, LXXVIII, LXXIX, LXXXI, LXXXVIII; Гайдукевич. Боспорское царство. С. 335, 420, 421. По уточненным данным склеп Ашика 1841 г. датируется второй половиной I в. н.э., склеп Стасова 1872 г. – второй половиной I – началом II в. н.э., склеп 1873 г. – первой половиной II в. н.э. (Горончаровский В.А. Катафрактари в истории военного дела Боспора // ПАВ. 1993. № 6. С. 80, 81).

¹⁹⁹ Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 119–121.

²⁰⁰ Шульц П.Н. Работы Тавро-Скифской экспедиции (1945–1946 гг.) // Памятники искусства. Бюлл. ГМИИ. 1947. Вып. 2. С. 25–29.

²⁰¹ Яценко И.В. Декоративная роспись общественного здания в Неаполе Скифском // СА. 1960. № 4. С. 91–112.

²⁰² Ср. Раевский Д.С. Скифы и сарматы в Неаполе // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 149–151.

²⁰³ Библиографию вопроса и новую интерпретацию см. Зубарь В.М. По поводу достоверности одного письменного источника по истории Ольвии середины II в. (SHA. Ant. Pius. 9. 9) // РА. 1993. № 2. С. 185–188; *он же*. О так называемой «тавро-скифской» войне в истории Ольвии // РА. 1997. № 2. С. 85–90.

²⁰⁴ Буйских С.Б. Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). Киев, 1991. С. 134.

²⁰⁵ Латышев В.В. Scythica et Caucasia // ВДИ. 1947. № 4. С. 243.

²⁰⁶ Там же. Прим. 7, 8. См. также Соломоник Е.И. Про значення терміна «тавро-скіфи» // АП. 1962. XI. С. 153–157; *она же*. Таври і Тавріка. // Археологія. 1976. 20. С. 46–50; Столба. Демографическая ситуация... С. 57; Пиоро И.С. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // ХСб. 1998. IX. С. 138, 139.

ро-скифов»²⁰⁷, напавших на Ольвию, возможно, именно они скрываются под «соседними, скифскими и сарматскими царями», которых ольвиополиты встречали и к которым совершали посольства (IOSPE I². 39, 51, 54)²⁰⁸. Активизация аланов могла подтолкнуть окрестные варварские племена к враждебным действиям против города. Заключение выгодного для него мира с варварами путем получения заложников, вероятнее всего, предопределило дальнейшее проникновение в его состав лиц сарматского происхождения²⁰⁹.

Внешняя опасность во второй четверти II в. н.э.²¹⁰ заставила Херсонес искать союза с боспорским царем Риметалком (IOSPE I². 423). Одновременно вместе со своей метрополией Гераклеей он добивался у Рима элевтерии (IOSPE I². 359, 362, 363). Об уступке Рима Херсонесу в ослаблении от боспорской зависимости свидетельствует выпуск золотой монеты в 134 г. н.э.²¹¹, поэтому посольства на Боспор могли происходить между 134 и 138 гг., когда Риметалк стал единоличным правителем, поскольку при Антонине Пие боспорскому царю, вероятно, пришлось доказывать в Риме свои права (SHA: Ant. Pius. IX. 8), что косвенно подтверждает пятилетний перерыв в золотой чеканке²¹². Еще в 136 г. н.э. при Адриане Риметалк посылал боспорские отряды для отражения аланской агрессии в Каппадокии (см. выше), однако его позиция в отношении Херсонеса, очевидно, не устраивала херсонеситов, что и привело в правление Антонина Пия к дарованию им элевтерии (ок. 145 г. н.э.)²¹³. Осложнение обстановки на подступах к границам империи (SHA. Ant. Pius. V) вынудило Рим пойти на расширение военного присутствия в Таврике, чтобы обеспечить охрану важнейших стратегических пунктов и коммуникаций²¹⁴.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ II – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ III в. н.э.

После подтверждения прав на престол Риметалк мог начать активные мероприятия по укреплению границ государства (КБН. 1052)²¹⁵. Той же политики придерживался и Евпатор (154/5–170/1): при нем царская тамга появляется в надписях Танаиса (КБН. 1241), а в надписи 155 г. н.э. (КБН. 1260) впервые фиксируется значительная группа лиц сарматского происхождения²¹⁶. Все это может свидетельствовать о переориентации боспорских правителей на новый массив кочевого населения, представителей позднесарматской культуры, появившихся на восточных границах государства в середине II в. н.э.²¹⁷ В этих условиях вполне вероятно, что Боспору была поручена Антонином Пием акция по подавлению вышедшего из-под римского контроля скифо-сар-

²⁰⁷ А. С. Русяева (Ольвійсько-сарматські відносини... С. 27) видит в приставке «тавро-» указание на географическое местоположение, а в сардах одно из сарматских племен, проживавшее на нижнеднепровских городищах.

²⁰⁸ Об этимологии названия сираков и его связи с «царскими скифами», саками и саиями см. *Куклина И.В.* Этногеография Скифии по античным источникам. Л., 1985. С. 109, 110.

²⁰⁹ Об этническом составе Ольвии в первые века нашей эры см. *Русяева А.С.* До історії вземовідносин Ольвії з сарматами // Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР. Тез. доп. Київ, 1989. С. 192–193; *Виноградов.* Очерк... С. 169; *Кранівина В.В.* Про етнічний склад населення Ольвії в перші століття нової ери // Археологія. 1994. № 2. С. 123–129; *Зубарь.* Ще раз про етнічний склад... С. 127–135.

²¹⁰ *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 37.

²¹¹ *Анохин.* Монетное дело Херсонеса... С. 78, 79, 152. Табл. XVI, 249.

²¹² *Анохин.* Монетное дело Херсонеса... С. 79, 90; *он же.* Монетное дело Боспора. С. 110, 112; *Шелов Д.Б.* Тамга Римиталка // Культура античного мира. М., 1966. С. 274, 275.

²¹³ *Анохин.* Монетное дело Херсонеса... С. 79, 80.

²¹⁴ *Кадеев.* Херсонес Таврический... С. 26–34; *Зубарь.* Херсонес Таврический... С. 41–44.

²¹⁵ *Шелов.* Тамга... С. 268–273; ср. *Алексеева Е.М.* Царская тамга на золотом перстне из Горгииппии // Проблемы античной культуры. М., 1986. С. 121–123.

²¹⁶ *Даньшин Д.И.* Танаиты и танаисцы во II–III вв. н.э. // КСИА. 1990. 197. С. 53.

²¹⁷ *Яценко С.А.* Аланы в Восточной Европе... С. 84–85, 87.

матского объединения, для чего был предпринят поход вглубь Крымской Скифии²¹⁸. В качестве ударной силы могли использоваться сармато-аланские отряды. В Неаполе Скифском в середине II в. прекращают функционировать главные городские ворота, приходят в запустение большие территории городища. В здании с фресками поверх росписей наносятся многочисленные граффити, представлявшие жанровые сценки, сарматские тамгообразные знаки, изображения животных, есть и «картина» взятия города с помощью осадных машин. Подобное отношение к дорогостоящей отделке могло произойти в результате временной утраты зданием своего функционального назначения и превращения в «казарму» для аланских воинов, захвативших Неаполь²¹⁹. Косвенным подтверждением этого является находка в верхних слоях пригородного зольника № 3 золотого статера Риметалка 150/151 г. н.э.²²⁰ Ю.П. Зайцев сопоставляет его с предметами из зольника-эсхары, возникшего у руин здания Е²²¹. Ранее статеры за пределами Боспора не встречались, поэтому его можно рассматривать как плату боспорскому воину, попавшему в Неаполь в результате победоносного похода²²².

Помимо Боспора сарматские знаки в значительном количестве обнаружены и в других районах Крыма, затронутых волнами кочевников восточного происхождения; на стенах пещер Ак-Кая в Центральном Крыму, использовавшихся как святилища²²³, в могильнике Нейзац (Красногорское)²²⁴, Неаполе Скифском²²⁵, к северо-востоку от Неаполя, в Битакском могильнике²²⁶, в 6 км к северо-западу от Неаполя, на городище Кермен-Кыр²²⁷, в 10 км от Неаполя у поселка ГРЭС в погребении, перекрытом плитой со знаками²²⁸, в Юго-Западном Крыму на надгробных стелах, краснолаковой посуде и бронзовых зеркалах из Заветнинского могильника²²⁹, на бронзовых ажурных пряжках

²¹⁸ В Крымском республиканском краеведческом музее хранится беспаспортная бронзовая пряжка с тамгой Евлатора (*Соломоник Э.И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 133–135. № 79), возможно, найденная в некрополе Неаполя Скифского при застройке Петровской балки в конце XIX в. Аналогичный знак известен на плитах из Танаиса, Пантикапея, Тамани и Прикубанья, а также на золотой и бронзовых пряжках и красноглиняной фляге из Пантикапея (*Драчук В.С.* Системы знаков Северного Причерноморья, Киев, 1975. табл. XII, 909–922; XIII, 1, 18; XIV, 5, 1–13). Вне Боспора изображение этой тамги засвидетельствовано на бронзовой фибуле из Гурзуфа (*Соломоник.* Сарматские знаки... С. 130, № 68).

²¹⁹ *Дашевская О.Д.* Граффити на стенах здания в Неаполе Скифском // СА. 1962. № 1. С. 173–194; она же. Поздние скифы (III в. до н.э. – III в. н.э.) // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 129.

²²⁰ *Зайцев Ю.П.* Золотой статер Риметалка из Неаполя Скифского // СА. 1990. № 1. С. 259–261.

²²¹ Среди находок из эсхара наиболее известны две бронзовые статуэтки Диоскуров (*Шульц П.Н.* Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского // СА. 1969. № 1. С. 120–136; *Высотская.* Неаполь... С. 65, 66).

²²² *Зайцев.* Золотой статер... С. 260.

²²³ *Шульц П.Н.* Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.) // ИАДК. 1957. С. 86, 87; *Соломоник.* Сарматские знаки... С. 113–120, № 57, 58; *Драчук.* Системы знаков... Табл. III, 21; IV, 202; V, 254, 323, 331; VII, 502, 509; VIII, 536, 546, 548, 549, 553, 559; IX, 700; XI, 806, 873, 878; XIV, 8, 7, 23; 13, 1, 2; XV, 2, 7.

²²⁴ *Шульц.* Исследования... С. 86. Рис. 14 в, е; *Соломоник.* Сарматские знаки... С. 78, 79. № 34; С. 140. № 92.

²²⁵ *Шульц.* Исследования... С. 86. Рис. 14б; *Дашевская О.Д.* Четвертая надпись Посидея из Неаполя Скифского // СА. 1960. № 1. Рис. 2, 2; *Соломоник Е.И.* Нові пам'ятки з сарматськими знаками // АП. 1962. XI. С. 167. Рис. 19; она же. Несколько памятников с сарматскими знаками // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев, 1983. С. 90–91. Рис. 8; *Драчук.* Системы знаков... Табл. XVII, 30, 34, 39, 42, 45, 47, 49; XVII, 9, 11, 17; XVIII, 4, 8; *Сымонович Э.А.* Население столицы позднескифского царства. Киев, 1983. Табл. VII, 10; IX, 15; XII, 3, 12; *Пуздровский О.Е.* Похороняны I–II ст. н.э. з Неаполя Скіфського // Археологія. 1993. № 1. С. 124. Рис. 1, 3; *Ачкинази И.В., Пуздровский А.Е.* Плита с сарматскими знаками из Неаполя Скифского // Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994. С. 253–257.

²²⁶ Раскопки автора. См. также *Пуздровский, Зайцев, Новиков.* Сарматское погребение... С. 118, 120. Рис. 3, 6, 9; *Яценко С.А.* Аланы и аорсы в Северном Причерноморье в период готского вторжения: анализ рис. из аристократического некрополя Пантикапея второй половины III в. н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1994. С. 128.

²²⁷ *Шульц.* Исследования... С. 86. Рис. 14 а, г; *Соломоник.* Сарматские знаки... С. 69, 70. № 22.

²²⁸ *Соломоник.* Нові пам'ятки... С. 163. Рис. 12.

²²⁹ *Богданова Н.А.* Скифские и сарматские стелы Заветнинского могильника // СА. 1965. № 3. С. 235, 236. Рис. 2; 3, 2; она же. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования на юге Восточной Европы. М., 1989. С. 28, 53. Табл. V, 48; XVIII.

Чернореченского могильника²³⁰, на бронзовом зеркале из грунтового склепа у с. Партизанское (Саблы)²³¹; наибольшая их концентрация – на Усть-Альминском городище и в некрополе²³². Наиболее поздние прочерчены на известняковых оссуариях в могильнике у совхоза № 10, а также на стенах аланского склепа второй половины III – первой половины IV в. н.э.²³³; в Херсонесе – на мраморном пьедестале статуи, краснолаковом сосуде, бронзовой пряжке, зеркалах²³⁴; в Северо-Западном Крыму известно пять тамг на посуде: один знак на лепном горшочке из Тарпанчи, два из Кара-Тобе, один – на фрагменте красноглиняной амфоры из подъемного материала 1948 г. и один – на позднесинопской амфоре из закрытого комплекса конца I – начала II в. н.э. в Калос Лимене²³⁵, где в 1995 г. были обнаружены и плиты с сарматскими знаками²³⁶; в степном Крыму – один сложный знак на антропоморфной стеле из находок на Арабатской стрелке²³⁷. Антропоморфные надгробия и стелы в Юго-Западном Крыму²³⁸, вероятнее всего, маркировали погребения сармато-аланских воинов²³⁹.

Предварительный анализ памятников с сарматскими знаками на территории Крымской Скифии позволяет выделить три основных периода их бытования. Появляются они в начале II в. н.э., их количество резко увеличивается после середины столетия и достигает пика в последней четверти II – первой четверти III в. н.э., затем сокращается, и вновь они фиксируются уже в аланских могильниках конца III – первой половины IV в. н.э. Исходя из широкого ареала распространения и семантики²⁴⁰, нельзя согласиться с О.Д. Дашевской, что тамгообразные начертания заимствованы крымскими скифами у сарматов, а также с ее утверждением об использовании здания А в Неаполе в качестве скифского святилища²⁴¹.

В третьей четверти II в. н.э. на южном берегу Крыма и на западном его побережье римляне установили систему постов на важнейших стратегических направлениях. Аналогичный объект мог быть размещен на позднескифском городище Алма-Кермен, в среднем течении р. Альма, в конце II в. н.э., о чем свидетельствуют остатки монументальных построек с расписной штукатуркой стен и рельефными архитектурными деталями, стеклоделательная мастерская, клейма XI Клавдиева легиона на кровельной черепице, монеты Антонина Пия, Марка Аврелия, Каракаллы. Здесь находился небольшая гарнизон, в задачу которого входила защита дальних под-

²³⁰ Шульц. Исследования... С. 86. Рис. 14 д; Соломоник. Сарматские знаки... С. 137. № 88; Бабенчиков В.П. Чернореченский могильник // АП. XIII. С. 95. Табл. VII, 11.

²³¹ Драчук. Системы знаков... Табл. XVI, 41; XVII, 12.

²³² Высотская. Усть-Альминское городище... Табл. 18, 8; 29, 2; 34, 16; Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993–1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. С. 170–180. Рис. 2, 3–5; 3, 1–6; 4, 1–4; 5, 1–5.

²³³ Соломоник. Сарматские знаки... С. 164. № 154; Лобода И.И. Раскопки могильника Озерное III в 1963–1965 гг. // СА. 1977. № 4. С. 238, 239, 251. Рис. 2, 2, 4, 5, 6.

²³⁴ Драчук. Системы знаков... Табл. V, 350; VIII, 563; X, 736; XI, 854; XIII, 1, 2; XV, 1, 2; 1, 3, 1; XVI, 18; Зубарь В.М. Некрополь Херсонеса Таврического I–IV вв. н.э. Киев, 1982. С. 105–107. Рис. 73.

²³⁵ Шеглов А.Н. Тарханкутская экспедиция в 1962–1963 гг. // КСИА. 1965. 103. С. 146. Рис. 51, 6; Павленков В.И. О сарматах и боспорцах и их тамгах в Северо-Западном Крыму // Крымский музей. 1995–1996. Симферополь, 1996. С. 25–27; Кутайсов В.А., Анохин В.В., Приднев С.В., Уженцев В.Б. Охранные раскопки городища и некрополя Калос Лимена // Археологические исследования в Крыму. 1994 год. Симферополь, 1997. С. 173, 174. Рис. 95, 2.

²³⁶ Кутайсов В.А., Уженцев В.Б. Отчет о раскопках городища Калос Лимен в 1995 г. Архив КФ ИА НАН Украины. С. 37–38. Рис. 14–16.

²³⁷ Шульц П.Н. Антропоморфная стела сарматского круга, найденная на Арабатской стрелке // ЗОАО. 1967. II(35). С. 196–201.

²³⁸ Волошинов А.А. Новое антропоморфное изваяние из позднескифского некрополя у с. Краснорозье // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. С. 39–41.

²³⁹ Богданова. Могильник... С. 60, 61, 66; Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. Д 1–7. М., 1991. С. 27, 28. Табл. 42–45.

²⁴⁰ Соломоник. Сарматские знаки... С. 16–19, 22–46; Драчук. Системы знаков... С. 86–93; Алексеев В.П. К вопросу о семантике сложных царских знаков Боспора // СА. 1991. № 2. С. 65–70.

²⁴¹ Дашевская. Поздние скифы в Крыму. С. 11.

ступов к Херсонесу и контроль за плодородными землями в междуречье Качи и Альмы²⁴².

А.Н. Щеглов предложил рассматривать Усть-Альминское городище как римский военный лагерь и отождествил его с Дандакой Птолемея (Ш. 6. 2), что вызвало возражения Т.Н. Высотской²⁴³. Но эта идея логически вытекает из необходимости контролировать маршрут плавания вдоль западных берегов Крыма и сухопутные дороги из Херсонеса в Северо-Западный Крым и Неаполь вдоль р. Альмы через городище Алма-Кермен²⁴⁴.

В первой половине II в. н.э. в Западном Крыму еще существовали небольшие поселения, жизнь которых была связана с Евпаторийской, Черноморской и другими удобными бухтами, что и подтверждается упоминанием Керкинитиды и Калос Лимена Аррианом (РРЕ. 19–20) и Птолемеем (Ш. 5. 1), однако вопрос о римском присутствии здесь остается открытым²⁴⁵, несмотря на возможность размещения поста в районе городища Кара-Тобе, рядом со святилищем на Сакской пересыпи. Расцвет этого святилища приходится на II – первую половину III в. н.э. и на его месте найдены обломки мраморных votivных рельефов с надписями и изображениями фракийского всадника, римские монеты²⁴⁶.

В 166–180 гг. н.э. среди участников кровопролитных Маркоманских войн против германских и сарматских племен называют и аланов Подонья, в погребениях которых найдена римская бронзовая посуда. Издатели херсонесских декретов 174 г. н.э. в честь Т. Аврелия Кальпурниана Аполлониды и его жены Паулины полагают, что в это время Херсонесу угрожала опасность со стороны прежде всего крымских скифов и сарматов, и которую ликвидировал прибывший прокуратор провинции Нижняя Мезия²⁴⁷. Разрушение храма Юпитера Долихена, недавно обнаруженного в Балаклаве, как и самого римского военного опорного пункта, связано с активизацией варваров во время Сарматской войны, т.е. незадолго до издания декрета 174 г. н.э.²⁴⁸ В связи с этим интерес представляют надпись из Танаиса 193 г. н.э., – времени правления боспорского царя Савромата II (КБН. 1237) и изображение там его царской тамги, известной еще на одной плите из Тамани (КБН. 1053)²⁴⁹. Она повествует о победе над сирахами (сираками?) и скифами и присоединении Таврики по «договору». В.М. Зубарь считает, что это было сделано по договору с Римом, а не со скифскими правителями²⁵⁰. Н.Ф. Шевченко исходя из списков приведенных в надписи должностных лиц предположил, что указанные события произошли при жизни или с участием отца дедиканта,

²⁴² *Высотская*. Поздние скифы... С. 32–58; *Зубарь*. Херсонес Таврический... С. 72.

²⁴³ *Щеглов А.Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды // ВДИ. 1965. № 2. С. 110–113; *Высотская*. Поздние скифы... С. 22–24, 67, 68.

²⁴⁴ *Зубарь*. Херсонес Таврический... С. 73, 74, 77. Рис. 11; римский военный пост мог размещаться в районе цитадели.

²⁴⁵ *Щеглов*. Тарханкутская экспедиция... С. 104–147; *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитида. Киев, 1990. С. 160.

²⁴⁶ *Ланцов*. Позднеантичное святилище... С. 249, 250; *Зубарь*. Херсонес Таврический... С. 36, 75.

²⁴⁷ *Антонова И.А., Яйленко В.П.* Херсонес, Северное Причерноморье и Маркоманские войны по данным херсонесского декрета 174 г. н.э. в честь Тита Аврелия Кальпурниана Аполлониды // ВДИ. 1995. № 3. С. 72–76; *Виноградов Ю.Г.* Новое документальное досье императорской эпохи из Херсонеса (О превратности судеб херсонеситов и их лапидарного архива) // ВДИ. 1996. № 1. С. 48–60.

²⁴⁸ *Зубарь В.М., Сивеля О.Я., Сарновский Т.* Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. 1997. № 4. С. 82–83. Возможно, с этими событиями связана надгробная надпись с упоминанием двух отпущенников, убитых таврами (*Соломоник Э.И.* Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983. С. 43–44. № 13), передатированная В.М. Зубарем второй половиной II в. (Нотатки з латинської епіграфіки Херсонеса і Харакса // Археологія. 1990. № 2. С. 109) и временное оставление римского опорного пункта на Алма-Кермене (*Высотская*. Поздние скифы... С. 40–44).

²⁴⁹ *Соломоник*. Сарматские знаки... С. 57–58. № 11.

²⁵⁰ *Зубарь В.М.* Новый латинский напис с Болгарії і деякі питання історії Таврики // Археологія. 1991. № 1. С. 125 (ср. *Дьяков В.Н.* Таврика до римской оккупации // ВДИ. 1939. № 3. С. 86; *Саприкін С.Ю., Баранов І.А.* Грецький напис з Судака // Археологія. 1995. № 2. С. 138).

т.е. на 40–60 лет раньше, чем сама надпись²⁵¹. Станным выглядит и упоминание сираков в конце II в. н.э. (ср. КБН. 142), памятники которых в это время в Восточном Приазовье отсутствуют. По аналогии с другими боспорскими надписями (КБН. 39, 40) победы над сираками и скифами и присоединение Таврики находились в последовательной и взаимосвязанной цепи. Упоминание сираков в контексте со скифами свидетельствует о миграции этого сарматского племенного объединения не только в район Ахиллова Бега (см. выше), но и в предгорный Крым²⁵², где вероятно, со второй половины I в. н.э. возникает их военно-политический союз. Исходя из факта разгрома военного соединения в Балаклаве и херсонесской надписи 174 г. н.э., можно предположить, что после восстановления римского присутствия в Юго-Западной Таврике боспорскому царю Савромату II была поручена очередная акция по подавлению скифо-сарматского объединения в предгорном Крыму. Такой поход мог состояться в самом начале его правления, т.е. ок. 175 г. н.э.²⁵³, о чем и сообщает танаисская надпись. Трудно представить, чтобы на плите с тамгой Савромата II перечислялись заслуги другого царя, поэтому датировка указанных событий рубежом I–II вв. н.э. неприемлема²⁵⁴.

В результате раздела Таврики на сферы влияния Юго-Восточный и Центральный Крым оказались под опекой Боспора, а Юго-Западный – под контролем римской администрации и Херсонеса²⁵⁵. В последние десятилетия II – первые десятилетия III в. н.э. в предгорьях наблюдается мощный экономический подъем, связанный с производством зерна (возникают большие хранилища), развитием садоводства и виноградарства²⁵⁶ – в Юго-Западном Крыму формируется новый экономический район²⁵⁷.

В последней четверти II – первой четверти III в. н.э. Неаполь Скифский представлял собой большое слабо укрепленное земледельческое поселение, в северной части которого был восстановлен комплекс административных и общественных зданий, а на пустовавших в первой половине II в. территориях возведены небольшие жилые и хозяйственные постройки. В некрополе получили распространение вырубленные в скале склепы, близкие по конструкции и оформлению боспорским²⁵⁸. Преобладали торговые связи с Боспором и с южнопонтийскими центрами²⁵⁹; среди столовой посуды преобладает продукция боспорского и херсонесского производства.

В освоении новых территорий принимали участие прежде всего военные поселенцы – выходцы из различных сарматских и сармато-меотских племен. По речным долинам Юго-Западного и Центрального Крыма они проникали в горы и даже на Южный берег²⁶⁰. О статусе территории в Северо-Западном Крыму во второй половине II –

²⁵¹ Шевченко Н.Ф. Сарматы в Восточном Приазовье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Кочевники евразийских степей и античный мир. Новочеркасск, 1989. С. 144–145; ср. Зубарь. Северный Понт... С. 108–114.

²⁵² Пуздровский. Кримська Скіфія... С. 131, 132; Русаева. Ольвійсько-сарматські відносини... С. 27.

²⁵³ Пуздровский А.Е. Население Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. (этнополитический аспект): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Киев, 1993. С. 13; ср. Антонова, Яйленко. Херсонес... С. 79; Зубарь. Северный Понт... С. 108–114.

²⁵⁴ Кочевники евразийских степей и античный мир. Материалы дискуссии II археологического семинара. Новочеркасск, 1993. С. 26.

²⁵⁵ Зубарь. Херсонес Таврический... С. 112–117. О расширении границ Боспора в Крыму см. надписи в Старом Крыму, Судак и Партените (КБН. 953, 954, 955); Саприкин, Баранов. Грецкий напис... С. 137–139; Зубарь. Северный Понт... С. 112–113.

²⁵⁶ Высотская. Поздние скифы... С. 161–172; она же. Неаполь... С. 94–97, 99; Ляшук П.М. Нож из позднескифского поселения Доброе // СА. 1986. № 3. С. 232–233.

²⁵⁷ Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья (На материалах Херсонеса). Харьков, 1989. С. 80–89.

²⁵⁸ Пуздровский. О погребальных сооружениях... С. 119–121.

²⁵⁹ Зайцев. Хронология Неаполя Скифского. С. 86, 88; Зеест И.Б. К вопросу о торговле Неаполя Скифского и ее значении для Боспора // МИА. 1954. 33. С. 76–77.

²⁶⁰ Ср. Высотская. Поздние скифы... С. 69–101. Рис. 20; Зубарь. Херсонес Таврический... С. 113–115; она же. Северный Понт... С. 112–113, 116; Мыц В.Л. Новый позднеантичный памятник Караби-Яйлы // Проблемы античной культуры. Тез. докл. конф. Ч. III. Симферополь, 1988. С. 299–300; Саприкин, Баранов. Грецкий напис... С. 139.

первой половине III в. н.э. говорить преждевременно, больше оснований считать ее подчиненной Боспору, чем Херсонесу²⁶¹.

В конце первой четверти III в. н.э. в предгорном Крыму вновь возникает военная опасность, что привело к зарытию кладов, обнаруженных: в окрестностях г. Симферополя у с. Луговое (б. Чокурча) в 1890 г. – клад серебряных монет времени от Нерона (54–68 гг.) до Макрина (217–218 гг.), в долине р. Альмы у с. Дорожное (б. Бий-Эли, Биэли) в 1896 г. – 151 серебряная монета времени от Веспасиана (69–79 гг.) до Элагабала (218–222), в западной части Неаполя в 1827 г. – 130 серебряных монет времени от Нерона до Макрина²⁶². Возможно, их зарытие связано с походом на окрестные варварские племена в 218/219 г. Рескупорида, названного в одной из надписей «царем всего Боспора и тавроскифов» (КБН. 1008)²⁶³. В Юго-Западном Крыму фиксируется еще одна катастрофа – пожар, который ориентировочно датирован 225 г. н.э. по самой поздней монете Александра Севера из найденного в Кадыковке (Балаклава) клада из 57 денариев²⁶⁴. Если все эти события взаимосвязаны, то их можно объяснить рейдами аланов, вслед за которыми в Центральный и Юго-Западный Крым переселились сарматы, вытесненные со своих прежних территорий новой кочевой ордой с востока.

КРЫМСКАЯ СКИФИЯ ВО ВТОРОЙ – ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ III в. н.э.

Точно не известно, когда римляне покидают пост на Алма-Кермене: две самые поздние монеты относятся ко времени правления Каракаллы (211–217)²⁶⁵, однако, судя по находкам из верхнего горизонта, это событие произошло не позже второй четверти III в. н.э. Лепной керамический комплекс, принадлежавший новым жителям городища, поселившимся на руинах римских построек, свидетельствует об их сармато-аланском происхождении²⁶⁶. Во второй четверти III в. н.э. на Усть-Альминском могильнике происходит ограбление склепов и могил I–II вв. н.э. и подзахоронение в них представителей аланских племен. На северной периферии Восточного некрополя Неаполя Скифского в 1949 г. исследован грунтовый склеп первой половины III в. н.э., по конструкции и оформлению близкий некоторым вырубным склепам Неаполя и аланским катакомбам Северного Кавказа III–V вв. н.э.²⁶⁷ Временем, близким к 20-м – 30-м годам III в. н.э., датируются погребения в могилах с заплечиками у с. Танковое²⁶⁸. Аналогичные по хронологии и этническому составу памятники функционируют в это

²⁶¹ Ср. Шульц П.Н. Надгробный рельеф из с. Марьино // СХМ. Симферополь, 1963. III. С. 3–10; он же. Надгробный рельеф сарматского круга // Культура античного мира. М., 1966. С. 278–286; Соломоник Э.И. Надписи на стеле из с. Марьино // СХМ. 1963. III. С. 10–15; Щеглов. Северо-Западный Крым... С. 43, 52, 53, 135; Дашевская. Поздние скифы... С. 27, 28.

²⁶² Кротошкин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ. Вып. Г 4–4. М., 1961. С. 18, 19, 21, 63–65. № 573, 609, 622. Вряд ли права Н.А. Фролова, считавшая, что Боспор получал субсидии от Рима в виде серебряной монеты, которая уходила в область обитания варварских племен, превращаясь в межплеменное средство обмена (Монетное дело Боспора. Ч. II. М., 1997. С. 171; ср. Голенко К.В. Третий Патрэйский клад (1970 г.) и некоторые замечания о боспорской чеканке III в. н.э. // НЭ. 1978. XII. С. 16. Прим. 27).

²⁶³ В пользу такого предположения может служить медная чеканка Рескупорида 218/219 г. н.э. с ярко выраженными военными мотивами (Фролова. Монетное дело Боспора. С. 12–16. Табл. XVIII, 12–13; XXI, 19–20).

²⁶⁴ Савеля О.Я. Работы Севастопольской экспедиции // Археологические исследования в Крыму. 1993 год. Симферополь, 1994. С. 237; Алексеенко Н.А., Филиппенко А.А. Клад римских денариев из Балаклавы // Всероссийская нумизматическая конференция. Тез. докл. СПб., 1994. С. 45–46.

²⁶⁵ Висотська Т.М. Городище Алма-Кермен в Крыму // Археологія. 1970. XXIV. С. 185–186.

²⁶⁶ Висотська. Поздние скифы... С. 57–59, 104–109, 177; Висотська. Липна керамика городища Алма-Кермен // Археологія. 1966. XX. С. 185–195.

²⁶⁷ Дашевская О.Д. Земляной склеп 1949 г. в некрополе Неаполя Скифского // ВДИ. 1951. № 2. С. 135; Пуздровский. О погребальных сооружениях... С. 121; ср. Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. 1985. № 2. С. 197–204.

²⁶⁸ Колтухов С.Г., Вдовиченко И.И. Могильник римского времени у с. Танковое // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994. С. 82–88, 325–328.

время в Центральном Крыму (Нейзац, Дружное, Перевальное)²⁶⁹. В северной части Неаполя в 1960 г. исследован закрытый комплекс, который позволил Д.С. Раевскому связать гибель скифской столицы с вторжением в Крым готов в 240-е годы²⁷⁰. Анализ этих и других материалов из верхнего горизонта Неаполя показал их соответствие керамическому комплексу Горгииппии, погибшей в катастрофе ок. 240 г. н.э.²⁷¹, и Танаиса, разрушенного десятилетием позже²⁷². С.А. Яценко поддержал мнение И.Т. Кругликовой и Д.Б. Шелова о разгроме Горгииппии аланами²⁷³, а В.М. Зубарь предложил связать его с готами²⁷⁴. Примерно в середине III в. н.э. в степях от Урала до Дуная разразилась настоящая катастрофа, приведшая к перекройке этнополитической карты региона. В этих событиях решающую роль сыграла обосновавшаяся в Предкавказье группировка «новых алан»²⁷⁵, один из походов которой через азиатский и европейский Боспор²⁷⁶ мог привести и к разгрому Неаполя Скифского. Заманчиво синхронизировать катастрофы Горгииппии, Неаполя и нижний слой разрушений и пожаров III в. н.э. в Ольвии, который В.В. Крапивина датирует 230-ми годами н.э., полагая, что в разгроме участвовали в основном сарматы²⁷⁷. В этом случае понятны масштабность произошедших перемен и факт почти беспрепятственного продвижения германских племен в Северное Причерноморье. Проникновение алан «новой волны» к Дунаю подтверждается их участием в войне с Римом и битве под Филиппополем в 242 г.²⁷⁸ Вскоре после 250/251 г. аланы одни или совместно с германским (?) племенем боранов разрушили Танаис, а затем их ставленники на Боспоре предали последние последние флот в походах 254–257 гг.²⁷⁹ А.И. Айбабин полагает, что бораны и готы пришли на Боспор со стороны степи, а до этого вторглись в Северо-Западный Крым, взяли Южно-Донузлавское городище (в верхних слоях которого найден железный умбон) и разгромили позднескифские поселения в долинах рек Альмы, Качи и Салгира. Вслед за этим (между 251–256 гг.) они обосновались на южном берегу и на границе хоры Херсонеса²⁸⁰. Однако в середине III в. н.э. Южно-Донузлавское городище уже не существовало²⁸¹, а разрушения на Усть-Альминском городище и в Неаполе могут да-

²⁶⁹ Пуздровский А.Е. Могильник III–IV вв. н.э. у с. Перевальное в Крыму // Византия и народы Причерноморья и Средиземноморья в раннее средневековье. Тез. докл. конф. Симферополь, 1994. С. 55–56; Айбабин А.И. Население Крыма в середине III–IV вв. н.э. // МАИЭТ. 1996. V. С. 296; Храпунов И.Н., Мульд С.А. Население Центрального Крыма в IV в. н.э. по материалам могильников // Византия и Крым. Тез. докл. конф. Симферополь, 1997. С. 90–91.

²⁷⁰ Раевский. Комплекс краснолаковой керамики... С. 104; Высотская. Неаполь... С. 202–204.

²⁷¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. М., 1987. С. 75, 244. Табл. 89–96, 104–106, 110–112, 156, 166, 222–225.

²⁷² Арсеньева Т.М., Науменко С.А. Усадьбы Танаиса. М., 1992.

²⁷³ Яценко С.А. Германцы и аланы: о разрушениях в Приазовье в 236–276 гг. н.э. // STRATUM + ПАВ. 1997. № 0. С. 157; ср. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 12–13; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 304.

²⁷⁴ Зубарь В.М. До історії Воспорського царства в III ст. н.е. // Археологія. 1998. № 2. С. 148–150; Зубарь. Северный Понт... С. 136–141.

²⁷⁵ Яценко С.А. Германцы... С. 154, 156.

²⁷⁶ Об этом свидетельствуют клады боспорских монет (Фролова. Монетное дело Боспора... С. 168).

²⁷⁷ Крапивина В.В., Буйских А.В. Предварительная итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982–1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 126; Крапивина. Ольвия... С. 154. Прим.; ср. Зубарь В.М. Из истории Ольвии первой половины III в. н.э. // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997. С. 291–295; он же. Северный Понт... С. 126–130.

²⁷⁸ Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. М., 1954. С. 33–34.

²⁷⁹ Шелов. Танаис... С. 299–304; Яценко С.А. Германцы... С. 157; Анисимов А.И. О продвижении племен готского союза в Северо-Восточное Причерноморье в середине III в. н.э. (По нумизматическим данным) // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989. С. 128–130.

²⁸⁰ Айбабин. Население Крыма... С. 297.

²⁸¹ Умбон найден в слое I в. н.э. (Дашевская О.Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961–1962 годах // КСОГАМ 1962 г. Одесса, 1964. С. 54; она же. Поздние скифы в Крыму... С. 14, 35. Табл. 7, 28), а не в слое разрушения середины III в. н.э. (Каргопольцев С.Ю. Умбоны щитов и боевые топоры как индикаторы синхронизации в контексте центральноевропейско-черноморских связей римского времени // Проблемы истории Крыма. Тез. докл. конф. Ч. I. Симферополь, 1991. С. 58, 59).

тироваться 240 г. н.э. Привлекательный в качестве доказательства клад антонинианов из с. Долинное с самыми поздними монетами 251 г. свидетельствует только о военной опасности – продвижении готов в Юго-Западный Крым²⁸², и ни о чем другом.

Изменившаяся ситуация на границах в связи со «скифскими» и «готскими» войнами хотя и вызвала значительное сокращение римского присутствия в Северном Причерноморье, но не привела к отказу Рима от региона²⁸³. В Горгиппии и Ольвии жизнь после катастрофы первой половины III в. почти сразу восстанавливается, хотя и в меньших масштабах²⁸⁴. В Неаполе Скифском находки середины – третьей четверти III в. н.э. могут свидетельствовать о локальных очагах проживания населения, использовавшего постройки легкого типа. К этому же времени, вероятно, относится и ряд погребений на периферии могильников в простых грунтовых и подбойных могилах, а также в некоторых, вырубленных в скале.

Вопрос о разгроме поселений предгорного Крыма в середине III в. н.э. требует более глубокого изучения, поскольку в верхних горизонтах и закрытых комплексах Усть-Альминского городища, Алма-Кермена, Кермен-Кыра, Джалмана, Доброго нет монет и датируются они широко – второй-третьей четвертями III в. н.э.²⁸⁵ Часть разрушений связана с аланским вторжением, часть – с рейдами в глубь материка готов и боранов в 251–256 гг.²⁸⁶ или походами герулов в 267/268 г. н.э.²⁸⁷, прослеженными на европейском Боспоре, в Ольвии и ее округе²⁸⁸. Это привело к значительному сокращению населения в Неаполе, Кермен-Кыре, Усть-Альме, Добром, где жизнь либо больше не возобновлялась, либо едва теплилась. В то же время после середины III в. н.э. активно продолжают функционировать могильники Нейзац, Перевальное, Дружное, Бельбек I, III, Скалистое III, Чернореченский, у совхоза «Севастопольский», Суворово, Красная Заря, возможно, Танковое. На многих из них прослежены погребальные сооружения и обряды, присущие сармато-аланам в первой половине III в. н.э. На ряде памятников Юго-Западного Крыма появляются могилы с кремацией, вельбарскими и черняховскими вещами, что свидетельствует о совместном использовании некрополей германским и аланским населением²⁸⁹.

Лишь в конце III – начале IV в. н.э. появляются признаки повторного включения территории Юго-Западного Крыма в систему военно-политических и экономических отношений Херсонеса. В IV в. в Юго-Западном и Центральном Крыму возрастает количество погребений в грунтовых склепах с обилием античного импорта и вооружения, посуды и других предметов черняховской культуры²⁹⁰. Надо полагать, прежнее население было полностью инкорпорировано в сложившийся готско-аланский союз, где доминировали северокавказские этнические элементы. Эти события явились последними штрихами политической истории Крымской Скифии.

А.Е. Пуздровский

²⁸² *Пиоро И.С., Герцен А.Г.* Клад антонинианов из с. Долинное Крымской области // *НСФ.* 1974. Вып. 5. С. 81–83.

²⁸³ *Зубарь.* Северный Понт... С. 130, 131.

²⁸⁴ *Кривина.* Ольвия... С. 154; *Алексеева Е.М.* Горгиппия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // *ВДИ.* 1988. № 2. С. 83–84.

²⁸⁵ *Высотская.* Усть-Альминское городище... С. 28, 145; *она же.* Поздние скифы... С. 60–63; *Высотська.* Городище Алма-Кермен... С. 187–189, 192; *Пуздровский.* Охоронні роботи... С. 139–141; *Пуздровский А.Е.* Мегарон позднескифского поселения у с. Доброе // *Архитектурно-археологические исследования в Крыму.* Киев, 1988. С. 159–163.

²⁸⁶ *Айбабин.* Население Крыма... С. 297, 298.

²⁸⁷ *Лавров В.В.* Герулы в Причерноморье // *STRATUM + ПАВ.* 1997. № 0. С. 214–217.

²⁸⁸ *Кругликова:* Боспор... С. 187; *Пиоро, Герцен.* Клад антонинианов... С. 82–83; *Пиоро И.С.* Крымская Готия. Киев, 1990. С. 40–41; *Гороховский Е.Л., Зубар В.М., Гаврилюк Н.О.* Про пізню дату деяких античних городищ Ольвійської хори // *Археологія.* 1985. № 49. С. 25–37; *Кривина.* Ольвия... С. 154.

²⁸⁹ *Казанский М.* О германских древностях позднеримского времени в Крыму и Приазовье // *Византия и Крым.* Тез. докл. конф. Симферополь, 1997. С. 50, 51.

²⁹⁰ *Юрочкин В.Ю.* К вопросу о черняховской керамике в Крыму // *Мир Ольвии.* Материалы юбилейных чтений, посвященных 90-летию Л.М. Славина. Киев, 1996. С. 195–198; *Казанский.* О германских древностях... С. 50–51.

SKETCHES ON POLITICAL HISTORY OF THE CRIMEAN SCYTHIA
IN THE 2nd c. BC – 3rd c. AD

A.Ye. Puzdrovsky

Crimean Scythia was formed in the late 3rd – 1st half of the 2nd c. BC. At that time separate groups of nomadic and semi-nomadic Scythian population began to consolidate together with the settled population of the foothills and North-Western Crimea. In the mid 2nd c. BC the Kingdom of Skilouros sprang up. Under his rule the Scythians captured the chora of Chersonesus. In the 2nd half of the 2nd c. BC protectorate over Olbia was established and dynastic connections with *Bosporos* developed. As a result of Diophantos' wars the Scythians and their allies Roxolani were defeated by the united forces of Chersonesus and Bosporan King Mithradates VI Eupator, and the Scythian kingdom broke down into separate provinces governed by *basileis*. Since the late 2nd c. BC till 63 BC Crimean Scythia lived under the protectorate of Pontus. Scythian troops took part in the struggle for the Bosporan throne in the middle of the 1st c. BC and apparently supported Asander in the conflict between Chersonesus and Bosporus. In the 1st quarter of the 1st c. AD many settlements of the foothills and Western Crimea were defeated by Bosporan king Aspourgos with the help of the Sarmatian military units. As a result, Crimean Scythia found itself under Bosporan protectorate. In the mid 1st c. AD Scythian settlements of the North-Western Crimea suffered from migrations of nomadic tribes in the Eurasian steppes and the war between Rome and Bosporus (45–49). In the 60s AD the Scythians together with the Sarmatians took part in the siege of Chersonesus, which brought about the campaign lead by T. Plautius Silvanus, procurator of Lower Moesia (CIL XIV, 3608). In the 2nd half of the 1st c. AD the Scytho-Sarmatian ethno-political union emerged, which was suppressed by Bosporan kings Sauromates I and Rhaescuporis I in the late 1st – early 2nd c. AD. In 120s–130s AD Crimean Scythia came under Bosporan protectorate again. In the mid 2nd c. AD Crimean Scythia went out of its control, which caused the growth of Roman military presence in Taurica in the 3rd quarter of the 2nd c. AD: military posts were established in the South-Western Crimea and on the Southern Coast. In the late 3rd quarter of the 2nd c. AD (173–174) Chersonesus was exposed to a threat coming from the Scythian and Sarmatian tribes, which lead to the strengthening of the Roman garrisons. Crimean Scythia was routed by Bosporan king Sauromates II, and Taurica was annexed by Bosporus (CIRB, 1237). Presumably, in 220s–230s AD the Alanian tribes migrated from the Northern Caucasus to the Central and the South-Western Crimea. In 240–260s AD the population of the Crimean Scythia reduced as a result of invasions by Alans, Borani, Goths and Geruli. In the 4th c. AD the remains of population of the Crimean Scythia were absorbed by the Gothic-Alanian tribal union.

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

© 2001 г.

АМОРЕИ В ГОРОДАХ ИСИН И ЭШНУННА

Исин – единственный из городов Южной Месопотамии, чей документальный материал в определенной степени освещает самый ранний этап старовавилонского периода – конец XXI в. до н.э., когда государство III династии Ура доживало последние годы и все большее число месопотамских городов становились независимыми и самостоятельными. Этот документальный материал представлен исключительно административно-хозяйственными записями.

При первом царе Исина ИшбиЭрре (2017–1985) в городе существовала небольшая кожаная мастерская, где занимались обработкой и окраской кожи и изготавливали из нее различные изделия: обувь, покрытия для щитов и мебели, разнообразные сумки, мешки и т.п. Мастерская (в ней работало два-три десятка опытных мастеров), по-видимому, входила в состав храмового хозяйства. Готовая продукция поступала во дворец и в храмы и направлялась в качестве дипломатических даров дружественным царям и правителям. В мастерской, существовавшей, вероятно, еще при царях III династии Ура, велся традиционный для шумерской хозяйственной системы тщательный учет поступающих материалов, изготовленной продукции и ее распределения. Архив этой мастерской из 920 документов, датированных от 2011 до 1981 г. до н.э., был найден при археологических раскопках на территории города. Тщательное изучение этого архива позволило восстановить в деталях местные процессы производства и управления¹. Однако документы проливают некоторый свет и на политические процессы, происходившие в это время в Месопотамии, в частности на отношение города к аморейскому окружению.

В записях о передаче готовых изделий после перечисления количества и вида изделий указывается, кто является его получателем. Основными получателями продукции мастерской за пределами Исина, судя по документам, были амореи. В конце списка передаваемых им изделий либо указывалось имя собственное с пометкой «аморей» (PN mar.tu), либо писалось просто: «для амореев» (mar.tu.ne.šè). Для наглядности приведем пример такого рода записи:

Ferwerda № 8, 2011 г. до н.э.

1. 1 giš.gu.za s[èr.da] zaba gar.ga	1 паланкин, отделанный бронзой,
5. níg.šú.tak ₄ .a a-mi-ru-um mar.tu	посылка для Амирума, аморея

Амореи чаще всего получали такие изделия мастерской, как кожаные мешки и сумки различных размеров, обувь типа сандалий. Почему делались такого рода подар-

¹ *Ferwerda G.Jh.* A Contribution to the Early Isin Craft Archive. Leiden, 1985; *Mieroop Van de M.* Crafts in the Early Isin Period. Leuven, 1987.

ки, в отчетных записях, естественно, не указывается, но можно предположить, что ИшбиЭрра, царь Исины, сам по происхождению, возможно, аморей, стремился, учитывая общую нестабильность политической ситуации в Месопотамии, поддерживать дружеские отношения с этой группой населения, рассчитывая на их военную помощь в случае необходимости. Единственный документ архива, где указывается причина посылки даров, упоминает как раз такую ситуацию: «890 шкур, выделанных в виде мешков для хранения серебра, переданы в подарок амореям за то, что они помогли разгромить эламитов»². Изделия чаще всего передаются через гонцов (lu kin.gi₄.a) или через «царских гонцов» (lu kin.gi₄.a lugal). Иногда амореи сами присылают гонцов. В связи с этим в текстах часто упоминаются имена лиц, занимавших, вероятно, высокое положение среди амореев: Уциум [BIN 9 324–326], Шамамум [BIN 9 224, 316], Гаушум [BIN 9 187, 191].

Место назначения в документах не указывается. В принципе для отчетности это, по-видимому, не имело значения, но, возможно, оно не указывалось и потому, что это место назначения не было городом и не имело привычного для составителя отчетов названия. В одном только случае есть упоминание о том, что гонец должен идти в горы к аморею по имени Шамамум [BIN 9 390, hur.sag.ki ša-ma-mu-um mar.tu.šè].

Тем не менее, можно предположить, что постоянное место пребывания этой группы амореев находилось недалеко от Исины. Об этом говорит тот факт, что некоторые амореи неоднократно в течение ряда лет заказывали в этой мастерской кожаные детали для своих колесниц и упряжь. Среди имен этих заказчиков наиболее часто упоминаются Уциум [BIN 9 39, 324, 326] и Шамамум [BIN 9 224, 316, 390]. Несомненно, это были представители аморейской знати. Один из этой группы амореев назван в тексте термином *gabianum* [BIN 9 199]. Таким титулом местная городская администрация или местное население называли, по-видимому, представителя аморейской племенной знати, может быть племенного вождя³.

Всего в текстах архива упоминается около 50 имен амореев, которые пользовались изделиями этой мастерской. Все имена, за небольшим исключением, чисто аморейские, безо всяких следов аккадского влияния, из чего можно заключить, что эта группа амореев еще не принадлежала к числу городских жителей⁴.

Таким образом, судя по документам из архива кожевенной мастерской города Исины, царь этого города в конце XXI в. до н.э. поддерживал дружественные отношения с представителями одного из аморейских племен. Эта группа амореев постоянно жила на одном месте, сравнительно недалеко от города, ее правители находились в тесном контакте с царской администрацией Исины и в случае необходимости, вероятно, оказывали городу военную поддержку. Архивы кожевенной мастерской из Исины обрываются в 1981 г. до н.э., вероятно, в связи с неблагоприятной политической обстановкой, которая сложилась к тому времени во всей Южной Месопотамии. Однако имена некоторых амореев, упомянутых в них, встречаются в царских архивах другого города Месопотамии – города Эшнунны.

Эшнунна, воспользовавшись ослаблением III династии Ура, отпала от нее в самом конце XXI в. до н.э. образовав самостоятельное государство. В это время царь Исины ИшбиЭрра в союзе с местными амореями контролировал значительную часть Месопотамии, в том числе и район реки Диялы, где располагался город Эшнунна. При его поддержке около 2010 г. до н.э. на престол здесь вззошел некий НурАхум. По-види-

² BIN 9 152. P. Вайтинг предполагает, что амореям было передано в дар 890 мешков с серебром в виде благодарности за помощь, оказанную царю Исины в борьбе с эламитами (*Whiting R.M. Old-Babylonian Letters from Tell-Asmar. Chicago, 1987. P. 125*). Однако передача такого огромного количества серебра представляется маловероятной. Скорее эти шкуры были выделаны в мастерской в виде больших кошельков, употреблявшихся для хранения серебра.

³ Stol M. *Studies in Old Babylonian History. Istanbul – Leiden, 1976. P. 75.*

⁴ Buccellati A. *The Amorites of the Ur III Period. Naples, 1966. P. 101–124.*

мому, он находился в зависимости от ИшбиЭрры, и в своих надписях называл себя не царем (*lugal*), а правителем (*ensi*). Так же поступали и его преемники до середины XIX в. до н.э.

Документальный материал из Эшнунны, относящийся к концу XXI – началу XX в. до н.э., – а это письма из царского архива, документы хозяйственной отчетности, надписи на печатях, – проливает некоторый свет на вопрос о том, каким образом и за счет чего происходил процесс увеличения числа городского населения и расширения площади города в этот период.

НурАхум, как и другие цари и правители городов Месопотамии этого времени, находился в тесном взаимодействии с аморейскими племенами, заселявшими обширные территории между городами. Периодически эти отношения могли переходить в военные конфликты. В одном из документов хозяйственной отчетности из Эшнунны содержится перечисление разнообразных предметов из золота, серебра, меди и бронзы, выданных разным лицам. В том числе упоминается и следующий расход: золотое кольцо весом 4 сикля, серебряное кольцо весом 3 сикля, две бронзовые чаши и еще какой-то предмет из бронзы весом в 1 мину 15 сиклей были даны начальнику отряда (*nu.bānda*), когда он разгромил амореев⁵.

В то же время, будучи ставленником ИшбиЭрры, НурАхум поддерживал самые дружественные отношения с той группой амореев, которые были союзниками царя Исина, стремясь найти в них опору своему достаточно шаткому положению. Одним из самых надежных способов установления межгосударственных союзов всегда были династические браки. Таким путем пошел и НурАхум, выдав свою дочь замуж за старшего сына «главы амореев» (*gabiān amurrim*). Своему зятю НурАхум подарил печать с надписью, отпечаток которой сохранился на фрагменте глиняного конверта, найденном в царском дворце: «НурАхум, любимый богом Тишпаком, Ушашуму, своему зятю, сыну Абдаэла, главы амореев, подарил (эту печать)»⁶. Судя по этой надписи, в конце XXI в. до н.э. главой амореев, занимавших северо-восточную часть Месопотамии, был некий Абдаэл. Абдаэл и его сын Ушашум, ставшие родственниками правителя Эшнунны – несомненно, те самые лица, чьи имена (и в таком же сочетании: *13.ab-de₄-el 14.u-ša-šum dumu.ni*) встречаются в хозяйственной записи из исинского архива [BIN 9 316]. В документах и письмах из Эшнунны упоминаются и другие лица из числа тех, которые получали дары от царя Исина ИшбиЭрры и заказывали изделия в его кожаной мастерской.

Некоторые из этих имен встречаются в административно-хозяйственной записи из Эшнунны этого времени, опубликованной И. Гельбом под названием «Старовавилонский список амореев»⁷. Список перечисляет 29 амореев, поселившихся в городе Эшнунне в конце XXI в. до н.э. (точная дата не сохранилась). Только четверо из них названы по именам, остальные названы «сын такого-то» или брат «такого-то». Все имена, перечисленные в списке, кроме имен контролеров из числа местной администрации, чисто аморейские, так же как и имена амореев в исинских документах, т.е. эти лица представляют собой, по-видимому, неассимилированный этно-лингвистический слой, еще не подвергшийся влиянию аккадского этноса. Некоторые из этих имен встречаются и в документах из Исина⁸. 26 человек из списка объединены в три группы (7, 9 и 10 человек). Каждая группа называется *bābtum* (quarter of a city, CAD, 2, p. 9), и перечень людей в каждой группе начинается с сына главы *bābtum*. Главами *bābtum* названы Абдаэл, Икзуэл и Милкилаэл, вероятно родственники, судя по общей структуре имени всех троих. В конце текста упомянут еще *bābtum* Башанума⁹.

⁵ *Whiting*. Op. cit. P. 25.

⁶ *Ibid*. P. 26.

⁷ *Gelb I.J.* An Old Babylonian List of Amorites // *JAOS*. 1968. 88. P. 39–46.

⁸ *Abda-El f. Ušašum* – 316, 13; *Milkilil* – BIN 9 256 3, 408 31; 316 4; *Manium A* 2996 9; *Udama* – BIN 9 414 5; *Bašanum* = (?) *Badanum* PDTI 335 6 (*Buccellati*. Op. cit. P. 101–124).

⁹ *bābtum* в смысле «квартал», «коллектив соседей» дважды упоминается в законах из Эшнунны, записанных примерно в это же время. В одном случае *bābtum* объявляет хозяину быка, что его бык бодлив

Представляется правильным интерпретировать данный текст как список представителей знатных (ellutum) аморейских родов, которые, находясь в дружественных отношениях с правителем Эшнунны, в конце XXI в. до н.э. поселили часть своих младших родственников (младших сыновей и братьев) в городе, образовав здесь четыре жилых квартала. То, что здесь поселились именно младшие представители знатных фамилий, видно на примере семьи Абдаэла. В то время как его старший сын Ушашум продолжал жить там же, где жил и его отец, как мы увидим ниже, другой сын Абдаэла, Авиланум, продолжал жить в Эшнунне еще во время правления второго преемника НурАхума, Билаламы. В одной административно-хозяйственной записи того периода среди других расходов упоминается выдача продуктов по случаю смерти Авиланума: «...1 одежда, 1 кувшин масла, 2 связки фруктов выданы, когда Авиланум, сын Абдаэла, умер»¹⁰.

После смерти правителя Эшнунны НурАхума ему наследовал его брат Кирикири, но царствовал недолго, после него на престол взошел его сын Билалама, племянник НурАхума, вероятно женатый на дочери Абдаэла¹¹. В архиве царского дворца сохранилось несколько писем, написанных правителям Эшнунны их аморейскими родственниками.

По-видимому, в самом начале правления Билаламы скончался Абдаэл. Его сын Ушашум сообщает об этом в письме правителю Эшнунны¹². В самом начале письма он напоминает корреспонденту об их родстве: «я твой брат, твоя плоть и кровь», – и просит его поддержки. Ушашум надеется с помощью Билаламы получить титул, которым владел его отец, т.е. стать «главой амореев». Письмо интересно не только тем, что содержит информацию о характере отношений, существовавших между правителями месопотамских городов и аморейскими вождями; оно проливает некоторый свет и на вопросы внутренней организации амореев. Из текста письма следует, что похороны аморейского вождя были важным общественным событием для всей Месопотамии. На них должны присутствовать «посланцы всей страны», т.е. вероятно депутаты из всех городов, а также «все амореи» (amurru kalu-su). После церемонии должны были, вероятно, произойти выборы преемника покойному вождю. Судя по содержанию письма, титул «глава амореев» не переходил по наследству. Ушашум просит Билаламу показать всем амореям, что он его уважает и поддерживает, а для этого прислать богатые дары, которые были обещаны еще его отцу, Абдаэлу, а именно: одну золотую чашу и три серебряные чаши, одежды и раба. Неизвестно, чем ответил Билалама на просьбу Ушашума. Содержание других писем из его архива и его датировочных формул свидетельствует, что отношения правителя Эшнунны с амореями не всегда носили дружественный характер, иногда дело доходило и до прямых военных столкновений; возможно, это казалось какой-то другой группы амореев¹³.

Последние сведения о семье Абдаэла, которыми мы располагаем, относятся к середине XX в. до н.э. Это письмо Ушашума к очередному правителю Эшнунны, второму приемнику Билаламы. Письмо содержит жалобу на то, что были задержаны 200 его овец, 3 повозки и двое слуг. Обращаясь к правителю он пишет: «если ты мой сын...». Это обращение напоминает и о значительной разнице в возрасте, и о родственных связях амореев с правящим домом Эшнунны¹⁴.

Документы и письма из Исина и Эшнунны конца XXI и начала XX в. до н.э. свидетельствуют о тесных связях между правителями городов и аморейской знатью в тот период. Их отношения колебались в весьма широких пределах: от военных столкновений до брачных союзов, но преобладающим было, по-видимому, стремление

(параграф 54), в другом – владельцу дома, что стена его дома грозит обвалом (параграф 58). Предупрежденный таким образом человек несет полную ответственность за возможные последствия.

¹⁰ Whiting. Op. cit. P. 115.

¹¹ Ibid. P. 27.

¹² Ibid. P. 48.

¹³ Ibid. P. 46.

¹⁴ Ibid. P. 76.

к укреплению дружеских связей. С этой целью правители Эшнунны не только породнились с представителями некоторых знатных аморейских родов, но и дали им возможность поселиться в городе, где они образовали несколько новых жилых кварталов. Эти данные вполне согласуются со свидетельствами археологии о значительном расширении жилых городских районов в Эшнунне в начале II тыс. до н.э.¹⁵

Н.В. Козырева

AMORITES IN THE CITIES OF ISIN AND ESHNUNNA

N.V. Kozyreva

A large part of letters and administrative documents from Isin and Eshnunna dated to the first centuries of the II millennium BC contains very interesting information about close relations between city rulers and the Amorite elite. Their permanent contacts ranged from military conflicts to marriage agreements, while aspirations for strengthening their friendly relations prevailed.

© 2001 г.

О ПЕРВОМ УПОМИНАНИИ ГОРОДА ФАСИСА В ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКАХ

Юрий Виноградов, выдающийся исследователь античного Причерноморья, был одним из самых активных участников международных симпозиумов по древней истории и археологии Причерноморья, проводимых в Грузии – сперва в Цхалтубо (с 1977 г.), а затем в Вани (с 1985 г.). Всем памятны его блестящие доклады и яркие выступления на этих форумах. Юрий неоднократно высказывал свое мнение и о Фасисе – греческой апойкии в Колхиде. Поэтому я и решил посвятить (с огромной болью в сердце) его незабвенной памяти эту небольшую заметку.

* * *

Город Фасис, в отличие от соименной реки¹, в источниках упоминается несравненно реже². Дискуссионным следует считать вопрос о первом упоминании города Фасиса в письменных источниках.

В специальной научной литературе, посвященной источникам о греческих городах Причерноморья (в том числе и колхидского побережья)³, единогласно утверждается,

¹⁵ Postgate J.N. Early Mesopotamia. L. – N.Y., 1992.

¹ Река Фасис, впервые упомянутая у Гесиода (Theog. 940–942), а затем почти у всех греко-римских авторов, писавших о Колхиде, идентифицируется с современной рекой Риони (нижнее и среднее течение) и ее левым притоком Квирила (в нынешней Западной Грузии) – подробнее см. Lordkipanidze O. Das alte Georgien (Kolchis und Iberia) in Strabon's Geographie. Amsterdam, 1996. S. 97–106.

² *Нупocr.* Περὶ ἄερων... 15; *Ps.-Scyl.* Asia. 81; *Arist.* Fr. 60 (Rose); *Eratosth.* Fr. III. B 75 (Berger); *Heraclid Lamb.* Polit. 46: Φασισανῶν; *Ps.-Scymn.* 930 (= Anonym. PPE. 44); *Strabo.* II. 1. 39; XI. 2, 16–17; 3. 4; XII. 3. 17; *Plut.* Pomp. XXXIV. 5; *Ps.-Plut.* De Fluv. V; Phasis; *Arr.* PPE. 8–10; *Claud. Ptol.* V. 10. 1–2; VIII. 19. 4; *Zosim.* I. 32. 3; *Agath. Myr.* Hist. III. 19–22; *St. Byz.* Ethn. s.v. Φᾶσις; Sch. ad Aristoph. Acham. 726; Sch. ad Theocr. Idyl. XIII. 24; *Plin.* NH. VI. 13, 52; *Pomp. Mel.* Chorogr. I. 108; *Amm. Marc.* Res Gest. XXII. 8, 24.

³ См., например, *Инадзе М.* Причерноморские города древней Колхиды. Тбилиси, 1968. С. 39–96; *Каухчишвили Т.С.* Письменные источники по вопросу «колонизации» Восточного Причерноморья // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 295–299; *Ehrhardt N.* Milet und seine Kolonien. Frankfurt am Main, 1988². S. 84–86.

что первое упоминание Фасиса в нарративной традиции мы имеем у Псевдо-Скилака (Asia. 81). При этом все исследователи сходятся на том, что Геродот в Восточном Причерноморье не называет греческие города и не упоминает город Фасис, а лишь соименную реку⁴. Однако столь категорическое утверждение⁵ вызывает некоторые сомнения.

Геродот упоминает Φᾶσις восемь раз, при этом в пяти случаях с пояснением «река Фасис» (Φᾶσις ποταμός) – I. 2 [2]; I. 104 [1]; II. 103 [2]; IV. 37 [1]; VI. 84 [2]⁶, а еще в одном случае (IV. 45 [2]) пояснения «река» (ποταμός) нет, но совершенно ясно, что речь идет именно о реке⁷. Но два случая (IV. 38, 86) требуют специального рассмотрения.

IV. 38: «Оттуда к западу тянутся к морю две полосы земли, которые я и опишу [2]. Отсюда одна из полос, начавшись на севере от Фасиса, тянется к морю вдоль Понта и Геллеспонта до троянского Сигея, а с южной стороны та же самая полоса земли от Мириандикского залива, лежащего у Финикии, тянется к морю до Триопийского мыса...»⁸. Упоминание в предыдущем параграфе (IV. 37 [1]) реки Фасис как будто должно указывать на то, что в цитированном выше отрывке речь идет опять о той же реке. Однако в IV. 37 [1] река Фасис (Φᾶσις ποταμός), как мне кажется, упоминается для определения Северного моря⁹ в связи с местожительством колхов (ср. IV. 37 [1] ...τούτων δ' ὑπεροκέουσι πρὸς βορέην ἄνεμον Μῆδοι, Μῆδων δὲ Σάσπειρες, Σασπείρων δὲ Κόλχοι κατήκοντες ἐπὶ τὴν βορήνην θάλασσαν, ἐς τὴν Φᾶσις ποταμός ἐκδίδοι).

В интересующем же нас в данном случае отрывке (IV. 38) определяется прибрежная полоса вдоль Понта и Геллеспонта (ср. ...ἡ ἀκτὴ ἐτέρη ... παρατέταται...). Упомянутое здесь ...ἡ ἀκτὴ обычно означает «побережье», «участок суши, вдающийся в море»¹⁰. Обращает на себя внимание, что если начальным (северным) ориентиром называется Фасис («...ἀπὸ Φάσιδος ἀρξαμένη...» – без определяющего ποταμός, т.е. река), то конечным южным ориентиром – троянский Сигей. Сигей (Σίγειον) же упоминается Геродотом как город (!) и в V. 94. Известен он как город Трояды (локализуемый у входа в Геллеспонт) и из других источников¹¹. Было бы, конечно, соблазнительно предполагать, что в IV. 38 [2] даются определения побережья между городами Фасис и Сигей и, следовательно, в данном отрывке Геродота под названием Фасис подразумевается не река, а город. Однако такой вывод нельзя считать обязательным, так как не исключено, что в IV. 38 [2] Геродота Сигей может быть названием не города, а мыса. Тем более что в том же пассаже IV. 38 [2]

⁴ См., например, Powell J.E. A Lexicon to Herodotus. Hildesheim, 1977². P. 371 (s.v. Φᾶσις), а также издания Геродота с индексами: Hérodote. Histoires. T. IV / Ed. Ph.-E. Legrand. P., 1960; Herodotus / Ed. A.D. Godley. L., 1960–1963; Erodoto. Le storie / Ed. Al. Corsella. Roma, 1993.

⁵ Кроме литературы, указанной в прим. 3, см. также Tsatskheladze G. Greek Colonization of the Eastern Black Sea Littoral (Colchis) // Dialogues d'histoire ancienne. 19:1. P., 1992. P. 227.

⁶ Перевод текстов Геродота на русский язык дается по кн.: Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота. М., 1982.

⁷ В данном отрывке Геродот рассуждает о реках в качестве границ: οὐδ' ἔχω συμβαλέσθαι ἐπ' ὅτεν μὴ εὐοση γῆ οὐνόματα τριφάσια κείται, ἐπωνυμίας ἔχοντα γυνακῶν, καὶ οὐρίσματα αὐτῆ Νεϊλὸς τε ὁ Αἰγύπτιος ποταμός ἐτέθη καὶ Φᾶσις ὁ Κόλχος (οἱ δὲ Τάναϊν ποταμὸν τὸν Μαίητην καὶ Πορθημία τὰ Κιμμέρια λέγουσι).

⁸ ἐνθεῦτεν δὲ τὸ πρὸς ἐσπέρης ἀκταὶ διφάσαι ἀπ' αὐτῆς κατατείνουσι ἐς θάλασσαν, τὰς ἐγὼ ἀπηγήσομαι. ἔνθεν μὲν ἡ ἀκτὴ ἡ ἐτέρη τὰ πρὸς βορέην ἀπὸ Φάσιος ἀρξαμένη παρατέταται ἐς θάλασσαν παρὰ τε τὸν Πόντον καὶ τὸν Ἑλλήσποντον μέχρι Σιγείου τοῦ Τρωικοῦ, τὰ δὲ πρὸς νότον ἡ αὐτὴ αὐτῆ ἀκτὴ ἀπὸ τοῦ Μυριανδικοῦ κόλπου τοῦ πρὸς Φοινίκη κειμένου τείνει τὰ ἐς θάλασσαν μέχρι Τριοπίου ἄκρης.

⁹ Здесь определение βορήνη θάλασσα, т.е. «Северное море», подразумевает «Черное море».

¹⁰ См. Доватур, Каллистов, Шишова. Указ. соч. С. 269. Прим. 301, 305.

¹¹ См., например, Hecat. FR. 221; Thuc. VI. 59 [4]; VIII. 101 [3]; Ps.-Scyl. Asia. 95; Dem. 2. 28; Diod. IV. 42. 1; XIII. 39. 1; XX. 107. 2; Strabo. XIII. 1. 31; Pomp. Mel. I. 93; ср. также St. Byz., s.v. Σίγειον, Σίγη: πόλις Τρωάδος...

у Геродота для определения побережья ориентирами названы Мириандикский залив и Триопийский мыс. Поэтому вопрос о том, подразумевал ли в IV. 38 [2] Геродот под названием Фасис (Φᾶσις) именно город или реку, следует оставить открытым. Более определенно, хотя и не с полной уверенностью, можно говорить о IV. 86, где Геродот излагает свои выводы об измерении длины и ширины Понта¹²: «Измерены были они следующим образом. Корабль проходит всего в течение долгого дня приблизительно 70 000 оргий, а в течение ночи 60 000 [оргий]. [2] Плавание же до Фасиса от устья [морья] (ведь Понт здесь длиннее всего) занимает девять дней и восемь ночей»¹³.

В цитированном отрывке (как и в IV. 38 [2]) Фасис назван без пояснения «река» в отличие от других случаев, когда Фасис сопровождается определением «река» – ср. I. 2 [1]; I. 104 [1]; II. 103 [2]; IV. 37 [2]; VI. 84 [2]. Естественно возникает вопрос, что имел в виду Геродот, упоминая Фасис в связи с измерениями расстояний в различных частях Понта: реку (т.е. ее устье) или, может быть, город с гаванью? Вторая возможность предпочтительнее, поскольку, по утверждению Геродота, измерения расстояний проводились на основе сопоставления со временем плавания кораблей. Последние могли отправляться только из гавани, и, следовательно, можно было бы предположить, что в цитированном выше отрывке (IV. 86 [2]) Геродот имел в виду именно город и его гавань, а не реку¹⁴.

Вероятность такой возможности усиливается как будто и тем, что в последующем изложении в том же IV. 86 Геродот прямо говорит о плавании из Синдики до Фемискиры, расположенной на реке Фермодонт (ср. IV. 86 [3]: «Плавание из Синдики в Фемискиру на реке Фермодонте (в этом месте Понт шире всего) занимает три дня и две ночи. Это составляет 330 000 оргий, а стадиев – 3300»). Ориентиром здесь указывается не река, в данном случае – Фермодонт или ее устье, а Фемискира, хорошо известный и по другим источникам город (Ps.-Scyl. 89: ...ποταμὸς Θερμῶδον καὶ πόλις Ἑλληνὶς Θεμισκυρα...; Strabo. II. 5. 25; XI. 5. 4; XII. 3. 14 etc; Plin. NH. XXII. 24; Plut. Lucul. XV; App. Mithr. 78), локализуемый в Юго-Восточном Причерноморье у устья нынешней р. Терме-чай¹⁵. Что касается Синдики (Σινδική), то, как известно, под этим названием фигурирует не только страна синдов в Северо-Восточном Причерноморье на Таманском полуострове (ср. Strabo. XI. 2. 1, 10; XII. 3. 29.), но и город на азиатской стороне Боспора (ср., например, Strabo. VII. 4. 6; XI. 2. 12), именуемый также как Σινδικὸς λιμὴν (Ps.-Scyl. 72; Ps.-Scymn. 886–889; Strabo. XI. 2. 14; Claud. Ptol. V. 8. 8), отождествляемый с городом Горгиппией (Γοργιππία), локализуемым на месте нынешней Анапы¹⁶. При этом справедливо утверждают, что под названием Синдика (Σινδική) Геродот подразумевает не страну, которая у него упоминается под названием Σίνδοι¹⁷, а именно город, так как если с одной стороны,

¹² Ср. Рыбаков Б.А. Геродотова Скифия. М., 1979. С. 75 сл., 81 сл.

¹³ ...μετρέηται δὲ ταῦτα ὅδε ἡνῆς ἐπίπαιν μάλιστα κη καταυίει ἐν μακροημερίῃ ὄργυιὸς ἐπτακισμυρίας, υκτὸς δὲ ἑξακισμυρίας. ἤδη ὦν ἐς μὲν φᾶσιν ἀπὸ τοῦ στόματος (τοῦτο γάρ ἐστι τοῦ Πόντου μακρότατον) ἡμερῶν ἐννέα πλὸς ἐστὶ καὶ υκτῶν ὀκτώ...

¹⁴ Насколько мне удалось проследить, Геродот при упоминании рек, как правило, использует артикль (естественно, мужского рода), как, например, I. 201: ὁ δὲ Ἀράξης... τοῦ Ἰστροῦ; II. 26: ...τὸν Ἰστρον... τὸν Νεῖλου и т.д. Хотя в некоторых случаях он опускает артикль, но дает определение «река» (ποταμὸς), как, например, II. 33: Ἰστρος τὲ γὰρ ποταμὸς...; IV. 89: ...Ἰστροῦ ποταμοῦ. Однако при упоминании городов Геродот, как правило, дает их название без артикля (точно так, как в случае с Фасисом в IV. 38 и 86). Ср., например, IV. 101 [2]: ...ἀπὸ γὰρ Ἰστροῦ ἐπὶ Βορουσθένεα...; IV. 14: ἐν Προκοινήσῳ καὶ Κυζίκῳ... ἐξ Ἀρτάκης πόλιος... ἐπὶ Κυζίκου... ἐς Προκόννησον...; IV. 87: ...ἐς Βυζαντίω... μέσον ἐστὶ Βυζαντίου..., IV. 90: ...ἐξ Ἀπολωνίης и т.д. Наиболее показательный пример (в сопоставлении с Фасисом): река и город Борисфен (ср., например, когда у Геродота речь идет о реке, – IV. 87: τοῦ Βορουσθέneos...; IV. 81: ...Βορουσθέneos τὲ ποταμοῦ и т.д.; но о городе в IV. 78: ...καὶ οἰκία τε ἐδείματα ἐν Βορουσθένει...

¹⁵ Качарова Д.Д., Квириквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Тбилиси, 1991. С. 293–294.

¹⁶ Кругликова И.Т. Синдская гавань, Горгиппия, Анапа. М., 1975; Качарова, Квириквелия. Ук. соч. С. 78 (Горгиппия) и 236 (Синдика и Синдская гавань).

¹⁷ Herod. IV. 28.

счет ведется от определенного населенного пункта (Фемискира), то следует ожидать, что и на противоположном берегу будет указан также вполне определенный пункт, т.е. в данном случае город Синдика¹⁸. Следовательно, можно предположить, что при вычислении длины Понта Геродот, говоря о плавании от устья Понта до Фасиса (...ἡδὴ ὧν ἐς μὲν Φᾶσιν ἀπὸ τοῦ στόματος [τοῦ Πόντου]), имеет в виду не реку, а пункт – гавань, город Фасис. Обращает на себя внимание, что измерение длины Понта от «устья Понта» до Фасиса мы находим и у поздних географов, в частности у Эратосфена и Гиппарха. По сообщению Страбона (II. 1. 39): «...хотя Эратосфен сначала указал расстояние от устья Понта до Фасиса 8000 стадий и прибавил к этому пути горный проход, ведущий от Диоскурии до горы Каспия пять дней пути (расстояние, которое согласно самому Гиппарху, составляет предположительно около 1000 стадий), так что общее расстояние, по Эратосфену, доходит до 9600 стадий; Гиппарх сокращает это число, говоря, что от „Кианейских скал до Фасиса 5600 стадий...“»¹⁹.

Таким образом и в этом отрывке, в котором приводятся данные измерений Эратосфена и Гиппарха (см. Strabo. II. 1. 39), Фасис упоминается наряду с Диоскурией, т.е. городом, основанным милетянами (Аг. РРЕ. 12) на колхидском побережье Черного моря²⁰ и локализуемым в районе нынешней Сухумской бухты²¹. В данном случае межевым пунктом измерения (τὸ σημεῖον: Strabo. II. 1. 39) служат прибрежные города-гавани (Диоскурия, Фасис). Сопоставляя приводимые данные (Herod. IV. 86 [2, 3]; Strabo. II. 1. 39), можно утверждать, что, говоря о плавании от «устья [Понта] до Фасиса» (...ἐς μὲν Φᾶσιν ἀπὸ τοῦ στόματος [τοῦ Πόντου]), Геродот имел в виду не реку Фасис, а пункт, гавань, т.е. город Фасис. Если такое толкование текста Геродота (IV. 86) правильно, то самое раннее упоминание города Фасиса в нарративных источниках мы встречаем у Геродота в IV. 86 [2], а также, возможно, и в IV. 38 [2]. Но прежде следует рассмотреть вопрос о том, что подразумевается под «устьем Понта» (τὸ στόμα τοῦ Πόντου), которое упоминается у Геродота (кроме уже цитированного IV. 86 [2], также и в IV. 81 [3], 85 [3] и 87 [2]). При этом ясно, что под этим названием Геродот имел в виду современный Босфорский пролив (ср. IV. 85 [3])²². Естественно предположить, что измерение длины Понта от «устья» до Фасиса должно было быть произведено от того пункта, который находился у входа в «устье», но уже на берегу Понта. Это явствует и из рассказа Геродота IV. 85 [1]: Дарий, «сидя на мысу, смотрел на Понт...»²³. Геродот сообщает, что мост, возведенный Дарием, находился в той части Калхедонской области, которая примыкает к Боспору (ср. IV. 85 [1]: τῆς Καλχηδονίης ἐπὶ τὸν Βόσπορον...) посередине между Византием и храмом при «устье» (ср. IV. 87 [2] ...μέσον ἐστὶ Βυζαντίου τε καὶ τοῦ ἐπὶ στόματα ἱεροῦ). Под «храмом у устья [Понта]» (...τοῦ ἐπὶ στόματα ἱεροῦ – IV. 87 [2]), как полагают, подразумевается храм Зевса Урия, упомянутый и в более поздних источниках под разными названиями и локализуемый на азиатской стороне Босфора, на месте нынешнего Oros Kalassi, около Anadolu Kaway²⁴.

¹⁸ Ср. Доватур, Каллистов, Шишова. Ук. соч. С. 327. Прим. 519–520.

¹⁹ Διόπερ πρῶτον μὲν ἐκεῖνου τὸ ἀπὸ τοῦ στόματος ἐπὶ Φᾶσιν εἰπόντος σταδίων ὀκτακισχιλίων, καὶ προσθέντος τοὺς εἰς Διοσκουριάδα ἐνθένδε ἑξακοσίους τὴν δ' ἀπὸ Διασκουριάδος εἰς τὸ Κάσπιον ὑπέρθεσιν ἡμερῶν πέντε, ἥτις κατ' αὐτὸν Ἰππαρχὸν εἰκάζεται λέγεσθαι ὅσον χιλίων σταδίων, ὥστε τὴν σύμψασαν κατ' Ἐρατοσθένη κεφαλαιοῦσθαι ἑννακισχιλίων ἑξακοσίων αὐτὸς συντέμνηκε καὶ φησὶν ἐκ μὲν Κιανέων εἰς Φᾶσιν πεντακισχιλίους ἑξακοσίους...

²⁰ Ср. Ps.-Scyl. Asia. 81; Strabo. XI. 2. 14; Pomp. Mela. I. 111; Amm. Marc. Res Gestae. XXII. 8. 24; Claud. Ptol. V. 9. 2; VIII. 19. 3; Plin. NH. VI. 15–16; Steph. Byz. s.v. Διοσκουρίας.

²¹ Качарова, Квириквелия. Ук. соч. С. 86 сл.

²² ...τούτου τοῦ πελάγους τὸ στόμα ἐστὶ εὖρος τέσσερες στάδιοι, μῆκος δὲ τοῦ στόματος, ὁ αὐχὴν, τὸ δὴ Βόσπορος κέκληται...

²³ Δαρεῖος... ἐζόμενος δὲ ἐπὶ βίῳ ἐθήετο τὸν Πόντον...

²⁴ См. Oberhammer P. Bosphoros // RE. III. 1. S. 752; Radke G. Urios // RE. II. Reihe. 17. Hbd 17. 1977. S. 1024. В марте 1995 г. я имел возможность побывать в этой местности при любезном сопровождении

Из письма Арриана к императору Адриану явствует, что место, где находился храм, было отправным пунктом для плавающих в Понт (см. подробнее Агг. PPE. § 17) и находилось у самого «устья», всего в 90 стадиях (12 км) от впадающей в Черное море реки Реба (Ῥήβας), которую упоминает и Псевдо-Скилак в § 92 в контексте с описанием храма, находившегося у «устья Понта» (...καὶ ποταμὸς Ῥήβας. Εἶτ' εὐθὺς ὁ πόρος καὶ τὸ προειρημένον ἱερόν ἐν τῶν στόματι τοῦ Πόντου...). Совершенно очевидно, что как у Геродота (IV. 87 [2]), так и у Псевдо-Скилака (§ 92) речь идет о том же храме Зевса Урия, т.е. месте, которое Арриан (в вышеназванном отрывке из письма к императору Адриану) считает отправным пунктом для плавающих в Понт.

Таким образом, можно полагать, что Геродот в IV. 86 [2], говоря о плавании от устья Понта до Фасиса (...ἤδε ὧν μὲν Φάσιν ἀπὸ τοῦ στόματος ἡμερῶν ἐννέα πλόος ἐστί), имел в виду вполне определенные пункты: храм Зевса Урия у устья Понта, служивший отправным пунктом плавания в Понт, и Фасис – гавань. Если такое понимание текста Геродота правильно, то первое упоминание города Фасиса в дошедших до нас источниках следует предполагать у Геродота в IV. 86 [2] и, возможно, также в IV. 38 [2].

О.Д. Лордкипанидзе

ON THE FIRST MENTION OF THE CITY OF PHASIS IN WRITTEN SOURCES

O.D. Lordkipanidze

Researchers of sources, mentioning Greek cities of the Black Sea Region (including the Colchian coast), are unanimous in asserting that Phasis was first mentioned by Pseudo-Scylax (*Asia* 81). All scholars agree that Herodotus does not mention the Greek cities of the Eastern Black Sea coast including Phasis, but only the river of the same name. This seems to be doubtful. Herodotus mentions Φάσις 8 times, 5 of them adding “river”: Φάσις ποταμὸς (I, 2 [2]; I, 104 [1]; II, 103 [2]; IV, 37 [1]; VI, 84 [2]). One more time (IV, 45 [2]) Φάσις is mentioned without determinant “river” (ποταμὸς), but the context leaves no doubt that the river is meant. But in two cases (IV, 38 and IV, 86) while giving information on distances between harbours and cities of Pontus and mentioning Phasis without determinant “river”, Herodotus, as we may presume, spoke about the city and its harbour.

В. Радта, второго директора Германского археологического института в Стамбуле. Вход в Черное море действительно виден оттуда очень хорошо. Местность очень удобна для гавани и начального пункта для плавания в Черное море. Здесь сохранилась генуезская крепость, для которой использованы архитектурные детали классического и эллинистического периодов. См. также *Freely J. Istanbul. Ein Führer. München, 1975. S. 547; idem. The Bosphorus. Istanbul, 1993. P. 195 f.*

ГЕРОИ ТРАГЕДИЙ ЕВРИПИДА НА КОПТСКИХ ТКАНЯХ

Античная тематика занимает значительное место в искусстве египтян-христиан (коптов)¹. На протяжении всего первого тысячелетия коптские мастера – скульпторы, резчики по кости и дереву, торецты и особенно часто ткачи – черпали из богатого арсенала античного искусства сцены, образы, декоративные мотивы². Настоящим кладом для них были литературные произведения древних авторов. Особой популярностью пользовались творения Еврипида (ок. 480–406 гг. до н.э.). Из более чем 90 написанных им произведений до нас дошло 17 трагедий и одна сатирическая драма. Герои по меньшей мере трех трагедий Еврипида запечатлены на памятниках ткачества IV–VIII вв. Рассмотрению некоторых из этих тканей посвящена данная работа. Сразу оговоримся, что мы не будем вдаваться в дискуссионные в ряде случаев вопросы датировки памятников и не станем анализировать их стилистические и технические особенности, ничем не отличающихся от основной массы тканых изделий коптских мастеров этого периода. Нас будет интересовать только иконографическое решение сюжетов, выяснение причин их появления и их символическое осмысление.

Начнем рассмотрение тканой продукции коптов с изображений героев трагедии Еврипида «Ипполит». Суть античного мифа об Ипполите, литературно обработанного Еврипидом³, такова. Античный герой царь Тесей вторичным браком женился на Федре. Его сын от первого брака Ипполит был преданным «ловчим и служителем» Артемиды и презирал любовь. Афродита, оскорбленная полным невниманием к ней юноши, решила мстить ему. Богиня избрала довольно оригинальную форму мести: она внушила Федре страсть к Ипполиту. Целомудренный Ипполит отверг любовь мачехи. Считая себя опозоренной, Федра кончает с собой, оставив письмо, в котором обвиняет пасынка в прелюбодеянии. Прочитав это письмо, Тесей проклинает сына, изгоняет его и просит своего отца Посейдона наказать виновника его позора. Посейдон исполняет просьбу: когда Ипполит ехал на колеснице вдоль берега моря, из морской пучины появился чудовищный бык, лошади испугались, понесли, юноша упал и разбился.

Ключевые эпизоды этого мифа нашли отражение в разнообразных памятниках античного искусства. Наибольшей популярностью у древних мастеров пользовался описанный Еврипидом эпизод объяснения Ипполита со старухой-служанкой Федры, которая без ведома хозяйки сообщила о ее страсти юноше. Этот эпизод чаще других воспроизводился в мозаиках, росписях, рельефах саркофагов⁴. Обычно на них изображены пожилая кормилица рядом с Ипполитом, либо читающим переданную ею табличку-письмо, либо гневно отвергающим слова служанки. Чуть поодаль от них обычно изображалась и Федра (этим приемом мастера наглядно демонстрировали отсутствие ее при разговоре, но в то же время намекали на причастность ее к происходящему).

Столь часто встречающийся на античных памятниках эпизод воспроизведен и на хранящейся в Эрмитаже (инв. № 13139) части льняной туники IV в. с двумя вотканными в нее вставками: полосой и прямоугольником, украшенными двухцветными изображениями (белое с пурпуром темно-синего оттенка), исполненными в гобеленовой технике (рис. 1). На полосе чередуются изображения человеческих фигур, ваз, корзин

¹ В данном случае под античной тематикой мы подразумеваем не местную египетскую древность, а античность, привнесенную в долину Нила греками и римлянами.

² Основную литературу по этой тематике см. *Nauerth C. Mythologische Themen in der koptischen Kunst – neue Bestandsaufnahme 1991/1992 // Begegnung von Heidentum und Shristentum im spätantiken Ägypten. Riggisberger Berichte, 1. Riggisberg, 1993. S. 87–98.*

³ Работы, посвященные творчеству великого трагика, и издания его творений многочисленны. Мы в основном использовали двухтомник его «Трагедий» (М.: Искусство, 1980). «Ипполит» помещен в I томе (текст – с. 171–228, комментарий – с. 525–529).

⁴ Наиболее полно античные памятники с эпизодами из «Ипполита» представлены в кн.: *Lexicum Iconographicum Mythologiae Classicae.*

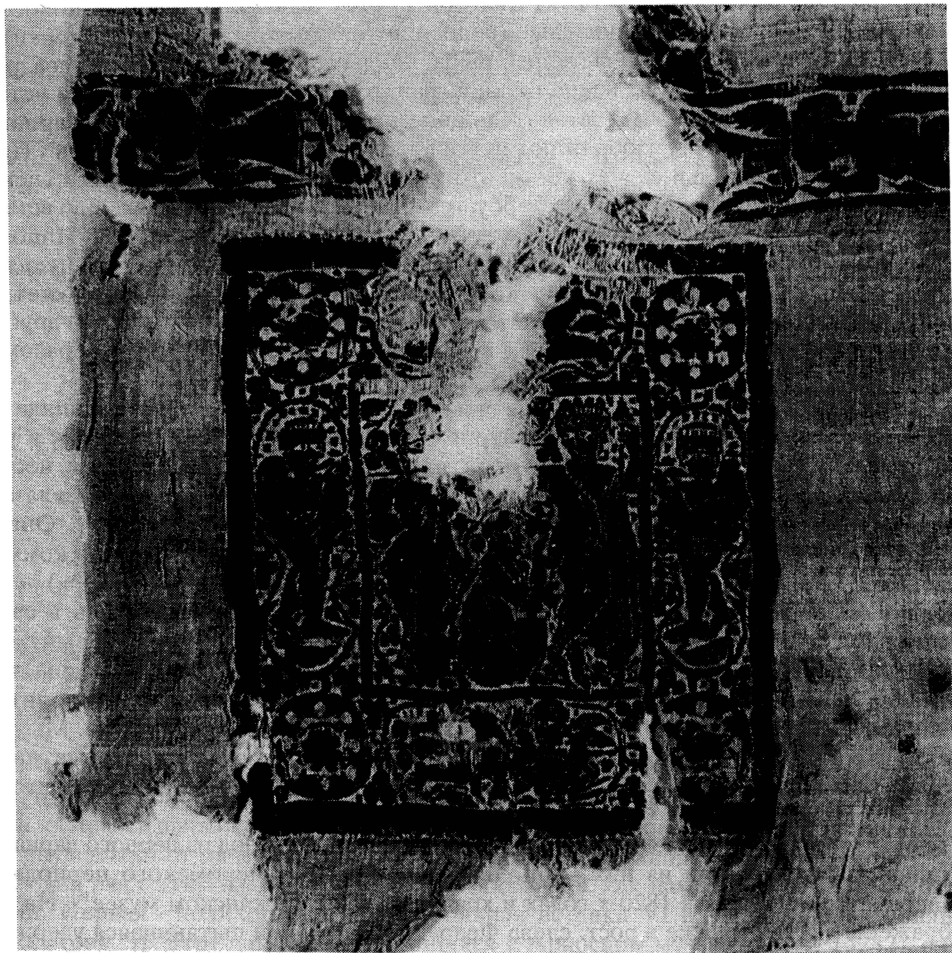

Рис. 1. Ипполит, Федра и ее служанка. Коптская ткань. IV в. Санкт-Петербург, Эрмитаж

с виноградными ветвями. Обрамление прямоугольной вставки состоит из лозы, птиц и изображений четырех юношей, двое из которых ловят животных, а двое других подносят дары. В центральной части вставки представлена сцена, так описанная ее издателями: «Слева Федра, стоящая в фас; правая рука ее лежит на груди, левая была, по-видимому, поднята вверх. Посредине изображена кормилица, присевшая на одно колено и, как показывает жест ее рук, убеждающая Ипполита, стоящего справа. Фигура его обращена в три четверти правую; голова повернута влево; ноги перекрещены; левой рукой он опирается на копьё; правая была, видимо, поднята вверх (ткань повреждена); тело обнажено; через правое плечо идет перевязь, на левой руке висит плащ. Фон заполнен виноградной лозой»⁵.

До недавнего времени эрмитажная ткань считалась уникальной. Нам посчастливилось обнаружить аналогичный образец. Это ткань IV–V вв. из собрания Промышленно-текстильного музея (инв. № 15006) в городке Санкт-Галлен (рис. 2). Она фигу-

⁵ *Матье М.Э., Ляпунова К.С.* Художественные ткани коптского Египта. М.–Л., 1951. С. 98. С. 34. Табл. XVI.

рировала на выставке коптских тканей в этом городе в 1981 г. и, как и эрмитажная ткань, представляет собой фрагмент льняной туники с двумя вставками: полосой и квадратом. Изображения двухцветные (белое с пурпуром темно-синего оттенка); на полосе в гобеленовой технике вытканы: рыба, плоды граната, плетенка, на квадрате, обрамление которого состоит из плетенки и гранатовых яблок, представлены четыре персонажа. По определению составительницы каталога этой выставки Марианны Гахтер-Вебер, эти фигуры изображают путти и нильскую сцену рыбной ловли⁶. Предположения ее ошибочны: сюжет не имеет никакого отношения к нильским сценам. Санкт-галленский памятник схож с петербургским не только по расположению вставок (полоса над квадратом), но и одним сюжетом: слева стоит Федра, справа – Ипполит, «страшными проклятиями он осыпает в гневе» старуху-служанку, опустившуюся на правое колено; над юношей и старухой парит Эрот (который, быть может, не сохранился на эрмитажном образце, часть верха которого не сохранилась). По-другому решенное обрамление этой сцены и заполнение вставки-полосы никоим образом не меняет сути центральной композиции.

Говоря об «Ипполите», следует отметить, что в творческой судьбе Еврипида эта трагедия занимает особое место. Рассматриваемые здесь коптские ткани, как и упоминаемые произведения античного искусства, иллюстрировали сцены трагедии, поставленной впервые в театре в 428 г. до н.э. и дошедшей до нас. Но существовала еще одна, более ранняя, первая редакция пьесы – «Ипполит закрывающийся». Она не сохранилась, но о ее содержании мы знаем из жизнеописания Еврипида⁷, из комментариев ко второй редакции и по фрагментам, использованным Сенекой (I в.) в его трагедии «Федра»⁸. В первом варианте трагедии Федра сама открылась в своей страсти пасынку. Публика расценила это как безнравственный акт. Еврипид вынужден был отказаться от него и написал второй вариант. В нем старая служанка Федры, зная о страсти своей госпожи, по собственной инициативе обратилась к Ипполиту с излиянием любовных чувств Федры и увещаниями разделить с нею ложе. Мы уже видели, что этот вариант нашел отражение в довольно многочисленных памятниках изобразительного искусства и – как следствие их копирования⁹ – на ранних коптских тканях.

Но сохранились и произведения, на которых запечатлен эпизод из первого варианта трагедии. Самый ранний из них – напольная мозаика позднеримского периода из Порцареччия, открытая в 1820-х годах и хранящаяся в Ватиканском музее¹⁰. На ней изображены два персонажа в рост: слева Федра, правой рукой пытающаяся удержать за полы одежды Ипполита. Другой памятник – костяная пластина (ок. V в.) из собрания Христианского музея в Брекции; на ней представлена Федра, смотрящая на читающего ее послание пасынка; сверху, между ними – фигурка Эрота¹¹. И еще

⁶ *Gachter-Weber M.* Koptische Gewebe. St. Gallen, 1981. S. 17. № 9 (рец.: *Каковкин А.Я.* // ВВ. 1987. 48. С. 209 сл.).

⁷ *Westermann A.* Biographi Graeci Minores. Brunsvigas, 1845. P. 137; *Séchan L.* Etudes sur la tragédie grecque. P., 1926. P. 323.

⁸ *Еврипид.* Трагедии. Т. I. С. 525, 526.

⁹ Образцами для ткачей служили не только произведения изобразительного и прикладного искусства (мозаики, росписи, скульптура, мелкая пластика, торевтика и др.), но и листы папируса с рисунками – образцами для ткачей (*Donadoni Roveri A.M.* Fouilles dans le Musée de Turin. Une statuette de Tigi-Touéris. Des cartons de tissage copte // Actes du Ier Congrès Intern. d'Égyptologie. B., 1979. P. 181–192), копировали они и тканые изделия (*Auth. S.* Coptic art // The Newark Museum Quarterly. Spring 1978. V. 29. № 2. P. 1). Наверняка вдохновляла мастеров и окружающая действительность: спортивные игры, цирковые и театральные представления и т.п. (*Canaerlier P.* Jeux du cirque en Egypte d'après des tissus coptes inédits // RLMF. 1981. № 4. P. 331–336; *Berliner R.* Tapestries from Egypt influenced by theatrical performances // TMJ. Dec. 1964. V. 1. № 3. P. 35–49).

¹⁰ *Weitzmann K.* The Survival of mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography // DOP. 1960. 14. P. 54. Fig. 17.

¹¹ *Volbach W.F.* Elfenbeinarbeiten der Spätantike und des frühen Mittelalters. Mainz, 1952. № 66. Taf. 21; *Simon E.* Meleager und Atalante. Ein spätantiker Wandbehang. Bern, 1970. Abb. I. S. 8.

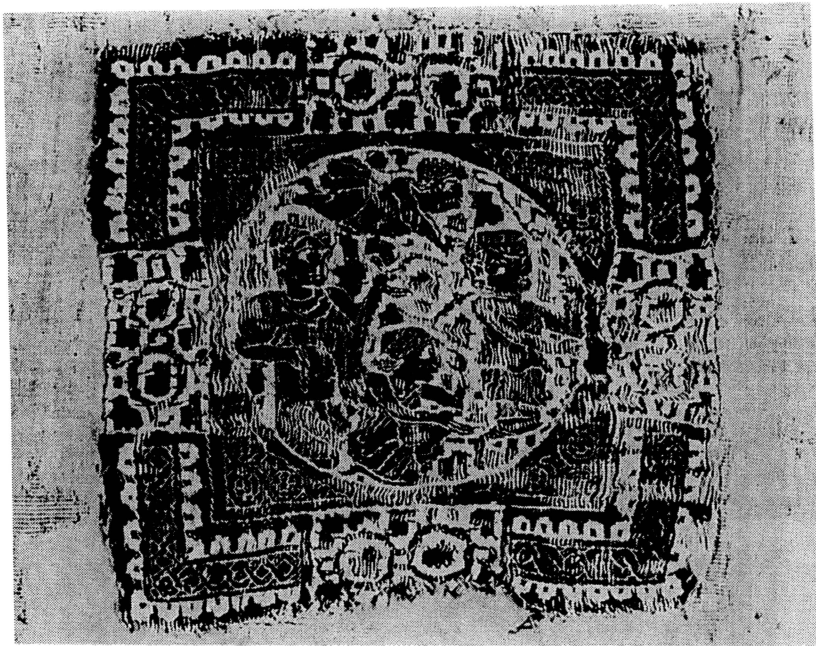

Рис. 2. Ипполит, Федра, ее служанка и Амур. Коптская ткань. IV–V вв. Санкт-Галлен, Промышленно-текстильный музей

один – серебряное блюдо первой половины VI в. из собрания Дамбартон Окс в Вашингтоне, на донце которого также вычеканены фигуры Федры и Ипполита. Женщина, опираясь правой рукой на колонну, удерживает левой рукой край плаща юноши, отвернувшегося от мачехи и читающего ее табличку-послание¹².

В один ряд с этим памятниками можно поставить, как нам кажется, и две коптские ткани. Первая – полихромная прямоугольная вставка VI в., украшавшая льняную тунику (рис. 3). Этот памятник, хранящийся в Арабском музее (инв. № 14282), фигурировал на нескольких выставках¹³. В центре тканого квадрата, обрамленного 16-ю медальонами, заполненными корзинами с плодами, стоят богато одетая женщина и полуобнаженный мужчина с копьем в левой руке. Женщина опирается правой рукой на колонну и, повернув голову к юноше, пытается удержать его около себя, схватив левой рукой полу его плаща. Поза юноши явно свидетельствует о его намерении удалиться. В фоне – растения. Первый издатель памятника Алан Уэйс, отметив классическую основу его сюжета и стиля и вероятность копирования его с мозаичного образца, считал, что здесь «представлены Геракл и Омфала или какой-нибудь подобный сюжет». Другие авторы также ограничивались констатацией факта изображения двух человеческих фигур. Однако иконография образцов и логика сцены не позволяют согласиться с предлагаемыми интерпретациями¹⁴. Приведенные выше три памятника с близкими изображениями убеждают, что и на кайрской ткани представлен тот же

¹² Weitzmann. Op. cit. P. 53. Fig. 14.

¹³ Wace A.J.B. Egyptian textiles 3rd–8th century // Exposition d'art copte. Dec. 1944. Guide. Le Caire, 1944. P. 13–14. № 24. Pl. II; The illustrated London News. Sept. 8. 1945. P. 276 (il.); Textiles in the World – Egypt and Persia. May 12 – June 13, 1965. The National Museum of Modern art, Kyoto. Kyoto, 1965. № 23. Pl. 4; Coptic textiles. The Toyama Kinenkai Foundation 29.04.1972 – 01.03.1978. 1972. № 2. P. 1.

¹⁴ Взаимоотношения Геракла и Омфалы носили совершенно иной характер. См., например: Grabar A. Les voies de la création en iconographie chrétienne. Antiquité et Moyen Age. P., 1979. Fig. 59. P. 79.

Рис. 3. Ипполит и Федра. Коптская ткань. VI в. Каир, Арабский музей

сюжет: Федра пытается удержать Ипполита, решительно отвергающего домогательства мачехи.

Вторая ткань – приобретенная недавно Лувром фрагментированная туника IV в. – происходит из Антиной (инв. № E 29294) (рис. 4). Туника украшена вставками – прямоугольниками и медальонами с разными изображениями. Ворот туники украшает трехрядная полоса: сверху выткан звериный гон, внизу – орнамент, между ними – разделенные полуарками пять пар мужчин и женщин в рост. Во второй паре слева издательница памятника Мари-Элен Рутшовская видела Персея и Афину¹⁵. Нам же кажется, что эти фигуры, скорее всего, представляют Ипполита и Федру: мачеха в порывистом движении устремила к пасынку, который изображен уходящим от нее, левой рукой он придерживает копье, в опущенной правой – письмо в виде диптиха. Наверняка Ипполит изображался и в многочисленных охотничьих сценах на коптских тканях. Но поскольку сцены на тканях скомпонованы обычно по нескольким трафаретным схемам, а герои – охотники – в подавляющем большинстве безымянны, безоговорочно определить среди них Ипполита затруднительно.

¹⁵ *Rutschowska M.-H.* Un ensemble de tapisseries coptes à décor mythologique // RLMF. 1984. № 5/6. P. 319–325. Fig. 10–12; *eadem.* Tissus coptes. P., 1990. P. 92, 98; *Nauerth C.* Mythologische Liebespaare der Spätantike Dargestellt an Beispielen aus der koptischen Kunst // DBAT. Dez. 1988. № 25. S. 112. Abb. 10 (в середине).

Рис. 4. Ипполит и Федра. Коптская ткань. IV в. Париж, Лувр

Большой интерес представляют и коптские ткани с изображениями героев трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде», увидевшей свет около 414 г. до н.э. На выставке «Египетский костюм» в Париже в 1900 г. фигурировала туника VI–VII вв., украшенная тканью вставками, в числе которых был медальон с многофигурной сценой. Центральную часть медальона занимает женская фигура, по сторонам ее стоят женщина с коротким мечом и старик-воин, а внизу, рядом с алтарем, две сидящие мужские фигурки, руки их связаны за спиной¹⁶. По нашим предположениям, эту ткань позднее приобрел в свое собрание Л. Икле, а оттуда она поступила в Промышленно-текстильный музей в Санкт-Галлене (инв. № 15 056). Схожий образец VI–VII вв. хранится в Музее прикладных искусств (инв. № 3610) во Франкфурте-на-Майне (рис. 5). Интерпретировали эту сцену специалисты по-разному. А. Гайе в сопровождавшей выставку 1900 г. книге поместил прорисовку медальона и, назвав тунику «римской», отметил, что в сцене представлены «мифологические персонажи»¹⁷. Пере-

¹⁶ Le costume en Egypte du IIIe au XIIIe siècle d'après les fouilles de M. Al. Gayet. P., 1900. P. 86. № 4.

¹⁷ Ibid.

Рис. 5. Артемида, Ифигения, Тоант, Орест и Пилад. Коптская ткань. VI–VII вв. Франкфурт-на-Майне, Музей прикладного искусства

издавая памятник, М. Гächter-Вебер видела в медальоне изображения «танцоров»¹⁸. Дж. Беквит, публикуя франкфуртский памятник, считал, что на нем изображена «Диана, принимающая участие в жертвоприношении»¹⁹. К. Вайцман, посвятивший этому памятнику специальную статью²⁰, уточнил определение Дж. Беквита, убедительно доказав, что на ткани воспроизведен эпизод из трагедии Еврипида «Ифигения в Тавриде»: Ореста и Пилада собираются принести в жертву Артемиде в присутствии Ифигении и царя варваров Тоанта. Р. Берлинер, поддержавший доводы К. Вайцмана, привлек к рассмотрению льняную тунику из собрания Текстильного музея в Вашингтоне (инв. № 71.72), украшенную шестью вотканными медальонами, изображения на которых, по его мнению, иллюстрируют другие эпизоды той же трагедии. На двух одинаковых медальонах представлены три персонажа: в центре – богиня-охотница Артемида на пьедестале, по сторонам ее двое обнаженных юношей, один из них с копьем²¹. Р. Берлинер считал, что здесь представлен эпизод трагедии, когда Орест и Пилад намереваются выкрасть статую Артемиды²² (рис. 6); на остальных четырех

¹⁸ Gächter-Weber. Op. cit. S. 37. № 58.

¹⁹ Beckwith J. Tissus coptes // Les Cahiers CIBA. 1959. V. 7. № 83. P. 83.

²⁰ Weitzmann K. Eine Darstellung auf einem koptischen Stoff // АК. 1964. 1. S. 42–47.

²¹ В тканях встречаются сцены, построенные по той же схеме (только богиня без пьедестала). См., например: Шуринова Р.Д. Коптские ткани. Собрание ГМИИ им. А.С. Пушкина. Л., 1967. Табл. 2, 3.

²² Аналогичный медальон (но худшей сохранности) хранился в Гос. Историческом музее в Москве (Lebedeva V. Ein koptischer Stoff des Historischen Staatsmuseum zu Moskau // ВЗ. 1935. 35. № 1. S. 78–79. Taf. 1).

Рис. 6. Орест и Пилад, собирающиеся выкрасть статую Артемиды (или Ипполит с товарищем перед Артемидой). Коптская ткань. VI в. Вашингтон, Текстильный музей

медальонах изображены преследователи убегающих из Тавриды Ифигении, Ореста и Пилада²³.

Рассматривая изображение на вашингтонской тунике в целом, нельзя не согласиться с логичностью и убедительностью доводов Р. Берлинера, но в то же время нельзя и не обратить внимания на то, что подобные сцены нередко украшают саркофаги с изображениями мифа об Ипполите. Они иллюстрируют эпизод из пролога «Ипполита», в котором «после дел охотничьих» прославленный охотник в сопровождении товарищей благодарит «девственную лучницу», т.е. Артемиду²⁴.

В Музее средневекового искусства Клоны хранится уникальный медальон, выполненный в гобеленовой технике с многоцветным изображением следующей сцены (инв. № С1. 22813): в центре представлено древо, слева от него сидит полуобнаженная женщина, держащая в левой руке чашу, из которой пьет обвивший дерево змей; справа к дереву приближается обнаженный мужчина, протягивающий руки к кроне дерева, в ветвях которого изображено животное (рис. 7). Александра Лоркин недавно опубликовала этот памятник VI в. в своем каталоге коптских тканей Клунийского музея и посвятила ему специальную работу²⁵. Она убедительно показала, что в сцене

²³ *Berliner R.* Remarks on some tapestries from Egypt // *TMJ.* Dec. 1965. V. 1. № 4. P. 23. Fig. 2, 3.

²⁴ *Еврипид.* Трагедии. Т. I. С. 175.

²⁵ *Lorquin A.* Les tissus coptes au Musée national du Moyen Age – Thermes de Cluny. Catalogue des étoffés

Рис. 7. Медея и Ясон, добывающий золотое руно. Коптская ткань. VI в. Париж, музей Клуни

изображен Ясон, добывающий золотое руно в присутствии своей жены и помощницы Медеи. Медея – героиня одной из ранних и, как считают специалисты, самой талантливой трагедии Еврипида, написанной в 431 г. до н.э. Правда, сюжет литературного произведения охватывает события, происшедшие уже после добычи золотого руна, и посвящен мести Медеи Ясону, собиравшемуся жениться на дочери коринфского царя Креонта²⁶. Но для нас примечателен сам факт изображения на египетской ткани VI в. героев еврипидовского произведения²⁷.

Сравнительно недавно Клаудия Науэрт высказала, на наш взгляд, интересное предположение²⁸: представленный на группе коптских тканей IV–VIII вв. «Суд Париса»²⁹ можно рассматривать как иллюстрации утраченной пьесы Еврипида «Алек-

égyptiennes de lin et de laine de l'Antiquité tardive aux premiers siècles de l'Islam. P., 1992. P. 104–107, № 27; *idem*. La conquête de la Toison d'or: une iconographie rare dans l'Antiquité tardive, sur un tissu du Musée national du Moyen-Age-Thermes de Cluny // RLMF. Juin 1993. № 3. P. 17–27.

²⁶ *Еврипид*. Трагедии. Т. I. С. 59–122, 519–522.

²⁷ Этот же сюжет представлен на коптском известняковом рельефе V в. (хранится в музее Канзас-сити, инв. № 41. 36) (рис. 8). Естественно, что композиционное решение его иное, что обусловлено и материалом, и спецификой искусства пластики (*Bell M.* A coptic Jason relief // *Gesta*. 1979. XVIII/1. P. 45–52).

²⁸ *Nauerth C.* Szenen eines verlorenen euripideischen Drams auf einem koptischen Stoff // *Göttinger Orientforschungen*. 1986. II. 9. S. 39–47.

²⁹ К рассмотренным нами коптским памятникам с изображением «Суда Париса» (*Каковкин А.Я.* О двух группах коптских памятников с античными сюжетами // *ВДИ*. 1990. № 1. С. 88–92) можно добавить ткань-двойник эрмитажному медальону из музея изобразительных искусств (инв. № 55. 577) в Бостоне (см. Beyond

Рис. 8. Ясон, добывающий золотое руно. Известняк. V в. Канзас-сити, музей

сандр»³⁰ (напомним, что Александр – одно из имен-прозвищ принца-пастуха Париса). А это предположение К. Науэрт в свою очередь вызывает в памяти имя связанной с Парисом прекрасной Елены, которой великий трагик также посвятил драму «Елена», поставленную в 412 г. до н.э.³¹

Вышеизложенное убеждает нас, что герои ряда пьес Еврипида – Медея, Ясон, Ипполит, Федра, Ифигения, Орест, Пилад, Парис-Александр – пользовались у коптских ткачей на протяжении нескольких столетий большой любовью. Почему же выбор ткачей останавливался именно на этих персонажах? Установлено, что мастера, черпавшие сюжеты из арсенала античного искусства, предпочитали героические образы. Причем, как правило, художники разных профессий (в том числе и ткачи) обычно запечатлевали самые показательные, легко узнаваемые эпизоды из истории героев. Для Медеи и Ясона таким эпизодом была добыча золотого руна, для Ипполита – объяснение с мачехой (или ее служанкой) и общение со своей покровительницей – Артемидой, для Ифигении и Ореста – момент узнавания сестрой брата и бра-

the Pharaohs, Egypt and the Copts in the 2nd to 7th centuries. A.D. Museum of Art. Rhode Island School of Design. 1989. P. 157. № 66).

³⁰ Событийная канва «Александра» убедительно восстанавливается по пересказу Гигина (fab. 91), по Аполлодору (III. 12. 5) и оксиринхскому гипотесису трагедии. См. *Scheidweiler F.* Zum Alexandres des Euripides // *Philologus.* 1948. 97. S. 321–335; *Stinton T.C.W.* Euripides and the Judgement of Paris. L., 1965; *Шопина Н.Р.* Папирусное «содержание» трагедии «Александр» и ее место в творчестве Еврипида // *ВДИ.* 1986. № 1. С. 123–130.

³¹ *Еврипид.* Трагедии. Т. I. С. 67–144, 622–627.

том сестры, для Париса – разрешение спора между тремя богинями. По нашему глубокому убеждению, появление персонажей античных мифов на коптских тканях (а таких героев почти два десятка), в подавляющем большинстве своем обнаруженных в христианских захоронениях, убедительнее всего можно объяснить связью этих изображений с погребальными, а значит и с сотериологическими представлениями. Это мы не раз обосновывали на обширном и разнохарактерном материале³². Продемонстрируем это и на примерах некоторых героев пьес Еврипида.

Воспитанный кентавром Хироном Ясон после ряда тяжелейших испытаний, нередко грозивших герою смертью, добывает золотое руно. Но этому героическому акту предшествовали не менее героические деяния: подход аргонавтов во главе с Ясоном в Колхиду, укрощение огнедышащих быков, одоление возникших из драконовых зубов воинов, усыпление стража руна – дракона. Помощницей Ясона в его подвигах в Колхиде была его жена, внучка Гелиоса, великая волшебница Медея. А покровительствовали герою Гера и Афина. Напомним, что золотое руно – шкура барана (считавшегося искупительной жертвой Зевсу) – почиталось символом защиты и убежища (оно ведь спасло Фрикса и Геллу). Исследователями на целом ряде античных примеров доказано, что Медея была символом бессмертия³³. Лишь благодаря ее активной помощи Ясону удалось добиться победы, и эта победа явилась залогом его собственного бессмертия³⁴.

Идея спасения убедительно продемонстрирована и в героях «Ифигении в Тавриде». Причем идея эта раскрывается одновременно в двух планах: во-первых, непосредственно – в благополучном избавлении от смерти Ореста и Пилада (перед статуей Артемиды) и в их успешном бегстве из Тавриды вместе с Ифигенией; во-вторых, косвенно – в образах Ифигении и Артемиды. Жизнь Ореста – сменяющаяся череда взлетов и падений, целого ряда ситуаций, в которых не раз жизнь и смерть соседствовали³⁵; в этом смысле многие античные герои (Одиссей, Парис, Эней и др.) похожи на Ореста.

Согласно мифам, обреченная на смерть Ифигения чудесным образом была спасена Артемидой, которую, кстати, чтит и как божество плодоносящих сил, покровительствовавшее всему живому, как защитницу и подательницу света в жизни³⁶. Примечательно, что по одному из мифов Артемида одарила Ифигению бессмертием.

Спасительные функции, заключенные в образе Париса, подробно рассмотрены в литературе³⁷.

Особо остановимся на образе Ипполита. Судя по дошедшим и идентифицированным коптским памятникам, в Египте он из античных героев уступал в популярности только Гераклу³⁸. Страстный поклонник Артемиды и олицетворяемой ею природы, Ипполит прежде всего почитался как охотник. В древности охота была занятием довольно рискованным, поэтому с нею связывали такие понятия, как удаль, доблесть, и даже героизировали ее³⁹. В сценах охоты выступали на первый план такие черты Ипполита,

³² Примеры см. *Каковкин*. Изображения на коптских тканях...

³³ *Schefold K.* La force creatrice du symbolisme funeraire des Romains // RA. Oct.-déc. 1961. 2. P. 192–194.

³⁴ *Bell.* Op. cit. P. 49–51.

³⁵ *Neils J.* The Orestes sarcophagus and other classical marbles // The Bulletin of the Cleveland Museum of Art for April 1984. P. 102–113.

³⁶ В акте спасения Ифигении (как много позже в случаях с Исааком и св. Феклой) подчеркнут как жертвенный характер события, так и акт вмешательства божества.

³⁷ *Davreux J.* La légende de la prophétesse Cassandre d'après les textes et les monuments. P., 1942; *Wüste E.* Paris // *PRcA.* 36. Kol. 1515–1518; *Каковкин*. О двух группах... С. 88–92.

³⁸ *Каковкин А.Я.* Образ Геракла в искусстве эллинистического и коптского Египта // III Всесоюзн. симпоз. по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Май 1988 г. Ереван. Тез. докл. Ереван, 1988. С. 30–31; *Nauerth C.* Herakles. Ikonographische Vorarbeiten zu mythologischen Themen der koptischen Kunst // *DВAT.* Beiheft 8. Heidelberg, 1989.

³⁹ *Cumont F.* Recherches sur le symbolisme funéraire des Romains. P., 1966. P. 441; *Aymard J.* Essai sur les chasses romaines. P., 1951; *Baratte F.* Heros et Chasseurs: la tenture d'Artemis de la Fondation Abegg a Reggisberg // *MM.* 1985. 67. P. 31–76. Вероятно, охотничьи темы изображены на бордюре квадратной вставки из

как сила, отвага, бесстрашие. Эпизод с Федрой проявил высокие моральные качества героя другого свойства – стойкость, бескомпромиссность, верность своим этическим принципам. Надо помнить, что с годами (по мере перехода от античности к средневековью, когда все большее число людей стали занимать этические проблемы) именно эти черты характера все настойчивее выдвигаются на первый план. Свидетельством этого может служить возрастающее со временем число изображений именно этого сюжета. В силу отмеченного образ Ипполита был приемлем как языческой, так и христианской средой. Странникам постепенно крепнущей религии спасения очень импонировал философский склад ума, созерцательность, суровый аскетизм, моральная чистота и непоколебимая стойкость Ипполита. Он, превыше всего ценивший добродетель (которую для него воплощало абсолютное целомудрие), задолго превосходил христианских аскетов и стал в глазах христиан одним из традиционных образов нестигаемого девственника⁴⁰. Вероятно, импонировала христианам и безвинная кончина Ипполита; недаром некоторые эпизоды из его истории они скалькировали для жития христианского мученика Ипполита⁴¹. Не следует сбрасывать со счета и тот факт, что в еврипидовской трагедии Артемиде открыла Тесею истину и примирила его с умирающим сыном. Это примирение наверняка было по душе христианам с их установками на всепрощение и мир.

Полагаем, что уподобление усопшего Ипполиту было весьма основательной гарантией бесконечной жизни. Ведь этому герою неизменно и повсюду покровительствовала Артемиде, считавшая его «милей всех смертных» и говорившая ему перед отправлением его в «сумрачный Аидов дом»: «Моя любовь с тобою». И этот факт имел важное значение, поскольку уподобленный Ипполиту умерший также попадал под покровительство могущественной богини – «небесной лучницы», в чьей власти было даровать жизнь или смерть⁴². По-видимому, с Ипполитом связывали и вполне конкретные сотериологические надежды. Ведь гибель героя оказалась временной⁴³: по одному из мифов (Paus. II. 24. 4–5), Асклепий воскресил героя, после чего Ипполит уехал в Италию, где стал царем города Ариции и выстроил храм своей покровительнице Артемиде⁴⁴.

К таким выводам приводят исследования изображений героев произведений Еврипида, представленных на коптских тканях IV–VIII вв.

А.Я. Каковкин

Эрмитажа, где присутствуют Ипполит, Федра и ее служанки, а также изображена ловля мелких животных. Героическое начало в образе Ипполита самым наглядным образом было подчеркнуто в трагедии Еврипида, когда герой появлялся с венком на голове.

⁴⁰ Шестаков Д. Исследования в области греческих народных сказаний о святых. Варшава, 1910. С. 94. В этом смысле Ипполит близок самому популярному ветхозаветному герою у коптских ткачей – патриарху Иосифу (отдельные эпизоды из жизни которого представлены едва ли не на 70 памятниках ткачества конца VII–IX в.; основную литературу об этом см. *Kakovkine A. Le tissu copte des VIIe–VIIIe siècles du Musée Métropolitain // GM. 1992. 129. P. 55–58*), отвергнутому притязания жены Потифара. Примечательны и некоторые иконографические совпадения в трактовке героев: жена Потифара, схватившая Иосифа за его одежды, похожа на Федру, пытающуюся удержать Ипполита за полу его плаща (см. *Weitzmann. The survivals... Fig. 14, 17, 18*).

⁴¹ Шестаков. Ук. соч. С. 94.

⁴² Вспомним ее расправу с дочерьми Ниобы; по одному из вариантов мифа (Od. XI. 321 sqq.), от руки Артемиды погибла Ариадна, ее стрелой был убит великан Орион. Приходит на ум и то, что верная жена Одиссея Пенелопа выражала желание, чтобы Артемиде послала ей тихую смерть.

⁴³ *Аполлодор*. Мифологическая библиотека. III. 10. 3; МНМ. Т. I. С. 559 сл. В этом плане Ипполита можно поставить в один ряд с такими героями, как Эсон, Пелопс, Осирис, которые погибли, но были воскрешены.

⁴⁴ МНМ. Т. I. С. 560.

The cultural heritage of ancient Greece and Rome forms a strong trend in Coptic art, especially in representations on Coptic textiles. There is a distinct group among them depicting the heroes of Greek drama. The most frequently cited of the Greek authors was Euripides. Over a dozen textiles of the 3rd–8th cc. are known bearing the images of the heroes of his tragedies: Hippolytus, Phaedra, Iphigenia, Orestes, Pylades, Jason, Medea and Paris. The presence of most of these heroes on textiles used as burial shrouds can be explained by the soteriological ideas connected with these characters.

© 2001 г.

ЕГИПЕТСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ М.И. РОСТОВЦЕВА*

Тема «Ростовцев и путешествия» вряд ли нуждается в специальном представлении – достаточно хорошо известно, какую роль играли заграничные поездки молодого ученого в его жизни и творчестве, как часто путешествовал Ростовцев в свои поздние годы. Об этом говорится во множестве работ¹, и чтобы не повторять старые факты, приведу два менее известных примера. На мой взгляд, они свидетельствуют о том, что даже в пожилом возрасте историк оставался заядлым путешественником и жажда открытий, хотя и не столь острая, как в молодости, не покидала его. В адресованном Ростовцеву письме от 21 октября 1935 г. итальянский папиролог М. Норса пишет, что не смогла отправить ему последние тома флорентийских папирусов PSI, которые она издавала с Дж. Вителли, «поскольку, – поясняет далее М. Норса, – мы не знаем, где Вы находитесь: в Египте, Месопотамии, Париже, Риме?»². Во время путешествия по Индии в январе 1937 г. Ростовцев отправил из Мадраса письмо Ф. Кюмону, в котором, в частности, писал: «Жаль, что я предпринял это путешествие так поздно. С 66 годами за плечами нет уже ни свежих сил, ни стремления к интеллектуальному и эстетическому познанию, как в те времена, когда я впервые попал в Сирию». Но несколькими строками выше, объясняя, почему Индия стала для него настоящим откровением, он приводит следующий аргумент: «Я люблю видеть вещи, которые изучаю, и я впервые наблюдаю религиозную жизнь больших языческих храмов, правда, восточных, но опосредованно и с некоторыми изменениями также и храмов греческих и римских, кельтских и фракийских»³. Эта любовь – видеть своими глазами изучаемые предметы, – бесспорно, была причиной многочисленных путешествий историка на протяжении всей его жизни.

* Статья представляет собой переработанный доклад, с которым я выступил на проходившей в Париже 17–19 мая 2000 г. Международной конференции, посвященной М.И. Ростовцеву. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить ее организаторов Ж. Андро, В. Береловича и Г.М. Бонгард-Левина за их помощь и поддержку.

¹ См., например, *Вернадский Г. М. И. Ростовцев (к шестидесятилетию его) // Seminarium Kondakovianum. 1931. 4. С. 239–244; Тихонов И. Л. Заграничные командировки 1893–1898 гг. М. И. Ростовцева: становление археолога // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции в память академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 12–14; Скифский роман / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 43 слл., 50 слл., 145 слл., 185 слл. и др.*

² Duke University Special Collections Library, M.I. Rostovtzeff Papers. Box 2. Languages: Italian, 1927, July – 1940, May, n.d.

³ *Бонгард-Левин Г. М., Бонне К., Литвиненко Ю. Н., Марконе А. «Монгол приветствует сирийца»: переписка М. И. Ростовцева и Ф. Кюмона // ВДИ. 2000. № 3. С. 154.*

Не менее подробно исследована другая тема – «Ростовцев и греко-римский Египет». Ей посвящено несколько обстоятельных статей⁴ и недавно вышедшая монография итальянского историка П. Дж. Микелотто⁵, не говоря уже о многочисленных упоминаниях и ссылках в работах по античной истории⁶. В них дан более или менее исчерпывающий ответ на вопрос о характере ростовцевской концепции экономики и общества греко-римского Египта, определено место этой концепции в историографии XX столетия. Поэтому в своей статье я не стану обращаться к данной теме⁷. В большей степени меня будет интересовать другой сюжет, который, совмещая в себе две вышеупомянутые темы, сами по себе хорошо изученные, все еще остается белым пятном в биографии Ростовцева: его египетские путешествия. Источниками здесь мне послужат путевые очерки историка, публиковавшиеся в разное время в русской (в том числе эмигрантской) периодике, а также малоизвестные материалы из его архивного наследия: черновые заметки, конспекты, выписки, переписка с друзьями и коллегами⁸.

Путешествуя по Египту, Страбон дважды цитирует стихи Гомера (Od. IV. 483) о долгом и трудном возвращении в эту страну (Strabo. XVII. 1. 12, 20), и эти строки как нельзя лучше подходят к нашему сюжету: первое египетское путешествие Ростовцева состоялось зимой 1907–1908 гг. – спустя 10 лет после того, как греко-римский Египет стал объектом пристального интереса начинающего историка⁹, а второе – лишь через 20 лет после первого: зимой-весной 1928 г.¹⁰

Годы, предшествующие первой поездке, совпали с новыми открытиями в области антиковедения, прежде всего связанными с многочисленными находками в Египте в конце XIX в. греческих папирусов и последовавшими за этим их первыми серийными публикациями¹¹. Как наука в современном смысле слова папирология зародилась в 90-е годы XIX века, а вместе с ней возникла иллюзия о «статистической» ценности массового материала документальных папирусов, отчасти питаемая проходившим в те годы спором между «примитивистами» и «модернизаторами» о характере древней экономики¹². На мой взгляд, именно эти обстоятельства предопределили интерес молодого Ростовцева к социально-экономической истории античного мира и в значительной мере повлияли на то, что его выбор пал на греко-римский Египет. В «Откупе», где

⁴ См., например, *Préaux C. Michel Rostovtzeff // Cd'É. 1954. 29. P. 183–190; Heinen H. Das hellenistische Ägypten im Werk M.I. Rostovtzeff // Offenheit und Interesse. Studien zum 65. Geburtstag von Gerhard Wirth. Amsterdam, 1993. S. 237–269; Павловская А.И. О роли М.И. Ростовцева в развитии папирологических исследований в России // ВДИ. 1997. № 1. С. 169–183 и др.*

⁵ *Michelotto P.G. La riflessione storico-economica di M.I. Rostovtzeff: il «caso» dell' Egitto ellenistico-romano. Milano, 1999.*

⁶ Прежде всего отмечу те публикации, где критически рассматривается «экономическая» концепция Ростовцева: *Préaux C. L'économie lagide: 1933–1958 // Proceedings of the IX-th International Congress of Papyrology. Oslo, 1961. P. 216 ff.; Turner E.G. Ptolemaic Egypt // САН². P. 148; Orrioux C. Zénon de Caunos, *parépidèmos*, et le destin grec. P., 1985. P. 15–27.*

⁷ Напомню, что эта тема недавно была предметом моего исследования: *Литвиненко Ю.Н. Птолемеевский Египет Ростовцева // ВДИ. 1999. № 4. С. 180–188.*

⁸ Речь идет прежде всего об архивах Санкт-Петербурга (РГИА), Парижа (Институт Франции и Центр Голенищева), Дьюкского и Йельского университетов (США); описание этих архивов см. Скифский роман. С. 17–39.

⁹ Первыми серьезными исследованиями Ростовцева в области социально-экономической истории греко-римского Египта можно считать его статью об управлении имуществом римского императора в Египте (*Rostovtzeff M. Die kaiserliche Patrimonialverwaltung in Ägypten // Philologus. 1898. 57. S. 564–577*) и магистерскую диссертацию об истории государственного откупа в Римской империи, вышедшую отдельной книгой в Санкт-Петербурге в 1899 г.

¹⁰ См. *Ростовцев М. Письма с Ближнего Востока. I. Египет. Письмо первое // Руль. 8 июля 1928 г. С. 2: «Много лет прошло с тех пор как я был в Египте». В 1912 г. С.М. и М.И. Ростовцевы совершили путешествие в Палестину (см. *Ростовцев М.И. Русская археология в Палестине // Христианский Восток. 1912. 1. 3. Декабрь. С. 247–266; он же. Палестина в наши дни // Гермес. 1913. 1–2. С. 21–29*), однако у меня нет никакой информации о том, заезжали ли они в Египет во время этого путешествия.*

¹¹ Обзор этих открытий и первых папирусных изданий см. *Turner E.G. Greek Papyri. Oxf., 1980.*

¹² Подробнее об этой дискуссии см. *Will Éd. Trois quarts de siècle de recherches sur l'économie grecque antique // Annales. 1954. 1. P. 7–22.*

египетским сюжетам отведено около трети всего объема книги, он фактически впервые в русской историографии использовал в качестве основного источника документальные папирусы, предпочтя их более популярным в то время литературным папирусам¹³. По мнению Ростовцева, папирусы и острака финансового характера позволяли использовать «статистический метод» при исследовании хозяйственной жизни древних. Классическим примером такого исследования он считал книгу У. Вилькена, посвященную греческим острака из Египта. Ростовцев полагал, что У. Вилькену удалось рассмотреть всю «финансовую историю» греко-римского Египта на основе... 1624 черепков. В споре К. Бюхера и Э. Мейера У. Вилькен занял сторону последнего, а Ростовцев в свою очередь солидаризовался с «отцом немецкой папирологии». «Вполне очевидно, – писал он в рецензии на труд У. Вилькена, – что Египет под схему домового хозяйства не подведешь» и делал вывод: в греко-римском Египте хозяйство было «народным», и эта картина, возникающая благодаря многочисленным папирусам и острака, может быть взята за основу для воссоздания картины всего эллинистического и даже (принимая ростовцевский тезис о преемственности институтов государства и права в древности) всего римского мира¹⁴. Таким образом, в глазах молодого историка Египет с его папирусами превращался в своего рода «идеальную модель», «место откровения» для науки о древности и, как показывают его более поздние работы, не только для нее одной.

Такой подход, хотя и опирался на логику строго научного исследования, был чем-то сродни «египтомании» – болезни европейцев нового времени, унаследовавших от античности «египетский миф» и создавших на его основе свой собственный с помощью библейских и христианских легенд, болезни, рецидивы которой наблюдаются еще и сегодня¹⁵. Страна пирамид и обелисков, Исиды и Осириса, Моисея и Святого Семейства, средоточие тайн и чудес, колыбель цивилизации, Египет с давних пор притягивал взоры европейцев и звал совершить путешествие по Нилу. О магии этого образа и силе его притяжения свидетельствуют записки путешественников, которые 30 лет тому назад начал издавать С. Сонерон в «Collection des voyageurs occidentaux en Égypte» и которые к настоящему времени насчитывают несколько десятков томов. Замечу, что по крайней мере с эпохи Ивана III к христианским святыням Египта и Синая проложили путь и русские паломники. Их многочисленные записки публиковались в 80–90-е годы XIX в. в «Православном Палестинском сборнике», а впоследствии были частично переизданы в Каире О. Волковым¹⁶. Судя по последней книге, паломничества русских в Египет продолжались в течение всего XIX и отчасти XX столетия. После египетской кампании Наполеона, завершившейся изданием монументального «Description de l'Égypte», на смену паломникам приходят ученые: в долину Нила снаряжаются экспедиции, идет становление египтологии как науки, особую популярность приобретает жанр «археологического путешествия». Примечательно, что среди предшественников Ростовцева, путешествовавших в Египет с научной целью, был его учитель Н.П. Кондаков, совершивший в 60–90-е годы XIX в. ряд поездок-экспедиций в Египет и на Ближний Восток, после которых осталось несколько опубликованных работ и огромное

¹³ См. Павловская. Ук. соч. С. 169 слл.

¹⁴ См. Ростовцев М. Новые данные по истории финансового управления греко-римским Египтом (по поводу книги: U. Wilcken. Die griechischen Ostraka aus Aegypten und Nubien) // ЖМНП. 1900. Март. № 3–4. С. 133–165 (в частности см. с. 148); он же. Наука о древности и греческие папирусы // Научное слово. 1905. 10. С. 90 слл.

¹⁵ Об истории «египтомании» на Западе см. Donadoni S., Curto S., Donadoni Roveri A.M. Egypt from Myth to Egyptology. Milano – Torino, 1990. О «египтомании» в искусстве нового и новейшего времени см. великолепный каталог выставки: Egyptomania: Egypt in Western Art, 1730–1930. Paris – Ottawa, 1994. В качестве примера «египтомании» в современной историографии назову любопытную книгу: Bernal M. Black Athena: The Afroasiatic Roots of Classical Civilization. L., 1987. Не могу не упомянуть наших соотечественников Г.В. Носовского и А.Т. Фоменко, чьи курьезные главы по истории Египта (см., например, их книгу: Империя. М., 1996. С. 481 слл.) – пример «египтомании наоборот».

¹⁶ Volkoff O.V. Voyageurs russes en Egypte. Le Caire, 1972.

количество до сих пор не изданных фотографий¹⁷. Не исключено, что любовь и вкус к «археологическим путешествиям» на Восток Н.П. Кондаков привил своему ученику. Итак, в начале прошлого века вопрос о поездке Ростовцева в Египет был предreshен, и в декабре 1907 г. С.М. и М.И. Ростовцевы высадились в порту Александрии.

Впечатления о своем первом египетском путешествии Ростовцев изложил (как он обычно это делал после зарубежных поездок) в статье, опубликованной в журнале «Русская мысль», а затем и в виде отдельной брошюры¹⁸. Она начинается с ироничных слов Автора по поводу установившегося еще со времен Геродота и Платона отношения к Египту как «стране чудес и курьезов». «Египтомания» Ростовцева другого толка: он причисляет себя к тем «вдумчивым туристам», которые задаются вопросом, «какое влияние на мировую греко-римскую культуру, на основах которой выросли и мы, оказало многотысячелетнее культурное развитие» одной из древнейших цивилизаций. Это «египтомания» ученого начала XX в., привыкшего «верить в идею непрерывной мировой эволюции» и в исторический прогресс¹⁹. Оказавшись в Египте, Ростовцев не ограничился лишь обращенными в прошлое поисками начал греко-римской и – шире – западной цивилизации. Его интересуют связи египетской культуры с культурой античного Средиземноморья, и, пытаясь понять природу этих связей, он использует свой излюбленный прием «перебрасывания мостов» между прошлым и настоящим и делает это на примере Александрии²⁰. Через современную Александрию Ростовцев, подобно поэту Кавафису, воссоздает образ древней Александрии с ее «правильными, сравнительно широкими, мощными улицами, с прекрасной канализацией, с каменными домами иногда в несколько этажей, с роскошными площадями, богатыми храмами и общественными зданиями, среди которых научные и образовательно-воспитательные учреждения играют далеко не последнюю роль»²¹. Как и Кавафис, Ростовцев отдает предпочтение древней Александрии: «Гордый двор Птолемеев не чета двору хедива, и меркантильной интеллигенции левантинской складки... далеко до того цвета науки и искусства, который собирали около себя лучшие из Птолемеев. Гетеры древние тоже были шикарнее теперешних»²². Хвалебная ода столице эллинистического мира разбавлена научными описаниями городских памятников, например некрополей птолемеевского и римско-византийского времени Шатби и Ком-эль-Шукафа, а также общими рассуждениями об александрийской художественной школе²³.

Целью первой поездки было знакомство с памятниками архитектуры и декоративного искусства Египта от фараоновских времен до христианской эпохи. «Меня лично, – пишет Ростовцев, – повлекла в Египет специальная работа в области истории искусства... Меня давно уже занимает вопрос об эволюции наименее индивидуального в искусстве, вопрос о развитии так называемой декоративной живописи»²⁴. Маршрут путешествия диктовался этой целью: музеи Александрии и Каира, храмы и гробницы Нижнего и Верхнего Египта, хотя при этом он выглядел вполне традиционно: Каир – пирамиды – Мемфис – Фивы и их окрестности – Элефантина – Абу Симбел. Особый восторг Ростовцева вызвали росписи фиванских гробниц и Каирский египтологический музей, которым руководил Г. Масперо. Тогда Ростовцеву так и не удалось встре-

¹⁷ См. Кондаков Н.П. Путешествие на Синай в 1881 г. Из путевых впечатлений. Одесса, 1882; *он же*. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904. Фотографии, сохранившиеся от этих поездок, находятся в архиве Кондакова в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН. Пользуясь случаем, выражаю признательность И.В. Тункиной, познакомившей меня с этим интереснейшим архивом.

¹⁸ Ростовцев М.И. Поездка в Египет // Русская мысль. 1908. Июнь. С. 107–127; *он же*. Поездка в Египет. М., 1908 (далее цитируется именно это издание).

¹⁹ Ростовцев. Поездка в Египет. С. 3, 23.

²⁰ *Он же*. Александрия (путевые заметки) // Гермес. 1908. № 2. С. 41–47; № 3. С. 73–75; *ср. он же*. Эллинизм // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. 1904. 80. С. 651.

²¹ *Он же*. Эллинизм. С. 651.

²² *Он же*. Александрия... С. 43.

²³ *Он же*. Поездка в Египет. С. 7–9.

²⁴ Там же. С. 6.

титься с великим египтологом, однако в архиве последнего, хранящемся в Институте Франции, имеется несколько писем, написанных русским ученым за период его двухмесячного пребывания в Египте, в которых он благодарит директора «Службы древностей» за помощь и поддержку²⁵. Цель, которую ставил перед собой Ростовцев, была достигнута: в 1908 г. в Санкт-Петербурге вышла его книга «Эллинистическо-римский архитектурный пейзаж», где египетским памятникам и мотивам уделено едва ли не центральное место. В приложении к книге (с. 142–143) автор привел в качестве подкрепления археологических данных об архитектуре жилых построек Египта данные папирусов, на 75 лет предвосхитив замечательный словарь Ж. Уиссон²⁶.

Это приложение выглядит несколько неожиданным, поскольку папирусы, если верить путевым заметкам Ростовцева, не интересовали его во время первой поездки в Египте²⁷. Однако это не означает, что данная тема не волновала его вообще – в годы, предшествующие первой мировой войне, Ростовцев вел активную деятельность по созданию российской школы папирологии. М. Капассо в своем исследовании на тему «Ростовцев и папирология» справедливо отмечает, что, хотя русский ученый и не был папирологом в узком смысле слова, его вклад в данную отрасль классических штудий огромен как с точки зрения интерпретации источников (именно этой стороне его творчества посвящена обстоятельная статья М. Капассо²⁸), так и с точки зрения приобретения папирусов и создания материальной базы для папирологических исследований (мое дальнейшее внимание будет главным образом посвящено именно этому аспекту деятельности Ростовцева). Предваряя свои выводы, замечу, что не могу согласиться с заключительными словами итальянского папиролога о том, что пример Ростовцева – счастливый для папирологии пример появления «нужного человека» в «нужный момент»²⁹. Личная драма Ростовцева-папиролога состояла как раз в том, что его деятельность в этой области науки пришлось на совсем неподходящий период времени.

В Российском государственном историческом архиве мне удалось познакомиться с материалами, относящимися к преподавательской работе Ростовцева на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета. Значительная их часть посвящена папирологии и истории птолемеевского Египта³⁰. Это черновики и конспекты курсов лекций и семинарских занятий, различные заметки и выписки, фотографии папирусов. Основные рубрики: история папирологии и значение папирусов, публикации папирусов, библиография, центры папирологии (характерно, что Россия среди них не значится), *personalia*, переписанные от руки греческие тексты изданных папирусов, аграрная и социальная история эллинистического Египта и др. Эти архивные материалы, а также некоторые довоенные публикации Ростовцева³¹ свидетельствуют о его стремлении приобщить Россию к «хору культурных наций Европы»³² в области папирологии. Главными причинами беспокойства ученого были, во-первых, отсутствие в России своего папирологического центра, во-вторых, малочисленность и разрозненность отечественной коллекции папирусов. В начале прошлого века антиковедение, представленное именами Ф.Ф. Соколова, Ф.Г. Мищенко, Ф.Ф. Зелинского,

²⁵ Institut de France. M.S. 4041. Fonds G. Maspero. Correspondance XLI, ff. 222–228.

²⁶ Husson G. OIKIA. Le vocabulaire de la maison privée en Égypte d'après les papyrus grecs. P., 1983.

²⁷ Ср. Ростовцев. Поездка в Египет. С. 14. В йельском архиве историка сохранился его путевой блокнот, относящийся к путешествию в Египет в декабре 1907 – феврале 1908 г. (Mikhail I. Rostovtzeff Papers, Manuscripts and Archives, Yale University Library. 1133. Series I. Box 8. Folder 78). В нем содержатся записи по «декоративной настенной живописи», а также общие заметки о путешествии, описания, рисунки и схемы, касающиеся в основном памятников архитектуры, произведений искусства и изделий ремесла, но – ни слова о папирусах.

²⁸ Capasso M. Rostovtzeff e la papirologia // Rostovtzeff e l'Italia / Ed. A. Marcone. Napoli, 1999. P. 369–418.

²⁹ Ibid. P. 415.

³⁰ РГИА. Ф. 1041. Оп. 1. Ед. хр. 41, 64.

³¹ Помимо уже указанных работ историка см. Ростовцев М.И. Египетский музей В.С. Голенищева // ИАК. 1908. 27. Прибавление. С. 35–38; а также его рецензии на книги М.М. Хвостова и В. Отто.

³² Ростовцев. Русская археология в Палестине. С. 256.

В.П. Бузескула, В.К. Ернштедта, В.В. Латышева и др., было на подъеме. Что касается папирологических исследований, то их, кроме Ростовцева, проводили такие известные и талантливые ученые, как Г.Ф. Церетели, М.М. Хвостов, Б.Н. Фрезе и др., так что интеллектуальные основы для создания подобного центра в России имелись³³. В 1914 г. в Петербурге начал свою работу папирологический семинар Ростовцева и Г.Ф. Церетели, и скорее всего именно тогда зародилась идея издать силами участников семинара все папирусы, хранившиеся в собраниях России. Лишь через 20 лет, когда Ростовцев начнет работать над аналогичным проектом в Йельском университете, ее сумеет реализовать Г.Ф. Церетели со своими учениками О.О. Крюгером и П.В. Ернштедтом, но издатели P. Russ. Geogr.³⁴ побоятся упомянуть имя эмигранта Ростовцева, стоявшего у истоков этой идеи.

Для успешной и плодотворной работы семинара требовались папирусы. 6 мая 1914 г. Ростовцев и египтолог Б.А. Тураев подготовили для Академии наук и Министерства народного просвещения «Записку о снаряжении экспедиции в Египет для покупки папирусов и об ассигновании средств на нее»³⁵. В своей части «Записки» Ростовцев пишет о том, что нового дала папирология для изучения политической, экономической, социальной, правовой и культурной истории древнего мира, и делает вывод: без папирологии теперь «занятия античным миром в какой бы то ни было области совершенно невозможны»³⁶. Если ведущие страны Запада активно участвуют в создании своих папирологических коллекций, то Россия все еще стоит в стороне от этой деятельности. Для создания русской папирологической школы необходима своя более или менее приличная коллекция, поэтому Ростовцев просит запланировать на февраль – апрель 1915 г. командировку российских ученых в Египет для закупки греческих папирусов и выделить на это 10 000 рублей из средств Государственного казначейства. Начавшаяся летом 1914 г. война и последовавшие за ней драматические события помешали этим планам и сорвали поездку историка в Египет.

Я не буду подробно останавливаться на времени, предшествующем второму египетскому путешествию Ростовцева в феврале–марте 1928 г., ввиду детального освещения этого периода его жизни в работах Г.У. Бауэрсока, М. Веса, Г.М. Бонгард-Левина и Х. Фон Штадена³⁷. Замечу лишь, что все это время греко-римский Египет и его папирусы оставались в центре профессиональных интересов ученого, открывшего для широкого читателя уникальный архив Зенона и окончательно сформулировавшего эгиптологическую концепцию птоломеевской экономики³⁸. Перейдя из Висконсина в Йель, Ростовцев, наряду с подготовкой большого археологического проекта, который в конце концов вылился в раскопки Дура-Европос, включился в работу «консорциума» по покупке папирусов в Египте, созданного в 1920 г. по инициативе Ф.У. Келси и объединявшего Мичиганский и Йельский университеты и Британский музей³⁹. В 1926 г. Ростовцев обратился к президенту Йеля Дж. Р. Энджеллу с просьбой поддержать

³³ Подробнее о развитии антиковедения и папирологии в России в конце XIX – начале XX в. см. *Фихман И.Ф.* Введение в документальную папирологию. М., 1987. С. 52–56; *Павловская. Ук. соч.*; *Фролов Э.Д.* Русская наука об античности. СПб., 1999. С. 175–396.

³⁴ *Papyri russischer und georgischer Sammlungen. Bd. 1–5.* Tiflis, 1925–1935.

³⁵ Впервые опубликована И.В. Тункиной: Скифский роман. С. 111–113.

³⁶ Там же. С. 111.

³⁷ *Bowersock G.W.* Rostovtzeff in Madison // *The American Scholar.* 1986 (Summer). P. 391–400; *Wes M.A.* Michael Rostovtzeff, Historian in Exile. Russian Roots in an American Context. Stuttgart, 1990; *Бонгард-Левин Г.М.* М.И. Ростовцев в Америке. Висконсин и Йель // Скифский роман. С. 145 слл.; *Von Staden H.* Rostovtzeff a Yale // *Rostovtzeff e l'Italia...* P. 65–95.

³⁸ См. *Rostovtzeff M.* The Foundations of Social and Economic Life in Egypt in Hellenistic Times // *JEA.* 1920. 6. P. 161–178; *idem.* A Large Estate in Egypt in the IIIrd Century B.C. Madison, 1922.

³⁹ Об истории йельской коллекции папирусов и роли в ней Ростовцева см. *Emmel S.* Antiquity in Fragments: a Hundred Years of Collecting Papyri at Yale // *The Yale University Library Gazette.* October 1989. 64. 1–2. P. 38–58.

данный проект⁴⁰. Результатом этой просьбы стало участие Йельского университета зимой 1926–1927 гг. в экспедиции за папирусами, возглавляемой англичанином Г.И. Беллом. Одновременно Ростовцев попытался установить контакты с выдающимся русским египтологом В.С. Голенищевым, с которым его связывало давнее знакомство⁴¹ и который в 1924–1929 гг. был профессором Каирского университета. 21 января 1927 г. Ростовцев написал В.С. Голенищеву письмо и попросил помочь приобрести папирусы для Йельского университета: «Хотелось бы иметь что-либо хорошее и интересное. Строю здесь школу исследователей древней истории, и для нее мне папирусы нужны до зарезу»⁴². К сожалению, мы не знаем, как В.С. Голенищев отреагировал на эту просьбу. Согласно размещенной в интернете электронной версии каталога йельских папирусов, в 1927 г. большинство документов (около 230) было куплено Г.И. Беллом, У.Л. Уэстерманном и Ф.У. Келси при посредничестве некоего «доктора Аскерна».

Второе путешествие Ростовцева в Египет достаточно подробно освещено в его письмах к Дж.Р. Энджеллу и путевых записках, хранящихся в архиве Йельского университета, а также в опубликованных одновременно в Берлине и Париже трех газетных статьях⁴³. Попутно замечу, что эти три очерка вышли первыми в серии его «исторических репортажей с Востока», печатавшихся в русской эмигрантской прессе в конце 20-х – начале 30-х годов⁴⁴. На этот раз египетское путешествие было частью большой поездки историка на Ближний Восток, включавшей наряду с Египтом Палестину, Сирию, Иорданию и их «караванные города» Пальмиру, Петру, Герасу (где Йельский университет собиралась проводить археологические раскопки) и Дура-Европос, где весной 1928 г. начались раскопки йельской экспедиции под научным руководством Ростовцева. По письмам к Дж.Р. Энджеллу и путевым заметкам Ростовцева можно проследить сроки и маршрут его египетского путешествия. 13 февраля Софья Михайловна и Михаил Иванович отплывают из Марселя в Александрию; 1 марта они проживают в отеле «Савой» в Луксоре, а до этого они останавливались в Александрии, Каире, Фаюме, где Мичиганский университет проводил раскопки греко-римского поселения Каранис; 4 марта – посещение острова Эдфу; 22 марта Ростовцевы уже в Иерусалиме.

Более подробную информацию о целях этой поездки и впечатлениях от нее мы найдем в трех «берлинских письмах». Первое письмо начинается с оценки политичес-

⁴⁰ О стремлении Ростовцева создать в Йеле папирологический центр свидетельствует его речь перед выпускниками университета, с которой он выступил в начале 1926 г. и в которой, в частности, отмечал, что в области папирологии Йель отстает от Мичиганского, Колумбийского, Корнельского, Калифорнийского и ряда других американских университетов, и выражал надежду, «что это унижительное положение – явление временное» (см. Скифский роман. С. 172 сл.).

⁴¹ Еще до первой мировой войны Ростовцев участвовал в решении вопроса о приобретении Россией коллекции египетских древностей В.С. Голенищева. Во многом благодаря его усилиям, в частности выступлениям в печати (см. его статью «Египетский музей В.С. Голенищева»), коллекция была приобретена для московского музея Александра III; см. Скифский роман. С. 63.

⁴² Письмо хранится в парижском Центре Голенищева (Centre Wladimir Golenisheff [EPHE]. Archives Golenisheff. Correspondance R). Благодарю Ж. Йойотта, предоставившего в мое распоряжение копию этого письма.

⁴³ *Ростовцев М.* Письма с Ближнего Востока. I. Египет // Руль. 8, 13, 15 июля 1928 г. (Берлин). Эти же очерки были опубликованы в трех номерах парижского «Возрождения» за 8, 13 и 17 июля 1928 г.

⁴⁴ Помимо трех «египетских писем» см. *Ростовцев М.* Письма с Ближнего Востока. II. Караванные города Аравии и Сирии. Письмо четвертое // Руль. 22 июля 1928 г.; *он же.* Письма с Ближнего Востока. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии. Письмо пятое // Возрождение. 28 июля 1928 г.; *он же.* Письма из Ближнего Востока. Караванные города Аравии, Заиордания и Сирии. Письмо шестое // Возрождение. 3 августа 1928 г.; *он же.* О Ближнем Востоке. Караванные города Аравии, Трансиордания и Сирии // Современные записки. 1930. 41. С. 372–393; 42. С. 292–308; 43. С. 353–375; 44. С. 300–320; *он же.* Письма с Ближнего Востока. Сумер и Аккад // Современные записки. 1932. 49. С. 271–288.

кой ситуации в Египте, где поднимала голову местная буржуазия и усиливались националистические настроения. Характеризуя эту ситуацию, Ростовцев прибегает – прямо или косвенно – к обычным для него вольным сопоставлениям: с русской революцией, когда говорит о «полусознательном, разрушительном, отрицательном, если хотите большевистском национализме феллаха», и с хозяйничаньем греков и римлян в долине Нила, когда пишет о местной верхушке, в основном состоящей из «пришельцев в прошлом и в прошлом господ Египта, цель которых иметь и эксплуатировать Египет для себя». Затем автор переходит к теме археологического изучения древнеегипетских памятников. Разумеется, тон здесь, как и в Дура-Европос, задают американцы и французы. Как и 20 лет назад, «Россия не представлена в этом соперничестве наций», более того, теперь большевистскую Россию сюда не пускают, а «старую Россию забыли и не верят, что она вернется». Остается лишь надеяться, что египетский «большевистский национализм» не пресечет археологической активности просвещенных стран Запада. В третьем письме, посвященном археологии греко-римского Египта и его папирусам, Ростовцев сообщает о целях своего приезда. Их две: «Первая – приобрести для моего университета коллекцию греческих папирусов для моего папирологического семинария, вторая – изучить музеи и руины Египта для моей книги о социальной и экономической истории эпохи эллинизма, которую я – инш Аллах – постепенно собираю по кусочкам». Далее он пишет, что с первой задачей не справился, поскольку не сумел сторговаться с «королем каирских антикваров» М. Нахманом⁴⁵, зато со второй задачей «справился хорошо». Изучение руин и музеев на местах, впечатления от страны, увиденной из окна автомобиля или поезда, страны, где жизнь миллионов феллахов в сущности не изменилась по сравнению с временами фараонов, персов, греков и римлян, помогли историку впоследствии написать грандиозную книгу об эллинизме, в которой Египту отводилось центральное место⁴⁶. В конце же 20-х годов Ростовцев надеялся, что ему «удастся написать книгу о птолемеевском и римском Египте, иллюстрированную фотографиями современного Египта, наряду со снимками с древних памятников», но этим замыслам не суждено было сбыться.

Третье письмо отличает особый пессимистический настрой. Бродя по руинам Сокопайю Несос, Крокодилополя и своей любимой Филадельфии, где когда-то жили его «друзья» Аполлоний и Зенон, Ростовцев с грустью замечает кругом «мерзостя запустения» и пишет, что грабительские раскопки искателей папирусов и хищническая деятельность *себахинов* окончательно погубили эти памятники и развалины многих других фаюмских городов, поселений и храмов. Местами он переходит на слог пророка: «Долго вопиял мой голос в пустыне: раскопайте систематически хоть одну деревню Фаюма. Слава Богу, теперь он услышан»⁴⁷ – американские археологи приступили к раскопкам Караниса. Скепсис сквозит и в рассуждениях Ростовцева о «греко-

⁴⁵ В письме к Дж. Р. Энджеллу от 1 марта 1928 г. Ростовцев писал: «Шансов на приобретение папирусов очень мало. Цены высокие, а материал невыразительный. Здесь в Луксоре я купил несколько обрывков – просто чтобы спасти их. Возможно в Каире я найду что-нибудь получше. Но скорее всего я привезу назад значительную часть той суммы, которую Вы мне дали на покупку папирусов». Из другого его письма к президенту Йеля от 22 марта 1928 мы узнаем, что Ростовцев «нашел на рынке интересные папирусы и уже готов был купить их за 300 фунтов», но после более внимательного знакомства с ними «пришел к выводу, что запрашиваемая цена слишком высока, и сказал об этом продавцу, но тот не уступил». Позже в адресованной Дж. Р. Энджеллу записке Ростовцев сообщал, что из выданных ему Йельским университетом 200 долларов он потратил на покупку папирусов не более 30. См. James Rowland Angell Presidential Records, Manuscripts and Archives, Yale University Library. Yale Record Group 2–A–14. Cartoon 169. 1782 (Rostovtzeff 1924–1929).

⁴⁶ Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxf., 1941.

⁴⁷ В 1923 г., будучи профессором Висконсинского университета, Ростовцев выступил с проектом организации археологической экспедиции в Фаюмский оазис, но не сумел реализовать его; см. Скифский роман. С. 160.

египетском культурном синкретизме», о котором он с таким восторгом писал во время своего первого путешествия в Египет. Птолемеевское искусство – «все еще загадка». Греческое искусство Александрии весьма своеобразное, оно «немножко болезненное, немножко слащавое, чрезвычайно изящное. Александрийцы не смеются, они улыбаются, часто кривой усмешкой». Провинциальное египетское искусство так египетским и осталось, поскольку «у египтян не было силы претворить эллинское искусство, оно только прошло по поверхности египетской традиции». Новое греко-египетское искусство если и родилось, то «умерло в детстве». Что повлияло на пересмотр Ростовцевым его прежних, в сущности дройзеновских взглядов на эллинистическую культуру, где не было места сомнениям насчет ее синкретического характера, – образ современного Египта, который не мог не остудить фантазии «египтомана», отказ от веры в торжество исторического прогресса, неудача с покупкой папирусов? Думаю, эти вопросы еще ждут своего ответа.

В качестве постскриптума ко второму путешествию Ростовцева скажу, что впоследствии он все же сумел справиться с первой задачей. Зимой 1931 г. по пути в Дура-Европос историк заехал в Египет вместе со своим учеником и помощником Ч.Б. Уэллсом и купил у М. Нахмана и некоего «д-ра Кондилиоса» почти 700 папирусов. В начале апреля того же года он вернулся из Сирии в Каир и купил у М. Нахмана еще около 300 папирусов, а в сентябре, находясь в Париже, приобрел все у того же М. Нахмана 250 папирусов. Таким образом, только в 1931 г. для Йельского университета, чья коллекция к тому времени насчитывала всего лишь 300 папирусов, было куплено около 1250, и поэтому мы можем с полным правом говорить, что именно Ростовцев был ее фактическим основателем. В 1932 г. Ростовцев и его коллега по Департаменту классических исследований О.М. Хармон обратились с письмом к руководителю Департамента Дж.Л. Хендриксону, в котором излагали проект публикации нескольких томов йельских папирусов. Как и в случае с русским проектом, Ростовцеву не довелось принять участие в его осуществлении⁴⁸. Если продолжить ряд этих грустных аналогий, созданная им в Йеле школа документальной папирологии прекратила свое существование после смерти его ученика Ч.Б. Уэллса⁴⁹, подобно тому как еще раньше в СССР была фактически уничтожена школа российской папирологии, у истоков которой стоял Ростовцев.

Автор увлекательного романа «Пути к раю» П. Корнель, практикующий жанр «нелинейного письма», в одном из своих комментариев упоминает термин «итерология», придуманный М. Бютором и означающий связь путешествия с письмом и чтением. Исходя из значения этого термина М. Бютор различает два типа путешествий: с одной стороны, «Путь из Парижа в Иерусалим» Шатобриана, с другой – «Путешествие на Восток» Жерара де Нерваля. «Эти две книги, – пишет П. Корнель, – пример двух различных форм путешествия и письма»: линейного, целенаправленного и эгоцентричного у Шатобриана и окольного, лишённого пространственно-временных границ, полного возвратов и отступлений у Нерваля⁵⁰. Если обратиться к «итерологии» египетских путешествий Ростовцева (а именно этой проблеме в конечном счете посвящена моя статья), то нельзя не заметить, что за два десятилетия отношение путешественника к истории и культуре греко-римского Египта претерпело существенную эволюцию – от восторженного и романтического к умеренному и критическому восприятию. В то же время пример Ростовцева показывает, что классификация Бютора – Корнеля едва ли исчерпывающая. Бесспорно, имея что-то общее с путешест-

⁴⁸ Греческие и латинские папирусы и пергамены из Дура-Европос были изданы учениками Ростовцева в 1959 г.; первый том греческих папирусов из Египта вышел в 1967, а второй – в 1985 г.; коптские папирусы из йельской коллекции были опубликованы в 1986 г.

⁴⁹ Ср. *Bingen J. La papyrologie, d'avant-hier à demain // Proceedings of the 20th International Congress of Papyrologists. Copenhagen, 1994. P. 45.*

⁵⁰ *Корнель П. Пути к раю. Комментарии к потерянной рукописи. СПб., 1999. С. 64–67.*

виями Шатобриана и Нерваля, египетские поездки Ростовцева – опыт совсем иного способа постижения пространства и времени. Не надо быть слишком умудренным, чтобы понять ту простую истину, что каждое путешествие, как жизнь и творчество каждого человека, уникально и неповторимо.

Ю.Н. Литвиненко

M.I. ROSTOVITZEFF'S JOURNEYS TO EGYPT

Yu.N. Litvinenko

The paper is devoted to Rostovtzeff's two journeys to Egypt undertaken in 1908 and 1928. The author demonstrates their place and role in the scholarly career and creative work of the great historian by analyzing his travel notes, diaries and research papers. The author concludes that Rostovtzeff's understanding of the history and culture of Greek and Roman Egypt underwent substantial evolution, developing from romantic enthusiasm towards reserved and more critical attitude.

© 2001 г.

ВЯЧ. ИВАНОВ: «Я ПОШЕЛ К НЕМЦАМ ЗА НАСТОЯЩЕЮ НАУКОЙ»

I. ВЯЧ. ИВАНОВ В РИМЕ: ГЕРМАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

После учебы в Берлинском университете, где его учителями и наставниками были такие выдающиеся ученые как Теодор Моммзен (1817–1903) и Отто Гиршфельд (1843–1922), Вячеслав Иванов отправился во Францию, чтобы продолжить свои антиковедческие занятия и завершить диссертацию.

В письме к Гиршфельду от 30 декабря 1892 г. он так рассказывает о своем пребывании во Франции: «В Париже я оставался до начала февраля 1892 года, чтобы работать в Национальной библиотеке и ознакомиться с художественными сокровищами Парижа; глубоко изучить французский язык, отчасти также и английский (за это время я предпринял короткую поездку в Лондон), но я держался вдалеке от слушания лекций и от университетских занятий. Во время своего пребывания в Париже я сделал попытку перевести свою работу на латинский язык, но эта попытка вскоре перестала меня удовлетворять, так как я убедился в необходимости некоторых специальных изменений и дополнений. Кроме того, я и в латинском языке сделал некоторые шаги вперед, так что и с формальной точки зрения этот набросок перевода показался мне неудовлетворительным. Поэтому я не захотел возвращаться в Берлин и решил прежде предпринять давно желанное паломничество в Италию – этому способствовали и другие обстоятельства, я начал путь через Вашу „провинцию“ (я имею в виду Южную Францию) и посетил, правда, весьма быстро, Лион, Вьен, Оранж, Ним вместе с Пон-дю-Гаром, Арль, Марсель. Впервые, если не считать моей более ранней поездки в Трир, ступал я по классической земле, среди сохранившихся памятников римской культуры, впервые я также увидел и благословенный Юг»¹.

В Париже, в Национальной библиотеке Иванов познакомился с молодым русским ученым, приват-доцентом Петербургского университета Иваном Михайловичем Гревсом (1860–1941), и эта встреча стала началом их близкой и долгой дружбы. Именно Гревс, который уже посетил Италию в 1890–1891 гг. и был ею очарован², убедил Иванова поехать в Рим, чтобы ознакомиться с памятниками римской культуры и продолжить в Италии работу над диссертацией.

¹ Письма Иванова к Гиршфельду (на немецком языке) опубликованы М. Вахтелем в качестве приложения к его статье – *Wachtel M.* Вячеслав Иванов студент Берлинского университета // *Cahiers du Monde russe.* XXXV (1–2). Janvier – juin 1994. P. 353–376. Черновики некоторых писем Иванова хранятся в его фонде (№ 109) в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (далее – РГБ). Пользуясь случаем, выражаю признательность М. Вахтелю за присылку материалов для этой статьи. Благодарен также за советы и научные консультации Н.В. Котрелеву – лучшему знатоку творчества Вяч. Иванова и С.А. Степанцову за содействие в переводе на русский язык писем Иванова Гиршфельду.

² См. *Гревс И.М.* Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890–1891 года) // *Россия и Италия.* М., 1993. С. 281–315.

В своем «Автобиографическом письме», составленном в начале 1917 г. (т.е. через четверть века после описываемых событий), Иванов вспоминал: «В 1891 г., отбыв в Берлине девять семестров и напугуемый наставлениями Гиршфельда тщательно передумать и изложить по латыни свою диссертацию, а также хорошо изучить Лувр, я отправился в Париж с томиком Ницше, о котором начали говорить. Мы поселились вблизи Национальной библиотеки у одного chef d'institution³ и officier d'Académie⁴, под руководством которого я в течение почти года ежедневно упражнялся в французской стилистике. Тогда же в первый раз побывал я на короткое время в Англии. В парижской Национальной библиотеке, правильно мною посещаемой, познакомился я и с И.М. Гревсом; за сближением на почве общих занятий русской историей последовала и душевная дружба. Он властно указал мне ехать в Рим, к которому я считал себя не довольно подготовленным; я по сей день благодарен ему за то, что он победил мое упорное сопротивление, проистекавшее от избытка благоговейных чувств к Вечному городу, со всем тем, что должно было там открыться. Ни с чем не сравнимы были впечатления этой весенней поездки в Италию... После краткого предварительного пребывания в Риме мы пустились в путь дальше, на Неаполь, и объездили Сицилию, после чего надолго осели в Риме, деля всецело жизнь одной простой итальянской семьи, так что на третий год этой жизни могли считать себя до некоторой степени римлянами. Я посещал Германский Археологический институт, участвовал вместе с его питомцами („ragazzi Capitolini“)⁵ в обходах древностей, думал только о филологии и медленно перерабатывал заново, углублял и расширял свою диссертацию...»⁶. А вот как Иванов описывает те же годы в «Автобиографической справке», написанной в начале 1919 г. и изданной Н.В. Котрелевым в 1997 г.: «По окончании работы о римских государственных откупках, как в эпоху республики, так и империи, я отправился для пополнения научных знаний и переработки первой части своей немецкой рукописи (об откупках за время республики) в латинскую диссертацию – сначала в Париж, потом в Рим, где слушал курсы Германского Археологического института»⁷.

Первая встреча с Римом вызвала у Иванова двойное чувство. Вот как он сам описывал свои впечатления в заметках, которые он вел во время путешествия из Парижа по югу Франции и северу Италии. «Несмотря на бессонную ночь в вагоне, я, конечно, тотчас бросился бегать по улицам, пошел на Монте-Пинчо – видеть общий вид города, – к крепости Ангела, в церковь св[ятого] Петра, в Колизей, на Форум, на Капитолий и т.д. Очень устал физически и еще более нравственно и возвратился настолько смущенный и, так сказать, сбитый с толку, что не мог бы даже выразить и определить своих ощущений. В новой оболочке, покрывшей старый Рим, многое болезненно меня поразило. Глаз открывал повсюду много прозы, много безвкусыя. Неожиданно и часто неприятно поражал, после Парижа, известный отпечаток провинциализма.

И рядом с этим вдруг так много поэтически своеобразного, неожиданно живописного. Но прежде всего повсюду внезапно поднимаются такие великолепные остатки старины, такие памятники, такие развалины, которые вдруг могущественно потрясают душу. Многие из них так знакомы по книгам и рисункам и так новы, и неожиданны в своем реальном явлении! Все эти впечатления так сильны и так непохожи одно на другое, что душа устаёт и чувствует себя бессильной. Мне стало почему-то

³ Глава учреждения (франц.).

⁴ Чиновник Академии (франц.).

⁵ «Капитолийские ребята» (итал.).

⁶ См. *Иванов Вяч.* Собр. соч. / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешерт. Брюссель. Т. 1. 1971. Т. 2. 1974. Т. 2. С. 19.

⁷ См. *Котрелев Н.В.* Неизданная автобиографическая справка Вячеслава Иванова // Сестры Аделаида и Евгения Герцык и их окружение. Материалы научно-тематической конференции в г. Судак 18–20 сентября 1996 года. Москва – Судак, 1997. С. 189.

печально. Еще не можешь примирить всех этих звуков, составляющих как бы дизгармонию. И вместе с тем уже сознаешь, что все это вместе, в самой дизгармонии, прекрасно и стройно.

Начинаешь убеждаться, что Рим далеко еще не испорчен новой прозой, что это лишь незаметные пятна на великой картине. Вообще, Рим произвел на меня первое впечатление, подобное впечатлению от очень хорошей и очень трудной, серьезной музыки. Еще не успел понять ее и не заметил даже большую часть ее красот, но уже успел полюбить ее, уже угадываешь ее великий смысл и почувствовал в душе еще неопределенное и темное, но уже глубокое и необычное содержание. В конце дня, я был, как говорил раньше, совсем утомлен нравственно.

Вот, со следующего дня, с теплыми, летними лучами солнца, с голубым прелестным небом, началось мое радостное восхищение всем, что я встречаю здесь на каждом шагу. Все стало несравненно и мило, и каждый новый день все увеличивает мое восхищение.

Итак, хорошее произведение искусства все более нравится, чем больше с ним сближаешься. И уж теперь понимаю, что первый день я был почти слеп»⁸.

О жизни Иванова в Риме и занятиях над диссертацией и античными сюжетами в целом мы узнаем из его писем к Ивану Михайловичу Гревсу⁹ (и писем Гревса к нему¹⁰) и своей будущей жене Лидии Дмитриевне Шварсалон (урожденная Зиновьева, впоследствии приняла литературное имя Зиновьева-Аннибал; именно Гревс в Италии познакомил с ней Иванова¹¹), а также из переписки Иванова с О. Гиршфельдом, которая была выявлена М. Вахтелем в Рукописном отделе Германской национальной библиотеки в Берлине и им же издана¹².

Некоторые свидетельства о научной работе Иванова в Риме мне удалось обнаружить и в архиве Римского отделения Германского археологического института. С этим институтом Иванов был тесно связан в течение многих лет и даже после того, как оставил занятия античной историей.

Римское отделение Германского археологического института было открыто в 1829 г., и с тех пор этот научный центр с его блестящей библиотекой привлекал многих выдающихся историков, археологов, филологов и талантливую молодежь из разных стран мира для научной стажировки¹³. С институтом были связаны и многие известные русские ученые – Ф.Ф. Зелинский, М.И. Ростовцев, М.Н. Крашенинников, Я.М. Смирнов, И.В. Помяловский, Ю.А. Кулаковский и др.

Иванов приехал в Рим как воспитанник немецкого антиковедения, ученик Моммзена и Гиршфельда, и было вполне естественным, что прославленная библиотека Германского археологического института стала основным местом его научной работы. Можно также предполагать, что и Гревс, который убедил Иванова ехать в Рим для подготовки диссертации, рассказывал своему другу о богатствах этой библиотеки: сам Гревс, стажировавшись в Риме в 1890 г., постоянно ее посещал. Так, в письме С.Ф. Ольденбургу и его жене А.П. Ольденбург он, рассказывая о своем пребывании в Риме, писал: «Иду либо в библиотеку Германского Археологичес[еского], где сижу с 2-х до 4-х, занимаясь римской топографией и археологией, либо иду на Форум или на Палатин или куда в другое место изучать древности наглядно»¹⁴.

⁸ РГБ. Ф. 109. К. 1. Ед. хр. 14. Л. 20–20 об.

⁹ Санкт-Петербургский филиал архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 726. Оп. 2. Д. 127.

¹⁰ РГБ. Ф. 109. К. 17. Ед. хр. 10.

¹¹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 37–41.

¹² *Wachtel*. Вячеслав Иванов...

¹³ Об истории института и его отделения в Риме подробнее см. *Wickert L. Beiträge zur Geschichte des Deutschen Archäologischen Instituts, 1879–1929. Mainz, 1979; Марконе А. Петербург – Рим – Берлин: встреча М.И. Ростовцева с немецким антиковедением // ВДИ. 1992. № 1. С. 213–223; Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб., 1999.*

¹⁴ ПФА РАН. Ф. 208. Оп. 3. Ед. хр. 706. Л. 2 об.

В Германском археологическом институте в Риме Иванов был зарегистрирован вскоре после приезда – 28 марта 1892 г. Судя по книге записей¹⁵, документ на право работы в библиотеке был ему выдан немецким археологом Х. Хюльзенем (1858–1935), бывшим тогда вторым секретарем института. Фамилия «Иванов» (V. Ivanov) впервые появляется в списке участников специального заседания 22 апреля 1892 г. – в этот день отмечалась (отмечается и сейчас) дата основания института (22 апреля 1829 г.). Уже на этом первом заседании Иванов встретился с некоторыми крупными учеными (прежде всего немецкими). Среди участников был русский ученый-филолог будущий директор Музея изобразительных искусств профессор Московского университета И.В. Цветаев (1847–1913)¹⁶.

В первом же письме Гревсу из Рима (11 июля/29 июня 1892 г.) Иванов рассказывает о своих занятиях антиковедением и подготовкой диссертации: «Все собираюсь написать Вам, да никак не выберу минуты. День мой распределен правильно, но весь сполна посвящен, – выражаясь вычурно – черепашьему бегу по научному стадиону; так состязаюсь я с Ахиллесами науки. Дополз я почти до конца первой главы работы – той первой главы, которая у меня уже существует в стольких различных редакциях, в скольких сохранился, разве, лермонтовский „Демон“»¹⁷.

Очевидно, в институте произошла встреча Иванова с известным немецким антиковедом К. Белохом¹⁸, о чем он сообщает Гревсу (письмо от 11 июля (29 июня) 1892 г.): «Свое намерение зайти к Белоху, о котором я Вам писал, я исполнил. Он принял меня со свойственной ему вкрадчивостью и вместе с несколько коварной любезностью и мягкостью. Это было накануне его отъезда из Рима. Была речь о Вас. Я говорил, что Вы, чем теперь занимаетесь и когда едете в Россию, и какие курсы Вы будете читать, и как у нас древнюю историю соединяют в университете со средней, и как много принуждены Вы работать и что в Риме Вы весь день сидите в библиотеках»¹⁹.

После летних путешествий по Италии и Сицилии, где он познакомился с древними памятниками (в том числе он побывал в Помпеях²⁰), Иванов, по его собственному признанию, целиком погрузился в научную работу: «Как только я обложился книгами, тотчас сказался обычный недочет в числе часов, составляющих сутки; утра, полдни, вечера стали пробегать и снова наступать с обидной быстротою; время опять стало похоже на железнодорожный поезд, а я со своим трудом и усилиями на идущем рядом человека» (письмо Гревсу от 4 октября/22 сентября 1892 г.)²¹.

Иванов вновь приступает к работе над диссертацией. И если «прочная оседлость с домашним письменным столом» доставляет ему «немало удовольствия», то диссертация о публикациях «даже после полуторамесячной разлуки и столь же продолжительного забвения» дается с большим трудом. «Но я постарался быть внимательным и к ним и разделил свои занятия на прозу и поэзию»²². «Прозой, – пишет он Гревсу в том же письме, – послужило размышление над третьей и последней главой моей противной и по самому предмету своему постыдной работы»²³. Обращается он вновь и к трудам Моммзена, курсы которого слушал в Берлине. «Поэзией – чтение вещей,

¹⁵ Адрес, который написан в регистрационной книге – via Castelfidardo 51 – тот же, что и указан на письмах, написанных из Рима в 1892 г. Гревсу и Гиршфельду.

¹⁶ См. *Корыхалова Т.П.* Труды И.В. Цветаева по итальянской эпиграфике // ВДИ. 1973. № 2. С. 194–202.

¹⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 1.

¹⁸ К. Белох (K.J. Veloch) (1854–1929) – историк древней Греции и Рима, много лет прожил в Риме, один из основателей антиковедческой школы в Италии, особую известность получил его труд «Греческая история» (Белох Ю. История Греции. Т. I–II. М., 1897–1899).

¹⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 2 об.

²⁰ «Завтра утром еду в Помпеи. Мне даже дали разрешение, выдаваемое археологам» (ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 5 об.)

²¹ Там же. Л. 7 об.

²² Там же.

²³ Там же.

служащих ее дополнением к виденному... в особенности же углубление в сочинения Моммзена, гениального Моммзена, за которого я так боюсь всякий раз, когда слышу о смерти какого-нибудь славного старика: ведь умер Йеринг²⁴, умер и Ренан²⁵!».

Усердно занимаясь диссертацией, Иванов незаслуженно скромно относится к своей научной работе и к своим творческим возможностям. Он упрекает своего друга Гревса за то, что тот о нем поговорил с известным византинистом В.Г. Васильевским (1838–1899), в прошлом тоже учеником Моммзена: «Охота Вам было говорить обо мне и особенно о моей работе с Васильевским, да еще заинтересовать моей особой таких знаменитостей. Это значит увеличить число (и без того слишком большое) людей, надежды которых я не оправдываю. И мой несчастный маленький опускул становится тем хуже, чем больше о нем говорят. Право, впечатление, которое он мог бы произвести, было бы лучше, если бы Виноградов²⁶, Вы и т.д. не ожидали от меня большего, чем сколько я могу дать»²⁷.

Основное место для занятий – библиотека Германского археологического института и библиотека Виктора Эммануила²⁸.

Иванов присутствовал и на ежегодном торжественном собрании, посвященном дню рождения основателя института Й. Винкельмана²⁹ – 9 декабря 1892 г. (здесь, судя по подписям участников, и по письму к Гревсу от 8 января 1893/27 декабря 1892 г. он вновь встретился с Белохом)³⁰.

Кроме Белоха на этом заседании вместе с Ивановым присутствовали также Дж. Де Росси³¹, М. Рамсей³², Л. Блох³³, Г. Дессау³⁴, Р. Шёне³⁵ и другие уже известные или ставшие впоследствии знаменитыми ученые.

В том же письме от 27 декабря 1892/8 января 1893 г. Иванов описывает необычное событие, произошедшее в институте: «Библиотека института украсилась мраморным бюстом де Росси, открытым в присутствии последнего и поставленным на шкаф над гермою Генцена. Другое новое украшение библиотеки – бронзовый гриф на ионическом пилястре серого мрамора. Он был преподнесен в 1865 г. пятьюдесятью учеными Герхарду (Gerhard) (есть и выгравированная дедикация в греческих дистихах) и жертвованная теперь институту вдовой Герхарда»³⁶.

О встречах с Дж. Де Росси Иванов упоминал и в своем «Автобиографическом письме»³⁷. Крупный немецкий филолог и эпиграфист В. Генцен (Wielhelm Henzen, 1816–1887) был секретарем Римского отделения Германского археологического института; Э. Герхард (Eduard Gerhard, 1795–1867) – известный немецкий археолог, профессор археологии Берлинского университета, тесно сотрудничал с Римским отделением института, его жена Эмилия (1818–1892) незадолго до смерти преподнесла в дар институту скульптуру бронзового грифа, которая стала своего рода символом института.

Немцы бережно хранят эти реликвии. Каждый, кто и сегодня входит в институт, направляясь либо в библиотеку, либо в административные офисы, видит высокий мраморный пилястр, который венчает бронзовый гриф (рис. 1). Под фигурой грифа

²⁴ Р. Йеринг (R. Jering) (1818–1892) – немецкий антиковед, специалист по римскому праву.

²⁵ Э. Ренан (1823–1892) – французский филолог, семитолог, религиозный мыслитель.

²⁶ П.Г. Виноградов (1854–1925) – историк права, учитель Иванова в Московском университете.

²⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 10–10 об.

²⁸ Национальная библиотека Италии.

²⁹ Й. Винкельман (J.J. Winckelmann, 1717–1768) – выдающийся немецкий ученый, историк искусства.

³⁰ «С Белохом однажды встретился в институте на Винкельмановском празднике». См. ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 13.

³¹ Джованни Баттиста Де Росси (Giovanni Battista De Rossi) (1822–1894) – итальянский археолог и эпиграфист.

³² М. Рамсей (M. Ramsay) (1856–1939) – известный английский археолог и эпиграфист.

³³ Л. Блох (Leo Bloch) (1864–1920) – немецкий археолог и педагог.

³⁴ Г. Дессау (Hermann Dessau) (1856–1931) – немецкий историк-антиковед, ученик Т. Моммзена.

³⁵ Р. Шёне (Richard Schöne) (1840–1922) – немецкий археолог.

³⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 13.

³⁷ См. Иванов Вяч. Собр. соч. Т. 2. С. 19. Он называет его «славный Дж. Б. де-Росси».

греческая надпись, которая гласит: «Слугу Артемиды и Аполлона-Ликурга, грифа – священный символ эфирного огня – (мы), сонм мужей – служителей таинств посвящаем нашему гиерофанту³⁸ ради сокровенной премудрости. Вот, просиял полных 50 лет факелоносный таинник божественной природы»³⁹. Ниже на металлической пластинке – латинская надпись: «Статую с постаментом, Эдуарду Герхарду некогда посвященную друзьями, по воле Эмилии Герхард наследники подарили Германскому археологическому институту»⁴⁰. В специальном зале института, где часто проводятся научные заседания, стоит и бронзовый бюст Де Росси.

Судя по письму Гревсу, Иванов в это время, т.е. в начале января 1893 г., намеревался в мае или июне поехать в Берлин, чтобы «держать экзамен». Основное внимание он уделяет последней части диссертации. «Многое прежде смутное выяснил, но успел обработать по-латыни только около четверти ее, и так как было легко затянуть еще на продолжительное время, послушался совета Крашенинникова⁴¹ (который вообще принимает сердечное участие в многих делах и всячески торопит меня, за что я ему очень обязан) и принялся опять за первую часть, уже изложенную по-латыни до поездки в Неаполь, чтобы употребить главным образом эту часть в качестве берлинской диссертации»⁴². Иванов принимает участие и в занятиях, проводимых Хюльзенем. «Его (Хюльзена. – Г. Б.-Л.) топографические прогулки и лекции были для меня очень интересны и поучительны»⁴³.

30 декабря 1892 г. Иванов написал письмо в Берлин Гиришфельду. Об этом он сообщил Гревсу: «С неделю тому назад пришлось мне, наконец, нарушить то таинственное молчание, которое я сохранял до сих пор перед Берлином, и я написал Гиришфельду отчет о своих занятиях со времени отъезда в Париж. Для моих целей писать несколько рано, следовало подождать месяца полтора... Ответа от Гиришфельда я еще не получал»⁴⁴.

К счастью, письмо Иванова Гиришфельду, строки из которого мы уже приводили, сохранилось в Отделе рукописей Германской Национальной библиотеки и опубликовано М. Вахтелем. Вот как объясняет Иванов свое «таинственное молчание»: «В начале будущей весны исполнится полных два года с тех пор, как я простился с Вами, как я полагал тогда, на короткий срок. Простили ли Вы мне отсутствие писем в течение столь долгого времени? Я вполне осознаю свою вину молчания... но меня удерживало от того, чтобы написать Вам, именно желание сообщить нечто определенное о ходе этой работы, которой я не прекращал заниматься. Все же я должен сообщить Вам, что она не продвинулась настолько, как мне самому бы хотелось,

³⁸ Гиерофант (греч.) – верховный жрец.

³⁹ Ἀρτέμιδος πρόπολον καὶ Ἀπόλλωνιος Λυκοόργου
γρύπα πύρρος σεμνὸν σύμβολον αἰθερίου
ἀνδρῶν μυστιπόλων χορὸς ἀνθέμεθα ἱεροφάντη
ἡμετέρῳ σοφίης εἵνεκεν αἰθερίου.
Ἦν προύφηγεν ὄλους λυκάβαντας πεντήκοντα
δαιδοφόρος μύστης θειοτέρης φύσιος

(Пер. С.А. Степанцова).

⁴⁰ Signum cum basi
ODOARDO GERHARD
ab amicis olim dicatum
ex voluntate Aemiliae Gerhard G. M. F.
Instituto Archaeologico Germanico
heredes d. d.
CIO CCC L XXXX II

(Пер. С.А. Степанцова).

⁴¹ М.Н. Крашенинников (1865–193?) – русский византист, ученик В.К. Ернштедта, Ф.Ф. Соколова и И.В. Помяловского, стажировался в Италии в 1891–1895 гг., друг Иванова.

⁴² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 12–12 об.

⁴³ Там же. Л. 12.

⁴⁴ Там же. Л. 12 об.

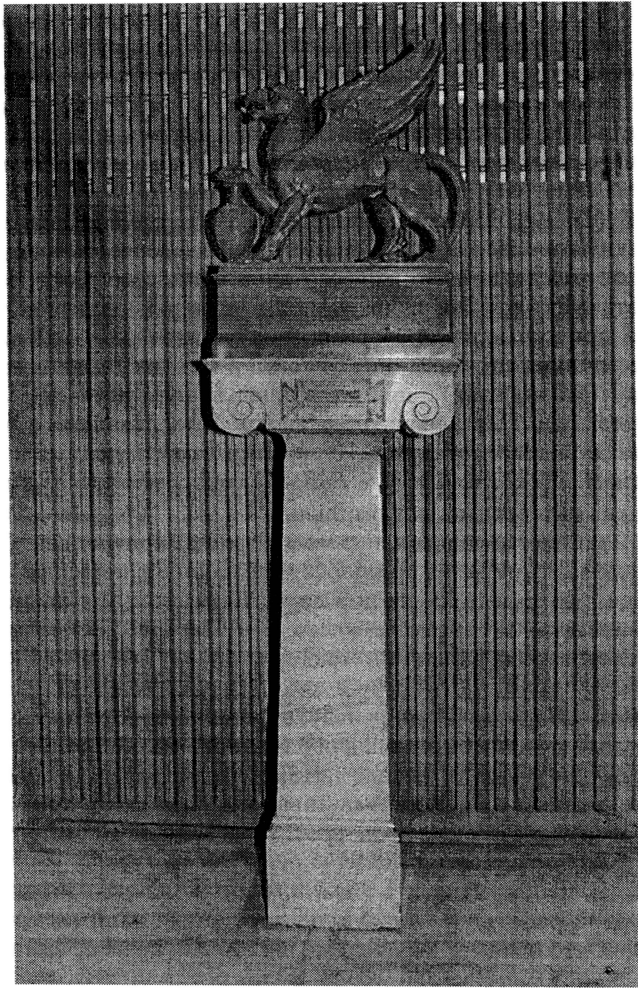

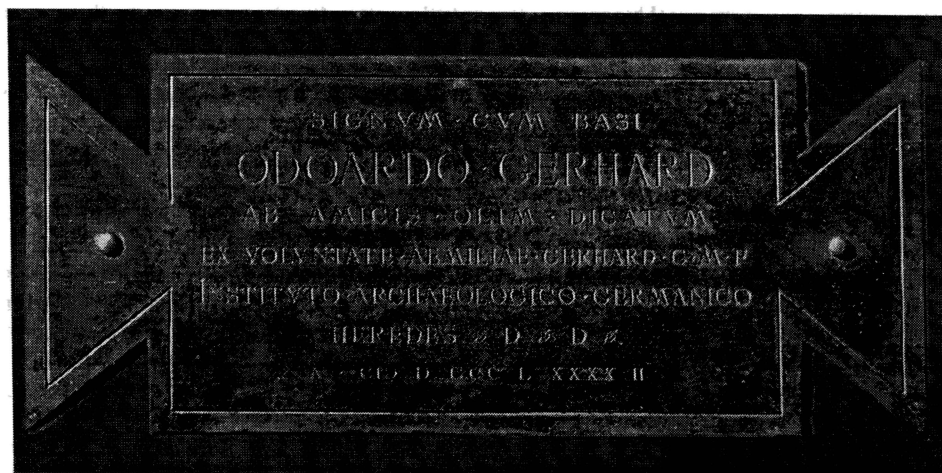
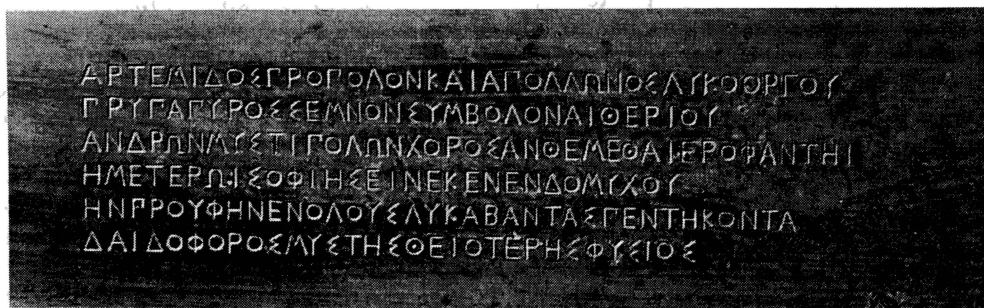
Рис. 1. Статуя грифона с греческой и латинской надписями

и еще не доведена до того состояния, в котором я надеюсь ее Вам представить... Насколько я могу оценить результаты моих занятий этим предметом, та часть моего исследования *societates vectigalium*⁴⁵, которую по Вашему совету я думал представить Вам в начале диссертации, нуждается лишь в окончательном оформлении... В последнее время я систематически изучал топографию древнего Рима, благодаря в высшей степени увлекательным и ученым топографическим *gigi*⁴⁶ и лекциям профессора Хюльзена. Излишним было бы говорить, какую пользу принесло мне пользование превосходной библиотекой Германского археологического института. Сейчас я приступил к окончательной редакции той части моей работы, которую мне предстоит Вам представить в качестве диссертации; Вы увидите, что моя более ранняя работа существенно изменилась⁴⁷.

⁴⁵ «Общества откупщиков» (лат.)

⁴⁶ Прогулки, экскурсии (итал.)

⁴⁷ *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 368.

В своем ответе 8 января 1893 г. Гиршфельд настоятельно просил Иванова не откладывать диссертацию и скорее представить ему работу: «Вам нужно выбрать всего лишь одну главу, лучше всего об организации сообществ, но теперь Вы более не должны откладывать. Вы знаете, что дали мне обещание, и я придаю значение тому, чтобы это произошло при моем деканате... Итак, до скорой (подчеркнуто Гиршфельдом. – Г. Б.-Л.) встречи в Берлине»⁴⁸.

Прошел год со времени приезда Иванова в Рим, но о поездке в Германию к Гиршфельду можно было только мечтать: до завершения диссертации было еще очень далеко. В письме Гревсу от 16/4 апреля 1893 г. Иванов рассказывает о содержании письма Гиршфельда и объясняет причину столь долгой работы над диссертацией: «За это время я сызнова написал ту часть работы, которую надумал, наконец, выделить для диссертации. Я бесконечно долго вожусь с этой скучной материей, но вскоре надеюсь сбить с плеч надоедливую ношу. Моя непрактичность много мешает и вредит мне во всем. Представьте себе, что три месяца до Рождества я потерял, занимаясь той частью, которая не имеет никакого отношения к диссертации! Я не в состоянии ничего рассчитать и менее всего способен рассчитывать время. Мне казалось, что все это нужно включить в диссертацию; между тем, самый простой расчет мог показать, что тогда она значительно превысила бы узаконенный объем. Говоря о своих работах, я должен прежде всего сказать о моих теперешних отношениях к

⁴⁸ Там же.

Гиршфельду. Я Вам писал, что послал ему отчет о своих занятиях... Он ответил письмом, которое – оно же коротко – лучше приведу здесь целиком»⁴⁹. Далее Иванов приводит немецкий текст письма, которое сохранилось в архиве поэта и на строки которого мы уже ссылались.

В том же письме к Гревсу содержатся другие интересные сведения о работе Иванова над диссертацией и его творческих планах. «В феврале неожиданно явился ко мне мой бывший университетский товарищ, упомянутый в этом письме (в письме Гиршфельда. – Г. Б.-Л.) Dr. Münzer⁵⁰, который, отправляясь сюда из Берлина, получил от Гиршфельда поручение: „schaffen Sie mir Ivanov aus Rom weg!“⁵¹. Он передал мне die grösste Unzufriedenheit⁵² нашего maestro по случаю моей медлительности и нерешительности, настойчивые требования явиться в Берлин, убеждения не трусить и т.д. До сих пор я еще не отвечал Гиршфельду, чтобы иметь возможность написать что-нибудь определенное, и имею все данные, чтобы предполагать, что его недовольство, пройдя все ступени гнева, достигло в настоящее время крайней Wuth⁵³. Теперь, однако, собираюсь писать. Я надеюсь, что приблизительно через неделю будет своевременно попросить его, как декана, о разрешении прислать ему мою диссертацию с прошением и пр. по почте; сам я явился бы тогда прямо к экзамену. Если бы он, на что, впрочем, есть мало вероятия, не разрешил такую присылку, чтобы не отступать от буквы устава, то я по окончании диссертации должен буду остаться в Риме, чтобы повторить, что нужно к экзамену. Если же я получу разрешение, то через несколько недель надеюсь отослать манускрипт, сам же опять-таки принужден буду остаться на месте. Вполне исполнить желание Гиршфельда, т.е. представить работу в апреле мне во всяком случае невозможно: еще нужно пересмотреть ее, написать приложения, переписать. Что касается экзамена, то сдавать его можно или до летних ферий, т.е. до августа или после них, т.е. со второй половины октября. Как ни жаль, что нельзя будет устроить экзамен и защиту в деканство Гиршфельда, которое истекает 15 октября, но нет возможности послетъ к июлю и остается взять на себя обязательство приехать в Берлин в октябре. Итак, придется просидеть еще несколько месяцев в Риме»⁵⁴.

23 апреля Иванов направляет из Рима письмо Гиршфельду, в котором объясняет причины незавершенности своей диссертационной работы и просит перенести экзамен на осень. «Мне крайне досадно, особенно после Вашего утешения, что я не в состоянии сообщить Вам, что выполнил Ваше желание относительно завершения моей работы в этом месяце. Мне так и не удалось, несмотря на все мои усилия, довести ее до нужного состояния и не приходится надеяться, что в оставшиеся несколько дней я буду иметь возможность пересмотреть уже готовый текст, снабдить его цитатами и некоторыми еще недостающими примечаниями и переписать набело. Кроме того, прибавляется еще и то обстоятельство, что необходимая систематическая подготовка к устному экзамену, несмотря на мои прежние относящиеся к этому занятию, все же требует некоторого времени, а потому я должен сделать тягостное признание, что для меня было бы невозможным сдать докторский экзамен уже в летний семестр, и я буду вынужден перенести его на начало зимнего семестра, так что мое огромное желание сдать экзамен при Вашем деканате, к моему глубокому сожалению, вряд ли может быть исполнено, так как экзамены, насколько мне известно, возобновляются только 15 октября.

Поэтому я имею честь покорно просить Вашего разрешения после завершения моей диссертации (стало быть, приблизительно в мае) послать Вам ее как декану

⁴⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 14 об.

⁵⁰ Ф. Мюнцер (Münzer) (1868–1942) – немецкий историк-антиковед и филолог.

⁵¹ «Вытащите мне Иванова из Рима» (нем.).

⁵² «Величайшее недовольство» (нем.).

⁵³ «Ярости» (нем.).

⁵⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 15 об.

вместе с прошением о допуске к экзамену и т.п., чтобы я мог спокойно провести в Риме еще несколько месяцев для подготовки к устному экзамену. Тотчас после осенних каникул я смогу приступить к экзамену. Мне отказано в чести и удовольствии получить промоцию от Вас как декана, но я надеюсь, что Вы, по крайней мере, формальным получением моей диссертации инаугурируете мое выдвижение. В случае, если Вы соблагovolите удовлетворить эту просьбу, я приложу все усилия к тому, чтобы прислать Вам свою работу как можно скорее»⁵⁵.

В мае Гиршфельд прислал Иванову ответ, который вряд ли мог обрадовать будущего диссертанта. «Мне очень жаль, – писал Гиршфельд, – что я уже не смогу выдвигать Вас на степень, но будет правильным, чтобы Вы сразу же дали о себе знать, когда завершите подготовку. Прежде этого я не могу принять Вашу работу. Вы должны сначала направить ее с формальным уведомлением. Так что, если Вы приедете около начала или середины октября, Вы сможете успеть на устный экзамен в начале ноября... Итак, до встречи осенью»⁵⁶.

Наступил ноябрь 1893 г., но диссертация так и не была завершена. 12 ноября Иванов в письме Гревсу писал: «Дела идут плохо: сижу хронически в Риме, да еще чувствую себя, как нравственно, так и физически очень неудовлетворительно. Работаю очень непроизводительно и скоро устаю от работы»⁵⁷. В том же письме Иванов сообщает о своей встрече в институте с Моммзеном. «Он живет теперь в Риме. 8го числа был его юбилей, и в этот день он уезжал куда-то из Рима. Я был однажды у него в Институте, около 8 часов утра: после 8 часов он уже уходит в Ватикан и часто не возвращается домой целый день. Свидание особенного интереса и результатов не имело, но побудило меня еще раз пересмотреть одну главу работы, так как в разговоре он выдвинул энергично на первый план некоторую уже ранее им высказанную теорию, которую я не считал (да и теперь, признаться, не считаю) могущею быть примененной к данному случаю. До сих пор ломаю себе голову над оракулом старика. Относительно докторства сказал, что должно "diese rein äusserlichen Dinge rasch abmachen"⁵⁸. Он имеет, к моему большому удовольствию, гораздо более бодрый, чем прежде вид; удивительно подвижен и неутомим, путешествует всюду с дочерью... Итальянцы о нем часто пишут в газетах»⁵⁹.

В первый день 1894 г. Иванов направил в Берлин новое письмо Гиршфельду, в котором объяснял причину незавершенности диссертации и рассказывал о встрече с Моммзеном. «Не стремясь снять с себя ответственность за свое долгое промедление, я не могу не упомянуть и то обстоятельство, что последние три-четыре месяца я чувствовал свою работоспособность подорванной, и, наконец, убедился, что заболел малярией. Теперь мое здоровье, кажется, поправилось, но я уже не надеюсь, что смогу приехать в Берлин в этом семестре. К тому же, при последней переработке моей диссертации, некоторые пункты еще оставались мне не ясны. Поэтому я обратился к господину профессору Моммзену, чтобы изложить свои взгляды на природу сообществ откупщиков. Кажется, мне не удалось представить их ясно и с достаточно последовательной убедительностью. Во всяком случае, мне было полезно, что он подчеркнул небызызвестную мне, впрочем, и ранее противоположность договора между частными лицами и договора между государством и частными лицами. И теперь, я полагаю, что достигнутые результаты полностью подтверждены. Надеюсь, что вскоре смогу представить их на Ваш суд»⁶⁰.

5 января – новое письмо Гревсу. «О себе не могу сказать ничего хорошего. Прошлый год – почти вовсе потерянный для меня год. В последние месяцы дело вовсе

⁵⁵ См. *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 370.

⁵⁶ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 4.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 18.

⁵⁸ «Быстро завершить все эти чисто внешние вещи» (нем.).

⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 18 об.

⁶⁰ См. *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 371–372.

не шло. Дело в том, что я заболел малярией – той самой малярией, в существование которой почти не верил. Она много повредила моим занятиям»⁶¹.

21 января Гиршфельд в ответном письме Иванову настаивает: не затягивать завершение диссертации и сдачу докторского экзамена. «Сожалею, что из-за Вашей болезни срок экзамена снова передвигается; надеюсь, что не надолго! Я убедительно прошу Вас подать в качестве диссертации только часть Вашей работы, лучше всего об организации сообществ откупщиков; тогда Вы вскоре сможете опубликовать и книгу об этом, но диссертацию необходимо выдержать в определенных пределах объема»⁶².

Иванов продолжает работать в библиотеке археологического института, посещает заседания. Его имя (V. Ivanov) указано среди присутствующих на заседаниях 8 декабря 1893 г. (в память о Винкельмане) и 26 января 1894 г.; вместе с ним в заседании участвовали такие известные ученые как А. Мау⁶³, Ф. Мюнцер, Вюнш⁶⁴, Блох, Спиро⁶⁵, Шёне, Л. Паллат⁶⁶, а также Крашенинников, А.А. Павловский⁶⁷, он был и на заседании 9 февраля 1894 г., где присутствовали Мау, Белох, Бох, Конзе⁶⁸, Вюнш, Паллат, Лумброзо⁶⁹, Мюнцер, А.М. Миронов, А.А. Павловский – о встречах с двумя последними в Риме Иванов упоминает также и в письме к Гревсу от 5 января 1894 г.

13 мая 1894 г. Иванов сообщает Гревсу, что ждет его в Риме, куда Гревс собрался приехать во время намечаемой им научной командировки за границу. «К моей радости, обстоятельства благоприятствуют осуществлению Вашего плана. Вы еще застанете меня в Риме; мы будем иметь возможность и поработать одновременно здесь и, быть может, вместе постранствовать... В августе, быть может, я окончательно покину Рим... Но будущее – θεὸν ἐν γούνατα...⁷⁰. Писать много и повествовать о себе и своих делах – нет охоты»⁷¹.

Обстоятельства, приятные для возможной встречи друзей, не были столь радостными для выполнения намеченных планов по сдаче экзамена и завершения диссертации. В начале августа Иванов направился во Флоренцию – город, «который снова в такой сильной степени возбудил мою нестерпимую фантазию и мое художественное слово... И при этом это – город Данте, которого я обожаю... И город Микель-Анджело»⁷². В это же время в его жизни происходят важные события: он обменивается письмами, а затем и вновь встречается с Лидией Дмитриевной Шварсалон, с которой Иванова познакомил Гревс во Флоренции еще летом 1893 г. Новая встреча решительно изменила его жизненные планы и творческие установки; она, говоря словами самого Иванова, «была подобна дионисийской грозе, после которой все во мне обновилось, расцвело, зазеленело»⁷³.

Работа над диссертацией была остановлена. В письме Гревсу от 16/4 октября 1894 г. Иванов писал: «Живем мы в этом милом месте очень мило (подчеркнуто

⁶¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 20.

⁶² РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 5.

⁶³ А. Мау (A. Mau) (1840–1909) – немецкий археолог и антиковед-филолог, долго жил в Риме и работал библиотекарем в Германском археологическом институте; у него проходил научную стажировку М.И. Ростовцев.

⁶⁴ Р. Вюнш (R. Wünsch) (1869–1915) – археолог.

⁶⁵ Ф. Спиро (F. Spiro) – филолог-классик.

⁶⁶ Л. Паллат (L. Pallat) (1867–1946) – археолог.

⁶⁷ А.А. Павловский (1856–1913) – историк искусств, преподавал в Петербургском университете, затем профессор Новороссийского университета в Одессе.

⁶⁸ А. Конзе (A. Conze) (1831–1914) – археолог; с 1887 по 1905 г. работал Генеральным секретарем Германского археологического института в Берлине.

⁶⁹ Дж. Лумброзо (G. Lumbroso) (1844–1925) – итальянский антиковед, папиролог.

⁷⁰ «На коленях богов» (греч.). Фраза из «Одиссеи» (I. 267).

⁷¹ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 23 об.

⁷² Там же. Л. 29 об.

⁷³ См. Иванов. Собр. соч. Т. 1. С. 20. Иванов решил развестись со своей женой Д.М. Дмитриевской и жениться на Л.Д. Шварсалон (урожденной Л.Д. Зиновьевой).

Ивановым. – Г.Б.-Л.), очень уединенно, пользуясь только обществом Лидии Дмитриевны... Кроме всего остального, во Флоренции написать что-нибудь подобное очень трудно – при отсутствии нужных пособий»⁷⁴. В подробном письме от 6 ноября к Гревсу о диссертации и подготовке к экзамену в Берлине, уже ничего не сообщается, хотя Иванов внимательно обсуждает отдельные разделы готовившейся Гревсом работы о Горации.

10 января 1895 г. Иванов возвратился в Рим с твердым намерением завершить диссертацию и подготовиться к экзамену. Вот что он пишет Гревсу из Рима 11 января: «Какая радость снова видеть Рим, где все так знакомо и так мило и дорого!.. Приехал я сюда вчера вечером и намереваюсь пробыть здесь недель шесть, чтобы наедине поприлежнее приняться за свои дела, прежде же всего, привести свою работу в окончательный вид, сделать ее druckfertig⁷⁵ и даже, если представится возможность, переписать заново. Семью я оставил во Флоренции, куда буду теперь стремиться душой и где рассчитываю по возвращении из Рима, провести еще некоторое время в приготовлениях к экзамену. В апреле надеюсь я лично представить в Берлине свою диссертацию, после чего, в случае, если увижу, что остальная процедура докторирования затянется на ряд месяцев, съезжу, быть может, на короткое время в Москву... Если случится поехать в Россию до окончания промоции, то семью я оставляю там, а сам вернусь в Берлин и буду стараться, во что бы то ни стало, окончить это дело в течение летнего семестра. Диссертацию, во всяком случае, желал бы я представить в факультет до поездки в Россию. Таковы мои настоящие планы; ехать же в Берлин немедленно, как советуете Вы и Крашенинников, для меня невозможно»⁷⁶. 25 февраля в письме Л.Д. Зиновьевой он также сообщает о работе над диссертацией: «Я принялся за переписку диссертации. Так как это дело сложное, требующее многих справок и размышлений то, с одной стороны, лучше бы мне окончить ее здесь, с другой – оно может затянуться – например, до половины марта»⁷⁷.

Иванов продолжает посещать институт, заседания и лекции, которые там проходили. В архиве сохранилась запись о посещении им заседания 1 марта 1895 г. На этом заседании присутствовали уже знакомый ему Шёне, а также итальянский археолог Ф. Барнабей⁷⁸, русский антиковед В.И. Модестов⁷⁹. В начале марта Иванов был еще в Риме, значительно продвигая, говоря его словами, «срок своего римского паломничества» (письмо Гревсу от 8 марта 1895 г.)⁸⁰. «Причина этому та, что я хотел, по крайней мере, начать переписку диссертации начисто в Риме, чтобы увидеть, как пойдет дело. Окончить переписку здесь мне, вероятно, не удастся; но значительная, если не большая часть работы, будет сделана... Напомню, однако, что и в своем, так и в Вашем интересе очень хотелось бы мне съехаться с Вами в Берлине; а там я намереваюсь быть в мае»⁸¹. В конце марта он пишет Л.Д. Зиновьевой в Петербург: «Я спешно набросал эти строки, чтобы думать затем только о твоей сопернице – моей диссертации (письмо от 27 марта)»⁸².

В письмах Гревсу 1892–1895 гг. Иванов предстает блестящим историком-антиковедом и тонким филологом-классиком, превосходно знающим специальную научную литературу. Его замечания по темам, затронутым в диссертации, которую готовил Гревс, отличаются не только глубиной филологических познаний и высочайшим про-

⁷⁴ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 32 об. – 33.

⁷⁵ «Готовый к печати» (нем.).

⁷⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 47–47 об.

⁷⁷ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 37. Л. 39 об.

⁷⁸ Ф. Барнабей (F. Barnabei) (1842–1922) – археолог.

⁷⁹ В.И. Модестов (1839–1907) – известный русский филолог-классик, преподавал в Новороссийском, Казанском, Киевском и Петербургском университетах, долго жил в Италии.

⁸⁰ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 50 об.

⁸¹ Там же. Л. 50 об.

⁸² РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 38. Л. 30 об.

фессионализмом, но и широтой общеисторических взглядов, острым критическим подходом к анализу труднейших античных текстов.

И вместе с тем письма наполнены суперкритицизмом в оценке собственной научной работы, неверием в свои творческие возможности. «Моя недостаточная научная продуктивность свидетельствует об отсутствии решительно выраженного таланта и той научной наглости, которую я хочу культивировать. Заблуждаетесь Вы и относительно моей мнимой нерешительности: будь я достаточно подготовлен, я бы не медлил более ни минуты; но именно моя неподготовленность обуславливает мой образ действий» (письмо Гревсу от 11 января 1895 г.)⁸³.

Но Берлин ждал Иванова, и диссертацию надо было завершать.

12 октября 1895 г. Иванов прибывает из Парижа в Берлин и в тот же день в письме Л.Д. Зиновьевой сообщает, что «взял с собой манускрипт своей диссертации»⁸⁴, но встреча с Гришфельдом и университетской администрацией, очевидно, не состоялась.

Иванов сразу же направился в Петербург. В письмах к Л.Д. Зиновьевой, наполненных лишь мягущимися чувствами любви и сомнений о будущем, встречаются строки и о диссертации, которую предстояло представить к защите.

В письме от 21 октября / 9 ноября он рассказывает весьма любопытную историю. М.Н. Крашенинников, с которым он очень сдружился в Риме, вернувшись в Петербург, предпринял попытку устроить Иванову магистерский экзамен в России. Видимо, бесконечная оттяжка сдачи экзамена в Берлине заставила друзей искать другие возможности. «Крашенинников вздумал (основываясь на одном лишь мнимом прецеденте) сделать меня, без докторского диплома, прямо магистром и спрашивал проф[ессора] Помяловского⁸⁵, возможно ли непосредственное допущение меня к магистерскому экзамену; на что получил, конечно, ответ отрицательный, но сопровождаемый советом заменить немецкую "промоцию" (на дороговизну которой жаловался за меня мой радетель) – экзаменом в весенних филологических комиссиях, выдержание которого (а он для меня не труден) даст мне с кандидатским дипломом право как магистривания, так и учительствования в России. Крашенинников очень ухватился за этот план, но я предпочитаю остаться при плане докторивования в Берлине, – довольный, однако, тем, что на случай неудачи в Германии нашелся новый ресурс: я думаю, что не буду допущен к испытанию в комиссиях, потому что не пробыл установленных четырех лет в русском университете⁸⁶, Помяловский же уверен, что меня министерство диспенсирует от этого требования»⁸⁷.

8 ноября 1895 г. Иванов вернулся в Берлин и на следующий же день в письме Л.Д. Зиновьевой подробно описал свою встречу с Гришфельдом, которую ждал с особым нетерпением. Вот его рассказ: «Вчера на рассвете прибыл я, наконец, в Берлин... Но писать тебе не хотел, прежде чем не увижусь с Гришфельдом и не открою таким образом компании. И вот, сегодня я перешел Рубикон – порог знакомого кабинета... "Endlich!..."⁸⁸. Мой Meister не изменился ни в обращении, ни наружностью; только седина гуще легла на черные волосы. Он нашел, что я "sehe wohl aus"⁸⁹. Деловитость и сдержанность не допустили его до подробных расспросов о том, как я провел эти годы, – и я был этому рад; он ограничился вопросом, "ob es mir gut gegangen"⁹⁰. Я объяснил ему, что приступаю теперь к давно отложенной "промоции". – "Jetzt wird's ernst"⁹¹, – замечает Meister, и мы рассматриваем диссертацию. Он очень

⁸³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 38 об.

⁸⁴ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 2 об. – 3.

⁸⁵ И.В. Помяловский (1843–1906) – филолог-классик, профессор Санкт-Петербургского университета.

⁸⁶ Как известно, Иванов закончил лишь два курса Московского университета, после чего поехал учиться в Германию.

⁸⁷ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39.

⁸⁸ «Наконец!» (нем.).

⁸⁹ «Хорошо выгляжу» (нем.).

⁹⁰ «Все ли у меня в порядке» (нем.).

⁹¹ «Вот это дело!» (нем.).

доволен моим планом сделать таковою только три или четыре главы всей работы, состоящей из двенадцати глав, но подать в факультет рукопись целиком для ознакомления со связью и результатами всего исследования... Затем он устрашает меня! Он непременно хочет, чтобы я заявил декану о своем желании иметь не его, Гиршфельда, а Моммзена главным рецензентом своей работы, так чтобы Гиршфельду было поручено составление только второй, дополнительной рецензии (Cogniferat). Его доводы: 1) черед за Моммзеном: предыдущая работа была рецензирована Гиршфельдом; 2) полу-филологический, полу-юридический характер моей работы и вообще ее предмет, более входящий в круг занятий Моммзена, нежели Гиршфельда; 3) мое прежнее участие в семинарии Моммзена. Я не прочь оказать всякое почтение dem alten Herrn⁹², но не хочу для этого жертвовать своими интересами. Обращаю внимание Meister'a на то, что в Моммзене я, наверное, встречу большую оппозицию своим теориям, о чем заключаю из разговора с ним в Риме. Гиршфельд убеждает меня, что разница воззрений нисколько не вредит делу, что он с своей стороны будет также официально рецензировать работу, – и безусловно стоит на своем требовании. Я подчиняюсь; и мы решаем, что я немедленно же побываю у Моммзена и, быть может, он сам отклонит предложение реферировать о Вашей диссертации", – утешает Meister. И прибавляет: "обыкновенно главный референт является и экзаменатором". "Но я Вам откровенно говорю, что боюсь экзаменоваться у Моммзена". – "О, это ничего не значит. Он будет спрашивать Вас главным образом по древностям". – "Но он имеет обыкновение предполагать, что каждое примечание его 5-томного "Staatsrecht'a"⁹³ хорошо известно каждому, кто имеет с ним дело". – "Каждое примечание? О, нет. Но "Staatsrecht" Вы и без того должны хорошо проштудировать...". И опять малосбыточное утешение: Моммзен уезжает из Берлина в феврале, и тогда волей-неволей экзаменовать меня придется Гиршфельду. – Звонюсь в вилле Моммзена, стучусь у двери его кабинета, вижу среди шкафов с книгами den alten Herrn⁹⁴ с седыми локонами и в сером халате. Излагаю ему, скрепя сердце, свое желание иметь его рецензентом своей работы: увы, он и не думает сослаться на недостаток времени и слагать скучную повинность на плечи младшего коллеги; он говорит только, с иронической миной старой лисы, что не от него зависит принять на себя рецензию, а от решения декана, – как прикажет spectatissimus⁹⁵, так он и сделает. Смотрит работу, одобряет план ограничения диссертации несколькими главами, внушает, что это должно оговорить в латинском прошении, подаваемом декану, и ласково (без той сухости, как в Риме) со мной расстается... Вывод: мне предстоит сделать выбор глав, намечаемых для ожидаемого отпечатывания с официальной обложкой в виде диссертации, имматрикулироваться⁹⁶, просмотреть всю работу и официально вручить ее вместе с латинским прошением и жизнеописанием и суммой, кажется в 170–180 марок, декану философского факультета.

Рассмотрение моей диссертации продлится до января или более; я, со своей стороны, не хочу экзаменоваться раньше февраля. Гиршфельд, на вопрос мой, необходимо ли по закону, если нет, то желательно ли для выяснения возможных недостатков притчений моей работы присутствию моему в Берлине, ответил дважды отрицательно и спросил, не в Россию ли я хочу тем временем съездить, на что я возразил: "Нет, в Париж, где у меня есть друзья и где я спокойно смогу готовиться к экзамену... Благодарю тебя за присылку ста франков; но без внесения вышеозначенной суммы, не могу передать диссертацию и потому принужден опять хлопотать у тебя о кредите... Кроме того, думаю купить "Staatsrecht" – так меня напугал Гиршфельд, – как ни велики эти затраты (около 60 марок) – и несколько других книг"⁹⁷.

⁹² «Старому господину» (нем.).

⁹³ Название труда Моммзена – «Государственное право».

⁹⁴ «Старого господина» (нем.).

⁹⁵ «Высокочтимый» (нем.).

⁹⁶ «Быть зачисленным в списки», от нем. Immatriculieren.

⁹⁷ РГБ: Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 28–29 об.

16 ноября из Берлина Иванов вновь сообщает Л.Д. Зиновьевой о своих научных планах: «Что касается моих дел, то я, так сказать, окончательно законтрактировался в университете: проделал сегодня ряд формальностей, внес деньги, имматрикулирован и занесен в книгу докторантов. Сегодня спрашивал меня декан и о выборе между Гиршфельдом и Моммзенем, и я назвал Моммзена... Работу, однако, я могу вручить декану только по получении выпускного свидетельства, которого я не выпросил при оставлении университета в 1891 году и которое будет приготовлено через неделю. Остается еще много дел: приходится – mit grosser Angstlichkeit⁹⁸ – перечитывать свое латинское творение; потом придется отдать переплетчику для брошюровки, составить латинское прошение и жизнеописание и т.д. ...Декан, по-видимому, ничего не будет иметь против моего отсутствия. Экзамен мне крайне хотелось бы сбить с плеч уже в феврале; но перспектива испытания у Моммзена, с обязательством усвоить себе, кроме прочего материала, тысячи четыре тяжких страниц Staatsrecht'a, – побуждает меня сдерживать свой пыл и воспользоваться пасхальными feriaми⁹⁹ (март и апрель) для приготовления к экзамену»¹⁰⁰.

21 ноября Иванов пишет о том, что все его дальнейшие планы теперь зависят от результатов встречи с деканом. «...По свойственной мне осторожности – боюсь, до разговора с деканом, от которого теперь официально зависит моя участь во всех отношениях, разговор уже этот произойдет, когда я буду передавать ему работу; работу же передать я не могу, не сделав трех вещей: 1) не получив университетского свидетельства, которое обещали приготовить к субботе, 2) не дочитав саму работу до конца (это займет также несколько дней), 3) не сброшював ее. Итак, надеюсь покончить официальные дела с деканом в первой половине следующей недели, после чего, вероятно, получу свободу; но всякие случайности могут дело замедлить. Пробуду в Париже, если разрешит декан и всемогущие Парки¹⁰¹, до мая. Когда я подумаю, что целых четыре месяца буду еще висеть в воздухе, мне становится как-то стыдно, но сунуться на экзамен, да еще к Моммзену, уже в феврале – препятствует внутренний демон»¹⁰².

В письмах Гревсу, отправленных в декабре уже из Парижа, куда Иванов приехал после посещения Берлина и встреч с Гиршфельдом и Моммзенем, он рассказывал о своих научных делах. «В Берлине был очень занят делом, соединенными с представлением диссертации, и пересмотром последней. Покончив со всем этим, я отправился в Париж, где намереваюсь пробыть до экзамена, который может состояться, по моему мнению, только в начале мая... В настоящее время бедная работа моя, вероятно, рассматривается Моммзенем. По воле Гиршфельда, я должен был представить заведомому и страшному противнику моих теорий роль главного референта; сам Гиршфельд пожелал быть корреферентом. В связи с этим роковым обстоятельством находится и вероятность, что Моммзен будет вместе и моим экзаменатором (если только вернется к этому времени из путешествия по Франции и Италии). Я погружен теперь поэтому, по совету Гиршфельда, в чтение "Staatsrecht'a"¹⁰³ (письмо от 11 декабря 1895 г.). В письме Зиновьевой от 22 декабря Иванов рассказывает о новой встрече с Моммзенем:

«Вчера я был у Моммзена, но пришел к старику, видно, не в добрый час. Он принял меня церемонно, в салоне, с таким видом, точно образ мой никогда раньше не отражался на его сетчатой оболочке.

– Im vorigen Jahr haben Sie die Güte gehabt, die Recension über meine Arbeit zu übernehmen¹⁰⁴ (Говорю, как научил меня Гиршфельд.)

⁹⁸ «С огромной нерешительностью» (нем.).

⁹⁹ «Каникулы» (нем.).

¹⁰⁰ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 32 об. – 33.

¹⁰¹ Древнегреческие богини Судьбы.

¹⁰² РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 39. Л. 39–39 об.

¹⁰³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 52–52 об.

¹⁰⁴ – В прошлом году Вы любезно взяли на себя рецензирование моей работы; мне было бы очень важно взглянуть на эту рецензию, прежде чем работа будет отдана в набор (нем.).

- Ja, Ich habe Ihre Arbeit durchgesehen... aber ich erinnere mich an dieselbe nicht mehr.
- Sie gehandelte die Frage über die Publicanen...
- Ja, das weiss ich, über die Publicanen... aber sie ist mir nicht mehr erinnerlich. Auch ist mein Referat wohl nicht eingehend genug und kann Ihm kaum von nutzen sein.
- Im Gegentheil, Prof. Hirschfeld sagt mir, Sie haben sich ziemlich ausführlich über meine Arbeit ausgesprochen.
- Wollen Sie denn dieselbe umarbeiten?
- Ich glaube, ich würde dazu jedenfalls nicht Zeit genug finden, aber ich möchte mich doch vor der Drucklegung Rechenschaft ablegen über das Verhältnis Ihrer Ansichten zu den meinigen¹⁰⁵.

В заключении Моммзен просит меня зайти еще раз, после того как он снова посмотрит работу, и – уже в передней – поручает меня просить декана от его имени о доставлении ему снова моей диссертации вместе с его рецензией, назначает мне опять быть у него 2го или 3го января. – Иду тотчас к Гиршфельду, который живет неподалеку, – и рассказываю wie mein Besuch bei M. abgelaufen ist¹⁰⁶. Услышав мою повесть о слабости памяти знаменитого человека, – он хохочет. "И все же Вам необходимо будет, при новом свидании сказать ему: Wünschen Sie mich zu prüfen oder soll ich mich an Prof. Hirschfeld wenden?... Es geht nicht anders: er war ihr Hauptreferent"¹⁰⁷. – Далее он говорит об экзамене: ich mache mir zu viele Gedanken¹⁰⁸, я пройду во всяком случае, он уверен в моем знании Staatsrecht, Моммзен также будет иметь gutes Vorurtheil¹⁰⁹ на основании своего отзыва о работе и т.д.».

Некоторые подробности о диссертации излагаются и в письме Гревсу от 28/16 декабря 1895 г.: «Сердечно благодарю Вас, дорогой Иван Михайлович, за дружеское "муссирование" моей работы. "Posthac, quidquid scripsero, tibi praeconium deferam!"¹¹⁰ Но подобает ли вообще "преконизировать" не родившуюся книгу приятеля? Об этом предоставляю подумать и решить Вам. Только не величайте меня доктором и даже не сообщайте об официальном назначении моей работы. Тем более, что, по совету берлинских maestri, я определил лишь четыре главы из 12 (II, III, IV, V), представив остальное только "pro potitia"¹¹¹, как выражается Моммзен. Проще всего сказать: "в имеющем выйти в свет в непродолжительном времени исследовании В.И. (De societatis etc., Берлин [или Berolini], 1896)"¹¹².

Эта книга, как известно, в Берлине издана не была, а была напечатана в Санкт-Петербурге в 1910 г., но строки письма Иванова – важное свидетельство того, что он надеялся опубликовать диссертацию в Германии уже в 1896 г.

30 декабря 1895 г. Гиршфельд направил Иванову, находившемуся в Париже, краткую почтовую открытку, в которой писал: «Моммзен приветствовал Вашу работу и, хотя он выражает несогласие с некоторыми пунктами, высказывает очень благоприятное суждение о ней, к которому я, прочитав работу, присоединяюсь. С этой стороны, конечно, не может возникнуть никаких возражений против допуска Вас к

¹⁰⁵ – Да, я просмотрел Вашу работу... но теперь уж больше ее не помню...

– В ней дело шло о публикациях...

– Да, знаю, о публикациях... Но припомнить ее не могу. К тому же мой отзыв, пожалуй, недостаточно подробен и вряд ли может быть Вам полезен.

– Напротив, проф. Гиршфельд говорит мне, что вы довольно подробно высказались о моей работе.

– Вы хотите ее переработать?

– Думаю, для этого у меня в любом случае не нашлось бы достаточно времени, но еще прежде печати мне хотелось бы дать себе отчет об отношении ваших взглядов к моим (нем.).

¹⁰⁶ Как прошел мой визит к М[оммзену] (нем.).

¹⁰⁷ «Будете ли Вы экзаменовывать меня или мне обратиться к проф. Гиршфельду?... Иначе нельзя: он был Ваш главный рецензент» (нем.).

¹⁰⁸ «Я-де слишком много об этом думаю» (нем.).

¹⁰⁹ «Заведомо доброе суждение» (нем.).

¹¹⁰ «Что бы я ни написал после этого, хвалу воздам тебе» (лат.).

¹¹¹ «Для ознакомления» (лат.).

¹¹² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 55–55 об.

экзамену. 14 января Моммзен едет в Италию и к началу летнего семестра, видимо, уже вернется сюда»¹¹³.

Основываясь на этих словах Гиршфельда, Иванов, судя по его письму Гревсу 3 февраля / 22 января 1896 г., намечал защиту своей диссертации на июнь.

Вот что он писал из Парижа Гревсу в Санкт-Петербург, излагая содержание письма Гиршфельда: «Подумайте, не можем ли мы съехаться в Берлине, где я должен буду защищать диссертацию в июне, где Вы украсили бы мой диспут и познакомились бы с *maestri*... В ответ на вопрос Ваш о вестях из Берлина рад сообщить Вам, наконец, очень важный для меня факт, – что я получил, в вечер под Новый год, следующее известие Гиршфельда¹¹⁴... Он пишет, что Моммзен уезжает в Италию в половине января, но намеревается быть снова в Берлине к началу летнего семестра. Если он осуществит это намерение, мне, что всего вероятнее, придется держать экзамен у него»¹¹⁵.

Закончить полностью диссертацию и подготовиться к экзамену к июню Иванов, однако, не успевал. Тому были и весьма серьезные причины: в апреле умерла его мать, к которой он относился с особым благоговением. Иванов написал о кончине матери Гиршфельду и получил в ответ небольшую открытку, датированную 17 июня 1896 г.: «Мои сердечные соболезнования по поводу смерти Вашей матери. Я очень сожалею, но из-за этого Ваша промоция подверглась переносу... Я говорил с деканом, и он просил меня сообщить Вам, что перенес срок Вашего экзамена на начало ноября, но ни при каких обстоятельствах Вы не должны более передвигать сроки»¹¹⁶.

В письме Л.Д. Зиновьевой от 2 января 1897 г. Иванов рассказывает о своей встрече с Гиршфельдом. «Г[иршфельд] был по обыкновению очень мил; посоветовал мне между прочим идти к Моммзену... и по вопросу об экзамене просто сказать ему: "Wie soll ich dem Decan sagen, ob Sie oder Prof. H[irschfeld] mich prüfen werden"»¹¹⁷.

Встреча с мэтром была, очевидно, нелегкой для молодого ученого, ибо в письме от 6 января к Зиновьевой он писал о «проделках Моммзена».

Описание встречи и зарисовки облика Моммзена, перед научным гением которого преклонялся тогда весь научный мир Европы, столь красочны, что их стоит привести, тем более, что от его отзыва во многом зависела судьба Иванова как антиковеда:

«Жду вчера в гостиниой. На лестнице сверху, из кабинета, слышен крадущийся шорох и шелест. Мне знакомо это шуршание. *Le chétif grand savant s'approche*¹¹⁸. Маленький, тщедушный в сером шлафроке¹¹⁹, он горбится, словно под тяжестью белых кудрей, лежащих по плечам, и жметя, как будто ему свежо. Через очки из-под темных бровей, холодно и неприветливо смотрят острые темные глаза. Складки выразительно бороздят бритое старческое худое лицо и придают скептическую горечь плотно сжатым губам, на которых мгновениями заметна ироническая улыбка. Несколько старчески потухшее выражение трезвой и вдумчивой сосредоточенности ежеминутно нарушается как бы легкими конвульсиями внутренней жизни, выражающейся в маленьких нервных жестах, игре мускулов лица, вспыхивающих живых глаз. Он передает мне свою визитную карточку, на которой написано: "Ich habe nichts dagegen einzuwenden daß Herrm Ivanov mein Gutachten an Herrm Decan mitgetheilt wird"¹²⁰.

"Акта", т.е. мою работу и свою рецензию, он уже отослал декану. Я выражаю свою благодарность... Сидя затем на кресле против меня и слегка улыбаясь, он произ-

¹¹³ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 6.

¹¹⁴ Затем следуют по-немецки строки из письма Гиршфельда от 30.XII.1895, которые мы уже приводили.

¹¹⁵ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 61–61 об.

¹¹⁶ РГБ. Ф. 109. К. 16. Ед. хр. 23. Л. 7–7 об.

¹¹⁷ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 6. «Как мне сказать декану: будете ли экзаменовать меня Вы или профессор Гиршфельд» (нем.).

¹¹⁸ «Тщедушный великий ученый приближается» (франц.).

¹¹⁹ «Домашний халат» (нем.).

¹²⁰ «Мне нечего возразить против того, чтобы мой отзыв господину декану был сообщен господину Иванову» (нем.).

носит: "Ich bin mit Ihrer Arbeit unzufrieden. An der Construction ist vieles auszusetzen. In einigen Jahren werden Sie es machen können. Aber eben – wir hören auf, und Sie fangen an..."¹²¹.

Что касается результата, т.е. что работа принята, это ведь уже мне известно. Я бы желал слышать от него дополнительные разъяснения к его рецензии, если это будет необходимо; он не думает, чтобы это было необходимо, притом, его память слаба, он уже не помнит хорошо моей работы, прочитанной год тому назад. – Как должен я сказать декану относительно экзамена? – О выборе экзаменатора ведь улавливаются между собою декан и экзаменуемый, но он со своей стороны согласен экзаменовывать меня, моего заявления теперь для него достаточно, я не имею нужды еще беспокоиться и придти к нему, чтобы условиться об этом. – Прощание. – Импрессионированный столь резкой формулировкой протеста против моих научных ересей, я иду к Гиршфельду, чтобы заявить ему свое удивление его крайнему оптимизму в оценке впечатления, произведенного на Моммзена моей многострадальной работой. Но Гиршфельд в университете.

Сегодня утром являюсь к Гиршфельду, рассказываю ему свой визит. Он уверяет, что рецензия была "recht günstig"¹²² и что М[оммзен] хотел только – zugespitzt¹²³ – выразить свое несогласие с моими теориями, которые ведь и его, Гиршфельда, не убедили, за отсутствием "eines positiven Beweises"¹²⁴; на что я замечаю, что еще не потерял надежду убедить его, если он захочет потом, внимательнее прочесть диссертацию. Далее, я указываю на то, что в виду столь решительного неодобрения с одной стороны, и "слабости памяти" Моммзена, с другой, благодаря которой впечатление моей работы, если оно было сколько-нибудь благоприятным, изгладилося, – я не думаю, чтобы он явился на мой экзамен "mit dem guten Vorurtheil"¹²⁵, о котором говорил Гиршфельд, и вместе с тем спрашиваю, считает ли он вопрос об экзамене решенным. Г[иршфельд] восклицает, что, конечно, теперь он и не решился бы экзаменовывать меня, раз Моммзен выразил свою готовность и пр[очее], но, по-видимому, полностью импрессионирован и озабочен случившимся. Я в свою очередь признаюсь ему, что отчасти декуражирован и хочу экзаменоваться недели на две позднее. Г[иршфельд] отвечает, что не хочет торопить меня. Затем начинает рекомендовать для приобретения и показывать разные книжки, по которым удобнее всего в короткое время возобновить в памяти все существенное.

В заключение, я прошу извинить меня, если не явлюсь на праздник Института: теперь мне не до того, я занят, и являться туда "im meinem unfertigen Zustande"¹²⁶ мне не хочется. "Am Ende verstehe ich, dass Sie nicht kommen wollen"¹²⁷, – заключает Гиршфельд.

Я еду в университет, присутствую на защите одной диссертации (о Шопенгауэре), чтобы говорить потом с деканом, узнаю от него, что заседание факультета состоится как 21, так и 28 января, сообщаю ему о своем намерении экзаменоваться позднее, около половины февраля, на что он вполне согласен, – представляю карточку Моммзена и читаю "Gutachten..."¹²⁸. – Но прежде замечу для твоего успокоения, что оттягивая еще "Termin"¹²⁹, как это решительно необходимо в виду возможности всяких неожиданностей со стороны Моммзена, я едва ли сколько-нибудь замедляю дело, так как если бы даже успел защитить диссертацию в феврале (что теперь будет уже неис-

¹²¹ «Я не доволен Вашей работой, в структуре много недостатков. За несколько лет Вы смогли бы это сделать. И все же – мы заканчиваем, а Вы начинаете» (нем.).

¹²² «Очень благожелательная» (нем.).

¹²³ «В заостренном виде» (нем.).

¹²⁴ «Положительного доказательства» (нем.).

¹²⁵ «С добрым предрасположением» (нем.).

¹²⁶ «В моем неготовом состоянии» (нем.).

¹²⁷ «Пожалуй, я понимаю, что Вы не хотите приходить» (нем.).

¹²⁸ «Отзыв» (нем.).

¹²⁹ «Срок» (нем.).

полнимо), печатание остальной работы задержало бы меня до начала другого семестра (половина апреля), теперь же только защита переносится на апрель.

"Gutachten", насколько я мог запомнить (п[отому], ч[то] списать его было нельзя, и самое разрешение прочесть его возбуждает изумление педелей¹³⁰) и гласит так: "Die Arbeit des Herrn I. geht in vieler Hinsicht über Maß hinaus, welches wir gewöhnt sind bei Promotionen zu verlangen. Sie zeigt eine ... Beherrschung (или что-то подобное) des reichen Materials (приблизительно) von Schriftstellern und Inschriften in umfassender Weise, eine sorgfältige Benutzung (не то слово) der philologischen Literatur, eigenes Denken und endlich eine Fähigkeit, den spröden Stoff in einer korrekten, wenn auch nicht immer bequemen und oft verkünstelten lateinischen Rede darzulegen. Wenn ich dieses Lob ausspreche, so... (смысл: so muß ich andererseits auch sagen), daß der Verfasser seine Kräfte überschätzt hat und den sehr großen (или außerordentlichen или т.п.) Schwierigkeiten der gewählten Aufgabe¹³¹ vielfach nicht gerecht geworden ist"¹³². Переход к отдельным возражениям против 4 первых глав, очень коротким, и из которых ни одно не осталось мною непредвиденным, непродуманным и неустраненным в моей работе, так что ни одно не убедило меня: Возражения показывают, что М[оммзен] не изучил мою работу достаточно глубоко, не понял меня, одним словом, до конца, и что – прибавлю я, как это ни кажется смелым, – старик не имеет достаточной духовной подвижности, чтобы, сойдя с привычной почвы, стать на точку зрения молодых; устное прибавление – "wir hören auf, und Sie fangen an"¹³³ – кажется мне неизменным. Я решительно убежден в справедливости своей теории и считаю невозможным занять другую точку зрения через несколько лет. Впрочем, меня это мало затрагивает за живое. "Gutachten" кончается так. "Ich empfehle nicht nur, wie gesagt, die Arbeit des Herrn Ivanov zuzulassen, sondern auch sie als diligenter et subtiliter factam zu bezeichnen, in diesem Sinne, daß der Positiv mehr bedeutet als der landesübliche Superlativ"¹³⁴. Следует пометка Гиршфельда. "Einverstanden. Н."¹³⁵ – Какое впечатление произведет на тебя эта рецензия? Напиши. Diligenter – значит "тщательно"; "Subtiliter" – скорее всего соответствует "тонко", когда говорится, например, о тонком анализе и т.п. Эти слова будут значиться в дипломе»¹³⁶.

Иванов, как следует из его письма Л. Зиновьевой от 28/16 января, не оставлял мысли опубликовать свою книгу в Германии (вспомним, что об этом же он писал Гревсу и в конце декабря 1895 г.). Он посещает издателя, чтобы «узнать принципиально, возьмется ли он и на каких условиях издать книгу». Издатель «выразил, во-первых, сожаление, что исследование написано не по-немецки, потому что тогда сбыта его было бы больше: юристы и экономисты не читают по-латыни. Затем желает получить с меня за все 300 марок "à fond perdu"¹³⁷, причем поставляет нужное мне число экземпляров диссертации бесплатно. Можно и по-другому условиться: я печатаю

¹³⁰ От нем. Pedell – «сторож, служащий учебного заведения».

¹³¹ «Это косвенное неодобрение выбора темы объясняется совершенно преувеличенным представлением Моммзена о ее важности и трудности; хотя, действительно, до сих пор все многочисленные попытки разрешения этой проблемы никого, кажется, не удовлетворили» (приписано Ивановым внизу страницы).

¹³² «Работа господина И[ванова] во многих отношениях превосходит меру, которую мы привыкли требовать при промоции. Она показывает... владение (или что-то подобное) богатым материалом (приблизительно) авторов и надписей в большом объеме, тщательное использование (не то слово) филологической литературы, самостоятельную мысль и, наконец, способность изложить деликатный материал правильной, хотя и не всегда легкой и часто искусственной латинской речью. Высказывая эту похвалу... (смысл: с другой стороны, я должен сказать), что автор переоценил свои силы и слишком неверно оценил большие (или чрезвычайные и т.п.) трудности избранной задачи».

¹³³ «Мы завершаем, а Вы начинаете».

¹³⁴ «Я не только рекомендую, как уже сказал, допустить работу господина Иванова, но и даже означить ее как diligenter et subtiliter factam [тщательно и тонко выполненную. – Г.Б.-Л.], в том смысле, что позитив означает больше, чем обычный суперлатив».

¹³⁵ «Согласен. Н[irschfeld]».

¹³⁶ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 9–11 об.

¹³⁷ «Полностью потерянный» (франц.).

у него книгу за свой счет (он говорит, что это обойдется в 450–500 марок) и получаю половину цены с каждого проданного экземпляра. Во всяком случае будет куплено, главным образом библиотеками, экземпляров 120 или больше. Впрочем, это только нормы соглашения. Он желает получить рецензию на мою работу, и если редактор их издания ("Berliner Studien für classische Philologie und Archäologie"¹³⁸), Prof. Seyffart вынесет очень благоприятное мнение о работе, то цена 300 марок может быть понижена. Узнав это, я простился...»¹³⁹.

Денег у Иванова не было, залезать в долги он не мог – предстояли трудные времена официального развода Лидии Дмитриевны с мужем. Публикация книги в Германии не казалась реальной, но от мысли издать книгу Иванов окончательно не отказался. Он просит Лидию Дмитриевну узнать у Гревса – «сколько экземпляров магистерской диссертации требуется представить в России; это мне нужно будет принять в расчет при издании»¹⁴⁰. Возможно, не забыл он и предложение, исходившее от Крашенинникова.

Экзамен так и не состоялся, и степень доктора Иванову так и не была в Берлине присуждена, хотя, как справедливо отмечает М. Вахтель, «Иванов еще долгое время не оставлял планов держать экзамен»¹⁴¹. Об этом свидетельствует тот факт, что Иванов значится в списке студентов Берлинского университета по зимний семестр 1897–1898 г.

Вот как сам Иванов рассказывает об этих событиях в своей «Автобиографической справке» и в «Автобиографии». «В 1896 г. (...) латинское сочинение (De Societatibus Vestigalium) было принято берлинским философским факультетом в качестве докторской диссертации, на основании подробной и одобрительной рецензии, написанной Моммзеном (см. р. 26 adn. 137)¹⁴². Тем не менее, этой работе суждено было появиться в свет только в 1911 г...»¹⁴³.

«Что до моей диссертации, она была представлена в Берлине, и вскоре Гиршфельд обрадовал меня новогодним приветом (1896 г.), присланным в Париж, с припиской, что Моммзен высказался о ней очень благоприятно ("sehr günstig beurtheilt")¹⁴⁴ и что сам он к его оценке в факультете присоединяется. Каково же было мое разочарование, когда, явившись через несколько месяцев к Моммзену, вышедшему ко мне в халатике, я услышал от него: "Вашею работою я собственно недоволен; через несколько лет Вы напишите нечто лучшее". После чего он дал мне свою визитную карточку с просьбой к декану факультета показать мне его отчет. Новое удивление испытал я, найдя в отчете щедрые похвалы, кончавшиеся заявлением, – "um nicht Superlative zu gebrauchen"¹⁴⁵, – что диссертация далеко выходит за обычный уровень и написана "diligenter et subtiliter"¹⁴⁶; следовала детальная полемика с моей теорией (o societates publicanorum)¹⁴⁷, имевшей ту особенность, что она противоречила его собственной. Мне оставалось явиться на экзамен, который, по уверениям Гиршфельда и намеку самого Моммзена, был бы просто формальностью; Гиршфельд убеждал меня также по получении докторской степени "габилитироваться" в Германии приват-доцентом. Но на испытание мне никогда не суждено было предстать: ревностное изучение специальных исследований и толстых книг, вроде "Государственного права" Моммзена, не обеспе-

¹³⁸ «Берлинские исследования по классической филологии и археологии».

¹³⁹ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 24 об.–25.

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 359.

¹⁴² В латинской диссертации на с. 26, прим. 137 приводится мнение Моммзена и фактический ответ Иванова. См. *Иванов Вяч.* Общества государственных откупов в Римской республике. *Ivanov Venceslaus. De societatibus vestigalium publicorum.* СПб., 1910.

¹⁴³ Описка Иванова. Книга была издана в 1910 г. См. *Компелев.* Ук. соч. С. 189.

¹⁴⁴ «Оценил ее очень благосклонно» (нем.).

¹⁴⁵ «Чтобы не употреблять суперлативов» (нем.).

¹⁴⁶ «Тщательно и тонко» (лат.).

¹⁴⁷ «Об обществах публиканов» (лат.).

чивало меня от возможности промахов в ответе на какие-нибудь вопросы порядка элементарного, а мое самолюбие с этой возможностью не мирилось. Да и не тем уже в то время сердце полно было»¹⁴⁸.

Поэзия целиком захватила Иванова, но он полностью не оставил увлечение античностью («надолго расстаться с наукой я не мог»¹⁴⁹). Он погрузился в изучение дионисийства – тема, привлекавшая его и раньше, но ставшая теперь одной из главных в его научном и поэтическом творчестве.

«Рима, однако, я не оставлял для эллинизма и за почти годичное наше прибывание в Англии усердно собирал, в лондонском Reading-Room при Британском музее¹⁵⁰, материалы для исследования религиозно-исторических корней римской веры во вселенскую миссию Рима. Зато в Афинах, где я пробыл год, я уже всецело предаюсь изучению религии Диониса»¹⁵¹.

В Афинах Иванов был тесным образом связан с Афинским отделением Германского археологического института.

В своей «Автобиографической справке» Иванов писал: «С весны 1902 до весны 1903 г. я жил в Афинах, изучал топографию, музеи, надписи на камнях (под руководством Дерпфельда¹⁵² и Вильгельма¹⁵³) и в библиотеке Германского археологического института собирал материалы по истории Дионисова культа»¹⁵⁴.

В Афинах, – сообщал он Гревсу (письмо от 2 декабря/ 19 ноября 1901 г.), – «оказалась возможность опять попробовать свои силы в работе, поднялась и бодрость... Кстати, и научная жизнь Афин пробудилась; начались лекции Dörpfeld'a об архитектурных памятниках и топографии Афин, Пирея и Элевсина (после Рождества начинается еще его курс о театре); я примкнул и к участникам эпиграфических упражнений (в музее); буду слушать (после Рождества) и объяснения скульптур; записался на весенние поездки Института в Пелопоннес, Дельфы и на острова (между прочим, Крит¹⁵⁵)... Расстояние от Герман[ского] института и центра Афин – минут 20 ходьбы»¹⁵⁶.

В письме Гревсу от 6 апреля/ 24 марта 1902 г. Иванов сообщает адрес института по-гречески – Γερμανική Ἀρχαιολογική Σχολή, ἡ, ὁδὸς Φειδίου. (В сноске адрес по-французски – Ivanov Institut allemand Athènes.) Уже из Женевы, куда Иванов приехал из Афин, он писал Гревсу (13 ноября / 31 октября 1902 г.): «Меня радует снова слышать о Ваших ученых замыслах в родной нам обоим области (подчеркнуто мной. – Г.Б.-Л.)... Теперь это так далеко от меня! Божества и культы, и мифы составляют предмет моих научных préoccupations¹⁵⁷. Знаете ли, что привычка учиться сделалась моей второй природой, – и "даже экзамен" свой – horrible dictu!¹⁵⁸ – я бы мог сдать теперь без значительного труда (до такой степени живуче во мне все давно заброшенное и старинное), если бы не жаль было времени и внимания, отвлекаемых

¹⁴⁸ См. Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 20–21.

¹⁴⁹ Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁵⁰ В архиве Британской библиотеки (раньше библиотека, которая располагалась в здании Британского музея) сохранились сведения о записи Иванова (и Л.Д. Зиновьевой) в библиотеку. Вяч. Иванов был зарегистрирован в книге читателей 16 сентября 1899 г. на 6 месяцев, а Л.Д. Зиновьева (под фамилией Лидия Иванова) 18 ноября 1899 г. тоже на 6 месяцев. The British Museum. Signatures of Readers. 1899–1901 (№ А. 65403 и А. 65827).

¹⁵¹ Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁵² В. Дерпфельд (W. Dörpfeld) (1853–1940) – архитектор, археолог, эпиграфист, с 1887 по 1912 г. был первым секретарем Германского института в Афинах.

¹⁵³ А. Вильгельм (A. Wilhelm) (1846–1950) – сотрудник, а затем секретарь Австрийского археологического института, впоследствии профессор греческой истории в Венском университете.

¹⁵⁴ Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁵⁵ Подчеркнуто Ивановым.

¹⁵⁶ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 105–105 об.

¹⁵⁷ «Занятий» (франц.).

¹⁵⁸ «Страшно сказать» (лат.).

от того, что может иметь будущее, тем, что принадлежит прошедшему, но диссертацию свою мне все же жаль...»¹⁵⁹.

Судьба сложилась так, что диссертация все же увидела свет, и этому в значительной степени способствовал давний друг Иванова М.И. Ростовцев, который уже с весны 1906 г. настоятельно просил (и даже заставлял) поэта сдать латинский текст диссертации для опубликования в «Записках Императорского Русского археологического общества»¹⁶⁰.

Но текст диссертации Иванов, как известно, представил в Берлинский университет, а другого экземпляра у него, видимо, не было. И вот, более чем через 10 лет он обращается к своему прежнему учителю О. Гиршфельду с просьбой прислать ему текст диссертации. 14/1 марта 1906 г. из Петербурга Иванов пишет в Берлин: «После многолетнего молчания напоминаю Вам снова о себе и своих некогда столь усердных занятиях Римом с просьбой о любезной помощи в получении моего *opusculum'a* о сообществах откупщиков, уже несколько лет погребенного в архиве Вашего философского факультета»¹⁶¹. Объясняя мотивы своей просьбы, Иванов рассказывает о своих увлечениях поэзией и планах подготовки книги по дионисийству. «Я далеко отошел от римских штудий, так как вступил на литературное поприще, и единственное обстоятельство, которое связывает мою нынешнюю деятельность и творчество с филологией, лежит в области эллинской религии. Я посетил Афины и собрал материал для исследования дионисийского культа, затем почти случайно прочел лекции о дионисийской религии для русской *Ecole des hautes études sociales*¹⁶² в Париже; затем я опубликовал их в виде ряда статей в двух русских журналах¹⁶³ и думаю потом выпустить их отдельной книжкой. При этих обстоятельствах я, конечно, более не помышляю о докторском экзамене, но мои друзья настаивают, чтобы я спас от забвения диссертацию, которой я обязан Вашему руководству и помощи, и прежде всего Вашей школе. Этого требует от меня, в частности, дружба профессора Ростовцева, который для этой цели, между прочим, представляет в мое распоряжение Записки здешнего археологического общества. Я намерен согласиться напечатать эту работу в названных "Записках", которая, как кажется, не полностью устарела, с указанием обстоятельств ее написания. Я был бы Вам весьма благодарен, если бы Вы смогли оказать мне помощь в том, чтобы достать эту работу и получить ее обратно... Покорнейше прошу Вас найти какой-нибудь способ для того, чтобы не затруднять публикацию формальностями»¹⁶⁴.

И вот в апреле 1910 г. после четырех лет настойчивых усилий Ростовцева книга, наконец, увидела свет.

Летом 1910 г. Иванов вновь приезжает в Рим и посещает Германский археологический институт. В архиве Института его имя (*Dr. Ivanoff*) зарегистрировано среди тех, кто получил право работать в библиотеке – с 24.VIII по 30.X. Рекомендацию ему предоставил М.И. Ростовцев, который в то время тоже находился в Риме и работал в институте (Ростовцев помог Иванову и с жильем – они жили в одном и том же отеле – *Campidoglio*). В списке читателей библиотеки за 1910 г. значится и «барышня Иванова» (*Fräulein Ivanov*), записанная также по рекомендации Ростовцева (с 27.IX по 31.X)¹⁶⁵. К сожалению, в архиве института не сохранилось списков ученых за 1910 г.,

¹⁵⁹ ПФА РАН. Ф. 726. Ед. хр. 127. Л. 115–115 об.

¹⁶⁰ Подробнее см. *Бонгард-Левин Г.М., Вахтель М., Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев и Вяч. Иванов // Скифский роман. М., 1997. С. 248–258.

¹⁶¹ *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 373.

¹⁶² «Школа высших социальных исследований».

¹⁶³ Статья Иванова «Эллинская религия страдающего бога» была напечатана в журнале «Новый путь» в 1904 г. (январь, с. 110–134; февраль, с. 48–78; март, с. 38–61; май, с. 28–40; август, с. 17–26; сентябрь, с. 47–70), а статья «Религия Диониса» в журнале «Вопросы жизни» в 1905 г. (июнь, с. 185–220 под названием «Религия Диониса: ее происхождение и влияние», июль, с. 122–147).

¹⁶⁴ *Wachtel*. Вячеслав Иванов... Р. 373.

¹⁶⁵ Под «барышней Ивановой» «скрывается» падчерица Иванова Вера Константиновна Шварсалон, ставшая вскоре его женой.

которые посещали лекции и семинары, и мы не можем сказать – посещал ли их Иванов. Но Иванов приехал в Рим уже автором, наконец-то, изданной диссертации, которую готовил многие годы. Эту книгу, посвященную «Оттону Гиршфельду, учителю» (*Ottoni Hirschfeldio Magistro*) он дарит библиотеке института: на книге по-немецки надпись (без даты): «Библиотеке Германского археологического института в Риме передана от автора»¹⁶⁶.

В Риме Иванов завершил написание книги по дионисийской религии или, как он сам называл, «Дионисовой религии». В «Автобиографическом письме» 1917 г. он писал: «В 1912 г. я закончил в Риме исследования об отдельных проблемах религии Диониса, которые медленно печатаются и выйдут в свет вместе с общим очерком, каковой представляют собой статьи в "Новом Пути" и в "Вопросах Жизни"»¹⁶⁷. В «Автобиографической справке» 1919 г. Иванов сообщает, что рукопись книги о религии Диониса была закончена в Риме в 1913 г.¹⁶⁸ Однако книга была издана, как известно, лишь в 1923 г. в Баку. В предисловии к ней Иванов отмечал: «Основой предлагаемой монографии послужил ряд конспектов, набросанных мною в 1913 г. в Риме. Один из них ("Дионис орфический") был напечатан в "Русской Мысли"¹⁶⁹ в конце того же года. В Москве издательство "Мусагет" предприняло их издание отдельной книгой; но, отвлеченный другими заботами, я не довел печатание до конца»¹⁷⁰. Только в 1921 г. в Баку опять принялся я за любимый, но столь часто прерываемый труд»¹⁷¹.

Следующая запись в архиве Германского археологического института, связанная с Ивановым, относится к декабрю 1924 г.: его подпись (*Prof. V. Ivanov*) имеется в списке участников ежегодного юбилейного заседания, посвященного Винкельману (на заседании он присутствовал вместе с дочерью Лидией¹⁷², о чем сам оставил надпись), – через 26 лет после того, как Иванов впервые участвовал в Винкельмановских торжествах в Римском отделении Германского археологического института.

Прошло всего несколько месяцев после приезда Иванова в Рим из России, которую вновь ему уже не суждено было увидеть. В институт он уже пришел профессором, доктором классической филологии, автором изданной книги «Дионис и праднионисийство».

¹⁶⁶ Экземпляр книги Иванов послал Ф. Мюнцеру – своему другу и соученику еще по Берлинскому университету. В архиве Иванова сохранилось письмо Мюнцера от 7 сентября 1913 г., бывшего тогда уже профессором университета г. Кенигсберга. Вот текст этого письма: «Конечно, для меня было большим сюрпризом, когда месяц назад я получил Ваше сочинение о публиканах, и дружеское посвящение пробудило множество воспоминаний, которые, казалось, уже давно отошли в прошлое. Если бы я как раз в тот день, в утро которого пришла посылка, не отправлялся бы в длительное путешествие, то немедленно бы взялся за перо, чтобы поблагодарить Вас и высказать свою радость в связи с Вашей весточкой. Сейчас я делаю это тотчас же по возвращении, еще до того как я прочитал книгу; кто знает, в Риме ли Вы сейчас. Живее всего стоят перед моими глазами те часы, которые мы вместе провели в Риме, наша экскурсия по Риму и уютные часы за чаем у Вас, хотя с тех пор прошло уже 20 лет. Чего только не случилось с каждым из нас за эти 20 лет! Вы, возможно, знаете больше о моей жизни в этот промежуток времени, чем я о Вашей, так как Вы, конечно, чаще, чем я, виделись с нашим общим дорогим другом Ростовцевым, которого я встретил в последний раз в 1908 г. в Берлине и от которого я, хотя и не теряю с ним связи, но весьма редко получаю подробные сообщения или посылаю ему свои. Чего Вы, возможно, еще не знаете, так это то, что я уже полтора года в Кенигсберге и могу теперь вернуться из филологии, которую я представлял в Базеле, к древней истории: конечно, из-за этой перемены я много сил отдаю подготовке к моим лекциям. Кроме того, здесь я вдали от всех друзей и нет почти никакой возможности пригласить их в гости. Но тот, кто, как Вы, должен ездить между Россией и Западом, сможет когда-нибудь приехать и сюда и порадовать меня своим визитом. Еще раз сердечное спасибо за прекрасный подарок и дружеское посвящение. Приветы и наилучшие пожелания благополучия! Ваш Ф. Мюнцер» (РГБ. Ф. 109. К. 31. Ед. хр. 39. Л. 3–3 об.).

¹⁶⁷ См. Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 21–22.

¹⁶⁸ См. Котрелев. Ук. соч. С. 190.

¹⁶⁹ Иванов Вяч. О Дионисе орфическом // «Русская мысль». 1913. № 13. Ноябрь. С. 70–98.

¹⁷⁰ Подробнее см. Котрелев. Ук. соч. С. 194. Прим. 18.

¹⁷¹ Цит. по Иванов Вяч. Дионис и праднионисийство. СПб., 2000. С. 12.

¹⁷² Лидия Вячеславовна Иванова (1896–1925).

В архиве Германского археологического института сохранились на немецком языке 16 машинописных страниц (текст напечатан на машинке на официальных бланках института, греческие слова-вставки и поправки – рукой Иванова) перевода заключения к книге. Заглавие написано рукой Иванова (черными чернилами) – Wenzeslav Ivanoff. Dionysos und Vordionysos. Russland. Baku, 1923.

Можно предположить, что перевод был сделан Ивановым по просьбе его немецких коллег или руководства института. Вспоминая о приезде в Рим в 1924 г., сын Иванова Дмитрий Вячеславович пишет: «Отец усердно занимался в государственной библиотеке. Он пересматривал свою книгу "Дионис и прадионисийство". В те времена в Баку, конечно, не приходила западная научная литература с послереволюционных лет. Ему было важно узнать, что нового было открыто историками и археологами, подтверждаются или опровергаются высказанные им в далеком Азербайджане гипотезы»¹⁷³. Хранящийся в архиве института текст немецкого перевода заключительной части книги Иванова позволяет думать, что поэт не раз приходил в институт для научных занятий дионисийством.

В целом, в научной биографии Иванова Римское отделение Германского археологического института сыграло важную роль: именно в Риме и прежде всего в библиотеке института он подготавливал свою диссертацию, здесь он фактически стал превосходным антиковедом, блестящим знатоком античной истории и религии.

В институте – и во время заседаний, и в библиотеке – Иванов встречался со многими крупнейшими немецкими археологами и антиковедами и зарубежными учеными, находившимися в Риме в научных командировках. Сохранившиеся списки участников лекций, проходивших в институте каждые две недели, и торжественных заседаний, на которых присутствовал Иванов, содержат имена таких выдающихся ученых как А. Мау, В. Амелунг, Р. Вюнш, Ф. Кюмон, с которым он был знаком еще по Берлину. В списках упоминаются и фамилии русских ученых, которые приезжали в Рим для научной работы или на стажировку и посещали институт, его библиотеку и присутствовали на лекциях и торжественных заседаниях. Это Д.В. Айналов¹⁷⁴, Б.В. Фармаковский¹⁷⁵, М.И. Ростовцев, М.Н. Крашенинников, Я.И. Смирнов¹⁷⁶, В.И. Модестов. На семинары приходили и жившие тогда в Риме А.А. Павловский, А.М. Миронов¹⁷⁷, Х.А. Флеров¹⁷⁸.

Встречался ли Иванов с Айналовым, Смирновым и Фармаковским именно в институте – сказать с определенностью трудно, но такое предположение вполне вероятно. В книге записей в библиотеку института сохранились свидетельства о разрешениях, выданных профессору Айналову (с 8.VI.1893 по 1.II.1894 г., поручитель Хюльзен по письму Российского посольства в Риме), профессору Одесского университета Павловскому (16.X.1893, поручитель Петерсен¹⁷⁹ по письму Российского посольства в Риме), Фармаковскому (9.III.1897, поручитель Хюльзен по письму Российского посольства в Риме).

В своем «Автобиографическом письме» Иванов, вспоминая о пребывании в Риме, писал: «Жизнь в Риме привела с собою немало новых знакомств с учеными (вспоминаю, какими они были в ту пору, профессоров Айналова, Крашенинникова,

¹⁷³ См. Иванов Д.В. Из воспоминаний // Иванов Вяч. Материалы и исследования. М., 1996. С. 49.

¹⁷⁴ Б.В. Айналов (1862–1939) – искусствовед-византист, специалист по греческому и русскому искусству.

¹⁷⁵ Б.В. Фармаковский (1870–1920) – археолог, историк античности.

¹⁷⁶ Я.И. Смирнов (1869–1918) – археолог, историк христианского и византийского искусства.

¹⁷⁷ А.М. Миронов (1866–1921) – историк искусства, преподавал в Московском и Казанском университетах.

¹⁷⁸ Х.А. Флеров – священнослужитель, филолог, специалист по греческой эпиграфике, ученик выдающегося филолога-классика В.К. Эрнштедта (1854–1902); долго представлял Русскую Православную церковь в Риме.

¹⁷⁹ Е. Петерсен (E. Petersen) (1836–1919) – немецкий археолог, с 1887 по 1905 г. был первым секретарем Римского отделения Германского археологического института.

М.Н. Сперанского¹⁸⁰, М.И. Ростовцева, покойных Кирпичникова¹⁸¹, Модестова, Редина¹⁸², Крумбаха¹⁸³, славного Дж. Б. Де-Росси»¹⁸⁴.

Осенью 1926 г. Итальянский университет в Павии пригласил Иванова читать лекции по русской литературе, и в этом – одном из стариннейших городов Италии – он провел затем 8 лет. Бывал ли поэт в Германском археологическом институте после возвращения в Рим – сказать трудно: ведь он был уже далеко не молод, и жил «мудрец», как писала З. Гиппиус, «спокойной счастливой жизнью»¹⁸⁵. Правда, в 1936 г. швейцарское издательство «Benno Schwabe» обратилось к Иванову с предложением издать по-немецки его труд о Дионисе. Когда перевод был завершен, Иванов стал сверять текст, исправлять его, уточнять и дополнять примечания, сделанные много лет назад. Как рассказывает О. Дешарт, «едва он принялся за занятия в библиотеках, для обновления примечаний, как у него возник ряд новых проблем, и работа превратилась в переработку всего текста»¹⁸⁶.

Можно предполагать, что для ознакомления с новыми публикациями по дионисийству Иванову необходимо было зайти и в библиотеку Германского археологического института, но это, конечно, только наши предположения – никаких сведений в архиве института об этом не сохранилось. Но «Ивановские традиции» в институте сохраняются: молодые итальянские археологи и историки-антиковеды, а также приезжающие в институт зарубежные ученые читают латинскую диссертацию Вячеслава Иванова, которую недавно переиздали в Италии, иногда посещают институт Дмитрий Вячеславович и дарит библиотеке и свои книги, и книги отца. Входя в институт и направляясь в читальный зал, он проходит мимо скульптуры мраморного грифа с греческой надписью, на открытии которой более ста лет назад присутствовал молодой Вячеслав Иванов, приехавший в Рим для занятий римскими древностями.

II. ВЯЧ. ИВАНОВ И Т. МОММЗЕН

В одном из писем своей будущей жене Л.Д. Зиновьевой Иванов, рассуждая о важности принимаемых решений, писал: «Я поехал к немцам (так в оригинале – Г.Б.-Л.) за настоящею наукой»¹⁸⁷. В этих словах, которые взяты в качестве названия публикуемой статьи, была не только констатация самого факта плодотворной учебы в Берлинском университете, но и выражение глубокого почтения к немецкому антиковедению, признания своей приверженности ее традициям. Этой позиции Иванов следовал на протяжении всей жизни, хотя всегда питал особое уважение к русской науке и ее лучшим представителям. Если у Иванова шла речь о науке именно немецкой, то ей противопоставлялась не русская, а французская наука. Такого рода антитеза не раз проявляется в переписке с И.М. Гревсом – страстным поклонником французских ученых, прежде всего Фюстеля де Куланжа. Уже в одном из первых писем из Рима (4 октября/22 сентября. 1892 г.), где Иванов работал в Германском археологическом институте над завершением начатой в Берлине магистерской диссертации, он упрекает Гревса в том, что тот слишком увлекается работами французского

¹⁸⁰ М.Н. Сперанский (1863–1938) – филолог-славист, академик.

¹⁸¹ А.И. Кирпичников (1845–1903) – византист, филолог, работал в Одессе.

¹⁸² Е.К. Редин (1863–1908) – византист, искусствовед, профессор Харьковского университета, ученик выдающегося историка и искусствоведа Н.П. Кондакова (1844–1925).

¹⁸³ К. Крумбахер (Karl Krumbacher) (1856–1909) – немецкий византист-литературовед, подробнее см. *Wachtel M. Die Korrespondenz zwischen Vjačeslav Ivanov und Karl Krumbacher // Zeitschrift für Slawistik. 1992. Bd III. S. 330–342.*

¹⁸⁴ Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 19.

¹⁸⁵ Цит. по Дешарт О. Введение // Иванов. Собр. соч. Т. 1. С. 195.

¹⁸⁶ Там же. С. 198.

¹⁸⁷ Письмо от 16 ноября 1895 г. РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 32.

медиевиста Г. Буасье, ибо «описывать Буасье вообще не умеет: недаром он француз классического французского типа»¹⁸⁸.

Узнав о новой предполагаемой командировке Гревса за границу, Иванов настоятельно рекомендует ему приехать в Берлин. «Мы приедем туда с Михаилом Никитичем (Крашенинниковым. – Г.Б.-Л.), я буду держать экзамен, Вы и Крашенинников будете моими оппонентами. Вы и он сдружитесь с Моммзеном и Гиршфельдом» (письмо от 8 января 1893 г. / 27 декабря 1892 г.)¹⁸⁹. Чуть позже – такое же пожелание: «Я Вам советую далее ехать прямо в Берлин, где Вы познакомитесь с Гиршфельдом, Моммзеном и другими. В настоящее время мне возможно, в случае, если бы это Вам понадобилось, обеспечить для Вас этот шаг, насколько это в моих силах – именно, так как мне предстоит, по-видимому, переписка с Гиршфельдом по вопросу о присылке моей диссертации, то я надеюсь иметь удобный случай написать ему о Вашем желании познакомиться с ним, чтобы спросить его совета и т.п. – смотря по тому, какие инструкции (подчеркнуто Ивановым. – Г.Б.-Л.) дадите Вы мне относительно этого предварительного извещения Гиршфельда о Вашем приезде... Гиршфельд отрекомендует Вас, вероятно, Моммзену. Никакого труда не будет Вам стоять знакомство с молодыми учеными, напр[имер], Дессау¹⁹⁰, Вебером¹⁹¹ (автор *Agrargeschichte*¹⁹², если только он в Берлине)» (письмо от 16/4 апреля 1893 г.)¹⁹³. В письме от 6 ноября 1894 г. Иванов обсуждает с Гревсом произошедшие в России перемены, политическую обстановку на Родине и добавляет: «Мы оба, думается мне, горячо любим Россию, как ни различен Ваш, так сказать, сам себя отрицающий патриотизм, от моего патриотизма "на германский лад", как называете его Вы»¹⁹⁴.

Последователем «германского патриотизма», понимая под этим приверженность традициям немецкой антиковедческой науки (истории и классической филологии) Иванов стал еще во время своей учебы в Берлинском университете. Закончив два курса историко-филологического факультета Московского университета, где он слушал лекции многих известных русских историков и филологов, таких как Т.Н. Грановский и В.И. Герье, и получив премию за работу по древним языкам, он решил поехать учиться в Германию; этому очень способствовал его учитель, известный историк права П.Г. Виноградов, который подготовил для Иванова программу занятий, в том числе у Моммзена (кстати, сам Виноградов учился у этого патриарха германского антиковедения). Возможно, еще в Москве, проходя учебу у П.Г. Виноградова, молодой Иванов познакомился с трудами Т. Моммзена, уже известными русскому читателю (I и II тома «Истории Рима» Моммзена на русском языке были изданы еще в 1858 г., затем в 1885–1887 гг. появились переводы I, II, III и V томов).

Учеба в Германии для начинающего классика – историка и филолога – была в то время вполне естественна. Многие молодые классицисты России, ставшие затем выдающимися учеными, проходили стажировку у немецких антиковедов – немецкая наука о классической древности считалась в конце XIX – начале XX в. своего рода эталоном, и с ее успехами были связаны такие имена, как Т. Моммзен, У. Вилькен, Э. Мейер, Ю. Белох, У. Виламовиц-Меллендорф. С германскими антиковедами поддерживали теснейшие связи В.Г. Васильевский, В.В. Латышев, М.И. Ростовцев, Ф.Ф. Зелинский, Ю.А. Кулаковский.

С осени 1886 г. в течение целого семестра Иванов осваивал немецкий язык, а затем слушал лекции и занимался в семинаре Моммзена. Вот как он сам описывает эти

¹⁸⁸ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 9 об.

¹⁸⁹ Там же. Л. 11 об.

¹⁹⁰ Г. Дессау (Hermann Dessau) (1856–1931) – известный немецкий историк-антиковед и эпиграфист, ученик Моммзена в Берлине, с 1912 г. стал профессором древней истории в Берлинском университете.

¹⁹¹ Макс Вебер (Max Weber) (1864–1920) – выдающийся немецкий социолог и историк.

¹⁹² Один из ранних трудов Вебера, переведен и издан в России в 1925 г.: *Вебер М.* Аграрная история древнего мира / Пер. с нем. Е.С. Петрушевского, М., 1925.

¹⁹³ ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 16 об.–17.

¹⁹⁴ Там же. Л. 36.

занятия: «В конце второго (семестра. – Г.Б.-Л.) я представил Моммзену исследование о податном устройстве римского Египта, и был им ласково ободрен. Он позвал участников семинария ужинать в свою "тесненскую" виллу и там спросил меня, остаюсь ли я на более долгое время в Берлине; я сказал, что желал бы, но боюсь, что вспыхнет война; "мы не так злы (wir sind nicht so böse)" был ответ. Я восхищался каждым, всегда внезапным и нетерпеливым, движением этого тщедушного и огненного старика, в котором мысль и воля сливалась в одну горящую энергию, каждой вспышкой его гениального и холеричного ума. Вот несколько строк о нем из моего стихотворного дневника:

В сей день счастливый Моммзен едкий
Меня с улыбкой похвалил.
Он Ювенала очертил
Характеристикою меткой,
Тревожил искры старых глаз
И кудрями седыми тряс...»¹⁹⁵.

Во время учебы Иванов занимался также филологией (некоторые занятия велись по-латыни), философией, латинской и греческой палеографией, посещал музеи. В Берлине его навестил П.Г. Виноградов, который «определенно посоветовал отдаться филологии, продолжая, однако, работать у Моммзена»¹⁹⁶. Он, говоря словами Иванова, «надеялся, что я буду совмещать в Москве филологическую доцентуру с преподаванием римской истории»¹⁹⁷. Примерно так же рассказывал об этом Иванов и в 1921 г.: «Виноградов сейчас же проектировал мне кафедру по римской истории в Москве, говоря, что прохождение моммзеновского семинария – достаточное свидетельство, но я ушел, удивив всех, совсем в другую сторону»¹⁹⁸.

После первого года учебы Иванов сумел подготовить «первый набросок» диссертации (*De societatis vectigalium*), и Гиршфельд признал этот опыт «солидной работой». Но Иванов продолжал посещать семинары Моммзена. Вот как он сам описывает этот этап своего пребывания в Берлине: «Вопрос о государственных откупах, но уже не в римской республике, а за время империи (эта часть, большая первой по объему, не была мною позднее переработана и не вошла в мою латинскую диссертацию) я разрабатывал далее в семинарии Моммзена, который заводил серьезнейшие и опаснейшие диспуты с более зрелыми учениками...»¹⁹⁹. Уже в своем дневнике в феврале 1888 г., т.е. еще в начале учебы в Берлине, Иванов записал: "Кажется, под влиянием Моммзена я, как историк, проникся глубоко мыслию о необходимости различения исторической действительности и юридической теории и о пользе управления последней. И эта мысль еще более способствовала консервативному направлению моих идей»²⁰⁰.

Американский славист Майкл Вахтель приводит список курсов, которые Иванов прослушал в Берлинском университете, – всего 47, из которых 12 – у Гиршфельда и 5 – у Моммзена. Разбирая имеющиеся свидетельства (в том числе и эпистолярные) о взаимоотношениях Иванова со своими учителями, Вахтель приходит к заключению, что «Иванов склонен преувеличивать свою близость к Моммзену, в то время, как он преуменьшает центральную роль, которую сыграл в его судьбе Гиршфельд»²⁰¹.

¹⁹⁵ Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 17.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ См. Альтман М.С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 31.

¹⁹⁹ Иванов. Собр. соч. Т. 2. С. 17.

²⁰⁰ См. он же. Интеллектуальный дневник. 1888–1889 / Подготовка текста Н.В. Котрелева и Н.Н. Фридмана, примечания Н.В. Котрелева // Иванов Вяч. Архивные материалы и исследования. М., 1999. С. 14.

²⁰¹ Wachtel. Вячеслав Иванов... Р. 360.

Поднятый Вахтелем вопрос – далеко не праздный. И дело совсем не в том, сколько лекций прослушал Иванов у Гиршфельда, Моммзена или у других немецких профессоров. Важнее понять другое – почему именно Моммзен стал для Иванова образцом ученого и учителя, объектом почитания? Какие особенности его научной и преподавательской деятельности, какие черты его личности и поведения особо привлекали Иванова?

Вспомним характеристики Моммзена, описания своих встреч с ним, которые приводит Иванов в переписке с Гревсом и Зиновьевой. Приехав в Рим после учебы в Берлине, Иванов углубленно занимается, считая прозой работу над диссертацией, а «поэзией ... углубление в сочинение Моммзена, гениального Моммзена, за которого боюсь всякий раз, когда слышу о смерти какого-нибудь славного старика» (письмо Гревсу 4 октября/22 сентября 1892 г.)²⁰². В Риме ему удалось встретиться с Моммзеном, который «удивительно подвижен и неутомим»²⁰³. После встречи Иванов пишет: «Ломаю себе голову над оракулом старика» (письмо Гревсу от 12 ноября 1893 г.)²⁰⁴. В письме Зиновьевой от 9 ноября 1895 г. она рассказывает о свидании с Моммзеном на его вилле: «...den alten Herrn с седыми локонами... с иронической миной старой лисы»²⁰⁵. Более подробно Иванов описывает Моммзена в письме к ней от 6 января 1897 г.: «Маленький, тщедушный ...он горбился, словно под тяжестью белых кудрей, лежащих по плечам... Через очки, из-под темных бровей, холодно и неприветливо смотрят острые темные глаза. Складки выразительно бороздят бритое старческое худое лицо и придают скептическую горечь плотно сжатым губам, на которых мгновениями заметна ироническая улыбка. Несколько старческое потухшее выражение трезвой и вдумчивой сосредоточенности ежеминутно нарушается как бы легкими конвульсиями внутренней жизни, выражающейся в маленьких нервных жестах, на игре мускулов лица, вспышках живых глаз»²⁰⁶.

В ноябре 1893 г. Иванов вместе с М.Н. Крашенинниковым и Гревсом принял участие в работе фонда в честь Моммзена. Об этом мы узнаем из письма Крашенинникова В.К. Ернштедту из Рима: «Фонд этот будет иметь международный характер по отношению к способу пользоваться им. Предполагается предоставить самому Моммзену выработать правила употребления фонда. Я, Иванов и Гревс, который теперь уже уехал в Париж, уже приняли участие в составлении фонда, т.е., говоря проще, послали в Берлин по 10 германских марок. Думаю, что и в России немало есть почитателей Моммзена, которые не отказались бы принять участие в упомянутом деле»²⁰⁷.

К имени Моммзена Иванов не раз возвращался и позднее, вспоминая свою учебу у него и свои встречи с ним, давал описание его облика. Особый интерес представляет статья Иванова о Моммзене, напечатанная в 1904 г., после кончины великого немецкого ученого²⁰⁸.

Следует иметь в виду, что имя Теодора Моммзена было очень популярно в России, его научные труды получили высочайшую оценку у российских ученых; сам он очень интересовался статьями по эпиграфике и археологии, изданными в России, хотя и не знал русского языка. Об этом свидетельствуют, например, его письма известному русскому филологу – классику И.В. Помяловскому, которые хранятся в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки²⁰⁹.

²⁰² ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 3. Ед. хр. 127. Л. 7 об.

²⁰³ Там же. Л. 18 об.

²⁰⁴ Там же.

²⁰⁵ РГБ. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 39. Л. 28 об.–29.

²⁰⁶ Там же. Ф. 109. К. 9. Ед. хр. 41. Л. 9.

²⁰⁷ См. Рукописное наследие русских византинистов. СПб., 1999. С. 379.

²⁰⁸ Иванов Вяч. О Моммзене. Кулаковский Ю. Памяти Моммзена. Киев, 1904 // Весы. 1904. Т. 11. С. 45–48.

²⁰⁹ РНБ. Ф. 608. Оп. 1. Д. 1542. Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить чл.-корр. РАН И.П. Медведева за помощь в ознакомлении с архивными материалами, связанными с темой статьи.

Заслуги Моммзена получили официальное признание и в избрании его в 1893 г. в почетные члены Петербургской Академии наук²¹⁰. Труды Моммзена, как уже отмечалось, неоднократно переводились на русский язык и издавались в России. После упомянутых изданий I том его «Римской истории» снова был издан в 1900 г. в Москве, затем в 1909 г. в Санкт-Петербурге была опубликована «Римская история по Моммзену» (2-е изд. в 1914 г.). Много позднее под редакцией Н.А. Машкина были изданы новые переводы всех четырех томов «Истории Рима» – I, II, III и V.

Смерть Моммзена 19 октября (1 ноября) 1903 г. вызвала широкий резонанс среди ученых России, появилось много некрологов, в которых давалась оценка его научным работам и характеристика его деятельности, рисовался облик этой незаурядной творческой натуры.

Один из основателей русской школы византиноведения В.Г. Васильевский учился у Моммзена в 1862–1864 гг., слушал его лекции по римской истории и римскому государственному праву, а также спецкурс по речам Цицерона²¹¹: «В нем, – писал Васильевский, – можно видеть столь редкое соединение громадной учености с способностью живого понимания духа, удивительного даже для немецких ученых трудолюбия с даром пронизательности и остроумия, вносящих жизнь и свет в самые, по видимому, темные и бесплодные массы материала, находящегося в его распоряжении. Немцы имеют полное право выражаться: "наш гениальный Моммзен"... Я знаком с его учеными исследованиями, слушаю его с университетской кафедры, слышал публичную лекцию об одной монете в здешнем ученом обществе (Wissenschaftlicher Verein) и должен был подивиться его умению найти настоящую методику и тон для ученого, академического исследования, университетского чтения для германского университета и публичной лекции в академии пеня»²¹².

1 ноября (по старому стилю) 1903 г. на общем собрании Академии наук академик В.В. Латышев выступил с речью о Моммзене в связи с его кончиной, в которой давалась высочайшая оценка научного творчества немецкого ученого. «Все его произведения свидетельствуют о великом уме, о глубочайшей учености и необыкновенной научной энергии. Это был поистине великий деятель историко-филологической науки и не только в XIX веке, но и в предшествующих трудно найти ученого, которого смело можно было бы поставить рядом с ним»²¹³.

Известный русский историк, профессор Казанского университета М.М. Хвостов в связи с кончиной Моммзена выступил 1 ноября (по старому стилю) 1903 г. с обширной речью, в которой дал высочайшую оценку не только его научным трудам, таланту писателя и поэта, но и несгибаемой жизненной позиции²¹⁴. Хвостов никогда не встречался с Моммзеном, но сумел подметить такие характерные его черты, как смелость, решительность, саркастичность; он приводит в своей речи следующие слова Моммзена: «Наихудшей ошибкой в моих глазах является то, если кто-нибудь считает нужным снять с себя платье гражданина, для того чтобы не скомпрометировать халата ученого»²¹⁵.

«Как лектор, – пишет Хвостов, – он не имел шумного успеха. Его лекции были слишком специальными, чтобы привлекать толпы слушателей. Притом стиль его был лучше в письме, чем в устной речи. В этом отношении он разделил участь другого немецкого историка 19 века – Ранке²¹⁶. Но это обстоятельство столь же мало мешало Моммзену занять первое место среди университетских преподавателей, сколь

²¹⁰ См. ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 2. 1893. Д. 11. Л. 1–1 об., а также ПФА РАН. Ф. 2. Оп. 17. Д. 49. Л. 80.

²¹¹ Подробнее см. Курбатов Г.Л. Из истории научных связей русской византистики (В.Г. Васильевский в Германии) // ВВ. 1971. 31. С. 79–83.

²¹² См. отчет В.Г. Васильевского за зимний семестр 1862 г. // ЖМНП. Март 1863. Ч. 117. С. 294, 296.

²¹³ ПФА РАН. Ф. 1. Оп. 1а 1903. Д. 150. Л. 69–70. Выражаю признательность И.В. Тункиной за предоставление мне этих материалов.

²¹⁴ Хвостов М.М. Теодор Моммзен // Научное слово. 1904. № 1. С. 84–102.

²¹⁵ Там же. С. 93.

²¹⁶ Леопольд Ранке (1795–1886) – известный немецкий историк.

мало оно помешало сделать то же и Ранке. Но сила Моммзена и Ранке, как преподавателей, была не столько в их лекциях, сколько в практических занятиях, которые они вели со своими слушателями. Здесь слушатели были очевидцами кабинетной работы их великих учителей, здесь они учились методам исследования. И как Ранке, так и Моммзен, не будучи блестящими лекторами, создали целые школы исследователей, насчитывающие немало очень громких имен»²¹⁷.

Один из самых верных почитателей немецкой антиковедческой школы, избранный членом-корреспондентом Берлинской Академии, М.И. Ростовцев не имел возможности учиться и встречаться с Моммзеном, но на смерть «гениального старца» он написал подробный некролог, в котором с большой теплотой и уважением нарисовал портрет великого немецкого антиковеда²¹⁸. Для Ростовцева Моммзен – гений, паривший над многими областями античной истории; в немецком ученом русском антиковеда привлекало прежде всего его научное академическое творчество, которое было центром служения обществу, а также столь близкая для самого Ростовцева такая сторона жизненной позиции, как общественная деятельность.

«Учеников у него было много, слушать его съезжались со всей Германии, более – со всего культурного мира, лекции его и в особенности практические занятия были полны обаятельности... Более дома, – пишет Ростовцев, – чувствовал он себя, насколько я могу судить по беседам с его друзьями и учениками, в академии, чем в университете, за своим письменным столом или среди камней и монет музеев, чем на кафедре»²¹⁹. Некролог заканчивался следующими словами: «Перед такой жизнью и такой деятельностью нам, скромным рядовым, можно только преклоняться, преклоняться перед этой седовласой тонкой и резкой головой, перед этим тщедушным, теперь мертвым телом, в котором жило бессмертное творчество, бессмертные идеи и железная беззаветная энергия, соединенная с проникновенной любовью к свободе, культуре и науке»²²⁰.

В одном из своих писем к профессору Харьковского университета В.П. Бузескулу Ростовцев в 1904 г. писал о необходимости принять участие в воздвижении памятника Моммзену²²¹. «Мне лично кажется, что несмотря на тяжелые моменты в жизни нашего государства и несмотря на то, что Моммзен к чехам не очень был благосклонен (заметьте, к чехам, а не ко всем славянам), нам все-таки надо было бы фигурировать среди наций, воздвигающих памятник общеевропейскому гению. Как-никак, а многие из нас и прямо, и косвенно пользовались и пользуются его трудами, как базой. Немало и таких, которые его слушали»²²².

Профессор Киевского университета Св. Владимира, крупный византист, специалист по истории Рима и раннего христианства Ю.А. Кулаковский учился у Моммзена, и его характеристика преподавательской деятельности и облика «всесветно знаменитого» немецкого ученого представляет особый интерес в связи с нашей темой. В речи, произнесенной на собрании Исторического общества Нестора Летописца в Киеве 16 ноября 1903 г., он рисует своего учителя «в царственном ореоле абсолютного знания, дивного владения материалом, гениальной памяти, поразительного дара комбинации, орлиной остроты и свежести мысли, ясности и силы слова»²²³.

Дав оценку научным трудам Моммзена, которыми «воздвигал он себе навеки несокрушимый памятник», Кулаковский поделился и своими личными воспоминаниями о его преподавательском искусстве: «Учиться к Моммзену стекались германские студенты со всех областей Германии. Среди его слушателей были всегда также и иностран-

²¹⁷ Хвостов. Теодор Моммзен. С. 101–102.

²¹⁸ Ростовцев М.И. Теодор Моммзен (1817–1903) // Мир Божий. 1904. № 2. С. 1–12.

²¹⁹ Там же. С. 3.

²²⁰ Там же. С. 12.

²²¹ См. Тункина И.В. Документы М.И. Ростовцева в Санкт-Петербургском архиве Российской Академии наук // Скифский роман. М., 1997. С. 30.

²²² ПФА РАН. Ф. 825. Оп. 2. Д. 188. Л. 11.

²²³ Кулаковский Ю.А. Памяти Моммзена // ЖМНП. 1904. № 1–2. Отд. IV. С. 39–61.

цы: австрийцы, швейцарцы, итальянцы, французы, голландцы, англичане, американцы. Профессорские стипендиаты, посылаемые за границу нашим министерством народного просвещения, обыкновенно не миновали Берлина, и многие из них являлись туда ради него. Мне лично пришлось учиться у Моммзена, когда он был уже старцем и помышлял оставить преподавание. На зимний семестр 1878–1879 года Моммзен объявил четырехчасовой курс по римской эпиграфике и двухчасовые практические занятия. В летнем семестре 1879 года он уже не читал курса, но сохранил за собой практические занятия. Мне кажется, что я выражу чувства всей тогдашней аудитории Моммзена, если скажу, что он вызывал к себе благоговение. Помимо его славы так действовал и самый вид этого человека. На маленьком тщедушном теле красовалась чудесная голова с острыми чертами лица, изрытой морщинами кожей, правильным носом, большим ртом, с великолепным ореолом поредевших уже, длинных, белых, кудрявившихся на концах волос над прекрасным огромным челом, под которым блистали острые, пронизывающие, пылавшие огнем глаза. Никто не забудет этих глаз, кто их видел. Вежливая, без малейшей предупредительности, деловая манера обращения внушала некоторую робость при первом свидании. Свои профессорские обязанности он исполнял с удивительной аккуратностью. С ударом четверти девятого на университетских часах входил он в аудиторию и, став у кафедры и разложив перед собою листки своих заметок, начинал говорить своим тихим голосом, подергивая и поворачивая время от времени голову своим особым жестом. Ровная серьезная речь текла спокойно с северогерманским акцентом, никогда не оживляясь, но и не становясь вялою»²²⁴.

Прочитав некролог Кулаковского, Иванов, также учившийся у Моммзена почти на 10 лет позже, тут же отозвался статьей «О Моммзене. Ю. Кулаковский. Памяти Моммзена. Киев, 1904», которая была опубликована в журнале «Весы» и о которой мы уже упоминали. Статья-отклик была написана в первой половине 1904 г., когда Иванов отошел от занятий античной историей, но продолжал глубоко чтить память о своем учителе. Со свойственной ему пронизательностью и поэтичностью Иванов сумел по-особому воспринять облик немецкого ученого и поэтому он не мог не вступить в полемику с Кулаковским.

Эта статья Иванова мало известна и антиковедам, и литературоведам, и поэтому на ней стоит остановиться подробнее. «Русский ученик, – начинает свою статью Иванов, – возлагает венок на гроб Моммзена... Красивый очерк исполнен сердечности, теплоты и благоговения к великой тени, естественных в том, кто сам, как говорят немцы, "сидел у ног" гениального учителя. Автор дает несколько биографических черт и личных воспоминаний; но главной целью ставит себе – растолковать задачи и значение гигантской ученой деятельности чудотворного историка-юриста-филолога»²²⁵. В творческом облике Моммзена Иванов особо подчеркивает поразительно острую меткость, «с которой он схватывает глубочайшее существо, зерно-понятие изучаемого явления, чтобы с крайней энергией логического процесса развить затем из него необходимые следствия, наземные опоры дальнейшего анализа. Таков Моммзен в своем "Государственном праве", таков был он и в кругу своих учеников, когда сразу ослеплял автора студенческого исследования внезапным разоблачением жизненного нерва затронутой темы, с открытием которого вся задача вставала непредвиденной и новой. Быстроокий синтетик упреждал в Моммзене зоркого аналитика; и энергия того и другого была такова, что обусловила физиономические черты писателя и чело- века»²²⁶.

По словам Иванова, Моммзен – «живой организм мышц и жил, пластика борьбы, охвата и преодоления. Нам непонятно, как г. Кулаковский мог находить его беседу мало оживленной: какие искры поминутно тревожили острые глаза подвижного ста-

²²⁴ Там же. С. 57–58.

²²⁵ Иванов. О Моммзене... С. 45.

²²⁶ Там же. С. 47.

рика; какие молнии мыслительного воодушевления бороздили его вообще спокойную речь, поверит и не видевший его, – *le style, c'est l'homme*²²⁷. Нам казалось, что на нем воочию можно наблюдать холеризм гения. Волевой избыток мыслительной энергии, привычка доводить мысль до ее последней остроты, привычка глядеть на все с высоты исторического трибунала (он был в своем мире поистине государственный человек, как он был и римский стратег-техник) – увлекали в его политических суждениях до тех крайностей, каких не могут простить ему, например, славяне... И – *last not least*²²⁸ – он был поэт, т.е. существо, которому с той же легкостью прощают излишнюю возбудимость, с какою приписывают известную невменяемость. Он не только любил выступать переводчиком стихоторцев, но в молодые годы, в годы странствий по Италии, был и самостоятельным лириком; большая часть стихотворений в незабвенной книжке "Liederbuch dreier Freunde"²²⁹ – написана им. Задолго до Вагнера он умел подслушать в природе мелодии, – *Dem Liede gleich von Tristan und Isolde*²³⁰. Очень желательно издание всех его многочисленных научных работ»²³¹.

«Гениальность, холеричность ума», страстность, огненность природы, поэтическое дарование, одухотворенность, необыкновенная живость, «горящая» мыслительная энергия – вот что больше всего восхищало Иванова в Моммзене. Восхищало и привлекало. Нарисованный Ивановым с необыкновенной яркостью мастера слова облик Моммзена точно передает впечатления от личных встреч с ним, о которых Иванов рассказывал в письмах Гревсу и Зиновьевой. Таким он его вспоминал, о таком поведал поэт Иванов общественности в 1904 г.

В 1906 г. в шуточной автобиографии, прочитанной Ивановым поэту-переводчику и коллекционеру Ф.Ф. Фидлеру, учеба в Германии связывается с Моммзеном:

«На двадцать первом, помнится, году
Я изменил московской alma mater
Для Моммзена. И знал, что значит "Kater"²³²,
Семестров девять. В пламенном бреду
Малярии три года в Риме трясся.
Плеп диссертацию, как сеть паук»²³³.

Уже в Баку в 1921 г. в беседе с М.С. Альтманом Иванов в связи с учебой в Германии вновь вспоминает именно о Моммзене: «У нас слишком мало придают значения прилежанию. В Германии вот умеют это ценить, и прилежание требуют не только от ученого, но и художника. Помню, когда я учился в Германии, в семинарии Моммзена по римской истории, какую бездну прилежания мы вынуждены были проявить. Семинарии эти состояли в следующем: Моммзен намечал ряд тем, и каждый из семинаристов, принимаясь за работу, должен был исчерпать весь имеющийся по данному предмету материал (то же должен был делать и рецензент), так что случалось, что по данной теме референт оказывался осведомленнее самого Моммзена. Все же Моммзен нередко ставил в тупик и столь подготовленного референта. Был Моммзен тогда уже 70-летним стариком (первое время занятия были в университете, потом мы к нему ездили в его виллу), нраву был сердитого и во время таких диспутов прямо вцеплялся и яростно нападал на референта. Референт, однако, должен был быть стойким до конца и с апломбом выдержать и отразить все нападки. Такая школа у Моммзена многому научила, и Вы видите хотя бы по этому труду (В. указал на свою

²²⁷ «Каков стиль, таков и человек» (франц.).

²²⁸ «Последнее, но не менее важное» (англ.).

²²⁹ «Книга песен трех друзей» (нем.).

²³⁰ «Подобно песне о Тристане и Изольде» (нем.).

²³¹ См. Иванов. О Моммзене... С. 47–48.

²³² Похмелье (нем.).

²³³ См. Азадовский К. Вячеслав Иванов и Ф.Ф. Фидлер // Vjačeslav Ivanov. Russischer Dichter – europäischer Kulturphilosoph. Beiträge des IV Internationalen Vjačeslav Ivanov-Symposiums. Heidelberg, 4–10. September 1989. Heidelberg, 1993. S. 39.

диссертацию на латинском языке "о римских откупщиках"), что мы умели быть прилежными даже после окончания курса. Виноградов сейчас же мне проектировал кафедру по римской истории в Москве, говоря, что прохождение моммзеновского семинария – достаточное свидетельство, но я ушел, удивив всех, совсем в другую сторону, зарылся в поэзию, и вся жизнь моя потекла совсем иначе...»²³⁴.

В Баку, где сам Иванов был профессором классической филологии и уделял большое внимание работе со своими учениками, именно профессорское искусство Моммзена служило для него своего рода эталоном этой благородной деятельности ученого.

Вернемся к мнению М. Вахтеля о том, что Иванов был склонен преувеличивать свою близость к Моммзену и преуменьшать центральную роль, которую сыграл в его судьбе Гиршфельд.

Мне кажется, что акцент поставлен Вахтелем не совсем точно: приведенные нами материалы ясно показывают, что речь должна идти не об умалении или преувеличении влияния Моммзена или Гиршфельда на научную судьбу Иванова, а об общем восприятии им таких понятий и реалий как наставник, научный руководитель, учитель и Учитель. Об Ивановском отношении именно к этим понятиям. Разбирая позицию М. Вахтеля, Н.В. Котрелев совершенно справедливо отмечает, что для Иванова «Гиршфельд – это проблема матрикула и абилитации, Моммзен – учитель»²³⁵.

Конечно, Гиршфельд как крупный антиковед, опытный лектор, как декан и как рецензент сделал очень много для подготовки Ивановым диссертации. Моммзен же, хотя Иванов прослушал у него небольшое число курсов и спецсеминаров, был явлением исключительным, и встречи с ним, учеба у него имели для Иванова особое значение: великий ученый, патриарх немецкого и мирового антиковедения, человек редкой масштабности, общественный деятель, поэт, фигура харизматическая. Подражать этому «гениальному старцу», восторгаться им, приобщить себя к моммзеновской традиции, к ее первоисточнику, было для Иванова вполне естественно и вместе с тем почетно. Недаром в своей латинской диссертации, изданной в Санкт-Петербурге в 1910 г., Иванов называет Моммзена «бессмертным в похвалах божественного ума и заслуг» (*immortalis ille divini ingenii meritorumque laudibus vir, Theodorus Mommsen*)²³⁶.

Перифразируя слова Н.В. Котрелева, можно сказать, что Гиршфельд был для Иванова учителем, Моммзен – Учителем, Учителем Жизни. Вспомним, что именно такими своими Учителями Иванов считал Ницше, с которым он никогда не встречался, или Владимира Соловьева, которого называл «крестным отцом», хотя с ним было всего несколько кратких встреч.

У русских писателей, прежде всего у тех, кто хорошо знал Иванова и часто встречался с ним, поэт нередко ассоциировался с Моммзеном, видимо, Иванов делился своими впечатлениями о встречах с великим немецким ученым. Борис Зайцев, например, в воспоминаниях об Иванове писал: «Слова "мэтр" я всегда не выносил, но надо сказать, что Вячеслав Иванович к оттенку некоего наставника в глубоком смысле действительно подходил. Человек был великой учености, ученик великого Моммзена и крупнейшего немецкого филолога Вилламовиц-Меллендорфа»²³⁷. Андрей Белый в романе «Начало века» упоминал об Иванове, который «обучался у Моммзена, преодолевши историю»²³⁸. Некоторые западные литераторы и литературоведы также связывали Иванова именно с Моммзеном²³⁹. Г. Штайнер называл Иванова не только

²³⁴ *Альтман*. Разговоры с Вячеславом Ивановым. С. 31.

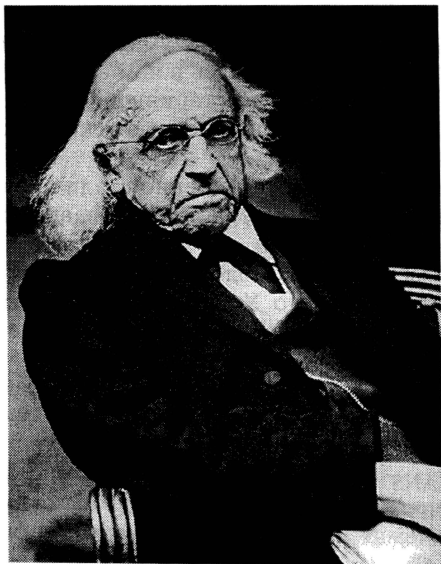
²³⁵ См. *Иванов*. Интеллектуальный дневник. 1888–1889. С. 47.

²³⁶ См. *Иванов Вяч.* De Societatibus Vectigalium Publicorum Populi Romani. СПб., 1910. (на лат. яз.) С. 26. Прим. 137.

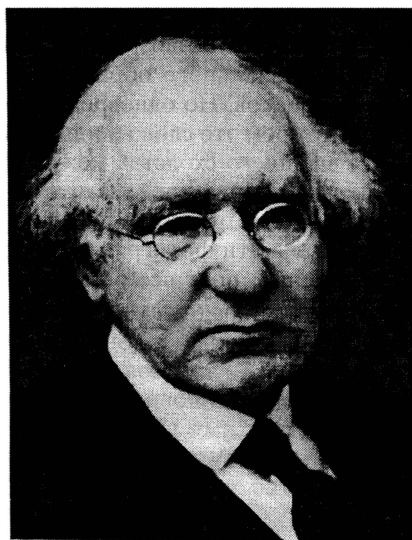
²³⁷ *Зайцев Б.* Вячеслав Иванов // *Иванова Л.* Книга об отце. М., 1992. С. 332.

²³⁸ См. *Андрей Белый*. Начало века. М., 1990. С. 341. Далее Белый пишет: «Так он латынью владел, что свою диссертацию он написал на изящной старинной латыни».

²³⁹ См. *Ivanov Vjačeslav*. Dichtung und Briefwechsel aus dem Deutschsprachigen Nachlaß / Hrsg. von Michael Wachtel. Mainz, 1995. S. 51.

Т. Моммзен

Вяч. Иванов

учеником Моммзена, но даже и другом²⁴⁰. Показательно, что сын Вячеслава Ивановича Дмитрий Вячеславович, прекрасно знающий жизнь отца, германский период его учебы прежде всего связывает с Моммзеном. В одном из интервью Дмитрий Вячеславович говорил: «Благодаря рекомендательным письмам его профессоров он быстро попал в близкое окружение профессора Моммзена. Они очень подружились. В "Автобиографическом письме" он пишет: "Я восхищался каждым, всегда внезапно и нетерпеливым, движением этого щедрого и огненного старика. Моммзену было тогда уже лет семьдесят, может, немного меньше, но в ту эпоху старели быстрее"»²⁴¹.

Более того, некоторые даже усматривали внешние черты сходства между Ивановым и Моммзеном, что, действительно, не было лишено оснований. Андрей Белый, рассказывая о своих встречах с Ивановым в 1909 г. в Петербурге, писал и о внешнем облике поэта, который «явил молодевшим лицом точно пересечение: Тютчева с Моммзеном»²⁴². Можно сослаться и на личные впечатления Ф. Фидлера, который не раз встречался с Ивановым на знаменитой Башне в Петербурге: «Раньше у него была шевелюра, как у Моммзена, теперь от нее мало что осталось ...сидя в кресле, он был очень похож на молодого Моммзена»²⁴³ (март 1911 г.). Ф.А. Степун, вспоминая о встречах с Ивановым, в статье «Вячеслав Иванов» писал: «Как почти все ведущие люди символической школы Вячеслав Иванов был награжден весьма своеобразной и необычной внешностью. В лисьей шубе с выбивающимися из-под меховой шапки космами длинных волос и небольшой рыжеватой бородкой, он зимой в извозчицких санках мало чем отличался от сельского батюшки. Склоненным бледным, впоследствии бритым лицом, напоминающим лицо его учителя Моммзена, над лекторской кафедрой, он в длиннополом черном сюртуке являл собой законченный облик немецкого ученого середины прошлого века. Фрак явно превращал его в музыканта.

²⁴⁰ Ibid. S. 80.

²⁴¹ См. *Обер Рафаэль, Гфеллер Урс. Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым.* СПб., 1999. С. 21.

²⁴² *Андрей Белый.* Начало века. С. 353.

²⁴³ *Азадовский.* Вячеслав Иванов и Ф.Ф. Фидлер. С. 45, 49.

Каждый, мельком взглянув на него, увидел бы в этом скрипаче или пианисте проникновеннейшего исполнителя Бетховена и Шумана. Возраста Вячеслав Иванов был всегда неопределенного. С одной стороны, в нем уже в годы наших частых встреч было нечто старившее его (*maître, maestro*), с другой же – нечто изумительно юношеское. Эта личная безвозрастность подчеркивалась и углублялась в нем вневременностью его эпохального образа: было в нем нечто прелестно старинное, нечто от портретов предков. Но одновременно и нечто явно надломленно-декадентское в том смысле, в котором это слово понималось эпохой рубежа»²⁴⁴.

Черты внешнего сходства между Ивановым и Моммзенем особенно стали проявляться, когда поэт постарел и приблизился к возрасту Моммзена, преподававшего в Берлине молодому русскому студенту.

Взгляните на эти фотографии: старый Моммзен и уже немолодой Иванов – сходство несомненно; поэт все больше стал напоминать своего Учителя. Может быть, подражал ему?

Г.М. Бонгард-Левин

V. IVANOV: «I WENT TO THE GERMANS IN SEARCH FOR TRUE SCHOLARCHIP»

G.M. Bongard-Levin

The great Russian poet V. Ivanov started his career as a classical scholar. For nine semesters he studied under the tutorship of such recognized leaders of German classical scholarship as T. Mommsen and O. Hirschfeld. New archive materials (Ivanov's correspondence with I.M. Grevs whom he met in Paris, with his future wife L. Zinovyeva, archive materials from German Archaeological Institute in Rome etc) shed light on Ivanov's classical studies and the dissertation prepared by him, his contacts with leading German and Russian historians and classical philologists, as well as on the outstanding role which Mommsen played in his life.

²⁴⁴ См. *Стенун Ф.А.* Портреты. СПб., 1999. С. 195–196.

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

КОЛЛЕКЦИЯ АУРЕЛА СТЕЙНА В НАЦИОНАЛЬНОМ МУЗЕЕ ИНДИИ, НЬЮ-ДЕЛИ

Собрание центральноазиатских древностей, носящее имя Аурела Стейна, содержащее почти 12 000 предметов, – самая богатая (качественно и количественно) неиндийская коллекция в Национальном музее в Нью-Дели. Она состоит из настенной живописи, окрашенных шелковых и хлопковых полотен, деревянной скульптуры, изделий из стукко и терракоты, монет, предметов из фарфора, глины, кожи, стекла и волокна, драгоценных изделий из золота и серебра, религиозных и светских документов, написанных на бумаге и дереве на 17 языках 24 шрифтами. Ф.Х. Эндриус разделил коллекцию на следующие категории: каменные орудия и их фрагменты, керамика, бусы, изделия из металла, дерева, стукко, кости, стекла, коралла, кожи, волокна, травы и камыша, печати, ткани, обувь и сандалии, писчие материалы, росписи, рисунки и ксилографы¹.

Коллекция состоит из предметов древности, собранных сэром Марком Аузелом Стейном (родился в Будапеште 26 ноября 1862 г., умер в Кабуле 26 октября 1943 г.) во время трех экспедиций (с мая 1900 г. по июль 1901 г., с апреля 1906 г. по ноябрь 1908 г. и с августа 1913 г. по июль 1916 г.) в восточную часть Центральной Азии. Находки, составляющие коллекцию, были сделаны на месте древних буддистских святилищ, светских построек, военных постов, погребальных сооружений, стоянок, на старых торговых дорогах или около них.

Эти находки были поделены между Британским музеем в Лондоне и Археологической службой Индии сначала в Нью-Дели. Национальный музей был основан позже, в 1949 г. В начале он помещался в Раштрапати Бхаван, резиденции президента Индии. Постоянное же место музея было торжественно открыто вице-президентом Индии С. Радхакришнаном в декабре 1960 г. Коллекция Аурела Стейна была первоначально размещена в Центральноазиатском музее древностей, находившемся под управлением Археологической службы Индии в Нью-Дели, а затем переведена в Национальный музей между 1958 и 1962 г. Крупные фрагменты настенных росписей были перемещены в 1996–1997 гг.

В 1968 г. был создан Отдел центральноазиатских древностей. Ч. Бхаттачарья-Хэснер в 1969 г. привела их частичную проверку. В течение 1980-х годов все единицы хранения были расписаны по двенадцати реестрам, получили инвентарные номера и каталожные карточки; в эти реестры была занесена информация относительно типа предмета, материала, места находки, хронологии, размеров. Объекты, оставшиеся вне Археологической службы Индии и Национального музея, были зарегистрированы в трех дополнительных списках. Ткани, настенные росписи, живопись на бумаге, предметы из дерева и терракоты, рукописи были сфотографированы.

Эти предметы выставлены в двух галереях Национального музея. Коллекция включает три пятых материала, который сэр Аузел Стейн собрал, исследуя маршруты Великого шелкового пути (далее ВШП. – *Прим. переводчика*); остальные две пятых попали в Лондон в Британский музей (рис. 1, 2). Древности, привезенные из третьей

¹ Andrews F.H. Descriptive Catalogue of Antiquities Recovered by Sir Aurel Stein during His Explorations in Central Asia, Kansu and Eastern Iran. Delhi, 1935. P. 1–30.

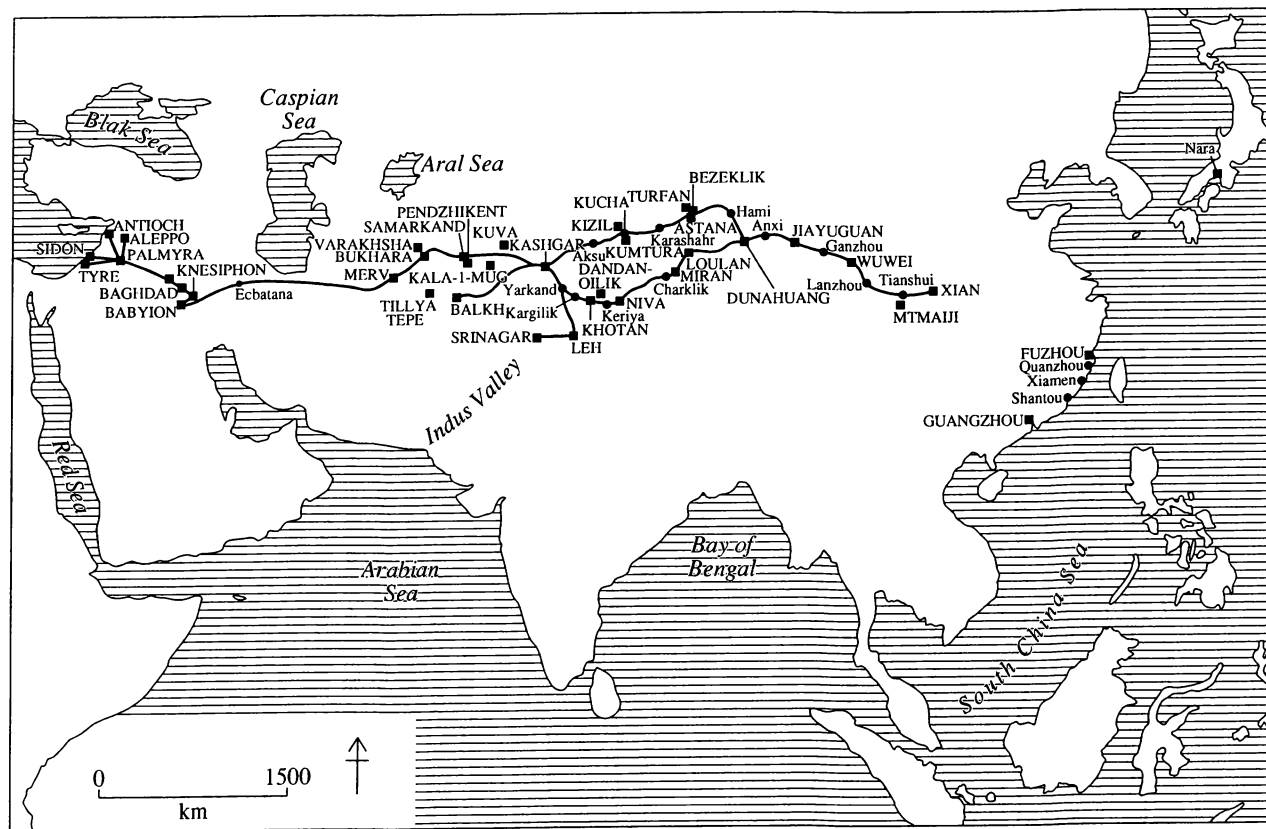

Рис. 1. Карта показывает основные маршруты (дороги) Великого Шелкового пути; заглавными буквами записаны названия, объясненные в отдельных статьях в данном словаре

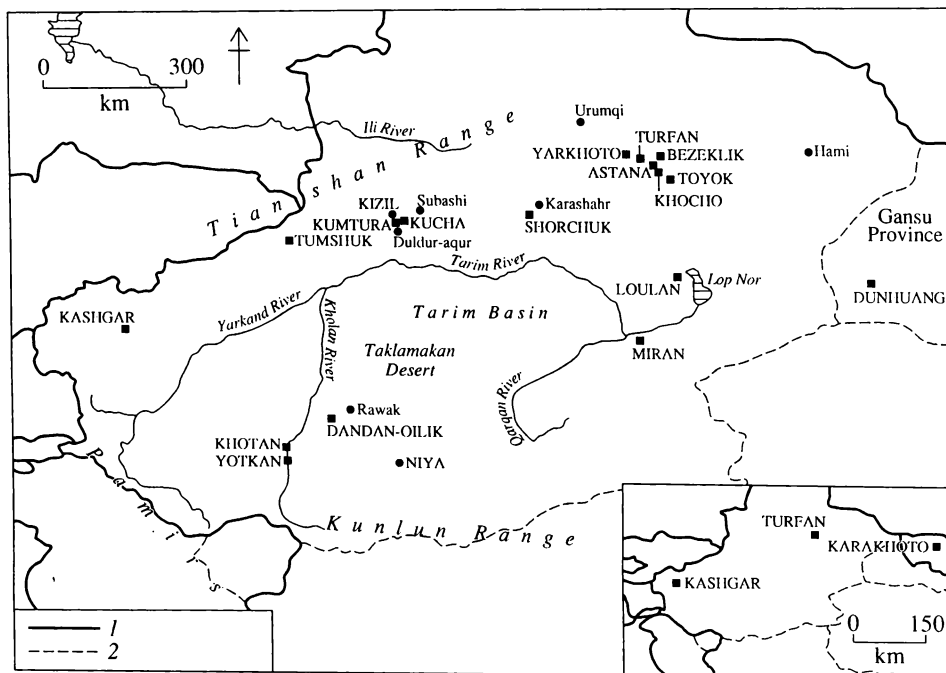

Рис. 2. Карта восточной части Центральной Азии. 1 – границы государств; 2 – границы регионов

экспедиции, должны были остаться в Индии, так как эта экспедиция полностью финансировалась правительством Индии. Они были временно складированы в Сринагаре для проведения экспертизы и каталогизации Ф.М. Лорримером и Ф. Эндрюсом. В марте–апреле 1993 г. в рамках программы культурного обмена между Индией и Венгрией Национальный музей организовал выставку предметов искусства Центральной Азии, а также симпозиум по этой тематике. Новая галерея, представляющая центральноазиатские древности, должна была открыться еще несколько лет назад, но подготовительные работы все еще не завершены; можно надеяться, что ее открытие будет способствовать лучшей сохранности, реставрации и показу настенных росписей.

Настенные росписи

Росписи, вывезенные сэром Аузелом Стейном из китайского Туркестана, могут быть разделены на две группы: из регионов к югу от пустыни Такла-Макан и из районов к северу от нее. В первую группу входят такие городища на ВШП, как Фархад-бег-яйлаки, Балавастэ, Хадальк и Миран. Все городища на северном участке ВШП (Кара-ходжа, Туйук и Безеклик) расположены в районе Турфана. Хронологически росписи охватывают несколько столетий. Время и место создания, этнические, религиозные и ритуальные особенности оказали разностороннее влияние на их сюжет, особенности его передачи и способ изготовления росписи².

Четкие стилевые различия характерны для численно преобладающих росписей, созданных под влиянием индийского и китайского стилей, которые в других случаях в различной степени сочетаются. К югу от пустыни, там, где преобладают индийские

² *Idem*. Catalogue of Wall-Paintings from Ancient Shrines in Central Asia and Sistan, Recovered by Sir Aurel Stein. Delhi, 1933; *idem*. Wall Paintings from Ancient Shrines in Central Asia Recovered by Sir Aurel Stein. L., 1948. P. XVIII.

мотивы, можно найти и следы иранского влияния. На севере характерные черты китайского стиля подверглись влиянию тибетского, уйгурского и, возможно, других направлений. Буддийская традиция – фактор, общий для всех росписей³.

Самые ранние настенные росписи из китайской Центральной Азии, хранящиеся в Национальном музее, происходят из Мирана, расположенного на южном маршруте ВШП. Они иллюстрируют одну из прошлых жизней Гаутамы Будды и являются прекрасными примерами искусства восточных областей Центральной Азии, выполненными около III в. н.э. Росписи Балавастэ, Фархад-бег-яйлаки и Хадалыка в области Домоко приблизительно в 500 милях к западу от Мирана, вероятно, тремя веками моложе. После второй мировой войны, во время которой большие настенные росписи, хранившиеся в Берлине, были разрушены и от них остались только фрагменты, значение Национального музея еще более возросло, так как он стал единственным в мире собранием, имеющим в своей коллекции большое количество крупных настенных росписей из Турфана.

Ткани

Коллекция Аурила Стейна особенно богата тканями. Дело не только в том, что их очень много и они чрезвычайно разнообразны, но и в том, что в коллекции представлены экземпляры ранних и средневековых типов, неизвестных до экспедиций Стейна. Ткани изготовлены из шелка, шерсти, хлопка, а в таких изделиях, как тканая обувь и необычные ажурные сети, вероятно, также из конопли и конского волоса. Предметы датируются временем от I или II в. до н.э. до, возможно, XII в. н.э.

Наиболее древние шелка были обнаружены в могильниках Лоуланя и относятся к первым векам на рубеже нашей эры⁴. Найденные фрагменты шерстяного ковра из Лоуланя и Нии представляют тип как гобелена, так и ворсистого ковра. Эти находки тканей свидетельствуют о древности ткацкого ремесла в Центральной Азии. Помимо богато окрашенных полихромных шелковых изделий и ковров собрание содержит значительное количество одноцветных и многоцветных дамасских шелков.

Крашенная скульптура из стукко и керамика

Самые ранние образцы изделий из стукко происходят из Нии и Мирана (III–IV вв.), но имеются и другие – из Астаны (VII–VIII вв.), Кара-Хото (XI–XII вв.), Пей-тина (VI–VII вв.), Минг-уй (VI–VII вв.), Дунхуана, Шорчука, Хотана и Турфана. Около 2000 изделий, составляющих коллекцию скульптур из стукко, очень хрупки и могут быть повреждены даже вследствие вибрации. На некоторых скульптурах из Астаны не сохранилась глазурь. Фигуры из Мирана – крупные, отлитые по частям, окрашенные темперой и укрепленные алебастром и гипсом.

Терракотовая скульптура

Терракотовая скульптура IV–VI вв. изготовлена на очень высоком художественном уровне, и ее собрание включает в себя очень редкую фигурку обезьяны, несущей ребенка. Значительная часть предметов, приобретенных в Хотане и Йоткане, состоит из терракотовых фрагментов сосудов и более или менее целых статуэток. Глазурированных изделий практически нет; находки представляют собой неглазурированную терракоту, очень богато расцветченную, как правило, прекрасной текстуры, исключительно умело обожженную. Их орнаменты восходят к эллинистическим, иранским, индийским и отчасти монгольским мотивам.

³ *Idem.* Wall Paintings from Ancient Shrines...

⁴ *Idem.* Descriptive Catalogue of Antiquities... P. 18.

Писчие материалы

До изобретения бумаги китайцем Цай Луном (около 105 г. н.э.) материалом, чаще всего использовавшимся в Центральной Азии для письма, было дерево, а в Китае – бамбук. Даже после появления бумаги бамбук продолжал использоваться в Китае еще некоторое время и, как показывают открытия Стейна, в Центральной Азии дерево оставалось распространенным писчим материалом вплоть до III в. н.э. До открытия Стейна в Нисе (1901 г.) характер этих писчих материалов был неизвестен.

Шрифт, чаще всего встречаемый в документах, – тот же самый кхароштки, что применялся при кушанских или индо-скифских правителях в Северо-Западной Индии в первые три века нашей эры, и до того времени известный только на монетах и фрагментах бересты, составлявших рукописи, приобретенные Дютрёй де Реном за несколько лет до хотанских.

Помимо собственно канцелярских принадлежностей из дерева коллекция включает полоски, палочки и дощечки различных размеров и форм. В дополнение к древесине и бумаге (некоторые документы написаны раннесогдийским письмом и датируются временем до 150 г. н.э.), открытие рукописей на коже, бересте и шелке является свидетельством того, что эти материалы также использовались в течение первых трех столетий⁵ н.э.

ЭКСПЕДИЦИИ СТЕЙНА

Первая экспедиция (1900–1901 гг.)

В июне 1900 г. правительством Индии Стейн был назначен на специальную должность с целью проведения археологических раскопок в Хотане. Финансирование, составившее 9000 рупий, было предоставлено правительствами Индии, Пенджаба и Бенгалии. Дополнительная сумма в 2000 рупий была выделена Археологической службой Индии для оплаты типографических работ.

Во время этого путешествия Стейн посетил Гилгит, Хунзу, памирский Тах-думбаш, Кашгар, Яркенд, Хотан, Йоткан, Дандан-уйлык, Нию, Эндере. Открытия Стейна на городище Дандан-уйлык в ходе этой экспедиции высветили раннюю историю этого региона. 29 мая 1901 г. Стейн направился в Россию с шестью пони, нагруженными находками. В Британском музее Отдел индийских древностей предоставил Стейну помещение, и исследователь начал проведение регистрации предметов, число которых доходило до 3000.

Вторая экспедиция (1906–1908 гг.)

Эта экспедиция получила финансирование в размере 5000 фунтов стерлингов, из которых часть (40%) была пожертвована Британским музеем, а остальное – правительством Индии. Маршрут включал посещение Кашгара, Яркенда, Хотана, Хадалыка, Нии, Хархлика, Лоуланя, Мирана, Дуньхуана, Караходжи и Безеклика. Работы увенчались важными открытиями в Ние, Миране и Лоулане, расположенными в Восточном Синьцзяне, и в Дуньхуане в современной провинции Ганьсу.

Третья экспедиция (1913–1916 гг.)

Целью третьей экспедиции было изучение Дарела, Ясина, памирского Тахдумбаша, Таш-Кургана, Кашгара, Хотана, Нии, Эндере, Чарчана, Вашшархи, Чарлика, Мирана, Лоуланя, Кара-Хото, Турфана, Безеклика и Дуньхуана. Находки, сделанные в ходе третьей экспедиции, были отправлены в 182 тяжелых ящиках через Каракумы в Кашмир в июле 1915 г., в том числе более 100 больших ящиков с фресками, включая значительное количество находок такого рода из Безеклика.

⁵ Ibid. P. 24–26.

Результаты этих трех экспедиций должны были окончательно подтвердить то, что культурное влияние античного мира, Ирана и Индии соприкасалось в Центральной Азии с воздействием китайской цивилизации. Четвертая центральноазиатская экспедиция, спланированная в 1930 г. по соглашению с китайским правительством, дала незначительные результаты; однако во время поездок по северо-западу Индии и Ирану с 1927 до 1936 г. Стейн установил наличие связей между самыми ранними культурами долин Инда и Евфрата.

Результаты своей первой экспедиции Стейн представил в трех публикациях: «Preliminary Report of a Journey of Archaeological and Topographical Exploration in Chinese Turkestan» (L., 1901); «Sand-Buried Ruins of Khotan: Personal Narratives of a Journey of Archaeological and Geographical Exploration in Chinese Turkestan» (L., 1903) явились научно-популярным отчетом, а двухтомный труд «Ancient Khotan: Detailed Report of Archaeological Exploration in Chinese Turkestan» (Oxf., 1907) стал научным отчетом ассоциаций древней истории о всех тех местах, которые были обследованы экспедициями. Начало книге положили лекции, прочитанные в Гарвардском университете в декабре 1929 г. Его четвертая экспедиция, предпринятая через год после лекций, потерпела фиаско. Он никогда о ней не писал.

Хотан

Хотан (Khotan/Hotan) представлял собой оазис независимого царства на южном маршруте ВШП в первых веках нашей эры и включал столицу Йоткан и окружающие поселения и храмы. Он был самым тщательным образом исследован Стейном во время его первой экспедиции и повторно посещен им в ходе его последующих путешествий к бассейну р. Тарим. Область Хотанского царства включала, помимо Йоткана, отдаленные территории: крупнейшую на южном маршруте ступу, двор вихары в Раваке, буддийские святилища в Дандан-уйлыке, Фархад-бег-яйлаки, Майалик-Таришлаке, Хадалыке и Балавастэ. Пустыня постепенно поглотила эти районы и укрыла их еще до прихода ислама, вытеснившего отсюда буддизм.

Фархад-бег-яйлаки – большой разрушенный комплекс со ступой: десять зданий, шесть из которых составляли храм, и еще один отдельно стоящий храм. В зданиях имелись настенные росписи, фигуры из стукко и глины. В Хадалыке помимо нескольких жилищ были найдены развалины пяти храмов с интересными росписями. Руины храма и настенные росписи были найдены также в Балавастэ.

Йоткан

Йоткан расположен в восьми километрах к западу от Хотана; считается, что это старая столица Хотана. Археологические обзоры Стейна за 1900–1901 гг. подтверждают данные китайских источников (например, Хоу Хань шу – «История поздней Хань»), которые описывают Йоткан как крупный светский и религиозный центр. Хотя ни одно здание не сохранилось, близлежащая река на глубине 3–7 метров содержит двух-трехметровый слой материальной культуры, включающий керамику, терракотовые фигуры, металл, стеатит, золотые пластины, драгоценности, камеи, печати, монеты и рукописи, которые могут быть датированы I–IV вв. н.э.

Наиболее характерными находками в Йоткане были малые изделия из терракоты и крошечные фигурки животных, некоторые из них, видимо, добуддийские. Их невозможно датировать точно, но эти предметы могут относиться к первым столетиям нашей эры, в то время как само городище, вероятно, существовало вплоть до прихода ислама в VIII в. Находки с городищ на территории древнего Хотана, которые были отправлены в Нью-Дели, количественно и качественно превосходят современную коллекцию Британского музея. Самыми замечательными вещами этой коллекции являются пластины из Дандан-уйлыка.

Дандан-уйлык

Дандан-уйлык – городище, расположенное на восточном краю Хотанского оазиса на южном маршруте ВШП. Стейн исследовал его более двух недель – с 18 декабря 1900 г. по 4 января 1901 г. Были обнаружены остатки шести зданий и 11 культовых построек, возведенных, вероятно, между VII и IX вв.

Стейн и его коллеги раскопали 14 зданий (как храмы, так и жилые помещения) и провели детальный обзор городища. В числе находок были две рукописи (обе хранятся в Британском музее) – канонический текст буддизма махаяны «Праджняпарамита» (санскр. «Совершенство мудрости»), написанный на восточноиранском языке, и санскритская версия «Ваджрачхедика» (санскр. «алмазный нож»; «острый, как алмаз»), а также настенные росписи и небольшие деревянные панели (VIII в., хранятся в Британском музее) с различными мотивами. Росписи из Дандан-уйлыка входят в число прекраснейших предметов всего собрания.

С каждым открытием возрастала очевидность индийского характера искусства: на всех документах, относящихся к V–VI вв., были начертаны буддийские тексты на санскрите, или шрифтом брахми на неизвестном языке. Были также обнаружены настенная роспись и роспись по дереву: одна – на стене святилища, с напоминающей Афродиту фигурой, а другая, по дереву, изображала «Шелковую принцессу». Стейн выслал в Англию рельефы из стукко, фрагменты фресок, рукописей и небольшие статуэтки.

Ния

Городище Ния (китайский Минфен) находится на юго-востоке Синьцзяна (Уйгурская автономная область). В ходе первой и второй экспедиций в 1900–1901 гг. и 1906–1908 гг. Стейн открыл там остатки 41 здания. Большинство из них были жилыми домами, а из культовых строений наиболее важными были зал, храм и ступа.

Под слоем грязи, мусора и соломы были обнаружены слои обширного эпиграфического материала: более 250 документов на дереве и коже. Самые ранние из них относятся к III в. н.э. Были также найдены фрагменты керамики и ткани. Деревянная мебель, найденная в Ние, включает резной деревянный стол из тополя и резные ножки от стула.

Стейн провел там около двух недель: с конца января до 14 февраля 1901 г. Документы на маленьких клинообразных или прямоугольных деревянных табличках из Нии, напоминающие аналогичные находки из Лоуланя, являются одним из наиболее ценных приобретений Национального музея. Язык и шрифт, использованные в них, известны как пракрит и кхароштли из Нии. Другие таблички содержат сообщения на санскрите, согдийском и тохарском языках. На основе палеографии эти таблички датируются не позднее III в. н.э. Эта датировка была подтверждена другими находками: еще одной табличкой со знаками индийского письма брахми кушанского периода, китайскими монетами II в. н.э. и деревянными табличками с китайскими иероглифами, одна из которых была впоследствии точно датирована 269 г. н.э. В ходе раскопок в Ние помимо значительного количества клинообразных табличек были найдены и продолговатые тщательно датированные и закрытые «конвертами», перевязанными нитью и запечатанными глиняными печатями.

Данные палеографии показали близкие связи царства Шаньшань с Северо-Западной Индией. Царство Шаньшань распалось в начале IV в. Многие документы на деревянных табличках были написаны по-китайски. В них содержались отчеты и приказы местным должностным лицам и полиции: жалобы, вызовы, указы о благонадежном поведении или аресте, списки рабочих, утверждения отчетов.

Стейн нашел несколько фрагментов дерева с изящным орнаментом, характерным для ранних скульптур гандхарской школы. Только в первый день он обнаружил более ста деревянных табличек, изготовленных различными писцами. На каждой из них ясно были видны знаки кхароштли – шрифта, использовавшегося в кушанскую эпоху в

Пенджабе и смежных областях, расположенных за Индом. Этот материал, видимо, использовался в основном не китайскими корреспондентами и писцами. Таблички были первыми когда-либо обнаруженными экземплярами индийских записей на древесине: типично «индийские» материалы – листья пальмы и береста – были недоступны населению Туркестана. Эти находки в количественном отношении сопоставимы с общим объемом материала на кхароштки, известного в Индии или за ее пределами, если даже не превосходят его. При последующем анализе надписи на кхароштки, хотя и читались с трудом, показали, что их языком был раннеиндийский праkrit и что их содержанием были не священные тексты, но различные официальные распоряжения.

Еще более замечательными, чем сами таблички, были скреплявшие их глиняные печати. В глине безошибочно различались изображения греческих персонажей: Геракла, Эрота стоящего и сидящего, Афины Паллады со щитом и молнией, а также каменные изображения голов (индийцев и китайцев), очень напоминающие эллинистическую или римскую работу первых столетий нашей эры. Было найдено и несколько документов, написанных на коже шрифтом кхароштки в небольших аккуратных свитках. В развалинах буддийского храма рядом, в Эндере Стейн обнаружил скульптуру из стукко и священные буддийские тексты, которые, как позже установили, оказались древнейшими известными примерами тибетского письма.

Лоулань

Лоулань (древняя Кроайна) был столицей Лоба, через который в древности проходил «центральный» маршрут ВШП. К западу от Лоуланя лежит обширная высохшая долина соленого озера Лобнор, путь через нее в эпоху династии Хань обеспечивал прямую связь с Кучей. До III в. Лоулань, главный город региона, расположенный к северо-западу от озера, являлся восточным пределом древнего царства Шаньшань, защищал западную границу Китая и охранял участок ВШП во II–III вв. н.э.

Лоулань был обнаружен Свенном Гедином в ходе его второй экспедиции в Центральную Азию в 1900 г., и это городище было основной целью второй экспедиции Стейна в декабре 1906 г. Основываясь на исследованиях Гедина, Стейн начал раскопки и открыл ступу и жилой район, окруженный стеной. В зданиях были обнаружены документы (III–IV вв.), написанные на маленьких прямоугольных или клинообразных деревянных табличках по-китайски и шрифтом кхароштки. На клинообразных табличках были нанесены повседневные записи, а на прямоугольных – частные контракты, описи имущества или личные письма. Все документы имели глиняные печати, а орнамент на печатях представлял собой фигурки или китайские идеограммы. Также были найдены резные лакированные детали деревянной мебели.

Находки с этого городища содержали множество изделий, подобных находкам из дуньхуанских дозорных башен: монеты, деревянные ящики для хранения документов, гребешки для волос и пряслица. Чрезвычайная сухость пустыни и полное запустение этого маршрута после IV в. способствовали сохранности многих предметов повседневной жизни, в частности резных деревянных изделий из тополя и предметов мебели. За одиннадцать дней в Лоулане в 1906 г. Стейн обнаружил несколько фрагментов самых ранних изделий из шелка, вытканых на высочайшем уровне и сохранивших свою красивую яркую окраску спустя почти 2000 лет. Эти находки датируются первыми тремя столетиями нашей эры.

В первый день работы экспедиции Стейна были открыты китайские документы на дереве и бумаге; позже был найден небольшой тюк желтого шелка – выцветший, хрупкий, давно забытый остаток товара, сделавший торговые маршруты по Центральной Азии известными во всем мире. В ходе раскопок были обнаружены и деревянные таблички с надписями шрифтом кхароштки. Стейн также нашел полосу белого шелка, на которой была загадочная надпись, выполненная неизвестным шрифтом, напоминавшим арамейский. Оказалось, что это был еще неведомый Стейну и другим первый образец забытого языка Согдианы. Из Лоуланя Стейн послал груз археологических находок на четырех верблюдах.

Миран – буддистский монашеский комплекс и тибетская крепость в современном Синьцзяне (Уйгурская автономная область). Расположенное на южном маршруте ВШП к западу от Лобнора на пути к Хотану, это городище более всего известно благодаря своей настенной живописи III–IV вв., исполненной под явным влиянием искусства Гандхары. Росписи были обнаружены Стейном в ходе его второй экспедиции. Он идентифицировал шестнадцать зданий, хотя от некоторых остались лишь фрагменты. Среди них были две ступы из глиняного кирпича (обозначенные им как М. III и М. V. М. III), с внутренних стен которых он снял прекраснейшие фрески. Все они теперь находятся в Национальном музее.

В Миране были сделаны некоторые наиболее замечательные открытия Стейна. Они оказались в тени находок, обнаруженных позже в Дуньхуане, но они же дали серьезнейшее доказательство того, что западные художественные стили и техника были в совершенстве освоены в Центральной Азии.

Ф. Эндрюс предположил, что концепция и способ исполнения миранских росписей с большой долей вероятности позволяет говорить об их принадлежности к миру индийской культуры. Представленные на них персонажи относятся к индийскому антропологическому типу; предметы их одежды, босые ноги и изображение их рук также выдают индийскую стилистику. Далее, надписи, имеющиеся на росписях, и легенда о присутствии индийской колонии в Хотане во времена Ашоки усиливают вероятность того, что индийские художники, знакомые с буддистским каноном, могли найти применение своему искусству на ВШП. По заключению Эндрюса в миранских росписях нет ничего, что определено было бы заимствовано из китайского искусства⁶. Превосходная сохранность многих фрагментов росписей объясняется тем, что они были погребены под развалинами зданий после их падения. Упавшая каменная кладка также защитила части пьедесталов высотой 2–3 фута⁷.

Начатые Стейном утром 24 января 1907 г. земельные работы в Миране продолжались три недели. Найденные там древности характеризует высочайшая степень сохранности. В тибетской крепости (которую Стейн назвал М. I) было найдено более 1000 документов на тибетском языке, некоторые из них датированы. На их основе можно предположить, что комплекс использовался тибетцами как военный форпост между 775 и 860 гг. Были обнаружены разные официальные бумаги, написанные на повседневном тибетском языке. Их находка, как и их содержание, тем более интересны, что до той поры исследователи почти не имели в своем распоряжении ранних светских тибетских документов.

Каждый предмет, извлеченный из развалин, казалось, превосходил предшествующий по красоте, законченности и исключительному сходству с искусством античного Запада. Сначала была открыта колоссальная голова из стукко, 17 дюймов в диаметре, затем – огромные торсы, к которым эта голова и другие когда-то были прикреплены, позже – изящная расписная фреска, которую Стейн датировал III в. н.э. Это было открытие огромного значения, поскольку в самой Индии не было найдено ни одной художественной работы, соответствующей хронологически и стилистически греко-буддийской скульптуре Гандхары. Дальнейшие раскопки показали наличие и других настенных росписей с типичными для буддийской иконографии сценами; еще больше росписей, чисто светских, в античном стиле было открыто в другом разрушенном помещении. Для транспортировки древностей из Мирана в течение второй экспедиции, включая фрески, настенные росписи, рукописи и документы на дереве, отправленные из Мирана в течение второй экспедиции, потребовалось более шести верблюдов.

⁶ Andrews. Catalogue of Wall-Paintings... P. XXI–XXII.

⁷ Ibid. P. XX.

Предназначенный самой природой для того, чтобы стать важной крепостью и перевалочным пунктом в пустыне Гоби, Дуньхуан был основан в 111 г. до н.э. при династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) императором Уди (140/141–87/89 гг. до н.э.) для защиты Китая от племен хунну, т.е. намного раньше самых ранних сохранившихся пещерных комплексов типа Могао, относящихся к V в. н.э. Позже Дуньхуан стал крайним восточным пунктом всех маршрутов ВШП: южный маршрут шел в Дуньхуан через Хотан и Лоулань, в то время как северный – через Кучу и Гаочан. Отсюда буддийское искусство и религия распространились в глубинные районы Китая.

Дуньхуан был известен под именем Цяньфудун «Пещеры тысячи Будд» (неточный китайский перевод восточнотюркского названия Ming-oi). Согласно надписи 698 г. на северной стене пещеры № 300, основание пещерных святилищ в гротах Могао восходит, вероятно, к периоду шестнадцати царств (366–439 гг.): в 366 г. монах по имени Юэ Дзун вытесал нишу для медитаций напротив утеса Мин-ша.

Этот комплекс непрерывно развивался, начиная с конца IV – начала V вв. при династии Северная Вэй, когда были построены древнейшие известные пещеры, и вплоть до монгольской династии Юань (1227–1368 гг.). В течение этого периода количество строящихся пещер увеличилось: больше тысячи появилось только при династии Тан (618–907 гг.), из которых 492 сохранились и по сей день. В них были обнаружены архитектурные комплексы, скульптура из стукко и настенные росписи. Значение Дуньхуана как буддийского комплекса быстро сошло на нет в XIII в.

Стейн достиг города 12 марта 1907 г. и 16 марта выехал, чтобы осмотреть «Пещеры тысячи Будд». Он исследовал более 60 башен вдоль самого западного предела Великой Китайской стены, находя или в них, или в близлежащих мусорных ямах хорошо сохранившиеся свидетельства ежедневной административной жизни первого столетия нашей эры. Наиболее важной находкой стали датированные надписи на деревянных полосках – древнейшие из обнаруженных к тому времени в Китае письменных материалов. Почти 800 из них хранятся в Британском музее.

Около XI в. тысячи рукописей и сотни окрашенных знамен были запечатаны в одной из пещер Дуньхуана, теперь известной как пещера № 17. Они были спрятаны или для защиты от вторжения тангутов, которые установили власть царства Си Ся в Северо-Западном Китае в 1038 г., или для того, чтобы сохранить их как почитаемые святыни. Стейн был первым европейцем, обнаружившим эту библиотеку и заявившим миру о существовании дуньхуанских рукописей V–XI вв. Они явили человечеству самые ранние письмена на бумаге и древнейшую книгу. Рукописи включают юридические, художественные, религиозные и медицинские документы VII–X вв. и освещают весьма темный период тибетской истории: Дуньхуан находился под прямым контролем тибетцев с 781 по 848 гг. Больше 40 000 этих рукописей теперь хранится главным образом в Лондоне, Париже, Санкт-Петербурге, Пекине, Дуньхуане и Нью-Дели.

Отправленные рукописи заняли семь ящиков, еще пять были заняты росписями на бумаге, шелке, полотне из китайской крапивы, настенными росписями, вышивками, скульптурой из стукко и другими находками. Экспедиция выехала из Дуньхуана 14 июня с багажом, занявшим пять запряженных лошадьми телег. К октябрю 1907 г. прибыли еще 200 свитков из дуньхуанской библиотеки, которые были присоединены к остальной части находок. Теперь добыча Стейна из пещер, за которую он заплатил 130 фунтов стерлингов, помещалась уже на семи верблюдах. Стейн снова оказался в Дуньхуане в марте 1914 г. в ходе третьей экспедиции и в конце того путешествия он наполнил рукописями еще пять сундуков.

Между тем осенью 1909 г. из научной экспедиции по Центральной Азии (1906–1909 гг.) с большой коллекцией свитков и документов, купленных за 90 фунтов стерлингов, вернулся в Париж Поль Пельо (1878–1945 гг.). Все востоковеды Европы узнали об этой библиотеке. Несмотря на экспедиции Стейна и Отани, в пещерах все

еще оставалось почти 20 000 свитков, когда Пельо получил доступ к ним в феврале 1908 г. Это было самое большое когда-либо существовавшее хранилище китайских рукописей. Пельо составил инвентарный список и купил несколько тысяч документов, включая рукописи, иллюстрированные книги и окрашенные знамена, позже размещенные в Национальной библиотеке и Музее Гимэ в Париже. Рукописи включают тексты на тибетском, санскрите, согдийском, восточно-иранском, уйгурском языках и даже иврите. В их число входит пять наиболее древних в мире печатных текстов⁸.

Минг-уй

На северном маршруте ВШП в развалинах городища Минг-уй («Тысяча поселений»), известном еще как Шорчук и Шикшин, Стейн сделал наибольшее количество находок. Большая их часть хранится в Британском музее, а не в Национальном музее, так как из-за хрупкости транспортировать их в Индию было небезопасно. Стейн решил посвятить две недели систематическим раскопкам в Минг-уй. Было найдено около 100 святилищ, где находились украшенные изящной резьбой головы, торсы и бюсты. Из Шахъяра, расположенного в двух днях пути на юг от Кучи, в январе 1908 г. в Хотан было отправлено 24 верблюда, груженных предметами старины. Сам Стейн прибыл в Хотан в начале апреля. 1 августа караван с находками Стейна, состоявший из более чем 50 верблюдов, отправился из Хотана в Индию. Во время поиска буддийских святынь и ступ в Кара-Хото в мае 1914 г. Стейн обнаружил рукописи, рельефы, фрески, фрагменты глазированной керамики и другие предметы.

Турфан

К началу ноября 1914 г. Стейн и его команда, перейдя пустыню Гоби с юго-востока на северо-запад, достигли Турфана. Исследования путешественника в Турфане носили главным образом географический и исторический характер, но они были очень плодотворны и в археологическом отношении: результаты работ, особенно проведенных в Туйуке и Астане, были представлены в «Innermost Asia». Из ряда городищ около Турфана Стейн вывез фрески, часть которых достигала размеров 11 × 16 футов. В феврале 1915 г. он упаковал турфанские находки и на пятидесяти верблюдах вывез их в Кашгар.

Безеклик

Безеклик – крупнейший буддистский комплекс Турфана – лежит в горном ущелье между Кара-ходжа и Муртуком в 56 км на северо-восток от Турфана. Его святилища находятся в нескольких пещерах в скалистых стенах ущелья. Пещеры, обнаруженные в свое время Альбертом фон Лекоком за несколько лет до прибытия Стейна, были в значительной степени разрушены. Но на стенах и сводах сохранилось значительное количество необгоревших глиняных скульптур и настенных росписей; наиболее выразительными из них были те, что изображали сцены *пранидхи*. Эти росписи – свидетельство существования процветающей буддистской общины в Безеклике. Профессора Грюнведель и фон Лекок сняли множество росписей со стен пещерных часовен и увезли их в Берлин. Большинство из них было разрушено при бомбежке Музея этнографии во время второй мировой войны. Сохранившиеся фрагменты ныне находятся в Берлинском музее индийского искусства. В 1914 г. Стейн также вывез целый ряд настенных росписей, использовав для этого более 100 больших ящиков.

⁸ Pelliot P. Les grottes de Touen-houang. P., 1910.

Астана, расположенная в 40 км на юго-восток от Турфана, была громадным кладбищем всего турфанского региона. Насчитывающее более 400 могил, оно охватывает значительную территорию и разделено на три части. Это северо-западная группа с самыми ранними могилами, северо-восточная, состоящая из могил общинников, похороненных позже, и самая поздняя северная группа, предназначенная для местной знати. Документ на дереве, найденный на городище, показывает, что кладбище использовалось до 273 г. н.э. Из других обнаруженных письменных источников следует, что Астана прекратила существование в VIII в. Выяснилось, что большинство захороненных там были китайцами. Могилы были исследованы экспедициями во главе с графом К. Отани в 1902 и 1910 гг. и Аурелом Стейном в 1914 г.

Благодаря китайской традиции оставлять с усопшим те вещи, которые использовались в похоронных обрядах и которые, как считалось, будут ему необходимым в потустороннем мире, мы узнали о разнообразных интересных бытовых изделиях и окрашенных шелках, в которые были обернуты тела покойных и которые были сняты с тел экспедицией Стейна. Также были извлечены погребальная мебель и посуда – деревянные лакированные блюда и подносы, маленькие коробочки «для мелочи» и корзинки, содержащие туалетные принадлежности и деньги, различные виды продовольствия в кувшинах и флягах и маленькие окрашенные статуэтки прислуги, сделанные из дерева и глины. Разнообразие мотивов на шелках варьировалось от вполне китайских мотивов до сюжетов западноазиатского происхождения. В Дели они были перенесены на новую шелковую ткань и бумагу из японского тутового дерева. Материал из Астаны датируется второй половиной VI – серединой VIII в.

Предметы из захоронений включают фигурки всадников, должностных лиц, слуг, придворных дам, опекунов и чудовищ, похожих на тех, которые были обнаружены в Китае в гробницах эпохи Тан. Некоторые сделаны из необожженной глины, другие – из смеси соломы, глины и деревянных стружек, покрытой штукатуркой и окрашенной в яркие цвета. Среди находок этого рода – несколько росписей по шелку, часть из которых находится в Национальном музее в Дели, а другие – в Национальном музее в Сеуле, в Тенри (префектура Нара), и в Музее Шанкокан; они представляют переплетенных Фуси и Нюйва (мифические существа, создавшие, согласно мифу о творении, Вселенную). Также были найдены деревянные модели зданий, значительное количество шелка, шерсти и других тканей.

Хотя некоторые могилы были разграблены, экспедициям Отани и Стейна удалось сделать значительное количество важных находок, включая фигурки из глины и дерева, росписи, множество фрагментов шелка и письменные документы. В 1959 г. в Китае были начаты систематические раскопки, которые до сих пор продолжаются. Обнаруженные предметы уже насчитывают 100 000 единиц. Они размещены в Музее Синьцзяна Уйгурской автономной области в Урумчи*.

Аруп Банерджи

THE STEIN COLLECTION IN THE NATIONAL MUSEUM, NEW DELHI

A. Banerji

The article deals with the Stein Collection in the National Museum of India, which is the richest non-Indian collection of the Museum and contains almost 12 000 artifacts. It consists of the antiquities gathered by Sir Marc Aurel Stein during his three expeditions to Central Asia at the beginning of the XXth century. The author of the article reviews the history of the collection and describes it thematically and geographically according to types of its artifacts (wall-paintings, silk and cotton, sculpture in wood and stucco, coins, jewelry, written documents, etc.) and places of their origin.

* Перевод М.Д. Бухарина.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© 2001 г.

МАРИНОВИЧ Л.П., КОШЕЛЕНКО Г.А. Судьба Парфенона. Москва: Языки русской культуры, 2000. 347 с.

Акрополь – это «верхний город», кремль древнегреческого полиса. Акрополь (как и агора) был обязательным атрибутом полиса. Однако для большинства культурных людей акрополь – один, и пишется он с большой буквы. Это – Акрополь в Афинах, и олицетворением его стал Парфенон – храм богини Афины, покровительницы города. Судьбе Парфенона посвящено культурологическо-историческое исследование двух известных российских антиковедов – Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко. Книга состоит из введения, 15 глав, библиографии, списков сокращений и иллюстраций. Ценным приложением к ней (особенно для читателя-неспециалиста) является словарь архитектурных терминов.

Глава I «Парфенон» представляет собой краткий очерк истории строительства храма. В ней также дается реконструкция Акрополя в классический период. В главе II «Парфенон до Парфенона» строительство Парфенона рассматривается как итог всего предшествующего развития Афин. Авторы справедливо указывают на важность начала разработок каменоломен в Пентеликоне для самой возможности создания храма (с. 35). Глава III «Афина – Панафинеи – Парфенон» повествует об истории возникновения и об особенностях Панафинеи – «праздника единства города и его граждан с богиней-покровительницей» (с. 83). В ней рассматривается знаменитый закон Ликурга 335 г. до н.э., касающийся вопросов организации торжеств.

В главе IV «Строительство Парфенона» рассматриваются предпосылки и осуществление строительной программы Перикла, социально-политическое и культурное значение сооружения Парфенона. Авторы специально затрагивают вопрос о судьбе Фидия и отвергают восходящее к Плутарху мнение о смерти знаменитого скульптора в афинской тюрьме. Глава V «Скульптура Парфенона» посвящена анализу скульптуры знаменитого храма. Авторы приходят к выводу, что «весь скульптурный декор Парфенона представлял собой пластическое отображение основных концепций, господствовавших в афинском полисе эпохи его расцвета» (с. 154). Глава VI «Сокровищница Парфенона» анализирует дошедшие до нас сведения об использовании Парфенона в качестве сокровищницы Афинского государства. Для этого авторы используют данные инвентарных списков, а также сведения, почерпнутые из эпиграмм.

В главе VII «Храм – церковь – мечеть» подробно рассматривается история Парфенона в послеклассическую эпоху. Эпохи римского, византийского, «франкского» и турецкого владычества пощадили Парфенон: первоначальный его облик не претерпел катастрофических изменений. Глава VIII «Взрыв» повествует о предыстории и событиях того страшного дня (26 сентября 1687 г.), когда Парфенон был разрушен взрывом. Речь идет о перипетиях военных действий против Турции вооруженных сил Венецианской республики, которые возглавлял военачальник-авантюрист Отто-Вильгельм Кенигсмарк. Его идея захватить Афины не была продиктована военными соображениями. Обстрел обороняемого турками Акрополя и вызвал взрыв порохового склада, который разрушил Парфенон. В главе IX «Кто виноват?» авторы рассматривают дискуссию среди историков XIX–XX вв. о том, кто виноват в разрушении величайшего памятника античности. Глава X «Время дилетантов» описывает восприятие европейскими путешественниками XVIII в. искусства греческой классики вообще и Парфенона в частности. Винкельман и его современники изменили восприятие европейцами античного искусства: искусство греческой классики стало восприниматься как период расцвета. Но это влекло за собой и опасность окончательного разрушения Парфенона: слишком велик был соблазн привезти в Западную Европу знаменитые «мраморы».

В главе XI «Мраморы лорда Элгина. I. На Востоке» авторы описывают одно из самых драматических событий в многовековой истории знаменитого храма: изъятие из храма 12 скульптур с фронтонов, 15 метоп, 56 плит фриза Парфенона, других архитектурных деталей, а также фигуры одной из кариатид Эрехтейона. Все это стало собственностью британского посла в Турции лорда Элгина, который, заручившись фирманом султана, на собственные средства подготовил и осуществил вывоз в Англию всей этой коллекции. Глава XII «Мраморы лорда Элгина. II. В Англии» посвящена истории коллекции лорда Элгина в Англии и полемике, которая развернулась вокруг приобретения ее английским правительством для Британского музея. Врагами лорда Элгина, в числе которых был и знаменитый поэт Байрон, и такие видные члены «Общества дилетантов», как Р.П. Найт и лорд Эбердин, была устроена настоящая кампания, направленная на дискредитацию коллекционера и занижение стоимости его коллекции. Все это привело к тому, что коллекция была куплена у владельца по явно заниженной цене, что привело к разорению лорда Элгина. В главе XIII «Федор Калмык» рассказывается о русском участнике экспедиции лорда Элгина – российском художнике Федоре Ивановиче Калмыке, который делал зарисовки скульптур Парфенона. В начале XIX в. другой россиянин – архитектор Николай Федорович Алферов описывал и пытался сделать детальные обмеры Акрополя, но этому помешала начавшаяся русско-турецкая война. Его деятельности посвящена глава XIV «Россиянин на Акрополе». В главе XV «Последние испытания?» рассматривается история Парфенона в период войны за независимость, а также в независимой Греции. Авторы специально останавливаются на попытках реставрации Парфенона, которые продолжаются до настоящего времени. Рассказывается и о судьбе «мраморов Элгина»: споры о том, следует ли оставить их в Англии или вернуть Греции, продолжают и по сей день.

Книга Л.П. Маринович и Г.А. Кошеленко имеет много достоинств. Прежде всего следует упомянуть, что это – первое отечественное исследование о Парфеноне, которое охватывает всю его историю. Подчеркну: именно *исследование*, а не архитектурный очерк, обзор и т.п. Авторам удалось донести до читателя свой оригинальный взгляд на исторические события. Несомненный интерес представляет анализ Панафинейских торжеств и их роли в жизни полиса (с. 52 слл.). Безусловной удачей можно считать «реабилитацию» лорда Элгина; обычно его считают варваром и корыстолюбцем; но в действительности этот человек много сделал для популяризации и сохранения искусства древней Греции.

Есть в книге и недостатки, но, впрочем, большинство из них носит скорее технический характер. Так, точная дата (449 г.) предложения Перикла об общеэллинском съезде (с. 38) сомнительна, лучше говорить о середине V в. до н.э. Патрас на с. 226 – это, очевидно, Патры, а на с. 27 авторы рядом используют два варианта одного и того же имени – Тесей и Фесей. Чтобы не вводить в заблуждение читателя-неспециалиста, следовало бы сохранить единообразие. Но эти недостатки никак не могут повлиять на общий (и очень высокий) уровень книги. Следует также отметить высокое качество книгоиздания и осуществленный авторами удачный подбор иллюстраций, добавляющих повествованию наглядности. Книга будет полезна не только специалистам-античникам, но и широкому кругу читателей, интересующихся вопросами искусства, культуры и проблемами сохранения и восстановления исторических памятников.

С.Г. Карпюк

© 2001 г.

А.В. КОЛОБОВ. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха Ранней империи). Учебное пособие по спецкурсу. Пермский ун-т. Пермь, 1999. 128 с.

Внимание, уделявшееся в отечественной науке армии императорского Рима, ни в коей мере не соответствует той исключительно важной, многообразной роли, какую этот институт играл в социально-политических структурах и исторических судьбах империи. Несколько десятков статей и диссертаций, посвященных довольно частным сюжетам, небольшие разделы или попутные характеристики в общих работах по истории Рима и его провинций, главы в обобщающих трудах по истории военного искусства – вот, пожалуй, и все, чем

располагали до настоящего времени специалисты и читатели на русском языке. Независимо от качества всех этих работ такая ситуация выглядит довольно удручающей, особенно в сравнении с уровнем, достигнутым мировой наукой, в которой интенсивное изучение военной системы Римской империи характеризуется в последние десятилетия все большей диверсификацией проблематики, обновлением исследовательских подходов, обогащением источниковой базы, созданием высококачественных монографических работ.

В данном историографическом контексте обнадеживает уже сам факт появления работы А.В. Колобова – по существу первой в отечественной литературе книги, специально посвященной армии эпохи принципата. Ее широко заявленная тема – «Легионы вне полей сражений» – находится в русле современных исследовательских интересов и предполагает обращение к таким ключевым вопросам, как система комплектования легионов, социальный состав и общественный статус командных кадров, рядовых воинов и ветеранов, их экономическое положение, повседневный быт и духовная жизнь. Каждый из названных вопросов имеет богатую историографию, и автор стремится как можно полнее учесть все, что в ней наработано, чтобы показать читателю современное состояние освещаемых проблем. Такая цель закономерна и приоритетна для книги, написанной в жанре учебного пособия по университетскому спецкурсу. Жанр этот, естественно, диктует свои параметры, прежде всего определенное соотношение популяризаторского и исследовательского начал. Отдавая явное предпочтение первому, автор основывается не столько на непосредственном обращении к источникам, сколько на использовании уже сделанных в научной литературе обобщений, изложение которых дополняется отдельными самостоятельными выводами и обсуждением некоторых дискуссионных вопросов. Такой подход в сочетании со стремлением охватить широкий круг сюжетов придает книге характер эпитомы и требует от автора немалого искусства, чтобы сбалансировать все названные компоненты и действительно сказать *multum in parvo*. Первым шагом в этом направлении должно было бы быть четкое определение объекта изучения, подходов и конкретных задач работы. К сожалению, автор практически ничего не говорит по этому поводу, что делает книгу довольно уязвимой для критики, особенно с точки зрения структуры изложения.

Первая из семи глав книги посвящена обзору основных источников и историографии. Стесненный рамками жанра, автор ограничивается лишь минимумом вводной информации, не давая развернутого критического анализа. Беглость обзора, однако, влечет ряд существенных пропусков. В источниковедческой части, к примеру, не упомянуты некоторые важные издания острака и папирусных документов¹. В числе литературных источников стоило бы, наверное, назвать и полнее использовать в основной части свидетельства Ювенала, Светония, Апулея, Сенеки и Плиния Младшего, Элия Аристида («Панегирик Риму»), Псевдо-Гигина (*De mutatione castrorum*), Аппиана и Геродиана. Заметим также, что лишь с очень большой натяжкой Иосифа Флавия, Фронтин, Витрувия и даже Юлия Цезаря можно назвать «профессионалами-военными».

Что касается историографической части, а также ссылок на литературу в примечаниях и библиографического списка в конце книги², то здесь упущений тоже немало, даже если принять в расчет только труды крупнейших специалистов и работы, относящиеся к числу *standard books* или же подробно трактующие проблемы, центральные для книги А.В. Колобова. Игнорирование некоторых работ тем более удивительно, что они вполне доступны и, без сомнения, хорошо известны автору. Полный перечень библиографических пробелов был бы проявлением чрезмерного педантизма. Укажем только на те лакуны, наличие которых заметно искажает реальную историографическую ситуацию. В числе важнейших обобщающих работ по императорской армии нельзя не назвать книгу Г. Уотсона «Римский солдат», выдержавшую несколько изданий, работы М. Гранта и Л. Кеппи, а также содержательную монографию Я. Ле Боека и богатый оригинальными наблюдениями очерк

¹ См., в частности: *Bagnall R.S.* The Florida Ostraca. Documents from the Roman Army in Upper Egypt. Durham, 1974; *Daris S.* Documenti per la storia dell'esercito romano in Egitto. Milano, 1964; *Pighi G.B.* Lettere latine di un soldato di Traiano (P. Mich. 467–472). Bologna, 1964; *Marichal R.* Les ostraca de Bu Njem. Tripoli, 1992. В последние годы появились также новые публикации и исследования документов на деревянных дощечках: *Bowman A.K.* Life and Letters on the Roman Frontier. Vindolanda and its People. L., 1994; *Bowman A.K., Thomas J.D.* The Vindolanda Writing Tablets (Tabulae Vindolandenses II). L., 1994; *Speidel M.A.* Die römische Schreibräfel von Vindonissa: lateinische Texte des militärischen Alltags und ihre geschichtliche Bedeutung. Brugg, 1996; *Adams J.N.* Language of the Vindolanda Writing Tablets: An interim Report // *JRS.* 1995. 85. P. 86–134.

² В этом списке почему-то указано в несколько раз меньше работ, чем в примечаниях, причем отсутствует и целый ряд важных работ, отмеченных самим автором в историографическом обзоре.

Ж.-М. Каррье³. При изучении правового статуса солдат невозможно обойтись без ряда относительно новых исследований⁴. Большой вклад в изучение реалий повседневной жизни и организации императорской армии внесли работы таких видных специалистов, как Р. Дейвиз и М. Спейдель⁵. Среди исследований по римской военной архитектуре можно упомянуть книгу Г. фон Петриковица⁶.

Гораздо шире, чем следует из ссылок А.В. Колобова, и круг работ, посвященных религии и праздникам римских войск, в том числе и в отечественной литературе⁷, в которой, кстати сказать, имеются публикации, прямо относящиеся к теме рецензируемой книги, но никак автором не упомянуты⁸. К положительным моментам библиографического «обеспечения»

³ *Watson G.R.* The Roman Soldier. New York – Ithaca, 1969 (последнее издание вышло в 1993 г.); *Grant M.* The Army of Caesars. L., 1974; *Keppie L.* The Making of the Roman Army. From Republic to Empire. L., 1984; *Le Bohec Y.* L'armée romaine sous le Haut-Empire. P., 1989 (есть также ее немецкий перевод: *Die römische Armee. Von Augustus zu Konstantin der Grosse.* Stuttgart, 1993; А.В. Колобов упоминает только книгу Я.Ле Боека о III Августовом легионе); *Carrié J.-M.* Il soldato // *L'uomo romano / A cura di A. Giardina.* Bari, 1989. P. 99–142. Последнее издание переведено на немецкий и английский языки.

⁴ Например: *Sander E.* Das Recht des römischen Soldaten // *RhM.* 1958. 101. S. 152–191; *idem.* Das römische Militärstrafrecht // *RhM.* 1960. 103. S. 289–319; *Jung J.H.* Die Rechtsstellungen der römischen Soldaten. Ihre Entwicklung von den Anfängen Roms bis auf Diokletian // *ANRW.* II. 14. B. – N.Y., 1982. S. 882–1013; *idem.* Das Eherecht des römischen Soldaten // *Ibid.* S. 302–346; *Lehmann B.* Das Eigenvermögen der römischen Soldaten unter väterlicher Gewalt // *Ibid.* S. 183–284; *Vendrand-Voyer J.* Normes civiques et métier militaire à Rome sous le Principat. Clermont, 1983.

⁵ *Davies R.W.* The Daily Life of the Roman Soldier under the Principate // *ANRW.* II. 1. B. – N.Y., 1974. P. 299–339 (А.В. Колобов ссылается только на работу этого автора, посвященную солдатскому рациону). Наиболее важные работы М. Спейделя вошли в двухтомник, опубликованный в основанной им серии «*Mavors. Roman Army Researches*»: *Speidel M.P.* Roman Army Studies. Amsterdam, 1984; *idem.* Roman Army Studies. V. 2. Stuttgart, 1992.

⁶ *Petrikovitz H.von.* Die Innenbauten römischer Legionslager während der Prinzipatszeit. Opladen, 1975.

⁷ Например: *Renel Ch.* Cultes militaires de Rome. Les enseigns. Lyon – Paris, 1903; *Ankersdorfer H.* Studien zur Religion des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Diss. Konstanz, 1973; *Gilliam J.F.* The Roman military Feriale // *HTHR.* 1954. 47. P. 183–196; *Rüpke J.* Domi militiaeque: Die religiöse Konstruktion des Krieges in Rom. Stuttgart, 1990; *Соловьянов Н.И.* Культы римской армии в Нижней Мезии и Фракии: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1986; *он же.* О культах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в I–III вв. н.э. / Проблемы идеологии и культуры в раннеклассовых формациях. М., 1986. С. 45–62; *Рубцов С.М.* О культах римской армии в Верхней Мезии во II–III вв. // Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья. Барнаул, 1989. С. 84–95. Едва ли правомерно называть интересной публикацией по вопросу о религии римской армии очень краткую рецензию Г.А. Кошеленко (ВИ. 1963. № 4. С. 186–187) на небольшую статью: *Richmond I.* The Roman Army and Roman Religion // *Bulletin of the John Rylands Library.* 1963. 45. P. 185–197.

⁸ См., в частности: *Болтинская Л.В.* К вопросу о путях укрепления римской армии при Юлиях-Клавдиях // Вопросы всеобщей истории. Вып. 3. Красноярск, 1973. С. 3–17; *она же.* К вопросу о принципах комплектования римской армии при Юлиях-Клавдиях (по военным дипломам) // Там же. С. 18–23; *она же.* Положение солдат римских легионов в период правления династии Юлиев-Клавдиев // Социально-экономические проблемы истории древнего мира и средних веков. Красноярск, 1977. С. 3–17; *Смышляев А.Л.* Септимий Север и principes // *Вестник МГУ.* Сер. 9. 1976. № 6. С. 80–91; *он же.* Об эволюции канцелярского персонала Римской империи в III в. н.э. // *ВДИ.* 1979. № 3. С. 60–81; *Садовская М.С.* Римский форт Виндоланда. К вопросу о романизации Британии в I в. н.э. // Из истории античного общества. Горький, 1988; *Парфенов В.Н.* К оценке военных реформ Августа // *АМА.* 1990. Вып. 7. С. 65–76; *он же.* Ранний принципат: военно-политический аспект. Автореф. дис... докт. ист. наук. Саратов, 1995; *Евсеенко Т.П.* Военная реформа Октавиана Августа (социально-политический аспект). Свердловск, 1986 (деп. в ИНИОН, № 25705); *он же.* Об эффективности военной реформы Октавиана Августа // Политическая организация и правовые системы за рубежом: история и современность. Свердловск, 1987. С. 48–54; *он же.* Армия и общество в Римской империи эпохи раннего принципата // *Вест. Удмуртского ун-та.* 1995. № 5. С. 17–26; *Кадеев В.И., Мартымянов В.П.* О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первые века н.э. // *АМА.* 1990. Вып. 7. С. 77–86; *Емушченко А.А.* Роль ветеранов в романизации Дакии // Политика и идеология в древнем мире. М., 1993. С. 95–103. Кроме того, совсем недавно в русском переводе вышло энциклопедическое издание: *Дююи Р.Э., Дююи Т.Н.* Всемирная история войн. СПб. – М., 1997. В первом томе этого труда имеются очерки о развитии римской военной организации и богатый иллюстративный материал. Из работ, появившихся после выхода рецензируемой книги, полезные иллюстрации и сжатую популярную характеристику римской императорской армии содержит небольшая книжка И.А. Гольженкова

книги А.В. Колобова следует отнести привлечение большого числа исследований польских, словенских и хорватских авторов, чьи работы на славянских языках обычно игнорируются в западной историографии. Конечно, исчерпывающая полнота историографической картины не является для учебного пособия столь же обязательным требованием, как для научной монографии. Но без тщательного учета и отбора литературы, в первую очередь отечественной, едва ли достижима и собственно дидактическая цель – четко и разносторонне ориентировать студентов и начинающих исследователей в изучаемой области.

Во II главе главный предмет рассмотрения – социальный состав солдатского контингента и офицерских кадров. Говоря об особенностях и тенденциях развития системы комплектования, автор отмечает, что ориентация государства при наборе легионеров на «средние слои» обуславливалась как политическими причинами (благонадежностью по отношению к императорской власти зажиточных муниципалов Италии и романизованных провинций), так и стремлением обеспечить должную боеспособность войск за счет достаточного уровня образования и воспитания новобранцев. Подчеркивается и региональная специфика источников пополнения легионов на западе и востоке империи. По мнению А.В. Колобова, в комплектовании расположенных в восточных провинциях частей проявились черты, характерные для эпохи эллинизма. В частности, здесь военная служба рано обрела черты наследственного занятия, и легионы пополнялись в значительной степени из представителей авторитетных семейств или даже аристократических родов небольших городских общин. Преобладание же, которое в составе западных легионов в последней трети I в. над жителями Италии получили романизованные кельты и иберы, объясняется переориентацией клиентских связей династии Флавиев с общин Италии на города римского права в Испании и Галлии. Нельзя сбрасывать со счетов и желание местной верхушки стать «настоящими римлянами» посредством службы в легионах. По утверждению автора, для младших сыновей в больших патриархальных семьях, с учетом принципа майората при наследовании отцовского имущества, имела значение и материальная заинтересованность (с. 15). Здесь содержится явная ошибка: в римском праве майората никогда не существовало. Кроме того, словосочетание «большая патриархальная семья» следует употреблять осторожно, так как оно является термином для обозначения семейной домоводной общины (на с. 23 «большая патриархальная семья» даже названа одним из основных институтов античного общества). В Риме же еще до установления империи утвердилась нуклеарная семья, в которой взрослые дети, как правило, жили отдельно от родителей.

Изменения в комплектовании при Антонинах и Северах затрагиваются довольно бегло. Отмечается только, что во II в. происходит переход к местному набору и складывается несколько региональных вариантов пополнения легионов, а к концу этого столетия под воздействием внешнеполитических и социально-экономических факторов качество новобранцев падает, что негативно сказывается на боеспособности армии. По мнению автора, на ухудшение социальных источников комплектования указывают деградация воинских эпитафий и уменьшение общего количества солдатских надписей. Реформы Септимия Севера на время решили проблему качества легионных контингентов, но способствовали срастанию армии с населением приграничных зон и ее отрыву от жителей остальной империи. Все эти положения верны и давно приняты в научной литературе. Ошибочно, однако, утверждение на с. 16 о том, что Севером была установлена обязательная военная служба для детей ветеранов в пограничных провинциях. Некоторые моменты рассматриваемой темы заслуживают, на наш взгляд, более подробного рассмотрения или по меньшей мере упоминания. Среди них: вопрос о степени романизованности тех новых граждан из числа провинциалов, которые поступали в легионы⁹; проблема так называемых «лагерных детей» – солдатских сыновей, родившихся в канабах и указывавших в качестве места рождения лагерь; наконец, морально-идеологические аспекты политики качественного рекрутирования. Что касается последних, то надо иметь в виду, что в античности социальные критерии никогда не мыслились в отрыве от моральных. Показательно, что Август, действуя в консервативно-реставраторском духе, стремился утвердить традиционные представления о

«Армия императорского Рима. I–II вв. н.э.» (М., 2000), не лишняя, впрочем, некоторых огрехов. Гораздо более ценно издание русского перевода известной работы: *Коннолли П.* Греция и Рим. Энциклопедия военной истории / Пер. с англ. С. Лопуховой, А. Хромовой. М., 2000. (В этом списке нельзя не упомянуть и монографию А.В. Махлаюка «Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности» (Нижний Новгород, 2000), опубликованную уже после появления книги А.В. Колобова. – *Прим. ред.*)

⁹ Детальное обсуждение этой проблемы см. *Le Bohec.* L'armée romaine... P. 96 suiv.; *idem.* La III-e légion Auguste. P., 1989. P. 522 suiv.

службе в легионах как о почетной миссии, которую не могли выполнять лица, запятнанные низким происхождением или бесчестьем. Без учета этой интенции трудно дать объяснение некоторым фактам, например, тому, что при поступлении на службу в легион нужно было предоставлять рекомендательные письма, или тому, что некоторые правонарушения со стороны воинов (воровство в бане или прелюбодеяние) наказывались при определенных обстоятельствах строже, чем похищение чужого оружия или дезертирство¹⁰.

Соответствующие консервативные нормы действовали и при назначении командных кадров. Одним из парадоксов римской военной системы было, как известно, отсутствие профессиональных «генералов», особой касты высших офицеров. Наряду с сохранением принципа «гражданин-солдат» в легионах, в императорский период государственная карьера строилась на сочетании военных и гражданских постов. В армии существовал и такой пережиток тимократической системы, как монополия высших сословий на военное командование¹¹. На практике, как указывает автор, было две группы высших военачальников сенаторского ранга: «полководцы-любители», малокомпетентные в военном деле, которые обычно назначались в спокойные провинции, и так называемые *viri militares*, преимущественно выходцы из «новых сенаторов», а то и из всадников, которые в ускоренном порядке проходили гражданские должности, но командные посты в армии занимали неоднократно, чаще всего в провинциях со сложной военной обстановкой. Годичная должность *tribunus laticlavus*, с которой начиналась сенаторская карьера, являлась для большинства юных членов высшего сословия чисто формальной ступенькой на пути к квестуре и была связана главным образом с штабной, «бумажной» работой. Более важное значение имели офицеры всаднического ранга, *tribuni angusticlavii* и префекты разных рангов, которые в I–II вв. были, как правило, представителями муниципальной аристократии средней Италии и наиболее романизованных провинций. Автор отмечает, что просографические исследования ставят под сомнение существующее представление о всаднических трибунах как чисто штабных офицерах. Многие из них обладали необходимой компетенцией и опытом для выполнения ответственных заданий, нередко занимали армейские посты в одном и том же регионе, что позволяет предположить их профессиональную специализацию. Впрочем, при поступлении на военную службу немалое значение имели земляческие связи и патронат высших должностных лиц или самого императора.

Социальное происхождение и протекция влияли и на карьеру центурионов, хотя большинство из них все же добивались чинов собственными заслугами. Существовала особая группа центурионов, состоявшая из представителей муниципальной аристократии, получавших центурионат после выполнения городских магистратур, без предварительной военной службы, а также из отдельных всадников, неспособных по каким-то причинам пройти обычные ступени всаднической карьеры. Именно такие центурионы чаще – по сравнению с теми, кто достигал этого звания из рядовых, – получали посты примипила и префекта лагеря. Современные историки обоснованно усматривают в таком обычае и в «непрофессионализме» высших командиров одну из слабостей римской армии¹². Следует, однако, учитывать, что, судя по некоторым указаниям источников, знатность военачальников имела немаловажное значение для самих легионеров, желавших видеть над собой людей благородного происхождения¹³. Отметим также, что говорить о соответствии ранга центуриона званию старшины или фельдфебеля в современных армиях (с. 17) можно только применительно к периоду Республики. В эпоху принципата их статус с точки зрения полномочий, размера жалованья и перспектив карьеры значительно возвышался над положением простых солдат.

Содержание III главы нельзя признать в полной мере адекватным ее названию – «Место легионеров в обществе Римской империи». По сути дела, эта обширная тема сводится к вопросу об имущественном положении солдат, в рассмотрении которого главное место уделено лагерному пекулию. Но происхождение и юридическая сущность последнего характеризуются очень поверхностно и неточно. Так, в пользу мнения о том, что *peculium castrense* возник в самом начале Империи, а то и при Цезаре, автор ссылается на сообщение

¹⁰ Подробнее см. *Vendrand-Voyer*. Op. cit. P. 82–86; *Махлаук А.В.* Полисная идеология и система комплектования римской императорской армии // *Античный мир. Материалы научной конф.* Белгород, 1999. С. 45–54.

¹¹ *Alföldy G.* Die Generalität des römischen Heeres // *BJ.* 1969. 169. S. 241; *Carrié*. Op. cit. P. 104.

¹² *Le Bohec.* L'armée romaine... P. 78.

¹³ *Lendon J.* Empire of Honour. The Art of Government in the Roman World. Oxf., 1997. P. 242–243 с указанием источников.

Диона Кассия (60. 24.3), согласно которому в период правления Клавдия солдаты «имели права женатых людей»¹⁴. Но, как известно, права женатых людей, согласно законам Юлия и Папия, касались не распоряжения имуществом, а возможности принимать наследство. На с. 24 ошибочно говорится, что *pater familias* обладал властью над своими сыновьями до тех пор, пока они не женятся, и поэтому солдаты после официального запрета вступать в брак оказывались в зависимости от отцовской власти вплоть до выхода в отставку. Но *patra potestas* никогда не прекращалась в результате женитьбы подвластного сына. Следовало бы уточнить, что при Августе сын-воин мог свободно распоряжаться своим лагерным имуществом (*bona castrensia*) лишь на случай смерти (*mortis causa*). Только позднее это имущество было признано полной собственностью подвластного *filius familias*, а при Адриане это положение было распространено и на имущество ветеранов (*Inst.* 2.12 pr.). В самой тесной связи с феноменом лагерного пекулия находится и такая существенная привилегия, как право составлять завещание без соблюдения положенных формальностей и без ограничения круга наследников. Это право «свободного» завещания впервые было предоставлено солдатам еще Цезарем, а затем подтверждалось другими правителями¹⁵. Наследственное право военных получило дальнейшее развитие при Антонинах и Северах¹⁶. В литературе высказывалась мысль, что по своему происхождению лагерный пекулий и *testamentum militis* связаны с донативами, половина которых сохранялась в кассе воинской части до отставки легионера, и причины их появления не только политические – «сделать военную службу более привлекательной для добровольцев и укрепить отношения патроната-клиентелы императора и солдат», как указывает А.В. Колобов (с. 24), – но и собственно военные: необходимость упрочить внутреннюю сплоченность подразделений, корпоративный дух военных¹⁷.

Трудно, далее, согласиться с мнением автора, что до правления Северов наиболее существенным источником материального обеспечения солдат была военная добыча. Все же в первые века Империи крупные завоевания были сравнительно редки, и многие легионы на протяжении десятилетий не участвовали в серьезных боевых действиях. Разумеется, солдатский *stipendium*, из которого производились отчисления на питание, одежду, снаряжение и т.д., не мог быть источником значительных сбережений, по крайней мере до Септимия Севера, существенно увеличившего жалование воинам. Правильно отмечено, что *stipendium* и донативы вполне вписывались в полисные традиции и даже подчеркивали римско-гражданский статус легионов (с. 24). Нужно только более определенно подчеркнуть, что уровень материального благосостояния солдат определялся всей совокупностью выплат, получаемых на службе и по выходе в отставку, а также налоговыми и прочими льготами. Без учета всех этих доходов и преимуществ трудно объяснить, чем армия привлекала ВЫХОДЦЕВ из средних слоев и почему легионеры мирились с неизменным размером жалования на протяжении столь долгих периодов времени. Общий вывод о том, что с I по III в. материальное положение легионеров улучшалось, а их правоспособность¹⁸ расширялась, безусловно верен. Не следует только забывать, что в интересах военной дисциплины солдаты были лишены некоторых прав римского гражданина, например, права апелляции в случае вынесения военачальником смертного приговора. К сожалению, за рамками книги остались многие интересные аспекты темы (восприятие солдат в общественном мнении, взаимоотношения военных и «штатских», влияние военного присутствия на экономическую и демографическую ситуацию в зонах дислокации и т.д.).

Глава IV – «Легионные ветераны в имперском обществе, экономике и системе управления» – по сравнению с предыдущей оставляет гораздо более целостное впечатление. В ней сбалансированно освещены основные этапы развития ветеранского обеспечения, характер колонизации, юридические привилегии, получаемые легионными ветеранами и членами их семей. Затронуты и некоторые дискуссионные вопросы, касающиеся ветеранского землевладения и статуса легионных канаб. Правда, вопрос о роли ветеранов в системе управления остался по сути дела нераскрытым. Автор справедливо отмечает, что, наделяя

¹⁴ Дословно этот пассаж звучит так: «... воинам, поскольку они не могли по закону иметь жен, (Клавдий) предоставил привилегии женатых людей» (*τὰ τῶν γεγαυμένων δικαίωματα ἔδωκε*).

¹⁵ *Gai.* II. 109–111; *Ulp. Reg.* 20. 10; D. 29.1. 1 pr. (*Ulp.* 45 ad ed.). В последнем фрагменте Ульпиан называет пожалование этого права «величайшей милостью в отношении воинов» – *plenissima indulgentia in milites*.

¹⁶ Подробно см. *Vendrand-Voyer.* Op. cit. P. 179 suiv., 214 suiv.

¹⁷ *Ibid.* P. 184–187.

¹⁸ А.В. Колобов по ошибке употребляет слово «дееспособность» (с. 27).

ветеранов земельными участками в Италии, императоры в первую очередь заботились об увеличении личной клиентелы и возрождении слоя мелких и средних землевладельцев, которые составляли важный социальный оплот принципата. Но ветеранское землевладение в Италии не могло предотвратить концентрации земельной собственности в руках латифундистов и не имело перспектив, прежде всего в связи с процессом провинциализации легионов. Большие перспективы имело ветеранское землевладение в провинциях, где рядом с военными лагерями или на их месте создавались колонии ветеранов. Еще более широкое распространение в период Ранней империи получило наделение ветеранов землей в приграничных муниципиях. Подобное пенсионное вознаграждение, как полагает А.В. Колобов, давало ветеранам возможность стать типичными сельскими жителями, которые проживали на своем участке и вели небольшое хуторское хозяйство силами своего семейства и нескольких рабов. Такие ветераны были различными узлами связаны с гарнизонами на лимесе, продолжали воспринимать себя как часть армии и чаще всего не принимали активного участия в жизни близлежащих городов. С переходом в начале II в. к местному комплектованию легионов все больше ветеранов оседало в окрестностях лагеря, селах (*vici*) или канабах, где бывшие легионеры занимались преимущественно ремеслом и торговлей, а то и просто просиживали остаток дней в таверне за кружкой пива. Ветераны-канабарины вместе с остальными римскими гражданами составляли здесь особую форму римско-гражданского коллектива, характерную для приграничных провинций, – корпорацию *cives Romani consistenses ad legionem* и часто занимали руководящие должности в Совете поселка. Как показывают новейшие исследования, урбанизация в зоне лимеса шла не столько через наделение канаб правами муниципия, сколько через наделение статусом города *vici*, расположенных рядом с гарнизонами. Насыщение *vici* римскими гражданами, способными выполнять обязанности декурионов, в значительной мере осуществлялось за счет ветеранов. Касаясь дискуссионного вопроса о том, являлось ли ветеранское землевладение формой крестьянского хозяйства или вариантом рабовладельческой виллы, А.В. Колобов, в определенной степени противореча собственному мнению, высказанному выше, относит земельные владения легионных ветеранов к разновидности мелкорабовладельческого и отчасти ориентированного на рынок хозяйства типа виллы. В позднеримские времена земля стала передаваться ветеранам уже не в собственность, а во владение, и размеры их участков сократились до величины крестьянских наделов. Однако в период потрясений III в. именно зона лимеса, где сформировалось своеобразное «милитаризованное общество», стала опорным краем державы. Патриотизм пограничного населения и войск, сохранявших верность *imperium Romanum*, в немалой степени помог римскому государству пережить кризис. Вместе с тем, как отмечает автор, ветераны III в. были людьми, далекими от подлинной культуры греко-римского мира, в своем быту и мировоззрении они ориентировались не только на римско-италийские образцы, но и на нравы и обычаи местной, лишь частично романизованной аристократии.

Глава V – «Будни солдатской жизни» – читается с интересом. Кратко остановившись на боевой подготовке легионеров¹⁹, автор подробно рассматривает их повседневные обязанности (*munera*), связанные прежде всего с многочисленными строительными работами. По словам А.В. Колобова, ни одна армия, за исключением советской, не строила столько, сколько римская. Большое внимание в данной главе уделено устройству легионных лагерей и пограничных оборонительных сооружений. Последние автор называет даже прототипом таких «монстров» фортификации XX в., как линии Мажино и Маннергейма. Такое утверждение вряд ли правомерно, если учесть, что по своему характеру и задачам римский укрепленный лимес коренным образом отличался от современных фортификационных сооружений. Стоило бы указать, что в функционировании лимеса важнейшую роль играли рокадные дороги, позволявшие быстро перебрасывать дополнительные силы на наиболее угрожаемые участки. Отмечается, что на плечах римских солдат лежало также сооружение и обустройство дорог, акведуков, гражданских объектов в провинциальных городах, а также работы по добыче полезных ископаемых. Кроме того, легионы должны были в немалой мере самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и некоторыми ремесленными изделиями, хотя основная тяжесть снабжения войск ложилась на население приграничных территорий, обязанное поставлять продовольствие по фиксированным ценам или в виде повинности. Задача по обеспечению войск решалась в целом успешно.

¹⁹ На с. 45 А.В. Колобов как вполне достоверный факт принимает сообщение Светония (*Galba*. 6.3) о том, что Гальба, будучи легатом Верхней Германии, со щитом в руках пробежал во время учений за колесницей императора Калигулы 20 миль. Цифра здесь явно преувеличена.

Солдатский рацион, который автор описывает с увлечением, отнюдь не был вегетарианским. Солдатскую диету разнообразили мясо жертвенных животных, рыба и морепродукты, а также дичь, добываемая на охоте. Несомненно, римские легионеры знали толк в винах и прочих напитках, вроде фруктового коктейля *conditum tinctum*, рецепт которого приводится на с. 54. Достаточно качественное питание, интенсивная физическая активность и эффективная медицинская помощь обеспечивали солдатам лучшее здоровье по сравнению с гражданскими лицами. Досуг большинства легионеров был незатейлив: таверны и лупанары занимали в нем главное место. Но некоторые солдаты, несмотря на неустроенность и напряженность гарнизонного быта, умудрялись обзаводиться постоянными семьями вопреки официальному запрету на брак. Правда, по заключению автора, легионеры, обремененные семейными узами, заканчивали службу чаще всего рядовыми. Но до эпохи Северов семейные солдаты находились в явном меньшинстве.

Затрагивается в этой главе и система наказаний в римской армии. Обоснованно подчеркивая, что она основывалась на страхе потерять уважение сослуживцев и императора-патрона, автор не совсем аккуратен в некоторых деталях. В частности фраза о том, что «децимации мог быть подвергнут и отдельный солдат...» (с. 57), лишена смысла, если принять в расчет значение самого термина «децимация». Неточно утверждение, что относительно эпохи принципата источники лишь однажды сообщают о применении децимации²⁰. Проводить децимацию император или наместник провинции мог в силу своего империя, а не на правах *pater familias*, как указано на с. 57. На этой же странице говорится, что в III в. до н.э. был принят закон о смертной казни для уклонявшихся от военной службы. В данном случае автор механически повторяет ошибку, закрашивая в книгу Е.М. Штаерман, на которую он ссылается²¹.

Солидное место в рецензируемой книге отводится религиозной жизни легионов и военным праздникам. Посвященная этой теме VI глава включает также довольно обширное отступление, в котором рассматриваются знаки воинского отличия – *dona militaria*. Включение данного вопроса в главу о религии представляется не совсем органичным, хотя связь *dona militaria* с воинскими церемониями и религиозными воззрениями не подлежит сомнению. На наш взгляд, боевые награды логичнее было бы рассматривать в контексте профессионально-корпоративных ценностей армии и выполнения ею собственно военных задач: все же в Риме знаки отличия за немногими исключениями²² вручались за подвиги, совершенные на полях сражений. Вместе с тем, бросается в глаза отсутствие всякого упоминания о триумфе, церемония которого была пронизана религиозным содержанием в гораздо большей степени, чем описанные автором парады, проводившиеся по разному рода торжественным случаям. В эссе о наградах стоит, однако, отметить интересный анализ фалер с изображением «Амура», которые каталогизированы в Приложении²³.

Основная часть главы ни по своему содержанию, ни по структуре изложения не вызывает возражений, в целом достаточно полно освещая религиозно-культурную практику императорской армии. Можно высказать лишь несколько замечаний уточняющего характера. Феномен «военной религии» (*religio castrensis* – Tertul. Apol. 16. 8) действительно возник вместе с образованием в Риме постоянной армии и представлял собой своеобразную комбинацию различных культов, ритуалов и идеологем, призванных обеспечить лояльность

²⁰ Кроме приводимой ссылки (*Tac. Ann.* III. 21), можно указать на свидетельства о применении децимации Гальбой в отношении так называемого Флотского легиона, созданного Нероном: *Tac. Hist.* I. 6. 2; 87. 2; *Suet. Galba.* 12.1; *Plut. Galba.* 15; *Dio Cass.* 64. 3. 4.

²¹ Е.М. Штаерман (Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987. С. 97), ссылаясь на Тита Ливия (X. 36.11), пишет, что в 293 г. до н.э., во время третьей Самнитской войны, консул Папирий Курсор установил закон, по которому голова юноши, не явившегося на призыв или дезертировавшего, посвящалась Юпитеру, очевидно, как богу римской боевой славы, прообразу триумфатора, оскорбленному солдатом, отказавшим императору в повиновении. Однако в соответствующем месте у Ливия (X. 38. 2–3, а не X. 36.11) речь идет не о римлянах, а о самнитах, которые привели своих воинов к присяге по некоему древнему обряду и неснянному закону. Конечно, не исключено, что такого рода закон (*lex sacrata*) существовал и у римлян, но прямых указаний на это в источниках нет. Зато достаточно богатый материал о дезертирстве и прочих воинских преступлениях содержится в 49-й книге Дигест, материал которых почти не привлекается А.В. Колобовым.

²² См. *Maxfield V.A. The Military Decorations of the Roman Army.* L., 1981. P. 114–115. О ценностном значении наград см. *Махлаюк.* Армия... С. 167 сл.

²³ См. также *Колобов А.В., Мельничук А.Ф., Кулябина Н.В.* Римская фалера из Пермского Приуралья // ВДИ. 1999. № 1. С. 46–52.

войска правителю и приобщить провинциализирующиеся легионы к системе римских духовных ценностей. Но при этом необходимо подчеркнуть и собственно военные функции *religio castrensis*: она во многом определяла воинский этос и поведение солдата в бою, служила сплочению частей и подразделений²⁴. Следует сказать и о том, что римский военный лагерь представлял собой особый религиозный микрокосм, имевший определенную сакральную структуру и божественных покровителей²⁵. К характеристике автором культа знамен стоит добавить, что этот культ, как и некоторые другие, имел, судя по всему, определенно выраженную региональную специфику²⁶. Что касается присяги, то вряд ли можно категорически утверждать, что в императорской армии все воины хором произносили ее слова, в отличие от республиканского времени, когда текст зачитывал один человек, а остальные хором повторяли «*idem in me*». Вполне вероятно, что сама процедура принесения присяги в эпоху Империи не изменилась²⁷. Во всяком случае, источники не позволяют судить о деталях этой церемонии.

Заключительная глава «Снаряжение римского легионера» интересна прежде всего как компендиум всего богатого фактического материала, который дает в распоряжение исследователя военная археология, давно ставшая специализированной областью. Учитывая результаты новейших исследований в этой области²⁸, А.В. Колобов подробно описывает индивидуальное наступательное и оборонительное вооружение легионеров, прослеживает основные линии его развития, связанные как с изменениями в составе противников и в тактике, так и с возникновением той или иной моды. Вполне обоснован и общий вывод автора, что, несмотря на отличие боевого снаряжения легионеров от вооружения других родов войск, оно было достаточно вариабельным и в незначительной степени определялось регионом, в котором располагалась воинская часть, а также характером боевого снаряжения противника (с. 82).

Основной текст книги удачно дополняется приложениями. Первое из них представляет собой таблицу, включающую сведения о легионах эпохи принципата: название и почетные наименования, период существования, места дислокации и эмблемы. Приложение 2, как говорилось выше, содержит каталог римских фалер с изображениями «Амура». Наиболее ценным является Приложение 3 – «Латинско-русский военный словарь (эпоха принципата)», включающий около 430 слов и выражений. Это первый в отечественной литературе подобный глоссарий. По замыслу автора, он включает слова, относящиеся «исключительно к легионам» (с. 103). Такое ограничение по роду войск и хронологическому периоду представляется не совсем правильным, да и труднодостижимым. По существу и сам автор вынужден выходить за принятые рамки. К сожалению, и при таком ограничении словарь далек от должной полноты и точности. Все необходимые корректировки и дополнения заняли бы слишком много места. Ограничимся поэтому только самыми существенными. В толковании выражения *ad signa* (точнее *apud signa*) надо указать, что в кассе легиона аккумулировались не только деньги из солдатского жалования, но и половина донативов. Лагерное святилище, где хранились знамена части, называлось также *aedes signorum*, а не только *aedes principiorum*. *Capricornus* (козерог) – самая распространенная из легионных эмблем, а не «эмблема одного из легионов». Слово *clavarium* («гвоздевые» деньги), очевидно, употреблялось как эвфемизм к *donativum* (*donativi nomen est* – Tac. Ann. III. 50.3), а не просто обозначало сумму, выдаваемую солдатам для совершения перехода. Термин *classicum* («подразделение трубачей») имеет более распространенные значения – «сигнал трубой», «военная сигнальная труба». «Соратник» по-латыни *commilito*, а не *commilitio*. В слове *сориа*, очевидно, опечатка: в значении «войска» оно имеет форму мн.ч. *сориае*. *Cornicularius* («старший солдат») означает также: «солдат, награжденный почетным рожком», «военнослужащий, возглавляющий канцелярию». *Decursio* («атака, маневр») имеет еще значение «парад», а *dilectus* («набор в армию») – «отборный отряд». *Honos* – не только «почет, воинское божество», но и воинская почесть в виде повышения в чине или награды за доблесть, а также государственная должность. Слово *militia* не ограничивается значением «служба», но означает также «военный поход», «военная должность», «войско». Непонятно, почему *orichalcum* (собственно «медь») трактуется автором как «металл, из которого

²⁴ Helgeland. Op. cit. P. 1500.

²⁵ Ibid. P. 1491 ff.; Rüpke. Op. cit.

²⁶ Подробно об этом культе см. Махлаюк. Армия... С. 190 сл.

²⁷ Watson. Op. cit. P. 44.

²⁸ К работам, на которые ссылается автор, можно добавить: Armi e armature dell'Impero romano / A cura di L. Antonelli. Roma, 1990.

наиболее часто изготовляли оружие во времена принципата». Помимо значения «знак подразделения», «штандарт», термин *signum* обозначает также сигнал, подаваемый голосом, трубой или знаменем. Термином *vexillarii*, кроме знаменосцев, назывались также ветераны, выделенные в особый отряд.

Что касается пробелов в словаре, то сразу бросается в глаза отсутствие наименований некоторых легионов (*Apollinaris*, *Macedonica*, *Minervia*, *Parthica*, *Traiana*, *Primigenia* и других). Немало пробелов в лексике как общего, так и специально технического, юридического и жаргонного характера²⁹. Приведем самый минимальный алфавитный список этих слов и выражений, оставив их – в целях экономии места – без перевода:

Assecula, *baro*, *bra(c)chium*, *bucellarius*, *bucinator*, *cacula*, *campidoctor*, *campigenus*, *campus*, *cantabrum*, *carmina triumphalia*, *cibus militaris*, *cippus*, *collega*, *collegia*, *commilitium*, *concaedes*, *contio*, *contiro*, *contumacia*, *conturmalis*, *conveteranus*, *corniculum*, *cornu*, *delictum militis*, *dux*, *emansor*, *exercitator*, *focaria*, *glans*, *gradus deiectio*, *hortatio*, *ius iurandum*, *ius militandi in legione*, *ius militare*, *laudatio*, *litterae commendaticiae*, *manipularius*, *manipulum*, *manus*, *murus*, *numerus*, *ordo*, *paganus*, *praepositus*, *praeses*, *primipilaris*, *remansor*, *scutatus*, *seditio*, *suffragium*, *suggestus*, *taberna*, *tentorium*, *tirocinium*, *tubicen*, *tutela signorum*, *vagina*, *vir militaris*, *zonula*.

Несмотря на отмеченные недостатки, словарь, несомненно, будет полезен при чтении латинских источников по военной истории. Прделанную автором работу можно расценивать как первый, пробный шаг в сложном деле создания настоящего тематического словаря, потребность в котором давно назрела. Если же подвести общий итог всего вышесказанного, то и книгу в целом следует рассматривать как предварительный подступ к серьезной разработке большой и важной темы. Совокупность сделанных замечаний показывает, что не все удалось автору и текст книги местами несет отпечаток некоторой поспешности. Но это не умаляет бесспорных достоинств работы: широты рассмотренной проблематики, доходчивости изложения, а главное, насыщенности интересным фактическим материалом, малоизвестным не только массовому читателю, но и специалистам-антиковедам.

А.В. Махлаюк

© 2001 г.

G. BARONE-ADESI. Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano. V. 1. I corpora degli iura tardoimperiali. Torino, 1998. 117 с.

Рецензируемую монографию итальянского романиста Джорджо Бароне-Адези, посвященную иерархии источников права в постклассическую эпоху, можно назвать не только своеобразным манифестом, содержащим программные положения дальнейшей работы автора в области постклассического римского права, но и документом, заключающим в себе выработанную исследователем в результате долгих раздумий концепцию судьбы римского права в постклассический период его развития. Идею продолжения истории римского права в Византийской империи и, далее, в памятниках церковного права, можно назвать центральной в концепции всей работы. Бароне-Адези является сторонником теории континуитета и поддерживает теорию «Москва – третий Рим» (а Константинополь соответственно – Рим второй), но в сфере права. Во введении к работе он провозглашает идею «римского права в византийскую эпоху», отмечая, что «в теории и практике право, принятое в Константинополе, продолжает оставаться римским». Поэтому автор ставит вопрос о целесообразности изучения как в России, так и в других странах, развивавшихся под влиянием византийской *παίδεια*, курсов римского права как истории *Ῥωμαϊκὸν δίκαιον* с VIII в. до Р.Х. до XV в. от Р.Х. (с. XI). Но поскольку рецензируемая монография представляет собой только первую часть задуманного автором масштабного труда, идея «правового континуитета» остается на уровне декларации, что не исключает, разумеется, возможности ее воплощения в последующих работах Бароне-Адези.

²⁹ См. *Mosci Sassi M.G. Il «sermo castrensis»*. Bologna, 1983.

Если «путеводной звездой» автору послужила теория континуитета, то в данной монографии, которая должна стать первой в серии исследований, посвященных нормативным сводам римской империи, рассматриваются так называемые постклассические сборники *iura*. Первая глава работы «Западная традиция» (с. 1–43) посвящена проблемам источников права в постклассический период в рамках «западной» правовой традиции. Автор анализирует многие устоявшиеся в историографии концепции в контексте подробного исследования неоднократно изучавшихся источников: речь здесь идет в первую очередь о фрагментах императорских постановлений 1-го титула I книги Кодекса Феодосия. Бароне-Адези пересматривает довольно устоявшуюся концепцию *iura* и *leges* как источников права в постклассический период, где под *iura* понимают сочинения классических юристов, а под *leges* – императорские постановления. В источниках, с точки зрения автора, под *iura* подразумеваются как суждения классических юристов, так и императорские постановления (с. 3). Следует отметить, что данная точка зрения не может совершить революционный переворот в сфере изучения источников римского права, поскольку подобная интерпретация термина *iura* была предложена уже Годме¹, но не получила достаточно широкого распространения в научной среде, что и отмечает автор монографии (с. 3, прим. 5). Принципиальное значение получает не дихотомия *iura et leges*, а *ius vetus* и *ius novum*, когда единственным источником *ius novum* становятся императорские постановления, а *ius vetus* включает в себя как сочинения классических юристов, так и императорские постановления вплоть до конституций Константина. В задачи центральной власти входит установление критериев *iura generalia* (т.е. норм, действующих на всей территории империи) как в отношении императорских постановлений, так и в отношении сочинений юристов. Кроме того, император должен гарантировать подлинность сочинений юристов. Именно в данном контексте трактует автор знаменитый «закон о цитировании» (CTh. I. 4. 3). С точки зрения Бароне-Адези, данное постановление не следует воспринимать как свидетельство о низкой правовой культуре составителей конституции или о попытке ограничить самостоятельность судей, а нужно рассматривать как намерение установить критерии подлинности и обязательности норм, содержащихся в сочинениях классических юристов.

Во второй главе «Восточная традиция» (с. 45–77) разбираются вопросы, связанные с кодификацией, предпринятой Феодосием II. Цель подобной кодификации автор рассматривает в контексте предложенной им интерпретации закона Валентиниана III о цитировании²: обеспечить *auctoritas iuris* посредством составления Кодекса, который должен был гарантировать подлинность *iura generalia*, источником которых послужили как императорские постановления, так и сочинения юристов. Исследователь отмечает при этом принципиальную разницу позиций составителей «закона о цитировании» 426 г. и константинопольских компиляторов: тогда как в Равенне была поставлена задача быстро обеспечить текстуальную и юридическую действительность *iura*, на которые можно было ссылаться в суде, в Константинополе был задуман обширный проект, требующий большого количества времени для изучения всех действующих юридических норм. Данный план Бароне-Адези предлагает рассматривать в контексте нового статуса, приобретенного Константинополем в эпоху Феодосия: законодатель утверждает «римский» статус города Константина (с. 46). Кроме того, отмечает исследователь, нельзя забывать и о символическом значении программы составления Кодекса, в который должны были быть включены постановления императоров, начиная с первого императора-христианина Константина Великого. Разделение императорских постановлений по религиозному признаку – на постановления, принятые до Константина и уже Константином, в эпоху христианских императоров – должно было быть адекватно воспринято, по мнению исследователя, в среде юристов, которые

¹ Gaudemet J. «Ius» et «leges» // *Iura*. 1950. I. P. 223–252.

² Авторство «закона о цитировании» неоднократно вызывало споры среди исследователей постклассического периода развития римского права. Высказывалось мнение, согласно которому Валентиниан III, который в 426 г. был еще маленьким ребенком, не мог принять это постановление, и поэтому автором постановления должен быть назван Феодосий II. Однако еще Э. Вольтерра высказывался против подобных представлений, указывая, что в Кодексе Феодосия фрагмент этого постановления приведен с совершенно недвусмысленным указанием на место публикации: постановление было выпущено в Равенне, где в это время и находился Валентиниан (*Volterra E. Sulla Legge delle Citazioni* // MAL. 1983. 380. Serie VIII. V. XXVII. Fasc. 4. P. 185–267). Вопрос о непосредственном авторстве Валентиниана было бы ставить некорректно, поскольку автором постановления была равеннская канцелярия; речь идет о том, следует ли считать это постановление «восточным» или «западным». Бароне-Адези отвечает на этот вопрос однозначно: несомненно «западное».

признавали существование различий между *ius vetus* (юридические нормы, принятые до Константина) и *ius novum* (юридические нормы, принятые в эпоху Константина).

Автор подробно рассматривает первую и вторую программы составления Кодекса Феодосия, воспроизведенные в C.Th. I. 1. 5. и I. 1. 6, а также первую новеллу Феодосия (Nov. Th. 1). Следует отметить, что данные источники были весьма подробно изучены в историографии, прежде всего итальянской, в последние тридцать лет, поэтому автор посвящает небольшой раздел изложению основных точек зрения исследователей по данному вопросу (с. 67–74)³. Бароне-Адези вносит определенный вклад в существующую традицию изучения вышеуказанных источников. С его точки зрения, Кодекс был создан в соответствии с насущной потребностью обеспечения со стороны императорской власти текстуальной и юридической подлинности императорских постановлений и сочинений юристов.

Весьма интересным представляется замечание автора о том, что Кодекс Феодосия, хоть и был составлен в рамках традиционной системы расположения рубрик, но может рассматриваться как свод, «переходный» от юридического сочинения к законодательному кодексу⁴ (с. 77). Любопытно и то, что исследователь не берется каким-либо образом интерпретировать отказ составителей Кодекса Феодосия от осуществления первой программы и переход к реализации второй программы 438 г. Автор ссылается при этом на отсутствие источников, в которых бы содержалась какая-либо информация о работе первой комиссии составителей Кодекса или о трудностях, с которыми столкнулась эта комиссия в ходе своих изысканий (с. 54).

Наконец, третья и последняя глава этой небольшой монографии «Императорское законодательство в церковной традиции» (с. 79–108) рассматривает проблему передачи в церковных сводах отдельных императорских конституций. Именно в контексте проблемы обеспечения подлинности императорских постановлений следует рассматривать, с точки зрения автора, стремление составителей церковных сводов сохранить оригинальные тексты императорских постановлений, в силу которых церковь наделялась различными привилегиями.

Подводя итоги (с. 107–108), Бароне-Адези отмечает, что решение вопроса обеспечения текстуальной и юридической подлинности источников *ius vetus*, т.е. сочинений юристов и постановлений, принятых императорами до Константина, было найдено в «канонизации» семи указанных в C.Th. I. 4. 3 юридических сводов⁵ и в требовании «сопоставлять» с ними юридические своды, не канонизированные императорской властью. Что касается *ius novum*, то благодаря созданию Кодекса Феодосия появился свод, опирающийся на авторитет императора, и этот свод обеспечил существование подлинных текстов императорских постановлений общего действия.

Работа Джорджо Бароне-Адези несомненно является большим вкладом в дело изучения источников права постклассической эпохи. Приходится только сожалеть, что автор остается фактически в рамках традиции итальянской историографии: например, такой известный исследователь юридических источников постклассической эпохи, как Б. Сиркс, даже не упомянут в монографии, в то время как голландский романист также подробно рассматривал вопросы, связанные с проблемой обеспечения текстуальной подлинности *leges povae* как с основной целью создания Кодекса Феодосия⁶.

Е.В. Сильвестрова

³ В числе цитируемых автором назовем следующие работы: *Archi G.G. Teodosio II e la sua codificazione. Napoli, 1976; idem. Le codificazioni postclassiche // La certezza del diritto nell'esperienza giuridica romana. Padova, 1987. P. 149–168; De Marini Avonzo F. Codice teodosiano e Concilio di Efeso // AARC. 1983. 5. P. 105–122; Bianchini M. Rileggendo C.Th. 1. 1. 5 // Contributti di Storia antica in onore di Albino Garzetti. Genova, 1976. P. 223–239; Sargenti M. Il codice teodosiano: tra mito e realtà // SDHI. 1995. 61. P. 373–398.*

⁴ Автор подразумевает под этим переходом те отличия в системе Кодекса Феодосия, которые могут быть выявлены в нем по сравнению с теми же Грегориановым и Гермогениановым Кодексами: хотя за основу принята система Вечного Эдикта, появляются значительные отступления от последней, а именно: обширные «приложения», заключающие в себе разделы, посвященные нормам публичного права, тогда как в только что упомянутых Кодексах в строгом соответствии с системой Эдикта были расположены императорские постановления по вопросам права частного, по аналогии с традицией написания классического юридического сочинения.

⁵ Сочинения Гая, Павла, Папиниана, Модестина и Ульпина, а также Грегорианов и Гермогенианов Кодексы.

⁶ *Sirks B. The Sources of the Code // The Theodosian Code / Ed. J. Harries and I. Wood. L., 1993. P. 45–67.*

Coptica Hermitagiana. Сборник материалов к 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2000. 184 с., 40 ил.

Эрмитажное собрание памятников коптского искусства и письменности относится к крупнейшим в мире. Ныне оно насчитывает свыше 5,5 тысяч единиц хранения, среди которых отсутствуют лишь произведения монументальной живописи. Складываться коллекция стала в 1880-х годах. Основу ее составили произведения, привезенные хранителем императорского Эрмитажа В.Г. Боком (1850–1899) из двух экспедиций из долины Нила.

Столетнему юбилею коптской коллекции Эрмитажа посвящен рецензируемый сборник. Книга предваряется предисловием директора Эрмитажа члена-корреспондента РАН М.Б. Пиотровского. Во вступительной статье составителя сборника и его научного редактора А.Я. Каковкина определены задачи издания и объяснена его структура. Далее следует несколько разделов, каждый из которых имеет самостоятельную ценность.

Следует заметить, что данное издание не имеет аналогов в мировой практике. Это первый в истории не только отечественной, но и мировой коптологии опыт полного справочного издания одной коллекции одного музея. Представленный в книге материал по существу является энциклопедическим справочником по одной из эрмитажных коллекций, в котором и специалисты, и рядовые читатели найдут ответы на большинство интересующих их вопросов, имеющих отношение к этой коллекции. По представленным в сборнике материалам можно проследить историю сложения и пополнения коптской коллекции, основные направления ее изучения, особенности и принципы экспонирования вещей, методы их реставрации и многое другое.

Первый раздел сборника включает републикации статей Б.А. Тураева, З.Г. Бока, В.В. Струве, ставших библиографической редкостью, а также извлеченную из архива статью К.С. Ляпуновой, работы А.И. Еланской, М.Г. Быстриковой, А.Я. Каковкина, О.В. Ошариной, написанные в 1970–1990-х гг. Статьи этого раздела со всей очевидностью отражают становление и пути, по которым развивалась и продолжает развиваться отечественная коптология, причем в самых разных своих направлениях. Здесь содержится информация о первом большом поступлении в Эрмитаж первых коптских тканей в 1889 г. (Б.А. Тураев); дается скрупулезный анализ первой в России, в стенах Эрмитажа, выставки коптских памятников в 1898–1899 гг. (А.Я. Каковкин); публикуются работы о произведениях прикладного искусства из бронзы (В.Г. Бок, О.В. Ошарина) и дерева (М.Г. Быстрикова), о папирусе с коптским текстом VII–VIII вв. (В.В. Струве) и о греческой надписи на надгробии X в. (А.И. Еланская), о росписях VI–IX вв. в погребальных часовнях монастырского комплекса в Бауите (А.Я. Каковкин). Работы, таким образом, преимущественно посвящены хранящимся в музее памятникам коптского искусства и письменности. Исключение из этого ряда составляет, пожалуй, вторая статья А.Я. Каковкина, не имеющая прямого отношения к эрмитажному собранию, но необычайно важная в методологическом и концептуальном отношениях, о чем чуть подробнее скажу ниже.

Раздел «Персоналия», включающий 50 лиц, знакомит с людьми, которые собирали, хранили, реставрировали, экспонировали, изучали и публиковали коптские памятники Эрмитажа. Особо следует отметить раздел «Аннотированная библиография», в который вошло около 350 статей. Библиографические указатели П. Нагеля (1978 г.) и Г.С. Шарон (1989 г.), посвященные работам отечественных коптологов, представляли собою обзоры чисто библиографического характера: приводились фамилии авторов, названия работ и органа, в котором они опубликовались, год и объем. Иной подход в рецензируемом сборнике – здесь абсолютное большинство трудов аннотировано с указанием инвентарных номеров представленных памятников, дат их выполнения, отсылка к републикациям и т.п.

Основные направления в изучении эрмитажных коптских памятников представлены в разделе «Доклады, сообщения, лекции, рефераты», с которыми отечественные специалисты выступали с 1890 по 2000 г. по коптологическим проблемам.

Из «Указателей» сборника можно узнать, где, когда, на каких выставках экспонировались коптские памятники Эрмитажа; от кого и когда они поступили в музей; когда, кому и куда Эрмитаж передавал коптские произведения. Сборник, таким образом, четко делится на две равноценные части, из которых первая посвящена научной разработке коптской проблематики, вторая же, по существу, структурно представляет собой справочное издание, в котором можно найти исчерпывающую информацию по истории формирования коптского собрания Эрмитажа, изучению, экспонированию, реставрации и публикации коптских памятников искусства.

Трудно поверить, что такую трудоемкую научную, библиографическую, справочно-информационную работу мог проделать один человек – составитель и редактор сборника, автор двух статей и послесловий к шести первым статьям, помещенным в сборнике, хранитель коптской коллекции Эрмитажа А.Я. Каковкин, первый в истории российской науки доктор искусствоведения по разряду коптского искусства. Исследователь достойно продолжил традиции основателя коптской коллекции императорского Эрмитажа, ее первого хранителя и основоположника изучения коптских художественных памятников в России В.Г. Бока. Видимо, поэтому видный французский коптолог д-р Ж.-М. Розенстиль из Страсбурга во вступительной статье к одному из коптологических журналов образно назвал А.Я. Каковкина «внуком В.Г. Бока». Материалы сборника свидетельствуют, что «внук» не посрамил имени «деда» и успешно продолжал начатое В.Г. Боком в России дело изучения коптского искусства.

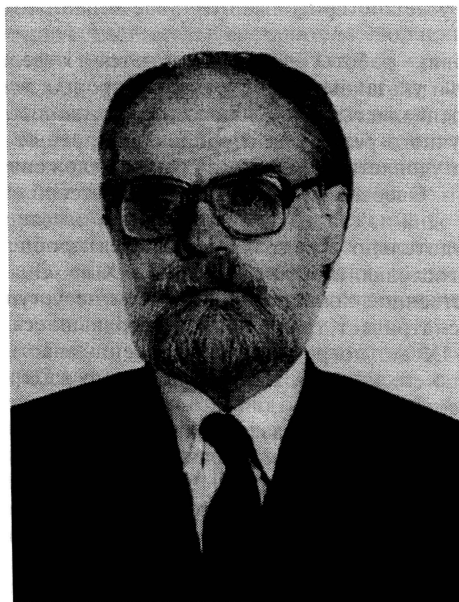
Представленные в сборнике работы вряд ли нуждаются в отдельном рецензировании. Те, что републикуются – статьи указанных выше ученых – прошли испытание временем; к ним до сих пор обращаются специалисты, и это нашло отражение в сопровождающих их послесловиях составителя и научного редактора сборника. Добротные статьи А.Я. Каковкина и О.В. Ошариной вызывают удовлетворение логичностью изложения, четкой методологией и ясным, доходчивым языком. Особенно, на наш взгляд, читателей должна привлечь новизной тематической разработки одна из статей А.Я. Каковкина, посвященная росписям Бауита, в которой интересно и убедительно ставятся и решаются проблемы художественного характера, иконографии, богословия, истории Египта VI–IX вв. Она ярко демонстрирует современный уровень отечественной коптологии, ни в чем не уступающей достижениям мировой науки. Автор пересматривает традиционно утвердившиеся интерпретации композиций в ряде росписей VI–IX вв. погребальных часовен монастырского комплекса близ Бауита, представляющих, по его мнению, Церковь небесную и Церковь земную.

Отмечая в целом высокий уровень данного издания, нельзя обойти и некоторые «шероховатости». Так, на мой взгляд, в раздел «Аннотированная библиография» следовало бы включить монографию В. Гринейзена «Характерные черты коптского искусства», изданную на французском языке во Флоренции в 1922 г. Вероятно, по недосмотру выпала из библиографического раздела и статья Церетели о коптской надписи на деревянной пластине из собрания Эрмитажа (инв. № 5640) [G. Zereteli. Eine griechische Holztafel des V. Ch. // *Ägyptus*. 1928. № 9. S. 113].

Резюме публикаций на английском языке позволяют ознакомиться с их содержанием иностранным коллегам. Тем не менее, выскажу пожелание снабжать такого рода издания более обширными и квалифицированными резюме и на других европейских языках. Впрочем, это отнюдь не умаляет высокой научной значимости рецензируемого труда. Хочется верить, что это уникальное не только в отечественной, но и в мировой коптологии издание будет еще долгие годы служить настольной книгой для коптологов и медиевистов разных направлений.

Выход в свет сборника «*Coptica Hermitagiana*» хронологически едва не совпал с организованной в конце 1999 г. временной выставкой «Сокровища египетских пустынников (Памятники коптского искусства и письменности Государственного Эрмитажа)», пользовавшейся большим успехом у посетителей и нашедшей широкий отклик в прессе и на телевидении. Надо полагать, дирекция Эрмитажа не ограничится лишь электронной версией путеводителя по выставке, но и ищет средства на издание полноценного каталога этой выставки, равно как и ответит площадью для устройства постоянной экспозиции произведений коптских мастеров, которые, как можно судить хотя бы на основании рецензируемого сборника, безусловно заслуживают этого. Такая экспозиция явно напрашивается в качестве, по меньшей мере, связующего звена между постоянными эрмитажными выставками искусства и культуры древнего Египта и Египта мусульманского.

Представленные в сборнике материалы убедительно свидетельствуют о том, что достижения специалистов Эрмитажа, занимающихся коптологическими проблемами (особенно в последние десятилетия), ставят этот отдел музея в один ряд с крупнейшими коптологическими центрами в мире. Такой вывод вряд ли можно считать преувеличенным. Высокая оценка вышедшему сборнику содержится в заключительных словах М.Б. Пиотровского в предисловии к изданию, подчеркнувшего, что это «итоговая работа для целой научной эпохи». Появление сборника «*Coptica Hermitagiana*» несомненно поднимает престиж отечественной коптологии.

© 2001 г.

К 60-ЛЕТИЮ ДМИТРИЯ СЕРГЕЕВИЧА РАЕВСКОГО

2 апреля 2001 г. известному российскому историку Дмитрию Сергеевичу Раевскому, доктору исторических наук, главному научному сотруднику Института востоковедения РАН, академику РАН, исполнилось 60 лет. Имя юбиляра пользуется широкой известностью в научном мире как в нашей стране, так и за рубежом. Труды Д.С. Раевского, посвященные скифологии, в которой он является одним из ведущих в мировой науке специалистов, вошли в ее основной фонд. Огромная эрудиция, безупречная логика мышления, умение выделить и сформулировать важнейшие вопросы, найти «болевые точки» отличают творческий почерк юбиляра. Проблемы формирования скифской культуры, согласования археологических и письменных данных, археологии и этноса, природы евразийского культурного единства, вопросы соотношения скифов и киммерийцев, поздние скифы Крыма, пути реконструкции социальной организации – далеко не полный перечень тем, затронутых в трудах Д.С. Раевского. Но основным делом юбиляра, доставившим ему всемирную известность, было восстановление религиозно-мифологических представлений скифов. В этой области науки он не только сделал шаг вперед, но по существу создал новое направление. Реконструкцию, предложенную им, отличает системный подход, умение найти в собрании разнородных фактов единую основу и восстановить полную и целостную картину мира, лежащую в основе изучаемой идеологии. Методологическое значение этой работы выходит за рамки собственно скифологии и даже археологии. Многие исследователи сейчас идут или стараются идти путем, проложенным юбиляром.

Яркий полемист, Д.С. Раевский на протяжении многих лет вдохновляет научную общественность, внося как в письменные, так и в устные дискуссии свою страстную заинтересованность, умение нащупать узловые проблемы, определить слабые стороны оппонента. Неоднократно исследователь выступал на страницах журналов, в том числе и ВДИ, организатором «Круглых столов» по важнейшим вопросам скифологии. Его перу принадлежит более 150 научных работ, в том числе семь монографий. Результаты его исследований вошли в лекционные курсы и учебные пособия. Юбиляр – постоянный автор «Вестника древней истории», а с 1992 г. – член его редколлегии. Исключительная порядочность, принципиальность и бескомпромиссность Дмитрия Сергеевича, его готовность всегда прийти на помощь снискали ему искреннюю любовь и глубокое уважение его коллег, друзей, учеников.

Сердечно поздравляем Дмитрия Сергеевича с юбилеем, желаем ему здоровья и новых творческих успехов.

Институт востоковедения РАН,

Центр сравнительного изучения древних цивилизаций

Института всеобщей истории РАН,

Редколлегия и редакция «Вестника древней истории»

© 2001 г.

VII НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА Н.П. СОКОЛОВА В НИЖЕГОРОДСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(27–28 октября 2000 г.)

27–28 октября 2000 г. на историческом факультете Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского прошли ставшие уже традиционными VII научные чтения памяти профессора Н.П. Соколова. В них приняли участие ученые и аспиранты из разных городов России, а также студенты старших курсов исторического факультета ННГУ. В секции древней истории было представлено 23 доклада.

Профессор *Е.А. Молев*, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков ННГУ, представил доклад «Положение Боспора в составе Понтийской державы Митридата Евпатора». Поставив под сомнение тезис об особом положении Боспора в составе державы Митридата VI, он обратил особое внимание на два момента: отсутствие собственного царя на Боспоре после гибели последнего Спартокида в 107/106 г. до н.э. и отсутствие в источниках сведений об управлении Боспором в это время кем-либо из сыновей Митридата. По мнению докладчика, первоначально Боспор управлялся, как и Колхида, наместником из числа «друзей» царя, и лишь после нового покорения Боспора Митридатом (85–83 гг. до н.э.) таковым мог стать его сын, скорее всего Махар. *С.А. Яцемирский* (Нижний Новгород) в своем выступлении представил перевод и комментарий одного из самых крупных финикийских эпиграфических памятников – надписи библского царя Йехавмилка (VI–V вв. до н.э.) и обратил внимание на ее значение как ценного исторического источника. В сообщении *Е.Н. Баниной* (Нижний Новгород) «Животные и растения в культуре богини Афродиты» была предпринята попытка определить на основе анализа комплекса растений и животных – постоянных спутников Афродиты – связь богини с тремя составляющими мироздания – небом, землей и подземным миром. Соединяя в себе эти стихии, Афродита предстает как древнейший космический образ, выражающий идею круговорота жизни и смерти, а любовь, олицетворяемая богиней, становится основой устройства вселенной.

Е.А. Захарова (Москва) посвятила свой доклад роли женщин в героической мифологии, отметив, что в отличие от мужчин, для которых главным признаком героической сущности были воинские заслуги, женщины становятся героинями, прежде всего, в силу происхождения от божеств и царей. Большинство героинь первоначально было божествами доолимпийской религии, являясь персонифицированными силами природы. Каждый из рассмотренных женских образов выполнял какую-то свою главную функцию: красавицы или чародейки, пророчицы или соперницы богов. Темой доклада *Н.В. Молевой* (Нижний Новгород) было место собаки как хтонического образа в мифологическом сознании греков (на основе анализа греческой вазописи VIII–V вв. до н.э.). Сюжет и детали росписей позволяют говорить о ярко выраженном пограничном положении собаки между миром живых и мертвых. Грекам еще с гомеровских времен было свойственно наряду с бытовым особое, культовое отношение к собаке, генезис которого прослеживается с эпохи неолита и поздней бронзы. Все это, по мнению автора, свидетельствует о формировании общей культурной средиземноморской традиции. *О.В. Лапина* (Нижний Новгород) в своем докладе рассмотрела связи культовых центров Аполлона в Дельфах и на Делосе с Херсонесом в период с VI по I в. до н.э. Анализ данных эпиграфики и нумизматики позволяет говорить о значительной роли культа Аполлона в политической, экономической и культурной жизни Херсонеса. *В.С. Борисова* (Нижний Новгород) в сообщении «Монеты с легендами АП-АПОЛ на Боспоре» попыталась определить хронологическую последовательность выпусков монет данных типов и высказала предположение, что эти монеты символизировали новое политическое объединение на Боспоре во второй–третьей четверти V в. до н.э.

В.М. Строгоцкий (Нижегород) проанализировал в своем докладе социально-психологические корни афинской гегемонии над союзниками в V в. до н.э. По мнению докладчика, афиняне считали такие важные демократические принципы, как *isonomia* и *isegoria*, своим исключительным достижением и благодаря этому испытывали чувство неоспоримого превосходства над другими эллинами. Гордость за свою демократию вселила в афинян уверенность в законности их господства над союзниками и обусловила возможность несоблюдения по отношению к ним важнейших демократических принципов. *В.В. Антонов* (Нижегород) в докладе, посвященном вопросу о роли апойкий в системе афинских колоний, пришел к выводу, что основание афинянами ряда «независимых» поселений в 40–30-е годы V в. до н.э. преследовало не только военно-политические, но и экономические цели, связанные с эксплуатацией в интересах Афин тех регионов, где апойкии располагались. Независимость их была фиктивной, фактически же их основание было очередным этапом имперской политики создания крупного государства на основе принципа нового территориального единства. *Н.А. Касаткина* (Нижегород) в докладе «Афинская колония в Потидее» на основе анализа широкого круга нарративных и эпиграфических источников обосновала вывод о возвращении Афин в 60-х гг. IV в. до н.э. к политике выведения клерухий, широко проводившейся ими в V в. до н.э. Это было обусловлено перенаселенностью Аттики. Зная о ненависти союзников к клерухиям, афиняне изменили тактику и стали выводить клерухии на территории полисов, не являвшихся членами Второго Афинского морского союза.

К актуальной сегодня проблеме так называемой «вертикали власти» обратился в докладе «Территориальная округа в федерациях эллинистической Греции» *С.К. Сизов* (Нижегород). Особо подчеркнув, что главными целями образования этих округов были упорядочение военных сил, централизованный сбор федеральных взносов и организация союзных советов, докладчик отметил, что округа в Ахейском и Этолийском союзах никоим образом не являлись субъектами федерации: эту роль выполняли только полисы. Кроме того, нет серьезных аргументов в пользу мнения некоторых исследователей о том, что округа обладали собственной сферой компетенции, органами самоуправления, издавали окружные законодательные акты. *Н.Ю. Сивкина* (Нижегород) посвятила свое выступление истокам Союзнической войны 220–217 гг. до н.э., обратив особое внимание на тонкую дипломатическую политику стратега Ахейского союза Арата, который использовал недалекость Доримаха и Скопаса, фактических на тот момент руководителей Этолийского союза, и втянул их в войну с Мессенией, а затем и со всей Эллинистической лигой. Проблема зарождения и развития идеи ненасилия в древности была поднята в докладе *А.В. Хазиной* (Нижегород). Отметив беспрецедентность одновременного возникновения в середине I тыс. до н.э. идеи ненасилия в Персии (Кир), Греции (Сократ, стоики), Китае (Конфуций) и, несколько ранее, и Иудее, она сосредоточила основное внимание на эпохе эллинизма, когда в результате конвергенции языков и культур эта идея широко распространилась по всему ареалу эллинистической культуры. Наиболее же детально разработкой идея ненасилия получила у представителя Средней Стои Посидония Апамейского.

Проблема зарождения ветеранского сословия в Риме в конце II в. до н.э. стала темой доклада *А.Е. Маркова* (Нижегород). По его мнению, причиной появления «сословия» ветеранов стала серия длительных войн, которые вел Рим на рубеже III–II вв. до н.э.; затухание же римской агрессии в 60-е годы II в. до н.э. привело к его размыванию. *А.П. Беликов* (Ставрополь) в докладе, посвященном восточной торговле Рима в III–I вв. до н.э., выступил против теории «торгового империализма». На основе обобщения широкого круга источников автор сделал вывод, что торговые интересы не играли существенной роли в экспансионистской политике Рима на Востоке вплоть до конца I в. до н.э. *А.Р. Панов* (Арзамас) рассмотрел в своем докладе различные аспекты римского влияния на монетное дело Боспора в период правления Ассандра. По мнению докладчика, отсутствие надежных свидетельств прямого вмешательства Рима в монетное дело Боспора и помещение Ассандром своего портрета на монеты характеризуют его как вполне самостоятельного монарха. *С.П. Доманина* (Нижегород) обратилась в своем выступлении к вопросу о трансформации религиозной политики Рима в начале II в. н.э. Отказ Адриана от экспансионистской политики и назревшая к началу II в. н.э. необходимость более тесного сближения Рима с провинциями нашли свое отражение и в религиозной политике императоров, что выразилось в создании культа Ромы в столице Империи и смене статуса императорского культа. В докладе *А.В. Колобова* (Пермь) «Легионеры-бенефициарии в системе управления Римской империи» был дан развернутый анализ служебных функций и особенностей карьеры солдат-бенефициариев и на основе данных эпиграфики обоснован вывод о постепенном преодолении отчуждения между бенефициариями и населением тех провинций, где они несли службу: нередко они сами были местными уроженцами и имели тесные связи с жителями провинциальных городов.

Соотношению норм римского права с реальными действиями командования в ситуации военного мятежа был посвящен доклад *А.В. Махлаюка* (Нижегород). Отметив, что римское военно-уголовное право, окончательно сформировавшееся только к II–III вв., трактовало мятеж как тягчайшее преступление, докладчик подчеркнул, что на практике часто все зависело от решительности полководца и изменения настроения самих солдат, а военно-правовые нормы были не столько однозначными предписаниями, сколько ориентиром для полководца. *Е.В. Шилова* (Нижегород) в докладе, посвященном механизму передачи императорской власти в IV в., отметила превалирование в этот период принципа естественного насле-

дования над принципом усыновления, что нашло свое отражение в династической политике Констанция II. Однако недостаток авторитета у последнего, а также неблагоприятное стечение обстоятельств не способствовали успеху этой политики. *И.Ю. Вацева* (Нижний Новгород) посвятила свое выступление вопросу о реальном наполнении понятий «церковь» и «церковная история» у византийских авторов IV–VI вв. и выдвинула тезис о том, что сам термин «церковь» в эту эпоху еще не получил своей канонической однозначности, обозначая «общину» в узком и в широком (все христиане мира) смыслах и даже церковь как здание; церковная (христианская) история ассоциировалась у ранневизантийских историков со всемирной. Классификация письменных источников по истории Северного Понта IV–XII вв. была представлена в выступлении *Н.Н. Болгова* (Белгород), который дал краткий обзор данных традиции по истории позднеантичного Боспора, особо подчеркнув их неполноту, фрагментарность и избирательный характер сообщаемых сведений.

Вклад видных российских историков-антиковедов второй половины XIX – начала XX в. в изучение римской колонизации VI–II вв. до н.э. осветил в своем докладе *А.В. Юдин* (Москва), сосредоточив внимание на мотивах обращения отечественных исследователей к данной проблеме, а также на характеристике основных исторических концепций, которые послужили базой для их исследований.

В заключение состоялось обсуждение прослушанных докладов. Участниками чтений были высказаны ценные замечания и пожелания.

В.В. Антонов

ЕГИПЕТСКАЯ ВЫСТАВКА В ГОСУДАРСТВЕННОМ МУЗЕЕ ВОСТОКА

(Москва, декабрь 2000 г. – март 2001 г.)

В декабре 2000 – марте 2001 г. в Государственном музее Востока состоялась выставка «Пирамиды вечности. Египет и Нубия в рисунках и акварелях Дмитрия Егорьевича Ефимова (1811–1864)». Д.Е. Ефимов, выпускник Российской Императорской Академии художеств по классу архитектуры, в 1834 г. путешествовал по Египту. Его маршрут пролегал вдоль Нила, от Каира вплоть до первых порогов через территории древнего Египта и древней Северной Нубии. Д.Е. Ефимов зарисовывал древнеегипетские монументы и их детали со строгой точностью архитектора, зафиксировав состояние известных памятников на время своего путешествия, а также зафиксировал памятники, ныне исчезнувшие и не отраженные в графических работах других художников (рис. 1, 2). К тому же его египетско-нубийский цикл, один из самых ранних в Европе, не страдает романтическим флёр, характерным для более поздних произведений восточной тематики. Музей открыл «египетского Ефимова» (как назвал его К. Брюлов) и впервые представил 40 его работ.

На выставке графику Ефимова сопровождали памятники мелкой пластики из египетского собрания музея, в большинстве своем также экспонируемые впервые. Среди последних демонстрировались предметы VI–V вв. до н.э. из раскопок курганов на Северном Кавказе, группа уникальных ушебти Несубаста (XXI династия) с V главой Книги мертвых, поступившая из частного собрания, изящные древнеегипетские украшения, переданные в музей наследниками Н.К. Рериха, и т.д.

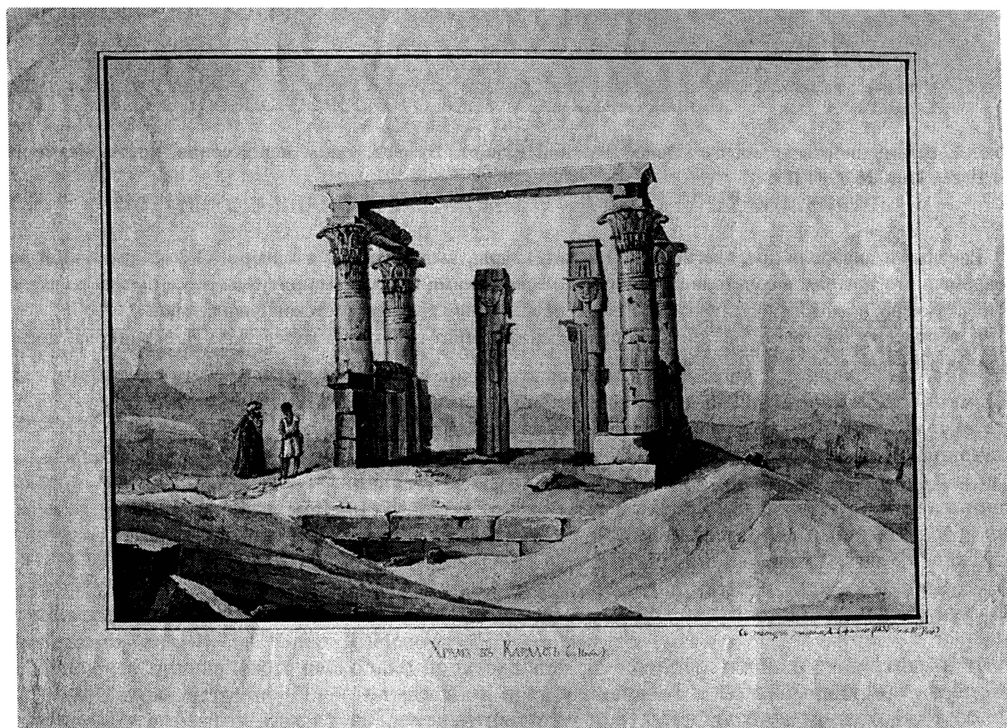

Рис. 1. Храм в Кардасе. Нубия. Бумага, тушь, перо, сепия, кисть. Размеры: 45:33 см. Инв. № 7983 II

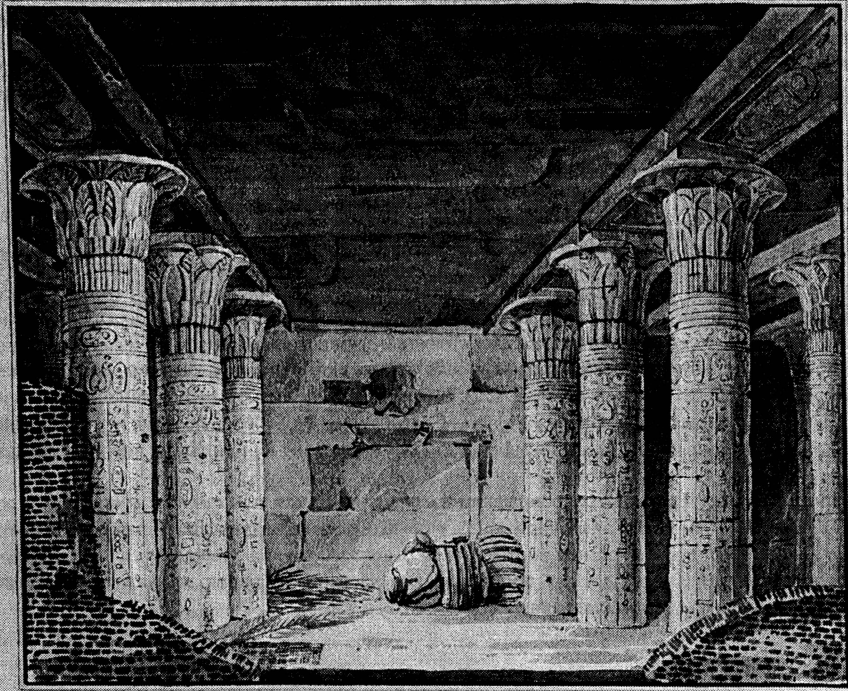

Рис. 2. Внутренность храма в г. Эсне. Верхний Египет. Бумага, тушь, перо, сепия, кисть. Размеры: 34:29 см. Инв. № 7984 II

Рисунки и акварели древнеегипетской архитектуры, выполненные в манере XIX в., архаичной для современного зрителя, в сочетании с собственно египетскими предметами ритуального и бытового назначения, эскизно, но довольно удачно представили общий облик древнеегипетской цивилизации.

К вернисажу выставки была издана одноименная книга директора музея В.А. Набатчикова, посвященная жизни и творчеству Д.Е. Ефимова.

С.Я. Берзина

ПРИЛОЖЕНИЕ

© 2001 г.

Phlegontis

DE MIRABILIBUS

Флегонт из Тралл

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

Перевод с древнегреческого *М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова,*
В.Н. Илюшечкина

Вступительная статья и комментарии *В.Н. Илюшечкина*

Флегонт из Тралл был одним из отпущенников римского императора Адриана (годы правления 117–138 гг.) и, скорее всего, входил в состав его ближайшего окружения. В дошедших до нас фрагментах сочинений Флегонта повсюду разбросаны свидетельства, которые прямо или косвенно указывают на время правления императора Адриана. Так, Флегонт отмечает, что присланный в Рим гиппокентавр находится в императорских хранилищах (Mir. 35), или сообщает, что своими глазами видел человека в возрасте 136 лет, когда его показывали императору Адриану (Mac. 97); одно из своих произведений, «Олимпиады», Флегон посвятил некоему Алкивиаду, о котором доподлинно известно, что он служил у императора (Photius. Bibl. 97.2 = FGH 257 T3). Источники сообщают даже, что автором книг, приписываемых Флегонту из Тралл, в действительности был якобы император Адриан (SHA I 16.1). Современник Адриана Децим Юний Ювенал в одной из своих сатир с сарказмом отзывается о греках – выходцах из Тралл, малоазийского города в Карии, которые «все стремятся к холму Эсквилинскому или Виминалу / в недра знатных домов, где будут они господами» (Sat. III.71–71, пер. Д. Недовича).

Флегонту принадлежит несколько произведений, из которых наиболее заметными стали «Удивительные истории» (Περὶ θαυμάτων), представляющие собой компиляцию невероятных случаев и фактов. Как правило, удивительные события у Флегонта происходят в обстановке повседневной жизни, без вмешательства сверхъестественных сил, но при этом допускается наличие привидений, оборотней, знамений и пророчеств. Общее представление о

характере сочинения Флегонта может дать перечень затрагиваемых тем: посещение призраком умершей девушки родительского дома, появление новорожденного ребенка с головой древнеегипетского бога Анубиса, поимка живого гиппокентавра, рождение ребенка у семилетней девочки, обнаружение гигантских останков великанов и т.п.

Исследователи относят «Удивительные истории» к литературному жанру парадоксографии, получившему широкое распространение на рубеже классической эпохи и эллинистического времени¹. На становление жанра парадоксографии в греческой литературе значительное влияние оказали два фактора: неизменно растущий (начиная с V в. до Р.Х.) интерес авторов и читателей к сфере чудесного в произведениях, посвященных экзотическим странам, их природе и обычаям, и мода на коллекционирование редкостей и составление компилятивных сочинений. Так, один из первых сборников Эзоповых басен был составлен около 300 г. до Р.Х. Деметрием Фалерским, другой, посвященный описанию редких животных, принадлежал также ученику Теофраста перипатетику Стратону из Лампсака. Многочисленные аналогичные сборники, содержащие обширную информацию о различных областях знания, были весьма распространены в раннеэллинистический период, но особенно привлекали читателей описания редких природных явлений, аномалии и «чудеса», которые читались и перечитывались как настоящие «народные книги». Поздние рукописи таких сборников или упоминания о них дошли до нас в большом количестве.

Флегонт из Тралл следует достаточно длительной традиции, представленной именами более чем двадцати парадоксографов. Считается, что Каллимах из Кирены (ок. 305–240 гг. до Р.Х.) стал одним из первых, кто положил начало развитию парадоксографии как особой литературной формы. Несмотря на то что труд Каллимаха «Свод чудесных явлений всей земли по местностям» (Θαυμάτων τῶν εἰς ἅπασαν τὴν γῆν κατὰ τόπους συναγωγή) не сохранился, уже из заглавия видно, что принятый автором за основу географический принцип описания объединил в единое целое разнородное содержание. По всей видимости, отдельные части текста были посвящены «чудесам» Греции, Фракии, Италии, Ливии и Азии, а общими для них темами стали описания редких источников, рек, озер, животных, растений и свойств камней. К наиболее известным греческим парадоксографам обычно причисляют Аристотеля (или, возможно, неизвестного автора III в. до Р.Х. из окружения Аристотеля) с его компиляцией «Рассказы о диковинах» (Περὶ Θαυμάτων ἀκουσμάτων), Антигона из города Кариста на о-ве Эвбее (III–II вв. до Р.Х.), автора «Свода невероятных рассказов» (Ἱστοριῶν παράδοξων συναγωγή), Аполлония-парадоксографа (II в. до Р.Х.), автора «Невероятных историй» (Ἱστορίαι Θαυμάσια). Известно, что крупнейшему в Риме ученому антиквару Марку Теренцию Варрону принадлежало сочинение «Об удивительных явлениях» (De admirandis), и что подобное произведение составил Цицерон (Plin. NH. XXXI. 8.12; XXXI. 28.51), однако оба труда не сохранились. Римские энциклопедисты I в. Сенека-философ и Плиний Старший включили в свои произведения «Исследование о природе» (Quaestiones naturales) и «Естествознание» (Naturalis historia) наряду с описаниями природных явлений немало таких, что представляются читателю невероятными. Влияние парадоксографии испытали греческие и латинские авторы более позднего времени, особенно авторы так называемых «античных романов»². Современники Флегонта – Флорентийский, Ватиканский и Палатинский парадоксографы – были составителями сравнительно небольших по объему сборников компиляций на различные темы из мира природы (экзотические реки и источники, удивительные животные, необычные свойства камней и пр.), используя источники из вторых или третьих рук.

Таким образом, компиляции (составленные, как показывают сохранившиеся фрагменты, по смешанному принципу) обнаруживают ряд общих признаков – указание места необычного явления, ссылку на источник, неизменность в той или иной степени затрагиваемых тем. Стиль изложения парадоксографов отличается скорее простотой, нежели какими-либо средствами внешней выразительности: в первую очередь содержание, а не риторическая обработка компиляций должно было привлечь внимание читателей. С течением времени

¹ Термином «парадоксография» мы обязаны первому издателю фрагментов сочинений греческих авторов, пишущих о чудесах, – Антонию Вестерманну (Παράδοξογράφοι: Scriptores Rerum Mirabilium Graeci / Ed. A. Westermann. Brunsvigae et Londini, 1839).

² Rommel H. Die naturwissenschaftlich-paradoxographischen Exkurse bei Philostratos, Heliodoros und Achilleus Tatos. Stuttgart, 1923; Scobie A. Aspects of the Ancient Romance and its Heritage: Essays on Apuleius, Petronius and the Greek Romances. Meisenheim am Glan, 1969; Mason H.J. Fabula Graecanica: Apuleius and his Greek Sources // Aspects of Apuleius' Golden Ass / Ed. B.L. Hijmans, Jr. and R.Th. Van der Paardt. Groningen, 1978; Winkler John J. Auctor and Actor: A Narratological Reading of Apuleius's «The Golden Ass». Berkeley, 1985.

парадоксография пополнилась рядом новых, дополнительных тем, например, о загадочных и необычных народах, племенах и даже об отдельных мифологических героях. Мифологическая традиция не отвергается, но толкование мифов (в основе которых могли лежать преобразованные фантазией воспоминания о действительных событиях и персонажах) никогда не играло существенной роли у парадоксографов. Предметом их рассмотрения стали скорее современные необычные явления или, в крайнем случае, события недавнего прошлого. Однако это вовсе не означает, что целью парадоксографов было достоверное изложение явлений или событий. «Естественнонаучные» объяснения мифографов также не пользовались симпатией парадоксографов. При внимательном чтении текстов парадоксографов складывается впечатление, что они, как и их читатели, верят тому, что написано. Хотя тексты парадоксографов и не лишены привкуса учености, они представляют собой не слишком серьезное чтение и написаны – прямо скажем – для того, чтобы развлечь читателя.

Тем не менее компиляция Флегонта Тралльского «Удивительные истории» из 35-ти обычных для парадоксографической традиции сюжетов сильно отличается от его предшественников. Сочинение Флегонта концентрирует внимание на вопросах, тесно связанных с повседневной жизнью людей, и включает такие темы, как привидения, андрогины, чело-веческие уродства, кости древних великанов, живой кентавр и пр. В период правления императора Адриана притягательность подобного рода сенсационных сведений, выписываемых Флегонтом иногда слово в слово, была достаточно велика. Помимо всего, обращение Флегонта к темам, связанным с жизнью человека, невольно отражает его заинтересованность в этом. Примечательно, что Флегонт ничего не выдумывал, но лишь с характерной для него тщательностью отбирал достоверные – как ему казалось – свидетельства нарративных источников (будь то Антигон Каристский или книги древних пророцеств Сивилл), а также собственные наблюдения. Достоверность приводимых им историй обосновывается либо ссылками на авторитетное мнение, либо ссылками на собственный опыт или возможность наблюдать необычное явление публично.

Начальные главы «Удивительных историй» утеряны, и поэтому трудно сказать, какое место они занимали в общей структуре компиляции Флегонта Тралльского: дошедший до нас список X в. с фрагментами произведений Антигона Каристского, Аполлония-парадоксографа и Флегонта Тралльского сохранился в единственном экземпляре. Соответственно, остается неизвестным, предварялись ли «Удивительные истории» Флегонта вступлением; можно лишь предположить, что судя по сочинениям других парадоксографов и по сочинениям «О должителях» и «Олимпиадах» самого Флегонта, «Удивительные истории» начинались с небольшого авторского вступления (напомним, что парадоксографы не склонны были объяснять описываемые ими события и факты). Опубликование в 1568 г. фрагментов сочинений Флегонта возбудило интерес не только читателей, но и ряда авторов XVI–XVII вв., писавших на латинском языке, к сюжетам о привидениях, которые занимают заметное место у Флегонта³.

В византийском словаре Суды (s.v. Φλέγων Τραλλιανός) помимо «Удивительных историй» перечислены и другие компиляции, принадлежащие Флегонту – «Описание Сицилии», «Римские праздники», «Топография Рима», «О должителях» и «Олимпиады» (из них сохранились лишь два последних, причем «Олимпиады» – в незначительных фрагментах). Если доверять свидетельству Суды, то «Удивительные истории» и «О должителях» представляют собой части одного произведения, поскольку, по словам византийского лексикографа, Флегонт является автором компиляции «О должителях и удивительные истории» (Περὶ μακροβίω καὶ θαυμάσιω); единственный список X в., содержащий оба произведения, заканчивается следующей фразой: «Об удивительных историях и о должителях Флегонта Тралльского, отпущенника императора» (Φλέγοντος Τραλλιανοῦ ἀπελευθέρου Καίσαρος Περὶ θαυμάσιω καὶ μακροβίω). Как видим, несмотря на некоторое несоответствие заглавий, оба источника считают компиляции Флегонта частями одного произведения. Тем не менее, обе компиляции в дошедшем до нас виде не производят впечатления, что их следует относить к одному и тому же сочинению. Как бы то ни было, современные критические издания Флегонта публикуют оба памятника порознь, и остается лишь гадать, одно ли это произведение или два разных; Флегонт, безусловно, мог обнаружить обе компиляции

³ Среди них, например, такие издания, как Delrio's *Disquisitiones Magicae* (1599); Petrus Lojerus's *Discours et Histoire des spectres* (1608); Johannes Praetorius's *Anthropodemus Plutonicus, sive Eine neue Weltbeschreibung von allerley wunderbaren Menschen* (1666); Remigius's *Daemonolatria* (1693). Подробнее см. *Schenda R. Die französische Prodigienliteratur in der zweiten Hälfte des 16. Jahrhunderts*. München, 1961.

вместе, поскольку они касаются одного и того же предмета – сферы чудесного: тема «О долгожителях» является столь же необычной, сколь невероятна и судьба людей, проживших чрезвычайно малый срок, о чем говорится в «Удивительных историях» (фр. 32–33).

Сочинение «О долгожителях» посвящено в основном перечню лиц с продолжительным сроком жизни, сведения о которых Флегонт почерпнул в таких разнородных источниках, как цензовые списки граждан, курьезные жизнеописания, наполненные анекдотами, а также пророчества Сивилл. Автор начинает свой список с людей, достигших столетнего возраста, затем переходит к тем, кто прожил более ста лет и, наконец, более 150-ти лет; в завершение всего он рассказывает о некоей пророчице-Сивилле, прожившей, по его подсчетам, около 1000 лет. Текст произведения дошел до нас в плохой сохранности, в нем наливаются очевидные лакуны и поэтому остается невыясненным, имеем ли мы дело с цельным сочинением или с фрагментами более крупного произведения.

В сочинениях «О долгожителях» и «Удивительные истории» Флегонт вовсе не ставит перед собой задачи доискаться причин необычных явлений, равно как и дать им какое-либо объяснение. Более того, сообщаемые сведения воспринимаются им не критически: для него в равной степени надежны свидетельства цензовых списков граждан и оракулы Сивилл. Компильцию «О долгожителях» трудно назвать научным трактатом, но и неверным было бы считать, что она предназначена для развлекательного чтения: текст содержит перечисление 68-ми имен неизвестных людей, достигших столетнего возраста. Аналогичным образом Флегонт включает в текст «Удивительных историй» огромные куски свидетельств источников, чаще всего переписывая их слово в слово. Складывается впечатление, что автор не имел четкого представления ни о целях своего произведения, ни о запросах читателей.

Предел человеческой жизни – этой темы античные авторы касались и задолго до Флегонта из Тралл. Так, в приписываемом Аристотелю сочинении «О долгожительстве и краткосрочности жизни» (Περὶ μακροβιότητος καὶ βραχυβιότητος) в научном духе обсуждается традиционная тема о причинах долгожительства, о влиянии окружающей среды и физиологических факторов на продолжительность жизни разных видов животных и человека. Правда, манеры Плиния Старшего (I в.) («Естествознание») и Псевдо-Лукиана (начало III в.) («Долгожители») в описании тех же тем больше напоминают сочинение Флегонта из Тралл. Плиний Старший (VII. 153–164) утверждает, что одно из первых высказываний на данную тему принадлежит Гесиоду. Согласно Гесиоду, ворона проживает девять жизненных сроков человека, олень – четыре срока вороны, ворон – три жизненных срока оленя, а Феникс и нимфы живут еще дольше (Hesiod. Fg. 304 MW). Плиний приводит курьезные примеры из произведений греческих поэтов и историков об удивительной продолжительности жизни людей разных эпох, и поскольку автор не склонен доверять некоторым из источников, он обращается к более достоверным свидетельствам о знаменитых долгожителях Рима. Рассуждая о жизненном сроке человека, Плиний Старший пишет о влиянии астрологии и окружающей среды на продолжительность жизни людей и приходит к выводу, что причины долгожительства остаются не проясненными; на основании приводит списки, составленных в 74 г. при соправителях Веспасиане и Тите, Плиний Старший приводит перечень названий городов и лиц, проживавших в них удивительно долго, – к примеру, Луций Теренций, сын Марка, из Бононии заявил, что ему 135 лет, а чуть ниже Плиний добавляет, что 54 человека оказались достигшими столетнего возраста (NH VII. 163).

Сочинение Псевдо-Лукиана «Долгожители» представляет собой своего рода подношение адресату ко дню рождения, которому автор выражает пожелания долгой жизни, подобно знаменитым царям, философам, историкам, поэтам и риторам, а список их имен приводится ниже⁴.

Плиний Старший и Псевдо-Лукиан использовали в качестве источников жизнеописания, полные случайных стечений обстоятельств и анекдотов, а также цензовые списки граждан. Различие между ними состоит в том, что Плиний Старший пишет как ученый, опираясь скорее на свидетельства цензовых списков, а Псевдо-Лукиан – в манере парадоксографов, которые избегают уточнений и объяснений. Правда, в отличие от парадоксографов Псевдо-Лукиан решал чисто риторические задачи, стремясь в изысканной и убедительной форме выразить пожелания долгих лет жизни.

К сожалению, от «Олимпиад» Флегонта сохранилась лишь небольшая часть фрагментов, по содержанию которых, однако, можно составить общее представление о замысле и объ-

⁴ Подробнее см. *Rühl F. Die Makrobier des Lukianos // RhM. 1907. 62. S. 421–437; idem. Noch Einmal die Makrobier des Lukianos // RhM. 1909. 64. S. 137–150.*

еме всего произведения (в первоначальном виде оно состояло из 16-ти книг, более сжатый вариант – из 8-ми книг и, наконец, эпитома из 2-х книг). Сочинение предварял очерк об истории учреждения Олимпийских игр, а затем следовали таблицы, основанные на счислении по олимпиадам, с даты первого года первой олимпиады в 776 г. до Р.Х. и вплоть до 229-й олимпиады в 137–140 гг., после смерти императора Адриана. Для каждой из олимпиад Флегонт приводит список олимпийских победителей и виды состязаний, в которых те одержали победу; список олимпиоников включал и замечания Флегонта по поводу тех или иных исторических и политических событий в этот период, упоминания о природных катастрофах, божественных знаменьях, рождении знаменитых людей, войнах и т.п. Константинопольский патриарх Фотий, познакомившийся в IX в. с первыми пятью книгами «Олимпиад», отмечал погрешности стиля Флегонта из Тралл и обвинял его в приверженности к оракулам, что очевидно для всякого, кто знаком с содержанием «Удивительных историй» и «О долгожителях» (FGH 257 T 3). Тем не менее в позднее время «Олимпиады» обильно цитировались и считались одним из наиболее авторитетных произведений Флегонта из Тралл. К примеру, Евсевий Кесарийский в «Хронике», написанной около 300 г., называет Флегонта «выдающимся счислителем олимпиад», а Гиерон включил его имя в список «ученейших мужей» (FGH 257 F 16a; F 24b).

Для нас значение «Олимпиад» заключается в том, что Флегонт продолжил традицию греческих историков использовать счисление по олимпиадам для датирования какого-либо исторического события. Это предполагало наличие и использование списка победителей Олимпийских игр. Первый из таких списков был обнаружен Гиппием из Элиды (IV в. до Р.Х.); его последователи, прежде всего Тимей из Тавромения и Эратосфен, дополняли и переиздавали этот список. Наиболее поздний список для 1–249-й олимпиады сохранился в «Хронике» Евсевия Кесарийского, а отрывки более ранних перечней изданы Ф. Якоби (FGH 414–416)⁵.

Перевод «Удивительных историй» Флегонта из Тралл выполнен по изданию: *Paradoxographorum Graecorum reliquiae. Recognovit, brevi adnotatione critica instruxit Alexander Giannini. Milano, 1965* и впервые печатается на русском языке полностью. Перевод с древнегреческого осуществлен М.Л. Гаспаровым (фр. 1), М.Е. Грабарь-Пассек (фр. 3, 11, 14, 15, 17, 34–35) и В.Н. Илюшечкиным (фр. 2, 4–10, 12, 13, 16, 18–33). Комментарии составлены В.Н. Илюшечкиным.

Флегонт из Тралл

УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ

ФРАГМЕНТ I

(Начало текста не сохранилось) (1)... к комнате гостя¹; подойдя к дверям, она при свете ночника увидела, что рядом с Махатом сидит женщина. Изумленная этим видением, не в силах долее сдерживаться, бежит она к матери и зовет громким голосом: «Харито и Демострат!», – чтобы родители встали и вместе с нею пошли к дочери: показалось ей, что та жива и неким божественным изволением находится с гостем в его комнате. (2) Когда Харито услышала эту невероятную весть, сперва у нее дух захватило от потрясения – так поразительно было известие и в таком смятиении была кормилица. Но тут же вспомнив о дочери, она заплакала и, наконец, заподозрив, что кормилица сошла с ума, велела ей немедленно уходить прочь. (3) Только когда кормилица, уверяя, что она здорова и в своем уме, стала дерзко укорять хозяйку за то, что та из трусости не хочет взглянуть на собственную дочь, Харито нехотя, уступая кормилице, да и сама любопытствуя посмотреть, что случилось, подходит к дверям

⁵ См. Бикерман Э. Хронология древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975. С. 70–71.

¹ Поскольку начало рукописи не сохранилось, действие повествования Флегонта начинается с середины.

гостя. Но пока они собрались на этот раз, прошло много времени, и Харито опоздала. Оказалось, что те уже легли. Однако мать присмотрелась, и ей показалось, что она узнает одежду и черты лица; но не имея возможности проверить, так ли это, она решила не поднимать шума, в надежде, что, проснувшись рано поутру, она еще застанет эту женщину, а если опоздает, что расспросит обо всем Махата: он, конечно, не станет лгать, когда его будут спрашивать о столь важном деле. Поэтому она молча ушла.

(4) На рассвете оказалось, что женщина неприметно скрылась, то ли божественным произволением, то ли по своему желанию; и мать, войдя, была огорчена ее исчезновением. Рассказав молодому гостю все с самого начала, она обняла колени Махата и просила его открыть ей всю правду, ничего не тая². Юноша смутился, сначала запутался и кое-как наконец объяснил, что женщину звали Филиннион³; рассказал, как пришла она в первый раз, открыл, как велика была ее страсть, и сообщил, что приходит она к нему, по ее словам, тайно от родителей; а чтобы поверили, что так дело и было, он открывает ларец и вынимает предметы, оставшиеся от этой девушки: золотой перстень, который она дала ему, и нагрудную повязку, которую оставила прошлой ночью.

(5) Когда Харито увидела такие предметы, она завопила, а потом, разодрав на себе накидку и платье, сорвав с головы покрывало, бросилась наземь и, схватив кольцо и повязку, снова подняла плач. Увидав, что происходит с ней и как рыдают в отчаянии все вокруг, словно собираясь хоронить Харито, гость и сам встревожился: стал утешать ее, уговаривал прекратить плач и обещал показать девушку, если та появится снова. Харито поддавалась уговорам и, попросив его не забывать своих обещаний, удалилась к себе.

(6) Наступила ночь, и был тот час, когда обычно Филиннион приходила к юноше; все ждали ее появления; и она пришла. Когда она, как всегда, вошла и села на ложе, Махат не подал вида, желая сам во всем разобраться: он не поверил, что имеет дело с мертвой, которая с такой точностью приходит в одно и то же время, да еще и ест и пьет с ним, отнеся с недоверием к тому, что рассказали родители, и подумал, что какие-нибудь грабители разрыли могилу и продали одежды и драгоценности отцу этой девушки. Чтобы узнать все в точности, он потихоньку посылает рабов за ее родителями.

(7) Демострат и Харито поспешили прийти; но когда они, увидев девушку, сперва онемели, потрясенные невероятным зрелищем, а потом с криком бросились к дочери, тогда Филиннион сказала им так: О мать и отец, сколь несправедливо поступаете вы – даже трех дней не позволили вы мне беспрепятственно провести в родном доме вместе с гостем. И вот теперь из-за вашего любопытства будете вы снова страдать, я же

² Исследователи по-разному пытались реконструировать содержание несохранившейся начальной части рукописи, где мотивировалось пребывание Махата в доме Демострата. Так, одни предполагали, что Филиннион могла влюбиться в сына постояльца из Пеллы, но родители против ее воли решили выдать ее замуж за Кратера; не избавившись от любви к Махату, невеста неожиданно умирает накануне свадьбы (*Wendland P. Antike Geister- und Gespenstergeschichten // Festschrift zur Jahrhundertfeier der Universität zu Breslau im Namen der Schlesischen Gesellschaft für Volkskunde. Breslau, 1911. S. 9–32*). Другие, напротив, полагали, что юноша вызвал любовную страсть Филиннион, которая по ночам тайно посещала Махата (*Mesk J. Über Phlegons Mirabilia I–III // Philologus. 1925. 80. S. 298–311*).

³ Автор придает повествованию местный колорит, вводя македонские имена. Э. Роде не исключал, что мужчина, за которого родители собирались выдать свою дочь Филиннион, возможно, был одним из македонских военачальников, «правая рука» Александра Македонского Кратер (ок. 370–321 гг. до н.э.), а адресат послания Гиппарха о случившемся с Филиннион – Филипп III Арридей (ок. 358–317 г. до н.э.); единокровный брат Александра (*Rohde E. Zu den Mirabilia des Phlegon // RhM. 1877. N.F. 32. S. 331–339*). Филиннион носит то же имя, что и вторая жена исторического Кратера – Филинна из Лариссы, мать Арридея. Македонские имена перемешаны у Флегонта с такими именами, как Демострат, Харито, Гиппарх и Гилл, что было обычной практикой греческих беллетристов, например, таких, как Харитон и Ксенофонт Эфесский (*Hägg T. The Naming of the Characters in the Romans of Xenophon Ephesus // Eranos. 1971. 69. P. 25–59*).

вновь отойду туда, где мне назначено быть; ибо не без божественной воли явилась я сюда⁴.

(8) С этими словами она упала мертвой, и все видели, как распростерлось ее тело на ложе. Мать и отец обняли ее труп, великое смятение поднялось в доме из-за этого события, потому что случилось нечто непоправимое и происшествие это было невероятно. Вскоре о нем заговорили по всему городу и сообщили мне.

(9) Всю ночь я сдерживал толпу, собравшуюся возле дома, опасаясь, чтобы распространение такого слуха не произвело мятежа⁵. К рассвету народ наполнил театр⁶. После того как обо всем было рассказано в подробностях, мы постановили прежде всего пойти к гробнице, вскрыть ее и посмотреть, лежит ли тело на своем ложе, или же там окажется пустое место: шести месяцев не прошло после смерти девушки. Когда мы открыли склеп, где хоронили членов этого семейства, то увидели, что на прочих ложах действительно лежат мертвые тела, а от тех, кто скончался давно, остались кости; и только там, где положили и похоронили Филиннион, мы обнаружили железный перстень гостя и позолоченную чашу, которую она взяла у Махата в первый день⁷.

(10) Изумленные, потрясенные, мы поспешно направились к Демострату, в комнату гостя, чтобы посмотреть, правда ли, что покойница была там, и увидели ее тело на полу. Тогда мы отправились в народное собрание, так как события были важными и невероятными. (11) Собрание шумело в таком смятении, что почти никому не удавалось высказать своего мнения. Наконец Гилл, который считается у нас не только лучшим прорицателем, но и умелым птицагадателем и в остальном искусстве ведовства отменным знатоком, встал и заявил, что тело девушки следует предать погребению за пределами города – ибо не следует вновь хоронить ее в городе, а Гермесу Подземному и Эвменидам надо принести умиловительные жертвы; затем велел он всем нам произвести обряд очищения над нами самими и над святилищами и подобающим образом почтить подземных богов⁸. Мне же он тайно посоветовал совершить заклятие Гермесу, Зевсу Гостеприимцу и Аресу за царя и государство и выполнить это со всей тщательностью.

(12) Согласно с его словами мы совершили указанное, а Махат, приехавший, к которому являлся призрак, в горе лишил себя жизни.

Итак, если ты сочтешь нужным написать об этом царю, сообщи мне, чтобы я прислал к тебе кого-нибудь из людей, знающих это во всех подробностях. Будь здоров.

⁴ Внезапное появление родителей нарушило условия божественного табу (сроком три ночи?). Греческая мифологическая традиция содержит близкие мотивы. Например, богиня Деметра, чтобы наделить ребенка в тайне от его родителей бессмертием, по ночам вносит младенца в пламя; однако после того, как однажды мать ребенка ненароком подглядела за действиями Деметры, богиня роняет мальчика наземь и он остается простым смертным (Гомеровский гимн к Деметре. V. 231–281). Аналогичным образом Фетида жгла тело младенца Ахилла, своего сына, пламенем, а утом натирала амброзией с тем, чтобы сделать его бессмертным. Однако как-то ночью Пелей стал свидетелем этой процедуры, и тогда разгневанная Фетида, в сердцах отшвырнув Ахилла, бросилась в море (*Аполлоний Родосский*. Аргонавтика. IV. 865–879).

⁵ Прямое указание на то, что рассказчик – очевидец событий, местное должностное лицо.

⁶ В эллинистический период театр был излюбленным местом народных собраний (ср. *Харитон*. I. 1. 11; VIII. 7.1). В римское время театры превратились в места собраний, где демонстрировалось ораторское искусство, ушедшее с агоры и из булеветериев (ср. *Свенцицкая И.С.* К проблеме «греческого возрождения» в полисах II в. Культурные рецепты в идеологии и в повседневной жизни // *Быт и история в античности*. М., 1988. С. 181).

⁷ Обмен дарами между молодыми людьми, происшедший в ночь первого посещения призрака, включал золотой перстень от Филиннион и железный перстень с позолоченным потиром от Махата. Между тем, в Греции было распространено суеверное представление, что призраки нередко избегают железа (*Riess*. *Aberglaube* // *RE*. Bd I. S. 50).

⁸ Рассказчик представляет Гилла – выразителя общего мнения городской общины – как знатока ведовства, истолкователя знамений (τῆρατοσκóπος) и «птицагадателя» (οἰσιοσκóπος), толкующего знамения по крику и полету птиц.

(1) Гиерон Александрийский или Эфесский передает, что в Этолии объявилось привидение⁹. (2) Некий Поликрит был избран гражданами на три года архонтом этолийцев¹⁰, которые сочли его наиболее достойным этой должности из-за знатности предков. Находясь в этой должности, он взял в жены женщину из Локриды¹¹, провел с ней три ночи, а на четвертую – умер. (3) Женщина осталась вдовой, а когда пришло время рожать, она разрешилась двуполым младенцем с мужскими и женскими половыми органами, удивительным образом деформированными от природы: верхняя часть гениталий была твердой и мужской, а то, что находилось ниже – принадлежало женщине. (4) Изумленные случившимся, родственники ребенка принесли его на агору, где по этому поводу собрался народ¹²; назначили очистительные жертвы, призвали толкователей божественных знамений и ряздили, что делать с ребенком¹³. Одни заявили, что грядет разрыв отношений между этолянами и жителями Локриды, поскольку ребенок был отделен от матери-локрийки и своего отца – этолийца. Другие же полагали, что ребенка с матерью следует изгнать за пределы города и сжечь¹⁴.

⁹ По свидетельству неоплатоника Прокла (Комментарии к «Государству» Платона. II. P. 115 Kroll) Гиерон Эфесский излагает это происшествие в послании к царю Антигону; об этом Гиероне см. *Jacoby F. Hieron* (20) // RE. Bd 8. Sp. 1515; FGH 518. По мнению Прокла, послание Гиерона является фиктивным. Таким образом, личность эпистографа Гиерона остается неизвестной; за именем «Антигон» может скрываться историческое лицо – либо македонский царь Антигон I Одноглазый (правил с 306 по 301 г. до н.э.), либо Антигон II Гонат (правил с 283 по 239 г. до н.э.).

¹⁰ «Некий Поликрит» – исторически неизвестное лицо. «Архонт Этолии» – официальная должность, сродни более известной нам должности архонта Беотии. Во главе каждой из 11-ти областей, входящих в V в. до н.э. в состав Беотийской конфедерации, находился архонт и совет из 60 членов.

¹¹ К концу IV в. до н.э. Западная Локрида (пограничная с Этолией область) была фактически включена в состав Этолии и утратила свою независимость.

¹² Рождение ребенка-андрогина становится предметом публичного обсуждения, поскольку считалось, что рождение уродов, териоморфных существ и аномалий является дурным знамением (τέρας) для гражданской общины и представляет угрозу ее существованию. Ср. также фр. 10, в котором говорится о том, что рождение в Риме андрогина вынуждает сенат обратиться к совету оракула Сивиллы.

¹³ «Прорицателя» (греч. θύτης, лат. extispex), или гадалца по внутренностям жертвенных животных, следует отличать от «толкователя знамений» (τερατοσκόπος); в позднее время к тем и другим обращаются вообще как к «мантисам», «предсказателям» (μάντις). См., в частности, *Приходько Е.В.* Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999.

¹⁴ Ср. отрывок из греческого «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена (III. 30): некая женщина родила в Вавилоне необычного младенца. После того как предсказатели заявили, что это знак близкой смерти Александра Великого, тот приказал предать младенца огню. В истории Флегонта о призраке Филиннион предсказатель Гилл настаивает на сожжении тела девушки вне города (фр. 1, § 17). В Италии рожденных детей-андрогинов нередко топили (ср. фр. 25, где говорится о потоплении ребенка, родившегося с двумя головами).

Рождение двуполых существ традиционно считалось страшным знамением (греч. τέρας, лат. prodigium). Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке» (I в. до н.э.) сообщает, что незадолго до Союзнической войны проживавший в окрестностях Рима человек, как оказалось, женился на андрогине. По решению римского сената, согласно указаниям этрусских гаруспиков, гермафродита сожгли заживо. Диодор поясняет, что в данном случае сам факт существования двуполого существа не предвещал ничего зловещего для государства, и, тем не менее, продолжает Диодор, людское невежество и приверженность суевериям перевесили чашу весов. Далее Диодор добавляет, что в свое время родившийся в Афинах андрогин был умерщвлен таким же образом (XXXII. 12). Тит Ливий, а также пересказывающий его в «Книге пророчеств» Юлий Обсеквент (IV в.) приводят ряд случаев рождения двуполых существ, предвещающих по общему мнению бедствия и потому подлежащих утоплению в море или реке: «...во Фрузиноне родился ребенок ростом с четырехлетнего, но удивительна была не его величина, а то, что, как в Синуэссе два года тому назад, нельзя было определить, мальчик это или девочка. Гаруспики, вызванные из Этрурии, сказали, что это гнусное и мерзкое чудище: его надо удалить из Римской области и, не давая ему касаться земли, утопить в морской бездне. Его положили живым в сундук, уплыли далеко в море и бросили в воду» (*Ливий. XXVII. 37. 5–7, а также II. 4–6; XXXI. 12. 6–10, пер. М.Е. Сергеев: Юл. Обс. 22, 27а, 32, 34, 36, 47–50, 53*). Правда, через столетие после Ливия можно было наблюдать частичное изменение в оценке фактов

(5) Пока они обсуждали случившееся, Поликрит, который уже умер, весь в черном¹⁵ объявился в собрании рядом с ребенком. (6) Пораженные его внезапным появлением, большинство граждан бросилось наутек, когда он закричал, чтобы они набрались мужества и не смущались присутствием призрака.

После того как волнения и замешательство утихли, он провещал слабым голосом: «Мужи полиса, тело мое мертво, но благодаря благоволению и милости, испытываемой к вам, я жив. Я нахожусь здесь для вашего блага и взываю к подземным властителям¹⁶. Итак, поскольку вы мои сограждане, я обращаюсь к вам – не бойтесь меня и не пренебрегайте невероятным явлением призрака. Умоляю всех вас, заклиная спасением каждого, передать мне ребенка, которого я породил, чтобы не случилось беды, если вы выберете иное и ваша враждебность ко мне станет началом несчастий. Ведь мне поручено не допустить сожжения ребенка из-за прихоти или безумия предсказателей, которые вам это присоветовали.

Поскольку перед вами столь странное зрелище, простительно, что вы растерялись и не знаете, как правильно поступить. Однако, если вы послушаетесь меня и повируетесь без колебаний, то освободитесь не только от страха, но и от нависшей угрозы. Если же вы предпочтете иное решение, боюсь, что из-за недоверия к моим словам вас постигнет непоправимая беда. По доброй воле, которую я прежде питал и питаю к вам, явившись внезапно, предсказываю, как наилучшим образом поступить вам. Заклинаю вас не бежать моих слов, прекратить споры и подчиниться тому, что я сказал – отдайте мне ребенка по-хорошему¹⁷, ибо мне не велено задерживаться здесь слишком долго теми, кто правит под землей».

(7) Сказав это, он умолк, терпеливо ожидая, какое решение они вынесут. Одни полагали, что следует отдать ребенка и тем самым совершить искупительную жертву в честь знамения и стоящего рядом демона. Но большинство не соглашалось, настаивая, что не следует поступать опрометчиво, поскольку дело это величайшей важности, да и сама проблема необычная.

(8) Видя, что они с ним не согласны и препятствуют осуществлению его намерений, он заговорил вновь: «В любом случае, граждане полиса, если беда падет на ваши головы из-за вашего несогласия, то вините не меня, но судьбу, которая ведет вас неверной дорогой, судьбу, которая, противясь и мне, вынуждает меня поступать с моим ребенком противозаконно».

(9) Собралась толпа, и разногласия по поводу необычного знамения продолжались, как вдруг призрак, оттолкнув мужчин, схватил ребенка, быстро стал разрывать его тело на части и пожирать. (10) Люди стали кричать и бросаться камнями, пытаясь прогнать призрак. Оставаясь невредимым под градом камней, призрак сожрал все тело ребенка, кроме головы, и только тогда внезапно исчез из виду¹⁸.

появления двуполых существ: так, Плиний Старший, упоминая в «Естественной истории» (VII 3. 34) андрогинов (*hermaphrodites, androgyni*), отмечает, что теперь эти знамения воспринимаются скорее как удивительные явления. О толковании пророчеств в древности и, в частности, о популярности в Аттике начала IV в. до н.э. культа гермафродита см. *Bloch R. Les prodiges dans l'antiquité classique*. P., 1963.

¹⁵ Призраки обычно изображались истощенными и одетыми в черные одежды: как правило, «призрак» и «мертвец» мыслились у греческих авторов в виде тождества (подробнее см. *Фрейдберг О.М.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 336 л.). В данном случае одежда – по принципу метонимии – заместитель «двойника» человека.

¹⁶ То есть к подземным богам, перед тем как возвратиться в царство мертвых.

¹⁷ Букв. «с добрыми словами» (*μετ' εὐφρίας*), или, в крайнем случае, просто молча, что соответствовало бы ритуальной норме.

¹⁸ Жестокая сцена, рассчитанная на потрясение читателя/слушателя, однако, не мотивирована. Призрак разрывает на части только тело младенца, но не голову (ср. аналогичную сцену в фр. 3, где рыжий волк на глазах людей загрызает римского военачальника Публия, но оставляет невредимой голову, которая затем пророчествует стихами о том, что ее устами говорит сам Феб-Аполлон, который потом ответит Публия в царство мертвых). В данном случае очевидны рудименты архаического сознания: разъятие тела на части («спарагмос») параллельно приобретению пророческого дара. Так, Н.В. Брагинская в комментариях к

Возбужденная случившимся толпа горожан пребывала в состоянии крайней растерянности, а затем решила отправить посольство в Дельфы, как вдруг голова мальчика, лежащая на земле, начала пророчествовать¹⁹:

«О, многочисленный народ, населяющий прославленную в гимне землю!

Не ходите в святилище Феба и не приносите ему жертв:

190 Ведь воздетые вами руки запятнаны кровью.

Не следует вам отправляться в путь. Отложите посольство к треножнику (Аполлонову) и проникнитесь моими словами.

Ибо я открою вам повеление оракула целиком. Начиная с этого дня в течение года²⁰ всем распоряжается смерть, и по воле Афины души локрийцев и этолян перемешаются.

И даже на короткий срок не ослабнет злая сила.

Ибо кровавые брызги ударили вам в головы.

Все сохраняется во мраке ночи и черное небо распростерлось надо всем.

200 Ибо тьму породила ночь, покрывшая всю землю.

Все дома лишатся своих обитателей, на пороге жилищ не останется ни одной женщины, которая бы их оплакала, ни одного ребенка, который бы не проливал слезы у бездыханных тел своих родителей. Таков вал, накрывающий сверху всех.

Увы мне, что не в силах остановить этого! Скорблю о бедах и страданиях моей земли и охваченной ужасом матери, которая избегнет смерти.

Боги породят бесславное наследие

Тех, кто останется от этолийского и локрийского семени,

лекциям О.М. Фрейденберг «Введение в теорию античного фольклора» отмечает, что в глубокой древности бытовало представление о получении мертвыми пророческой пневмы («духа») через раззятие тела и особенно отрубание головы. Н.В. Брагинская добавляет, что «египтологи связывают такое представление с доисторическим обычаем вторичного захоронения, что показали раскопки некрополя (Негада). Вплоть до Древнего царства обнаруживается обычай отрезать мертвым голову и отделять члены, соскабливать мясо с костей, а затем складывать кости в нормальном порядке, но в позе человеческого эмбриона (ср. Книга мертвых. 43 и 90)» (Брагинская Н.В. Комментарии // Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. М., 1978. С. 544). Таким образом, не исключено, что сохраненное Флегонтом в загрязненном виде представление восходит к эпохе за три тысячи лет до него. Призрак Поликрита, подвергнутый избиению камнями, остается все же неуязвимым, поскольку уподоблен тени (в отличие, например, от «восставшего из мертвых» начальника сирийской конницы Буплага, который пророчествует стихами в лагере римлян, а затем сразу же умирает: тело Буплага решено было сжечь (фр. 3). Аналогичным образом сжигается тело призрака Филинион за пределами города (фр. 1). Однако, несмотря на то что призрак Поликрита представляет собой тень, он отличается, как и известный призрак из Темесы (Лавс. VI. 6. 7–11), сверхъестественной силой и жестокостью.

¹⁹ «Пророчащая голова» в качестве мотива нередко встречается не только в мифологических, но и в литературных контекстах (см. *Thompson S. A Motif-Index of Folk-Literature: A Classification of Narrative Elements in Folktales, Ballads, Myths, Fables, Mediaeval Romances, Exempla, Fabliaux, Jest-Books and Local Legends*. 6 vol. Bloomington, 1955. Motif E783; *Deonna W. Orphée et l'oracle de la tête coupée* // REG. 1925. 38. P. 44–69; *Nagy J. Hierarchy, Heroes and Heads. Indo-European Structures in Greek Myth* // *Approaches to Greek Myth* / Ed. L. Edmunds. Baltimore, 1990. P. 200–238). В данном случае «пророчащая голова» настаивает на том, что собравшиеся не должны отправлять посланцев в Дельфы, поскольку запятнали свои руки кровью (ст. 189–190); головая андрогина пророчит, что «по воле Афины» (ст. 196) души этолян и локрийцев смешаются вместе, а жителям следует покинуть Этолию и идти в другую «землю народа Афины» (ст. 214). Здесь явственно просматривается мотив соперничества между пророчествующей головой ребенка и оракулом Аполлона. Греческая мифологическая традиция сохранила легенду об Орфее, который был растерзан неистовыми вакханками, а его голову, брошенную во фракийский Гебр, принесло к острову Лесбосу. Мотив соперничества между пророчащей головой Орфея и Аполлоном сохранился у Филострата (VA IV 14). Схожий мотив о «пророчащей голове» зафиксирован у Флегонта из Тралл в его истории о Публии (фр. 3) и призраке Поликрита (фр. 2); причем в последнем сообщении мотив соперничества с оракулом Аполлона проявляется особенно четко.

²⁰ Вслед за вступлением оракул пророчествует, что этолян и локрийцев подстерегают неминуемые бедствия (ст. 194–206), однако погибнут не все (ст. 207–215), и судьба их уподобится судьбе растерзанного ребенка, от которого осталась лишь голова.

210 Потому что смерть пощадила мою голову и оставила ее на земле. Пойдите и выставьте мою голову лицом к востоку и не хороните ее глубоко в черной земле.

Что касается вас, то покиньте эти пределы и идите в другую землю к народу Афины, если вы хотите избежать смерти согласно предначертанию судьбы²¹.

Когда этолийцы услышали оракул, то увели жен, детей, младенцев и стариков в дальние края, кто какие из них смог найти. Сами же остались, ожидая неминуемого; в следующем году случилась война этолийцев с акарнянами, в которой каждая из сторон понесла огромные потери²².

²¹ Согласно мифологической традиции о троянском цикле Афина разгневалась на локрийцев (*Аполл. Эпит. V. 22; Верг. Энеида. II. 403–406*). По возвращении кораблей из-под Трои население Локриды охватил мор и ее жители по решению оракула должны были искупить святотатство Аякса Оилида, послав в Трою двух дев. По прибытии в Трою девушки подверглись опасности быть сожженными, но избежав смерти, стали прислуживать в качестве жриц в храме Афины, никогда не покидая его. После смерти девушек-локриек были посланы другие, но как только жители Локриды перестали отправлять девушек в Трою, женщины Локриды стали рожать калек и уродов. Существует определенная связь между историей о призраке Поликрита (ср. «по воле Афины» и «в землю народа Афины») и мифологической традицией о девушках из Локриды, прислуживающих в храме Афины в Трое. Согласно версии мифа, женщины из Локриды рожают калек и уродов (ср.: жена Поликрита из Локриды рождает андрогина). Девушек из Локриды жители Трои пытаются сжечь заживо, как если бы они были уродливы или страдали отклонениями от нормы (подобно тому как этолийцы предлагают сжечь жену Поликрита, родившую андрогина). Жители Локриды обращаются за советом к оракулу Аполлона, подобно тому как этоляне намерены в аналогичной ситуации послать в Дельфы послов, чтобы оракул истолковал смысл знамения в виде рождения андрогина и явления призрака. По всей видимости, автор повествования о призраке Поликрита был знаком с устной или письменной версией мифа о девушках из Локриды, которые в качестве жриц прислуживали в храме Афины в Трое.

²² Нельзя полностью исключать того, что свидетельство Флегонта (или его источника) о войне между этолийцами и локрийцами (так в греческом тексте, что не помешало, однако, издателю текста А. Джаннини заменить «локрийцев» на «акарнян») с историческими событиями 314–313 гг. до н.э., когда один из диадохов, Кассандр, при поддержке акарнян (восточных соседей этолийцев) совершил вторжение на территорию Этолии и Эпира (граничащего с Этолией на северо-западе) в период совместной войны диадохов против Антигонидов за господство в Греции (*Диод. Сиц. 19. 74*). Если учесть, что Этолию и Западную Локриду разделяют горы, то вызванная условиями военного времени миграция части этолийцев (ср. повеление оракула идти «в землю народа Афины») в Локриду, население которой традиция прочно связывает с Афиной, представляется вполне закономерной, и тогда, надо признать, подтверждаются слова оракула в том, что души этолийцев и локрийцев объединятся. Более того, объединение этолийцев с локрийцами символически отражено также и в продигиозном рождении андрогина. Истинный смысл рождения двуполого существа, отец которого – этолиец, а мать – локрианка, заключен в восстановлении союза этолян и локрийцев (ср. слова, с которыми призрак Поликрита обращается к собравшимся: мнения, высказанные на сходе, – неверны, рождение андрогина не является знаменем разделения и, соответственно, его не следует сжигать). Однако окончательное решение о способе сосуществования этолян и локрийцев, как это вытекает из текста Флегонта, должно было принять народное собрание. Остается гадательным, не представлял ли собой источник Флегонта послание, отправленное Антигону Одноглазому, если согласиться с предположением, что события, нашедшие в косвенной форме отражение в фр. 2, соотносятся с историческим периодом 314–313 гг. до н.э. Подтверждением того, что история о Поликрите вобрала в себя очевидные признаки мифологической традиции (возможно, в устной форме), может служить схожая история с элементами культового мифа, рассказанная Филостратом (род. в 170 г.) в диалоге между финикийским купцом и местным виноградарем в сочинении «О героях» (215). С завершением Троянской войны Ахилл и Елена вступили в брак после смерти (брак самого храброго с самой красивой) и проживают на Белом острове (о-в Левка) в устье Дуная на Понте Эвксинском. Однажды приплывшему на остров купцу явился Ахилл и попросил купить для него в Трое девушку-рабыню, указав, как ее найти. Купец исполнил поручение и доставил девушку на остров, но не успел еще его корабль далеко отплыть от берега, как он и его спутники услышали дикие крики несчастной девушки: Ахилл разорвал ее на части – она, оказывается, была последней из потомков царского рода Приама. Очевиден параллелизм двух сообщений Флегонта и Филострата. Призрак Поликрита (у Флегонта) является перед народом и просит отдать ему ребенка-андрогина; затем призрак разрывает младенца на части и пожирает его; собравшиеся в ужасе. Схожим образом тень Ахилла (у Филострата) просит заезжего купца доставить ему девушку из Трои; купец выполняет просьбу, и Ахилл разрывает девушку на части; крики несчастной долетают до ушей купца и его спутников. На сообщение Флегонта не могло повлиять сообщение Филострата, который жил позже; возможный источник следует

(1) Вот о чем повествует Антисфен, философ-перипатетик²³: консул Ацилий Глабрион с легатами Порцием Катоном и Луцием Валерием Флакком натолкнулись в Фермопилах на войско царя Антиоха²⁴; Ацилий храбро сражался и заставил воинов Антиоха положить оружие. Самому Антиоху пришлось с пятьюстами своих приверженцев бежать в Элатею, а оттуда в Эфес²⁵. (2) Ацилий послал Катона в Рим с вестью о победе, а сам направился в Этолию и, подойдя к Гераклею, овладел ею без всякого труда. (3) Во время сражения против Антиоха в Фермопилах римлянам явилось множество удивительных знамений. Когда Антиох бежал, римляне на следующий день занялись розысками тех, кто пал, сражаясь на их стороне, а также начали забирать доспехи и оружие убитых и захватывать пленников.

(4) И вот, был некий начальник конницы Буплаг, родом сириец, пользовавшийся у царя Антиоха большим почетом: он пал, отважно сражаясь. Когда же римляне собрали все оружие – дело было около полудня, – Буплаг вдруг восстал из мертвых и, неся на себе двенадцать ран, появился в римском лагере и слабым голосом произнес такие стихи:

Тотчас грабеж прекрати! И тех, что в Аиде, не трогай!
 Зевс покарает Кронид нечестивые злые деянья,
 Сильно разгневан убийством мужей и твоим преступленьем.
 Много отважных племен на твои он пределы обрушит,
 Власти ты будешь лишен и за все, что свершил ты, ответишь²⁶.

искать в повествованиях о призраках, восходящих к мифологической традиции. Объединяющее эти два сюжета описание обряда разрывания, или разъятия на части (*δ σπαράγμός*), своего рода жертвенной смерти (*Фрейденберг О.М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997. С. 59–60, 169 сл.), по всей видимости, представляет собой рудиментарную форму архаического сознания. Роль гостеприимного хозяина Белого острова, исполняемая Ахиллом, становится объяснимой в свете статьи Х. Хоммеля, показавшего, что даже в VII в. до н.э. этот персонаж, давно превратившийся в эпического героя, по-прежнему выступал в своей исконной функции одного из загробных демонов (*Хоммель Х.* Ахилл-бог // ВДИ. 1981. № 1; см. также *Гиндин Л.А., Цымбурский В.Л.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996. С. 294 сл.). Судя по сообщению Флегонта, призрак Поликрита также несет в себе функции загробного демона. Сопоставление этих сюжетов с сообщением Филострата о пророчествующей голове Орфея (Жизнь Аполлония Тианского. IV. 14) позволяет реконструировать мифологическое ядро обряда в следующей последовательности: ритуальное разрывание тела, или «спарагмос», и пророчащая голова – что находится в теснейшей связи с мотивом соперничества с оракулом Аполлона.

²³ Возможно, вымышленное лицо (как и Гиерон, предполагаемый источник фр. 2); вместе с тем, не исключено, что названный Антисфен является автором философских сочинений (*Φιλοσόφων Διαδοχαί*) или историком Антисфеном Родосским (FGH 508).

²⁴ Маний Ацилий Глабрион – командующий римским войском в битве при Фермопилах (191 г. до н.э.). Сравнение между войсками римлян и царя Антиоха III Великого завершилось поражением Антиоха. Конфронтация между Римом и царством Селевкидов нарастала постепенно и обострилась после того, как Антиох III вновь подчинил своей власти ряд малоазийских городов (среди них и Траллы). В 192 г. до н.э. Антиох III переправился с войском в материковую Грецию, откликнувшись на призыв Этолийского союза выступить против римлян. Таким образом, 191 г. до н.э. является точкой отсчета для датировки источника Флегонта.

²⁵ Элатея – город на севере Фокиды (*Страбон.* IX. 3. 15), недалеко от Фермопил. В сопровождении остатков своего разбитого войска Антиох III Великий направился в Халкиду, откуда переправился в Эфес. Союзный римлянам греческий флот (Риму оказывали помощь Родос и Пергам) одержал победу на море, и война была перенесена в Малую Азию. Окончательным разгромом Антиоха III стала битва зимой 190/189 гг. до н.э. (в последние недели 190 г. до н.э. или в первые недели следующего года) при Магнесии у горы Сипила (подробнее см. *Бенгтсон Г.* Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 241 сл.).

²⁶ Буплаг своим пророчеством (подобно Габиеву, сражавшемуся в период гражданской войны 38–36 гг. до н.э., – см. *Плиний Старший.* VII. 52. 178–179) предостерегает римлян от продолжения военных действий, угрожая карой Зевса Крониды.

(5) Военачальники, потрясенные этими словами, немедленно собрали все войско на собрание и стали держать совет, что значит это явление: было решено сжечь тело Буплага²⁷, умершего сейчас же после того, как он изрек предсказание, и похоронить его прах; войско подвергалось обряду очищения, принесли жертвы Зевсу Апотропею («Отвращающему беды»)²⁸, а в Дельфы отправили послов спросить бога, что надо делать. (6) Когда послы дошли до Пифийского святилища и задали вопросы, что следует делать, Пифия изрекла такие слова:

Римлянин, стой! И отныне всегда соблюдай справедливость!
Пусть не подвигнет тебя Паллада на битвы Ареса,
Гибель несущего градам. А ты, безумец, вернешься
В дом после многих трудов, утратив и власть и богатства²⁹.

(7) Услышав это предсказание, римляне отказались от мысли учинить нападение на какой-либо из народов, населяющих Европу, и, снявшись с лагеря, отправились из упомянутой местности в Навпакт, город в Этолии, где находится общегреческое святилище³⁰; там они приняли участие в общественных жертвоприношениях и принесли богам первины этого года, как требовалось по обычаю³¹.

(8) Во время празднества военачальник Публий впал в безумие, утратил разум и, неистовствуя, стал выкрикивать предсказания, то стихами, то речью неразмеренной³². Когда весть об этом дошла до войска, все сбежались к палатке Публия: сокрушаясь и предаваясь печали оттого, что такое несчастье постигло одного из лучших и опытейших военачальников, они в то же время хотели послушать, что он будет говорить: и людей собралось столько, что несколько человек даже задушили в давке. И вот что изрек Публий стихами, еще находясь внутри палатки:

Родина, горе тебе! Ниспошлет жестокие войны
Дева Афина, когда, избыльные Азии страны
В прах низложив, ты вернешься домой, в италийскую землю,
В грады, венчаные славой, в Тринакрию, остров прелестный,
Созданный Зевсом³³. Но рать, с душой беспощадной, отважной

²⁷ Как и в истории о призраке Филинион (фр. 1) и призраке Поликрите (фр. 2) по решению профессиональных гадалщиков, раскрывающих смысл знамений, тело «двойника» сжигается.

²⁸ Зевс Апотропей («Отвратитель бед») – исконно греческое божество; принадлежит к поколению богов, свергших титанов. Благодетельные функции нашли отражение в эпитете «Отвратитель бед», покровительстве героям, уничтожающим хтонических чудовищ.

²⁹ Паллада, т.е. богиня Афина Паллада; Арес здесь не просто метонимия, а фиксация того, что божество войны и есть сама война. Оракул Пифии не идентичен пророчеству Буплага. В данном случае призыв обращен не к Зевсу, а к Афине Палладе, враждебной к троянцам в период Троянской войны, и, возможно, враждебно настроенной и к римлянам. Оракул Пифии и пророчество Буплага очевидным образом не соотносятся друг с другом и восходят, по-видимому, к источникам разного времени.

³⁰ Исторические свидетельства о существовании в Навпакте (Этолия) общегреческого храма отсутствуют.

³¹ Обычай при обращении к богам посвящать им (или мертвым) первины (ἀπαρχαί) – первый сбор плодов, долю мяса, зерна, вина, шерсти и т.п.

³² Не исключено, что имеется в виду Публий Корнелий Сципион, знаменитый участник второй Пунической войны, с 190 г. до н.э. ставший фактически руководителем военных действий и дипломатических переговоров с Антиохом III. Именно он в качестве легата сопровождал брата Луция Корнелия Сципиона в Малую Азию. Однако, используя личное имя (γραῖνομεν) Публий, автор скорее всего лишь придает повествованию исторический колорит, наподобие того, как он вводит в историю о Филинион (фр. 1) македонские имена времени правления царя Филиппа, что должно было подтверждать достоверность рассказа.

³³ Очевидна перекличка пророчества Публия с оракулом пифии (в обоих пророчествах упомянута Афина, угрожающая Риму войной). Тем не менее, речь идет о разновременных событиях: в последнем случае предполагается, что вторжение римлян на территорию Малой Азии уже произошло (что позже и случилось в действительности). По-видимому, оба пророчества относятся к разным контекстам, поскольку в пророчестве Публия (в отличие от оракула пифии) говорится о вторжении объединенной армии государств Азии и Европы на Апеннинский п-ов.

В Азии встанет, в далеком краю, где солнце восходит.
Явится царь; он пройдет через тесный пролив Геллеспонта,
Вступит он в крепкий союз с владыкой Эпирского края,
В Авсонию³⁴ он приведет дружину несметную; войско
Он соберет из Азийских краев, из Европы цветущей,
Шею твою он согнет под ярмо, и пустынными станут
Стены твои и дома. Свободу ты сменишь на рабство.
Так покарает тебя оскорбленная дева Афина.

(9) Произнеся эти стихи, он в одной тунике выскочил из палатки и сказал, речью уже неразумной: «Возвещаем вам, воины и граждане, что вы, перейдя из Европы в Азию, победили царя Антиоха и на море и на суше, завладели всей страной вплоть до Тавра и всеми городами, основанными в ней; вы изгнали Антиоха в Сирию и эту страну с ее городами передали сыновьям Аттала³⁵; уже и галаты, населяющие Азию, побеждены нами, а их жен и детей и все имущество вы захватили и переправили из Азии в Европу; но фракийцы, обитающие в Европе на побережье Пропонтиды и Геллеспонта, нападут на вас, когда вы отстанете от своего войска возле границ эниев³⁶, многих убьют и отнимут часть добычи; а когда те, кому удастся спастись, вернуться в Рим, с царем Антиохом заключат мир; он будет платить дань и уступит часть своих владений».

(10) Сказав все это, Публий громко возопил: «Вижу рати с бронзовыми сердцами и царей объединившихся, и многие племена, идущие из Азии на Европу, слышу топот коней и звон копий, вижу битвы кровопролитные и разорение страшное, падение башен и разрушение стен и опустошение всей земли». (11) И сказав это, он опять заговорил стихами:

Вижу я день, когда в сбруе золотой серебристые кони,
Стоила покинув свои, сойдут на землю в Нисее³⁷.
Некогда Этион искусный в закрепление дружбы
Этих коней сотворил в сиракузян граде богатом³⁸.

³⁴ Авсония (Гесперия?) – конъектура издателя текста А. Джаннини (Авсония – древнейшее название Италии). Поскольку текст испорчен, предлагались следующие чтения: ἤξει δ' Ἴταλῆν (*Ludwig A. Zu Phlegon Mirab. c. 3 // RhM. 1886. 41. S. 627–628*); ἄξει δ' εἰς λεῖτην (*Orth E. Obeloi // Philologische Wochenschrift. 1935. 55. S. 109–110*); ἄξει δ' εἰς Ῥώμην (*saltem ἄξει δ' εἰς ἄστν Westermann*).

³⁵ Подробнее об Аттале I и Атталидах см. *Климов О.Ю.* Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998. С. 18 сл.

³⁶ Исправление на Αἰῖοι вместо рукописного Αἰνίδοι (см. *Holleaux M.* Sur un passage de Phlegon de Tralles // *Revue de Philologie.* 1930. 4. P. 305–309). Ср. Ливий (XXXVIII. 41): «В этот день войско достигло реки Гебра; оттуда оно прошло через земли Эноса (Aenus) мимо храма Аполлона Зеринфского, как его называют тамошние жители» (пер. А.И. Солопова). Зеринф – местность в Восточной Фракии со святилищами Гекаты и Аполлона.

³⁷ Ср.: «Нисейскими же называются эти кони вот почему. Есть в Мидии обширная равнина под названием Нисей. На этой-то равнине и разводят таких больших коней» (*Геродот.* VII. 40, пер. Г.А. Стратановского). См. также *Hanslik R.* Νισαῖον πεδῖον // *RE.* Bd 17. Sp. 712–713.

³⁸ Речь идет о статуе Гелиоса на запряженной конями колеснице, находившейся в Сиракузах, созданной скульптором Этионом (колесница с конями, как кажется, была бронзовой, а статуя Гелиоса – позолоченной, см. *Meineke A.* Kritische Blätter // *Philologus.* 1859. 14. S. 22–24). Г.А. Таронян, комментируя пассаж Плиния Старшего (XXXV. 36. 78), замечает, что одни считают скульптора Этиона, упоминаемого Феокритом (в восьмой эпиграмме – Пал. Ант. IV. 337) и Флегонтом, идентичным живописцу Этиону у Плиния, другие говорят, что были живописец и скульптор с таким именем (*Таронян Г.А.* Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве. М., 1994. С. 523). В тексте пророчества говорится, что лишь после того, как эти кони сойдут с пьедестала на землю, Рим подвергнется неисчислимым бедствиям и разрушениям (сткк. 1–8); вторая часть оракула представляет собой каталог уготованных Риму бедствий (сткк. 9–16). Однако невероятность главного условия оракула в стихах (чудесное сходжение скульптурной группы коней с пьедестала) невольно ставит под сомнение реализацию пророчества – гибель Рима (ср. стк. 8 τελεῖται). В данном случае использован поэтический оборот, аналогичный ответу афинян персам: «Пока солнце будет

Медные ясли им сделал, сковал их крепкою цепью,
Гиперионова сына³⁹ отлил он из чистого злата,
В светлом блеске лучей и с очами, сверкавшими ярко.
В день этот, Рим, на тебя обрушатся страшные беды:
Явится мощное войско и всю твою землю погубит:
Площадь твоя опустеет, огонь города уничтожит,
Кровь переполнит потоки, затопит недра земные.
Горького мрачного рабства судьбу ты в тот день испытаешь.
И после битвы не встретит жена победителя-мужа;
Только подземный угрюмый Аид в свое черное царство
Примет погибших отцов и малых детей с матерями.
Тот, кто останется жив, чужеземцам станет слугою.

(12) Сказав это, Публий умолк. Потом, выбежав из лагеря, он взобрался на дерево. Когда он увидел, что множество людей идет за ним, он подозвал их к себе и сказал: «Мне, римские мужи и прочие воины, суждено сегодня умереть – рыжий⁴⁰ волк растерзает меня; а вы поверите, что все предсказанное мною сбудется, – и появление этого зверя и моя гибель докажут, что я по божественному внушению сказал вам правду». Кончив эту речь, он велел всем отойти в сторону и не препятствовать волку подойти к нему: если они прогонят волка, им самим придется худо; (13) толпа повиновалась его словам, и через малое время появился волк. Публий, увидев его, сошел с дерева, упал навзничь, и волк загрыз и растерзал его на глазах у всех и, пожравши все его тело, кроме головы, убежал в горы. (14) Когда все бросились к останкам и хотели поднять их с земли и похоронить, как подобает, голова, лежащая на земле, изрекла такие стихи⁴¹:

Не прикасайтесь к моей голове! Закон воспрещает
Тем, кто навлек на себя проклятье могучей Афины,
К этой священной главе прикасаться. Не двигайтесь с места!
Слушайте мои предсказанья! Вы истины слово услышите,
Этой землей владеет Арес беспощадный и мощный,
Многих бойцов он пошлет в Аида черную бездну,
Башни из камня низвергнет, разрушит длинные стены⁴²,
Наши богатства и наших супруг и детей неповинных
Схватит и в Азию всех увезет через волны морские.
Все это Феб Аполлон вам предрекает неложно.
Мощного вестника он за мною послал и уводит
Ныне в жилища блаженных меня, где царит Персефона.

ходить своим прежним путем, никогда мы не примиримся с Ксерксом» (*Геродот*. VIII. 143, пер. Г.А. Стратановского) или вергилиевскому: «Ранее станут пастись легконогие в море олени, чем...» (*Верг*. Эклог. I. 59 сл., пер. С.В. Шервинского).

³⁹ То есть Гелиоса, сына титанов Гипериона и Фейи, брата Селены и Эос (*Гесиод*. Теог. 371–374). «Всевидающего» Гелиоса призывают в свидетели и мстители (*Эсх*. Пром. 91; *Соф*. Электра, 825); сам Гелиос и его потомство близки ттоническим силам; в римский период отождествлялся с Аполлоном (*Юлиан*. К царю Солнцу; *Макробий*. Сатурналии. I. 17).

⁴⁰ Как правило, символика рыжего (красного) цвета обычно ассоциировалась со смертью (подробнее о цветовой классификации в архаических культурах см. *Тэрнер В*. Символ и ритуал. М., 1983. С. 90 сл.).

⁴¹ Подобно «ожившей голове» в фр. 2 мертвая голова Публия обращается к людям с тем, чтобы они не сжигали ее, поскольку она вещает оракул Аполлона (ср. стк. 10: «все это Феб Аполлон вам предрекает неложно»).

⁴² Неясное место. Несмотря на то, что голова Публия пророчествует в Навпакте (Этолия), упоминание о «длинных стенах» (τέλχεα μακρά) указывает на Афины.

(15) Все слышавшие это немало были поражены. Воздвигнув на этом месте храм Аполлону Ликейскому («Волчьему»)⁴³ и поставив жертвенник там, где лежала голова, они поднялись на корабли и отплыли – каждый к себе на родину. И сбылось все, что предсказал Публий.

(Продолжение следует)

НАШИ АВТОРЫ – ЛАУРЕАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ РФ

Редколлегия и редакция журнала, Российская ассоциация антиковедов сердечно поздравляют Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, Ю.Н. Литвиненко и И.В. Тункину с присуждением им Государственной премии РФ в области науки и техники за 2000 год за книгу «Скифский роман» (М.: РОССПЭН, 1997).

⁴³ Отождествление бога Аполлона с рыжим волком, который в данном случае выступает в роли прислужника божества. Териоморфизм хтонического Аполлона мог проявляться также в его связи с вороном, лебедем, мышью, бараном. Эпитет Ликейский («Волчий») указывает на Аполлона как на волка-убийцу (*Павс. Х. 14.7*), демона смерти и освященных ритуалом человеческих жертвоприношений. Об Аполлоне Ликейском (Дидимском) см. также *Руслева А.С. Милет–Дидимы–Борисфен–Ольвия. Проблемы колонизации Нижнего Побужья // ВДИ. 1986. № 2.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АИБ – Археология и история Боспора
АМА – Античный мир и археология
АП – Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВВ – Византийский временник
ВИ – Вопросы истории
ВЛГУ – Вестник Ленинградского государственного университета
ГИМ – Государственный Исторический музей
ГМИИ – Государственный Музей изобразительных искусств
ЗОО – Записки Одесского археологического общества
ИА НАНУ – Институт археологии Национальной Академии наук Украины
ИАДК – История и археология древнего Крыма
ИАК – Известия Археологической Комиссии
ИКОГО – Известия Крымского отделения Географического общества СССР
ИТОИАЭ – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСОГАМ – Краткие сообщения Одесского государственного археологического музея
МАИЭТ – Материалы по археологии истории и этнографии Таврии
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
МНМ – Мифы народов мира. Т. I–II. Москва, 1982
НАП – Нумизматика античного Причерноморья
НСф – Нумизматика и сфрагистика
НЭ – Нумизматика и эпиграфика
НЭПХ – *Соломоник Э.И.* Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1968–1973
ПАВ – Петербургский археологический вестник
РА – Российская археология
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сообщения Государственного Эрмитажа
СХМ – Сообщения Херсонесского музея
ÄA – *Ägyptologische Abhandlungen.* Wiesbaden
AARC – *Atti dell' Accademia romanistica Constantiniana*
AE – *Année Epigraphique.* Paris
AK – *Antike Kunst*
AT – *Wiseman D.J.* The Alalakh Tablets. L., 1953
BCH – *Bulletin de correspondance hellénique*
BIN – *Babylonian Inscriptions.* London
BJ – *Bonner Jahrbücher*
BZ – *Byzantinische Zeitschrift*
BÄBA – *Beiträge zur ägyptischen Bauforschung und Altertumskunde.* Zürich – Le Caire – Wiesbaden
CAD – *The Assyrian Dictionary.* Chicago
CAH – *The Cambridge Ancient History*
CIL – *Corpus inscriptionum Latinarum*
CIQ – *Classical Quaterly*
CIAnt – *Classical Antiquity*
DOP – *Dumbarton Oaks Papers.* New York
EA – *Knudson J.A.* Die El-Amarna Tafeln. I–II. Leipzig, 1915; *Mercer S.A.* The Tell-Amarna Tablets. I. Toronto, 1939
F – *Fontenrose J.* Catalogue of Delphic Responses // *Fontenrose J.* The Delphic Oracle: Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley – Los Angeles, 1978. P. 240–416 (H – Historical Responses; Q – Quasi-Historical Responses; L – Legendary Responses; F – Fictional Responses)
FGrH – *F. Jacoby.* Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin – Leiden, 1923 –
FIRA – *Fontes iuris Romani anteiustiniani.* Ed. S. Riccobono. Firenze, 1939–1942
GM – *Göttinger Miszellen.* Göttingen
GRBS – *Greek, Roman and Byzantine Studies*

HThR – Harvard Theological Review. Cambr. (Mass.)
 IEJ – Israel Exploration Journal. Jerusalem
 IG – Inscriptiones Graecae
 ILS – *Dessau H.* Inscriptiones Latinae selectae. Berlin, 1892–1916 (2 ed. 1954–1955; 1962)
 IOSPE, I² – *Latyschev B.* Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae
 IA – Iranica antiqua
 JAOS – Journal of American Oriental Studies. New York
 JEA – The Journal of Egyptian archaeology. London
 JEOL – Jaarbericht van het Voorasiatisch-Egyptisch genootschap «ex Oriente Lux». Leiden
 Les Lettres - Les Lettres d'El-Amarna. Paris, 1987
 LÄ – Lexikon der Ägyptologie. Bd 7. Wiesbaden, 1975–1987
 MAL – Atti dell' Accademia Nazionale dei Lincei, Memorie. Classe di scienze morali, storiche e filologiche. Roma
 MAMA – Monumenta Asiae Minoris antiquae
 MDAIK – Mitteilungen des Deutschen Instituts für ägyptische Altertumskunde in Kairo. Mainz
 MEFRA – Mélanges de l'Ecole Française de Rome. Antiquité. Paris – Rome
 ML – *Meiggs R., Lewis D.* A Selection of Greek Historical Inscriptions. Oxf., 1969
 MM – Metropolitan Museum
 MÄS – Münchner Ägyptologische Studien. München – Berlin
 P–W – *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. V. II. The Oracular Responses. Oxf., 1956
 PN – Proper Name
 RA – Rheinischer Archiv
 RE – Pauly's Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung, begonnen von *G. Wissowa*.
 Stuttgart, 1893–1972
 RGDA – Res Gestae Divi Augusti
 RhM – Rheinisches Museum. Frankfurt
 RIDA – Revue internationale des droits de l'antiquité. Bruxelles
 RLA – Reallexicon der Assyriologie. Berlin, 1928–
 SAK – Studien zur Altägyptischen Kultur. Hamburg
 SDHI – Studia e Documenta Historiae et Iuris. Roma
 SHA – Scriptores Historiae Augustae
 TAPA – Transactions of American Philological Association. Atlanta
 VA – Varia Aegyptica. San Antonio
 ZSS – Zeitschrift der Savigny-Stiftung
 ZÄS – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde

ИСПРАВЛЕНИЯ

ВДИ. 2001 г. № 1.

- С. 241. 14-я стк. сверху. Следует читать: «...армении Васака и Арбела».
 С. 241. Прим. 26. Следует читать: «Секундин...»

ВДИ. 2001 г. № 2.

- С. 247. Стк. 8 снизу. Вместо «новый» следует читать «ветхий».

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Немировский А.А.</i> (Москва) – Соправительство наследников Суттарны II в Митанни (К реинтерпретации некоторых писем Амарны).....	3
<i>Кулишова О.В.</i> (Санкт-Петербург) – Дельфийский оракул в греко-персидском конфликте.....	17
<i>Смышляев А.Л.</i> (Москва) – Няня-кормилица в суде римского наместника.....	36

ПУБЛИКАЦИИ

<i>Фролова Н.А.</i> (Москва), <i>Куликов А.В.</i> (Керчь), <i>Смекалова Т.Н.</i> (Санкт-Петербург) – Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 г.	59
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Эллинизм: политическая практика и культурные традиции

<i>Пуздровский А.Е.</i> (Симферополь) – Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э.....	86
---	----

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Козырева Н.В.</i> (Санкт-Петербург) – Амореи в городах Исин и Эшнунна.....	119
<i>Лордкипанидзе О.Д.</i> (Тбилиси) – О первом упоминании города Фасиса в письменных источниках.....	123
<i>Каковкин А.Я.</i> (Санкт-Петербург) – Герои трагедий Еврипида на коптских тканях.....	128
<i>Литвиненко Ю.Н.</i> (Москва) – Египетские путешествия М.И. Ростовцева.....	140

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Бонгард-Левин Г.М.</i> (Москва) – Вяч. Иванов: «Я пошел к немцам за настоящей наукой» (I. Вяч. Иванов в Риме: Германский Археологический институт. II. Вяч. Иванов и Т. Моммзен).....	150
--	-----

В МУЗЕЙНЫХ СОБРАНИЯХ МИРА

<i>Банерджи А.</i> (Дели) – Коллекция Аурела Стейна в Национальном музее Индии, Нью-Дели.....	185
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Карнюк С.Г.</i> (Москва) – Л.П. Маринович, Г.А. Кошеленко. Судьба Парфенона. М., 2000.....	197
<i>Махлаюк А.В.</i> (Нижний Новгород) – А.В. Колобов. Римские легионы вне полей сражений (Эпоха ранней Империи). Учебн. пособие по спецкурсу. Пермь, 1999.....	198
<i>Сильвестрова Е.В.</i> (Москва) – G. V a g o n e - A d e s i. Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano. V. I. I corpora degli iura tardoimperiali. Torino, 1998.....	207
<i>Трубинов Ю.В.</i> (Санкт-Петербург) – Scoptica Hermitagiana. Сборник материалов к 100-летию коптской коллекции Эрмитажа. СПб., 2000.....	210

PERSONALIA

К 60-летию Дмитрия Сергеевича Раевского.....	212
	237

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Антонов В.В.* (Нижний Новгород) – VII научные чтения памяти профессора Н.П. Соколова в Нижегородском государственном университете (27–28 октября 2000 г.) 214
- Берзина С.Я.* (Москва) – Египетская выставка в Государственном музее Востока (Москва, декабрь 2000 г. – март 2001 г.)..... 217

ПРИЛОЖЕНИЕ

- Флегонт из Тралл. Удивительные истории. Перевод с древнегреческого *М.Е. Грабарь-Пассек, М.Л. Гаспарова, В.Н. Илюшечкина.* Вступительная статья и комментарии *В.Н. Илюшечкина* (Москва) 219

CONTENTS

<i>A.A. Nemirovsky</i> (Moscow) – Coregency of Successors of Šuttarna II in Mitanni.....	3
<i>O.V. Kuleshova</i> (St.-Petersbourg) – The Oracle of Delphi in Greco-Persian Conflict	17
<i>A.L. Smyshlyayev</i> (Moscow) – Wet-nurse at the Court of a Roman Governor.....	36

PUBLICATIONS

<i>N.A. Frolova</i> (Moscow), <i>A.V. Kulikov</i> (Kerch), <i>T.N. Smekalova</i> (St.-Petersbourg) – A Hoard of Bosporan Copper Coins (1st – 4th c. AD) Found at Kerch in 1995.....	59
---	----

DISCUSSIONS

Hellenism: Political Practice and Cultural Traditions

<i>A.Ye. Puzdrovsky</i> (Simferopol) – Sketches on Political History of the Crimean Scythia in the 2nd c. BC – 3rd c. AD.....	86
---	----

REPORTS AND COMMUNICATIONS

<i>N.V. Kozyreva</i> (St.-Petersbourg) – Amorites in the Cities of Isin and Eshnunna.....	119
<i>O.D. Lordkipanidze</i> (Tbilisi) – On the First Mention of the City of Phasis in Written Sources.....	123
<i>A.Ya. Kakovkin</i> (St.-Petersbourg) – The Heroes of Euripides on Coptic Textiles	128
<i>Yu.N. Litvinenko</i> (Moscow) – M.I. Rostovtzeff's Journeys to Egypt.....	140

PAGES OF HISTORIOGRAPHY

<i>G.M. Bongard-Levin</i> (Moscow) – V. Ivanov: «I Went to the Germans in Search for True Scholarship» (I. V. Ivanov in Rome: German Archaeological Institute. II. V. Ivanov and Th. Mommsen).....	150
--	-----

IN WORLD MUSEUMS

<i>A. Banerji</i> (Delhi) – The Stein Collection in the National Museum, New Delhi.....	185
---	-----

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHICAL SURVEYS

<i>S.G. Karpyuk</i> (Moscow) – L.P. M a r i n o v i c h, G.A. K o s h e l e n k o. Sudba Parfenona. M., 2000.....	197
<i>A.V. Makhlayuk</i> (Nizhnii Novgorod) – A.V. K o l o b o v. Rimskie legiony vne polej srazhenij (Epokha rannej Imperii). Uchebnoe posobie po spetskursu. Perm, 1999.....	198
<i>Ye.V. Silvestrova</i> (Moscow) – G. B a r o n e - A d e s i. Ricerche sui corpora normativi dell'impero romano. V.I. I corpora degli iura tardoimperiali. Torino, 1998.....	207
<i>Yu.V. Trubinov</i> (St.-Petersbourg) – <i>Coptica Hermitagiana</i> . Sbornik materialov k 100-letiyu koptskoj kollektzii Ermitazha. SPb., 2000.....	210

PERSONALIA

The 60th Birthday of D.S. Raevsky.....	212
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

<i>V.V. Antonov</i> (Nizhnij Novgorod) – VII Conference for Prof. N.P. Sokolov in Nizhnij Novgorod State University (27–28 October 2000).....	214
	239

<i>S.Ya. Berzina</i> (Moscow) – Egyptian Exhibition in the State Museum of the Orient (Moscow, December 2000 – March 2001).....	217
---	-----

SUPPLEMENT

Phlegontis De Mirabilibus. Translation by <i>M.Ye. Grabar-Passek, M.L. Gasparov, V.N. Ilyushechkin</i> . Introduction and Commentary by <i>V.N. Ilyushechkin</i> (Moscow).....	219
--	-----

Технический редактор *Н.Н. Беляева*

Сдано в набор 17.05.2001 Подписано к печати 09.07.2001 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Печать офсетная Усл.печ.л. 19,5 + 4 вкл. Усл.кр.-отт. 21,4 тыс. Уч. изд.л. 23,8 Бум.л. 7,5
Тираж 1085 экз. Зак. 2397

Свидетельство о регистрации № 0110170 от 4 февраля 1993 г.
в Министерстве печати и информации Российской Федерации

Учредители: Российская академия наук, Отделение истории РАН, Институт всеобщей истории РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 117334, Москва, Ленинский проспект, 32А
Институт всеобщей истории РАН. Тел.: 938-56-28; 938-19-12

Отпечатано в ППП "Типография "Наука" 121099, Москва, Шубинский пер., 6
Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции ОК-005-93,
том 2; 952000 – журналы

Глубокоуважаемые читатели!

Ученым, специалистам, преподавателям вузов, аспирантам и студентам великим подспорьем в труде всегда служили и будут служить научные статьи и книги. Помочь им, а также работникам библиотек правильно и оперативно ориентироваться в издательских проектах призван журнал “Научная книга”, с 1998 г. выпускаемый четыре раза в год издательством “Наука”.

Журнал “Научная книга”:

- это достоверный источник информации о сегодняшнем дне российской науки;
- это оперативные и надежные сведения “из первых рук” о публикациях отечественных ученых и специалистов;
- это верный компас в море общеакадемических, региональных и институтских издательских проектов.

Журнал “Научная книга”:

- это профессиональная трибуна издателей, полиграфистов, распространителей научной книги;
- это интересные, часто уникальные материалы из истории издательской деятельности как Российской академии наук, так и книгоиздания страны, а также по актуальным проблемам книговедения;
- это самые последние официальные материалы и нормативные документы, регламентирующие профессиональную деятельность российских издателей, полиграфистов, книгораспространителей.

Журнал “Научная книга”:

- это увлекательный рассказ о рождении и жизни научной книги на всех этапах ее развития: от “чернилницы” автора до полки книжного магазина, библиотеки и до рук ученого, специалиста, любителя научной книги;
- это самая свежая информация о состоявшихся в стране и за рубежом книжных и полиграфических выставках, ярмарках, о презентациях новых интересных изданий;
- это своеобразная “путеводная звезда” в мире научной литературы для ученых, специалистов и всех книголюбов.

Журнал можно выписать по Объединенному каталогу “Пресса России”, т. 1, индекс 26099. Возможно также оформление подписки непосредственно в издательстве “Наука”, тел. (095) 334-74-50.

Отдельные номера журнала можно приобрести в фирме “Наука-Инициатива”, тел. (095) 334-98-59, а также в редакции (117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90, к. 327, тел./факс (095) 334-75-21).

«НАУКА»